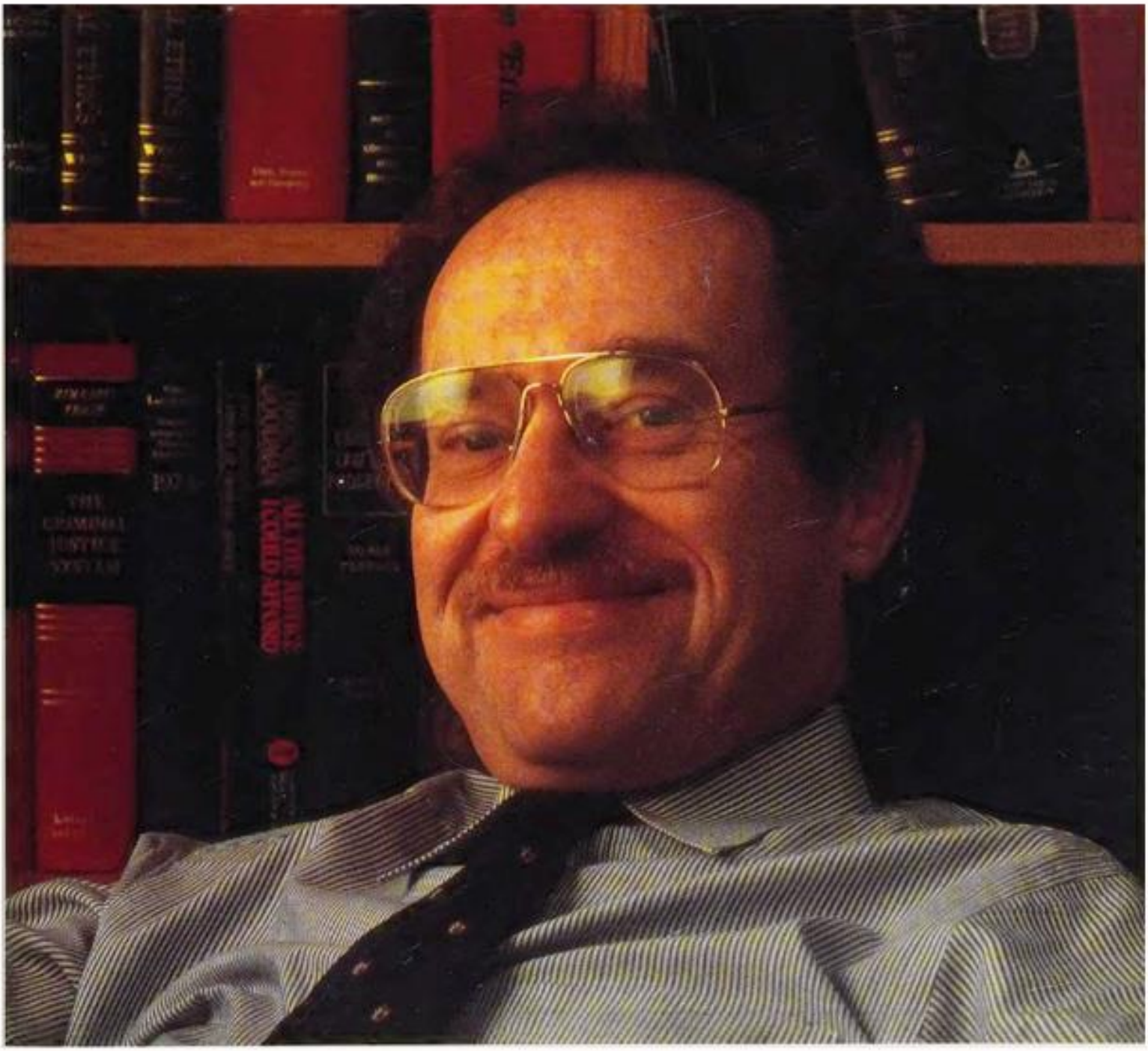
ХУЦПА



Алан Дершовиц

ХУЦПА

АЛАН ДЕРШОВИЦ

© 1991 Алан М. Дершовиц

Перевод и редакция: DJSI, 2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ХУЦПА
Смелый призыв к новому отношению к американским евреям 3
Благодарности 4
Похвала книге «ХУЦПА» 5
Введение 6
1. Польский еврей приезжает в Америку
Еврейский век американской жизни 19
2. Покидая Бруклин
Изучение антисемитизма в реальном мире 29
3. В Гарварде
Квоты, конфликты и почести 50
4. Выход на телевидение
Распространенность антиеврейских настроений 73
5. Освенцим
Холокост, справедливость и вера 100
6. Посещение синагог по всему миру
Изучение различных значений еврейства 139
7. Израиль
Американский еврейский активист, борец за гражданские свободы, посетил Израиль 160
8. В Советском Союзе
Должны ли мы быть хранителями своих братьев и сестер? 191
9. В тюрьме Марион
Дело Полларда и кризис в американском еврейском лидерстве 216
10. Евреи в "христианской Америке"
Разделение церкви и государства 238
Эпилог
Прошлое и будущее 261

Кэролин, которая вдохновила меня
написать эту книгу с первого дня нашей встречи

ХУЦПА

Смелый призыв к новому отношению к американским евреям

Известный профессор права, известный адвокат апелляционной инстанции, колумнист и комментатор, ведущий защитник прав личности в стране, пламенный оратор, автор бестселлеров «Лучшая защита» и «Поворот судьбы» — Алан М. Дершовиц играет множество ролей. Он также признан одним из самых блестящих юристов страны — и свободно говорит на разных языках. В книге «Хуцпа» Дершовиц объединяет мысли и действия всей своей жизни, представляя захватывающее и провокационное размышление о своём поколении евреев в Америке: об изменениях, свидетелями которых они стали, об изменениях, которые они создали, и об изменениях, которые ещё предстоит пережить.

Хуцпа, говорит Дершовиц — это «смелость, напористость, готовность требовать должного, бросать вызов традициям, оспаривать авторитеты, удивляться». Оценивая свой жизненный опыт, конкретные случаи и исторические причины, он пускает в ход всю наглость, которой он славится, заново исследуя такие важнейшие вопросы, как антисемитизм (который он называет иудеопатией), ассимиляция, Холокост, сионизм, движение за гражданские права, поляризация правых и левых в Америке, место евреев в Советском Союзе, меняющееся положение дел в Восточной Европе и потрясения на Ближнем Востоке (вплоть до недавней войны в Персидском заливе), а также то, что принесет — и должно принести — будущее. Исследование Аланом ролей и идентичностей евреев во всем мире, которое начинается с поиска ответов на вопросы о его собственной идентичности как «полувекового американского еврея, живущего на закате двадцатого века», в конечном итоге уводит его в такие далекие края, как современный Освенцим, Египет, Израиль и Советский Союз, и в такие близкие к дому места, как Бруклин, Гарвард, тюрьма Мэрион, американское телевидение и его собственный почтовый ящик. Его проницательные выводы наверняка удивят и расстроят вас.

Но «Хуцпа» — это ещё и личная история о том, как он рос ортодоксальным евреем в Бруклине, где Алан и ещё семь «парней из Боро-Парка» стали друзьями на всю жизнь. Речь идёт о юридическом факультете Йельского университета, о дискриминации в крупных юридических фирмах Уолл-стрит и о том, что значит быть «первым евреем в Гарварде» и представлять интересы таких известных клиентов, как Клаус фон Бюлов, Джонатан Поллард, Леона Хелмсли, раввин Меир Кахане, Джеффри Макдональд, Джим Баккер и Натан Щаранский.

Откровенные взгляды Алана Дершовица и его нежелание следовать линии какой-либо партии сделали его противоречивым — и уважаемым — представителем нашего времени. «Хуцпа» суждено стать самой обсуждаемой книгой о борьбе за права евреев в Америке и во всем мире.

Благодарности

НАПИСАНИЕ ЭТОЙ КНИГИ стало поистине экуменическим опытом. Исследования были сделанны Розеллой Оливер, Норманом Эйзеном, Энн Голья и Клаудией Марбах. Мои коллеги-юристы Джек Заремски и Джозеф Липнер оказали неоценимую помощь, выступая одновременно и участниками, и исследователями некоторых событий, описанных в книге. Рукопись был Напечатала Маурой Келли, а публикацию рукописи контролировала мой секретарь Пегги Конант. Без помощи и поддержки моего литературного агента Хелен Риз и моего редактора в издательстве Little, Brown Фредерики С. Фридман это было бы невозможно. Также выражаю благодарность Пегги Лейт Андерсон за помощь в редактировании.

Джамин, племянник Адам, племянница Рана, брат Натан и невестка Мэрилин прочитали и прокомментировали несколько глав. Особая благодарность Илону за его ценные советы. Моя мама тоже прочитала те отрывки, которые я был готов ей показать. Моя маленькая дочь Элла не давала мне спать по ночам и вдохновляла меня размышлять о будущем евреев.

Слова признательности адресованы также моим слушателям лекций по всей стране, особенно тем, кто задавал насущные вопросы, на которые эта книга пытается ответить.

Наконец, глубокая признательность моим еврейским наставникам и образцам для подражания, которые показали мне — своим примером — как жить, будучи гордым американским евреем.

Похвала книге «ХУЦПА»

«Алан Дершовиц — активный защитник гражданских свобод, и его послание американским евреям заключается в том, что гражданство второго сорта нетерпимо. Его разум проницателен и быстр, и его аргументы весомы. Это смелая и важная книга».

Саул Беллоу

«Хуцпа» — это поучительное, трогательное и сложное размышление, которое обязательно нужно прочитать, чтобы понять необыкновенную страсть Алана Дершовица к справедливости и его преданность гуманитарным и еврейским делам, им сделанным. То же самое касается и стольких жертв несправедливых правил и репрессивных систем. Нужна смелость, чтобы противостоять власти и осуждать самодовольство, и у Алана она есть, слава Богу».

Эли Визель

«Когда дело доходит до использования дерзости для помощи другим, мало кто столь же эффективен, как Алан Дершовиц. Вот почему его увлекательную книгу должны прочитать три группы людей: те, кто считает, что евреям нужно больше дерзости; те, кто считает, что евреям нужно меньше дерзости; и те, кто ещё не определился».

Натан Щаранский

«Самое красноречивое и убедительное обоснование прав и обязанностей еврейского народа. Обязательно к прочтению всем, кого волнуют права человека ».

Ирвин Котье

«Эта книга о том, как быть евреем, не испытывая ни стыда, ни извинений. Она о высказывании своего мнения, не задумываясь предварительно о том, кто может тебя подслушать. Это о том, как противостоять антисемитизму и заниженной самооценке, о том, как выйти из тени. Я думаю, это очень важная книга».

Дэвид Мамет

Введение

АМЕРИКАНСКИМ ЕВРЕЯМ нужно больше наглости. Вопреки стереотипам, мы недостаточно настойчивы и напористы ради собственного блага и блага наших более уязвимых братьев и сестёр в других частях света. Несмотря на наш кажущийся успех, в глубине души мы считаем себя гражданами второго сорта — гостями на чужой земле. Нас беспокоят обвинения в двойной лояльности, в том, что мы слишком богаты, слишком умны и слишком могущественны. Наши осторожные лидеры одержимы тем, что подумают о нас «настоящие» американцы. Мы не ценим свой вклад в величие этой страны и не признаём своего права на первоклассный статус в этой многообразной и неоднородной демократии.

По мере приближения к завершению самого катастрофического столетия в еврейской истории — столетия, которое стало свидетелем гибели европейского еврейства, рождения Израиля и продолжающегося переселения мирового еврейства в Соединенные Штаты и Израиль, — настало время для серьёзной переоценки положения евреев в Америке и в мире. Цель этой книги — внести свой вклад в эту переоценку, поставив ряд сложных вопросов и попытавшись ответить на них, а также поделиться своей точкой зрения наблюдателя, а порой и участника недавних событий, которые повлияли на формирование современного еврейского опыта.

Список насущных вопросов практически бесконечен. Среди них: действительно ли американские евреи — полноправные граждане этой страны, в развитие которой мы внесли столь большой вклад? Или нам просто удалось добиться большей терпимости к евреям, чем другие «принимающие страны» на протяжении всей истории? Действительно ли возможно для евреев достичь нормальной жизни в «христианской стране», такой как Америка, или это возможно только в еврейском государстве Израиль?

Если мы — первоклассные американцы, то почему нас так волнует, что подумают о нас наши «хозяева»? Почему в Америке сохраняются антиеврейские настроения? Почему кажется столь маловероятным, что в нашей стране будет президент-еврей? Почему даже сегодня квалифицированному еврею сложнее получить определённые должности и поступить в некоторые университеты, чем равноценному нееврею?

Если мы действительно граждане первого сорта, почему нас обвиняют в двойной лояльности, когда мы поддерживаем Израиль? И почему Израиль подвергается пристальному вниманию и критике с двойными стандартами, от него ожидают соблюдения уровня морали, не требуемого ни от кого другого? Может быть, потому, что Израиль — еврейская нация и еврей среди наций?

Изменили ли материальные успехи евреев в Америке, в сочетании с военными успехами евреев в Израиле, природу, пожалуй, самого стойкого проявления нетерпимости в истории? Сталкиваемся ли мы с новым штаммом старого вируса антисемитизма, отличным от средневекового антииудаизма, отличного от расового антисемитизма XIX и середины XX века, а также от политического антисионизма XX века? И как назвать это новое явление, которое мы пока не можем точно определить?

Должен ли народ, переживший геноцид, реагировать на тонкий фанатизм, который он ощущает, но не может чётко осознать? Может ли он позволить себе рискнуть навлечь на себя коллективную паранойю и опасность кричать: «волк»? Может ли он позволить себе не делать этого? Что готовит грядущий век народу, который боролся с тысячелетним угнетением, но теперь, кажется, добился относительного успеха, хотя и не полностью защищён?

Иногда мои «ответы» на эти вопросы — как в талмудической, так и в сократовской традиции — принимают форму ещё более неприятных вопросов. В других случаях я

предлагаю пробные ответы — свои собственные или других представителей моего поколения американских евреев.

Эта книга отражает мою обеспокоенность тем, что, несмотря на несомненный вклад евреев в историю американского успеха, мы, похоже, готовы принять статус ниже первоклассного. Мы всё ещё боимся оскорбить «настоящих» американцев — перед лицом реальности, что мы больше не гости в чужой Америке. Евреи по-прежнему считаются изгоями во многих других частях мира, а Израиль остаётся изгоем во многих странах третьего мира. Именно по этим причинам, среди прочего, американские евреи должны настаивать на первоклассном обращении с собой, как с американцами, так и с евреями. Мы не должны принимать статус второсортных американцев только потому, что мы евреи, а не протестанты или католики. И мы не должны принимать статус второсортных евреев только потому, что мы американцы, а не израильтяне. Нам не нужно идти на компромисс ни с нашим американизмом, ни с нашим еврейством. И никто другой не может определить за нас наш американизм или наше еврейство.

Прошедшее столетие принесло столько перемен, что, кажется, у нас не было возможности коллективно поразмыслить о том, где мы находимся и куда, вероятно, направляемся. Эта книга — призыв к такому размышлению на этом переломном этапе нашей истории. Это требование изменить наше собственное отношение к себе, отношение других к нам и наше отношение к другим. Это призыв взять под контроль свою судьбу, чтобы гарантировать, что перемены, которые мы испытаем в будущем, не будут отражением нашего прошлого.

Перемены были постоянным явлением на протяжении всей еврейской истории. Чуть более ста лет назад в Соединённых Штатах проживало мало евреев, а на территории современного Израиля — ещё меньше. Сегодня в этих двух странах проживает большинство евреев мира.

К концу XIX века еврейское население мира было сосредоточено в Восточной и Центральной Европе, а также в исламских странах Северной Африки и Азии, где оно проживало на протяжении тысячелетия. Полвека спустя всё изменилось. Европейское еврейство было уничтожено всего за пять лет. Создание Израиля привело большинство выживших европейцев, а также большинство сефардских евреев из исламских стран в новое еврейское государство. Сейчас большое количество советских евреев эмигрирует в Израиль и США в результате происходящих в коммунистических странах перемен, которые никто не мог предвидеть ещё два года назад.

Вечно «странствующий еврей» теперь обосновался в двух золотых мединах — золотых странах[1]. Возможно, мы наконец-то перестали скитаться. Возможно, нет. Кто знает, где будет еврейский мир к концу двадцать первого века? Кто знает, как он будет выглядеть через сто лет? В свете того, что произошло с нами всего за одно короткое столетие, только глупец попытается предсказать наше будущее.

Кто в XIX веке мог предвидеть фундаментальные изменения в характере еврейской демографии, иудаизма и еврейской повседневной жизни, которые нас

[1]Концепция «странствующего еврея» породила старый анекдот о польском еврее XIX века из Варшавы, который сообщает другу, что переезжает в Америку. Друг восклицает: «Но это же так далеко!» На что безродный еврей отвечает: «Откуда?»

Леонард Файн в своей замечательной книге «Где мы?» (Нью-Йорк: Harper & Row, 1988) приводит несколько более современную версию этой шутки. Файн пишет в своей книге преимущественно о том, что он называет «внутренней жизнью американских евреев». Хотя то, что я пишу в этой книге, в первую очередь касается нашей «внешней жизни» — наших действий, реакций, политических взглядов и страстей, — это отражает те же взгляды поколений, что и книга Файна. В конце концов, мы принадлежим примерно к одному поколению и разделяем примерно одни и те же политические взгляды. Хотя некоторые из наших вопросов схожи, многие наши ответы совершенно различны.

постигли? Кто мог представить себе в 1890 году, что вместо евреев, съежившихся от страха перед погромом, устраиваемым местными украинскими головорезами, возникнет еврейское государство с грозной военной машиной, способной победить объединённые армии всех арабских стран? Кто мог предсказать, что вместо того, чтобы быть исключёнными из крупных американских университетов, корпораций и юридических фирм, основанных протестантами, евреи будут избраны их президентами, генеральными директорами и управляющими партнёрами? Кто мог поверить нынешним темпам еврейских смешанных браков и ассимиляции, в сочетании с недавним ростом еврейской ортодоксальности и фундаментализма?

Сто лет назад венский журналист Теодор Герцль стремился к «нормальному» существованию еврейского народа посредством политического сионизма. История европейского еврейства, с его тысячелетним антисемитизмом, убедила его в том, что евреи никогда не будут приняты в европейское общество. Единственным решением была еврейская родина. Герцль считал, что антисемитизм будет препятствовать евреям везде и всегда, где бы они ни жили:

Еврейский вопрос существует везде, где евреи живут в заметном количестве: там, где его нет, его переносят евреи в процессе миграции. Мы, естественно, переезжаем туда, где нас не преследуют, и там наше присутствие порождает преследования. Так обстоит дело в каждой стране и будет продолжаться, даже в самых цивилизованных, например, во Франции, пока еврейский вопрос не найдет своего политического решения. Несчастные евреи уже несут семена антисемитизма в Англию; они уже посеяли его в Америке[2]*.*

Герцль утверждал, что евреи могут избежать вражды, только обрабатывая свою собственную землю, говоря на своем родном языке и собирая свой собственный мусор.

Теодор Герцль был прав насчёт Европы, но еврейский век американской истории, похоже, доказал неполноту его предписаний. Американские евреи добились некоторой степени нормальности. Хотя еврейская иммиграция конца XIX – начала XX веков и принесла в Америку семена антисемитизма, эти семена так и не проросли в ядовитую траву институционального фанатизма, характерную для многих европейских стран. Евреи добились необычайного успеха в Америке. Мы не растворились в чьём-то котле. Вместо этого мы перекроили этот котёл, чтобы приспособиться к нашим необычным размерам. В процессе этого мы тоже несколько изменили себя, чтобы вписаться в окружающую среду.

Некоторые израильские сионисты до сих пор самодовольно уверяют нас, что, хотя американские евреи, казалось бы, достигли нормальности, если копнуть глубже безмятежной поверхности нашей приемлемости, то станет очевидно, что мы — американцы второго сорта, равно как и евреи второго сорта. Когда в 1985 году Джонатан Джей Поллард, американский еврей, был пойман за шпионажем в пользу Израиля в США, это открытие вызвало шок в американской еврейской общине. Еврейские лидеры поспешили осудить Полларда и дистанцироваться от его действий. Обвинение в двойной лояльности — по крайней мере, в умах некоторых евреев — подняло свою уродливую голову.

Анализируя эту ситуацию, Шломо Авинери, профессор политологии в Еврейском университете в Иерусалиме, утверждает, что дело Полларда показало, насколько неуверенно себя чувствуют американские евреи.

В случае Полларда сейчас на поверхность выходит нечто более глубокое: определенная степень нервозности, неуверенности и даже раболепия со стороны

[2]Теодор Герцль, «Еврейское государство: попытка современного решения еврейского вопроса» (Нью-Йорк: Американский сионистский чрезвычайный совет, 1946), стр. 75.

американской еврейской общины, что противоречит общепринятому мнению об американском еврействе, чувствующем себя свободным, защищенным и нетронутым в открытом и плюралистическом обществе...

Но правда проста: вы, в Америке, ничем не отличаетесь от французских, немецких, польских, советских и египетских евреев. Ваше изгнание иное — комфортное, сытое успехом и славой. Тем не менее, это изгнание...

Америка, как теперь становится ясно, может оказаться не вашей обетованной землей[3].

При всём уважении, профессор Авинери неверно понимает Америку. Мы нервны, неуверенны в себе и «даже раболепствуем». Но мы также отличаемся от французских, немецких, польских, советских и египетских евреев. Источник их нервозности, неуверенности и раболепия был в основном внешним. Они действительно были гражданами второго сорта, гостями в чужой стране. Источник нашей нервозности в основном внутренний. Мы можем считать себя гостями в Америке, и некоторые фанатики могут пытаться навязать нам этот статус, но реальность иная.

Основная идея этой книги заключается в том, что спустя столетие после прибытия значительного количества евреев на берега Америки, пришло время нам избавиться от навязанного нами самими статуса второсортных людей, отказаться от защитной реакции и избавиться от патологического страха оскорбить наших «хозяев». Мы должны вычеркнуть из своего лексикона оскорбительное понятие «шанда фюр де гоим» — стыд перед неевреями[4].

Америка – это нечто иное. Она не является изначальной собственностью какой-либо конкретной этнической или религиозной группы. Американский национализм совсем не похож на русский, польский, французский или немецкий национализм. К сожалению, коренных американцев – потомков коренных американцев, которых мы истребили и поработили, – очень мало. Остальные из нас – иммигранты; новизна нашего прибытия сюда – лишь вопрос степени, и она становится всё более значимой с течением поколений. Именно поэтому Статуя Свободы и остров Эллис – символы, столь же важные для американской истории, как Индепенденс-холл или поле битвы при Геттисберге. Поскольку Конституция США требует разделения церкви и государства, ни одна конкретная секта не получила статуса официальной американской веры. Таким образом, иудаизм так же аутентично американен, как протестантизм, католицизм или ислам. Мы не «христианская нация» и даже не «иудео-христианская нация». Мы также не англосаксонский народ и не белый народ. Большинство не определяет национальный характер, о чём свидетельствует очевидный факт: мы не женская нация, хотя большинство наших граждан — женщины. Мы — поистине многообразная нация иммигрантов, где все равны перед законом. Именно это отличает Америку для евреев.

Но евреи не всегда настаивали на том, что они такие же полноправные

[3] Шломо Авинери, «Письмо американскому другу: испорченный Птомисеф», Jerusalem Post, 10 марта 1987 г., стр. 10

[4]Концепция «шанда фур де гоим» свойственна не только ортодоксам. Основатель американского реформистского движения, раввин Исаак Майер Уайз, хотел очистить еврейские ритуалы от «всего, что делает нас смешными перед миром». Джерольд Ауэрбах, «Раввины и юристы: путь от Торы к Конституции» (Блумингтон: Indiana University Press, 1990), стр. 78.
Чарльз Зильберман в своем замечательном и вызвавшем споры сборнике статей о еврейской жизни в Америке «Некоторые люди: американские евреи и их жизнь сегодня» (Нью-Йорк: Summit Books, 1985) описывает, по сути, то же самое явление под рубрикой еврейской одержимости «быть хорошим» (стр. 30). Во время печально известного процесса по делу «Чикагской семерки» в 1968–1970 годах ответчик Эбби Хоффман неоднократно называл судью Джулиуса Хоффмана, который не был его родственником, но также был евреем, «шанда фур де гоим».

американцы, как потомки «Мэйфлауэра» или «Дочери Американской революции». Мы словно повторяем слова европейских евреев, процитированные Герцлем: «Мы зависим от народов, которые нас принимают, и если бы не было хозяев, которые нас поддерживают, мы бы умерли с голоду». Слишком часто мы ведём себя так, словно нас вполне устраивает, что нас терпят. Слишком часто, как отмечает профессор Авинери, мы, кажется, боимся, что если мы не угодим нашим хозяевам, они попросят нас покинуть их страну[5].

Это не должно вызывать удивления, учитывая наш тысячелетний опыт свободного владения чужой землей, когда мы жили в других странах с попустительства настоящих владельцев этой земли. На протяжении веков нас изгоняли, подвергали погромам, крестовым походам, инквизиции, джихаду и холокосту из стран, которые мы помогли сделать великими.

Даже если наши опасения понятны в свете нашего многовекового коллективного опыта и ошибочных представлений некоторых, считающих себя «хозяевами», эти опасения не служат нам на пользу, когда мы вступаем во второй век еврейского присутствия в Америке. Так же, как мы больше не приемлем исключения из юридических, медицинских, банковских и других профессий — исключения, которое предыдущие поколения принимали как должное, — мы больше не должны принимать как неизбежность то, что все американские президенты должны быть христианами, что ведущие новостей на телеканалах не могут «выглядеть как евреи» или что всегда будут существовать ограничения на долю евреев в наших великих университетах, судах и корпорациях.

Нет ничего, чего евреи не могли бы достичь в Америке, если только мы не решим не стремиться к этому. Это не значит, что не существует внешнего антисемитизма, направленного против евреев. Более того, именно из-за нашей долгой истории притеснений со стороны других, многие евреи, особенно те, кто жил в 1930-е и 1940-е годы, воздерживаются от настойчивых требований равенства. Они боятся раскачивать лодку — лодку, владелец которой, как они опасаются, может попросить их сойти на берег. Характерная история того поколения — история двух русских евреев, приговоренных царем к смерти. Когда они стояли перед расстрельной командой в ожидании неминуемой казни, им предложили повязки на глаза. Первый еврей мужественно отказался от повязки. Второй еврей повернулся к первому и взмолился: «Пожалуйста, возьми повязку. Не создавай проблем».

Мы находимся на перепутье поколений. Евреи, пионеры Америки – наше первое поколение иммигрантов – действительно были гостями на чужой земле. Им нужно было доказать свою ценность, и они сделали это, превзойдя самые смелые ожидания. Последующие поколения, пережившие антииммигрантский фанатизм, Великую депрессию и Холокост, по понятным причинам боялись требовать равенства. Они сформировали еврейское руководство, которое было осторожным, консервативным и в целом эффективным. Поколение, достигшее политической зрелости после создания Израиля и устранения большинства барьеров для экономической, образовательной, жилищной и социальной приемлемости евреев, тоже испытывало страх, но не так, как его предшественники. Оно боялось поставить под угрозу статус, которого так быстро

[5]Герцль, «Еврейское государство», стр. 73. Даже в Америке некоторые фанатики, которым следовало бы быть осмотрительнее, считали нас гостями. Профессор Талкотт Парсонс из Гарварда — один из самых выдающихся социологов США — писал в 1940-х годах, что одной из основных причин антисемитизма было «высокомерное утверждение, что группа, являющаяся в некотором смысле „гостями“ в христианской стране, претендует на более высокий статус, чем „хозяева“». Зильберман, «Определённые люди», стр. 56

добилось в эпоху после Второй мировой войны. Им было что терять, чтобы рисковать оскорбить «настоящий» истеблишмент.

Девизом прошлых поколений американских евреев была шанда — страх опозориться перед хозяевами. Девизом следующего поколения должна стать хуцпа — настойчивое стремление к первоклассному статусу среди сверстников.

Помимо призыва к переменам, эта книга описывает мой полувековой путь как еврея из рабочего бруклинского гетто, где я родился и вырос, в современный мир, в котором живёт моё поколение евреев и неевреев. Мы — поколение, выросшее после Холокоста и создания Израиля, пережившее движения за гражданские права и гендерное равенство, и наши представители борются со своей идентичностью как евреев, как американцев и как американцев еврейского происхождения.

Хотя книга и рассказывает о еврейском опыте и проблемах, она написана как для нееврейского, так и для еврейского читателя. Автор пытается понять и объяснить образ мышления моего поколения американских евреев, сопоставляя наши еврейские корни и опыт с нашими американскими корнями и опытом. Я не претендую на то, чтобы моя жизнь была типичной для моего поколения, но конфликты, о которых я пишу, характерны для тех, с которыми сталкивались многие мои современники.

Конечно, я надеюсь, что мой путь продлится еще много лет — меня устроит гораздо меньшее, чем библейские 120[6], — но эта середина века в моей жизни — подходящая точка для того, чтобы остановиться и подвести итоги.

Моё личное отношение к середине века также совпадает с окончанием первого еврейского века в истории Америки — столетия беспрецедентных еврейских достижений и значительного вклада в величие нашей страны как мирового лидера. Начало второго еврейского века Америки — подходящий повод для размышлений.

Моё еврейство – очень важная часть моей жизни. Хотя я живу и довольно активно участвую в светской жизни, моё еврейство всегда со мной, как осознанно, так и бессознательно. Оно не так, как религия направляет жизнь верующих и последователей ортодоксальных религий. Моё еврейство даёт мало однозначных правил веры или действия. Нет «Путеводителя для растерянных» или какой-либо другой книги, к которой я мог бы обратиться за ответами.

Иногда, особенно в юности, моё еврейство было наиболее очевидным, выступая в качестве власти, против которой я восставал. Порой моё еврейство и история преследований, которые оно представляло, служили источником моего гнева — того, что некоторые называли постоянной буллой на моём плече. Но чаще всего оно служило основой для моего «холокостного менталитета» — моей постоянной готовности к возможным преследованиям. Иногда это было источником опосредованной гордости, несмотря на моё убеждение, что никто не должен гордиться достижениями других — даже предков, — на которых он не имел никакого влияния.

Наконец, мое еврейство всегда со мной как напоминание о том, откуда я родом, и о том неоплатном долгу, в котором я нахожусь перед моими родителями, бабушками и дедушками, а также другими предшественниками, которые оставили мне не только наследие еврейства, но и наследие семейной преданности и близости.

Я не могу оставить своим потомкам наследие, сравнимое с ортодоксальной приверженностью еврейским традициям и обрядам, которое оставили мне мои предшественники. Хотя я не отказался от своего еврейства – отнюдь нет, – я также не продолжил традицию ежедневного соблюдения религиозных обрядов и полного

[6]Библейская продолжительность жизни в 120 лет породила историю о старике, который пожелал своему лучшему другу: «Ты должен прожить 120 лет и несколько недель». Когда друг спросил, зачем ему лишние несколько недель, доброжелатель ответил: «Не дай Бог тебе умереть в свой день рождения!»

погружения в истоки традиции. Иногда я сожалею, что не сделал этого. Если бы человек мог прожить несколько жизней, а затем сравнить их в конце пути, думаю, я бы выбрал ортодоксальную. Я часто размышлял о «неизбранной дороге», как называл её Роберт Фрост, особенно учитывая, что я был одним из первых в своей семье, кто выбрал путь, не пройденный моими предками.

Я выбрал более светский путь. Некоторые мои современники совмещали эти пути, оставаясь строго соблюдающими, но при этом вливаясь в американский мейнстрим, и добивались заметного успеха. Мне этот вариант был доступен, и я, действительно, следовал ему первую половину своей жизни. В моём поколении — в отличие от наших родителей — несложно приспособить свою профессиональную и личную жизнь к структурам ортодоксальных практик. Конечно, есть свои неудобства и жертвы. Но в нашей Америке никто не голодает только потому, что не работает в субботу и не ест некошерную пищу[7].

Я отказался от ритуала – или от той его части, от которой отказался – не из-за практических трудностей. Я изменился, потому что моё еврейство для меня одновременно и слишком важно, и недостаточно важно. Слишком важно в том смысле, что я не мог продолжать жить – и навязывать своим детям – практики, ритуалы и авторитеты, в которые я не верил активно. Эти повседневные действия стали настолько рутинными, что мне было неловко совершать их как часть религиозных убеждений. Мои религиозные наставники настоятельно рекомендовали мне продолжать совершать ритуалы, даже если они перестали иметь смысл.

Таков ортодоксальный путь: действуй, и это породит веру. (Предание гласит, что когда Бог даровал Тору евреям на горе Синай, евреи ответили: «Мы сделаем и послушаем». Таким образом, считается, что действие перед слушанием является частью традиции.)

Но принцип для меня так же важен, как и практика: это тоже часть моего еврейского наследия. И если я не мог поверить в принцип, лежащий в основе той или иной практики, мне было трудно воплощать её в жизнь.

Найдутся те, кто прочтет это и скажет: «Ага, ты настоящий невежда» — am haaretz, в несколько элитарном ивритском выражении (вольно переводимом как «человек почвы»). «Ты не понимаешь истинного принципа, лежащего в основе запретов». Я годами выслушивал подобное религиозное превосходство от моих учителей иврита. «Тебе нужно учиться всю жизнь», — увещевали они, — «прежде чем ты получишь право бросать вызов». Редактор ортодоксальной еврейской газеты выразился так: «Если ты не завершил изучение всего Талмуда (более 60 томов) и его многочисленных комментариев, ты не способен обсуждать нашу религию»[8].

Я помню, как с гордостью объявил учителю средней школы, что стал апикоросом. В идиоме иврита и идиша апикорос — еврейский вариант греческого термина, обозначающего последователя Эпикура — означает «неверующего» или «еретика». Мой учитель тут же осадил меня, ответив: «Ты недостаточно образован, чтобы быть апикоросом, ты просто невежда. Только после того, как ты изучишь Талмуд достаточно, чтобы тебя считали талмудическим хачемом (блестящим учеником), ты сможешь знать достаточно, чтобы выбрать стать апикоросом, — и к тому времени ты будешь знать достаточно, чтобы не выбирать этот путь неправедности». Довольно умно! Они

[7]Проблема одновременного проживания «внешней» светской жизни и «внутренней» религиозной жизни тонко отражена Германом Воуком в его замечательном романе «Внутри, снаружи» (Бостон: Little, Brown, 1985).

[8]Леонард Фейн, «Где мы? Внутренняя жизнь американских евреев» (Нью-Йорк: Harper and Row, 1988), стр. 47.

заставляют тебя учиться годами, и к тому времени, как ты будешь готов бросить вызов, ты уже посвятил себя системе.

Я всегда отвергал этот подход, независимо от того, пытались ли его применять преподаватели права, иврита или философии. Бремя доказательства лежит на тех, кто хочет, чтобы я вёл себя определённым образом. Конечно, я не имею в виду эмпирические доказательства. Принципиального аргумента будет вполне достаточно. Поэтому я делаю именно то, что ортодоксальные религии запрещают: я выбираю — надеюсь, на какой-то принципиальной основе — среди религиозных практик и отбираю те, которым хочу следовать. В конце концов, это моя религия, и я не понимаю, почему я не могу быть окончательным арбитром, когда дело касается её содержания. По крайней мере, в этом отношении мои взгляды схожи со взглядами многих представителей моего поколения, которые пытаются адаптировать традиционные религиозные ценности и практики к современному мировоззрению.

Отчасти именно потому, что я не могу оставить своим детям еврейское наследие, которое можно найти в существующей традиции — с ее литературной и устной традицией, насчитывающей тысячи лет, — мне захотелось написать книгу, документирующую мой путь как еврея.

Это путь, который прошли многие мужчины и женщины моего поколения. Подозреваю, что значительное число евреев и неевреев также разделяют подобные размышления и схожий опыт. Они борются с теми же конфликтами, загадками и противоречиями, с которыми столкнулся и я, с тех пор как сошел с пути Галахи, столь хорошо пройденного евреями до нас. Лишенные четко обозначенного альтернативного пути, или хотя бы компаса или дорожной карты, которые могли бы нас вести, мы нащупываем свой путь во тьме неизведанной местности.

Принимая во внимание чаяния и страхи любого исследовательского путешествия, я начинаю этот диалог между поколениями — и внутри моего поколения — с рассмотрения ряда повторяющихся образов, которые напоминают мне о противоречиях, с которыми приходится сталкиваться полувековому американскому еврею в конце двадцатого века.

Первое изображение – воображаемое. Я стою посреди Гарвардского двора. На одной стороне двора – тогдашний президент Гарвардского университета Дерек Бок. На другой – моя мать из Бруклина – грозная соперница любому президенту. Оба смотрят на меня со смесью гордости и неодобрения. Хотя оба смотрят на одного и того же меня, образы, которые они видят, совершенно разные. Президент Гарварда видит местечкового жида, еврея из маленькой деревни, в чёрном пальто с пейсами и молитвенной шалью. У меня изо рта пахнет селедкой, и когда я не пою идишскую песню, я говорю об Израиле с сильным акцентом и энергично жестикулирую.

Моя мать видит ассимилированную «Осу» в твидовом пиджаке с заплатками на локтях, в лоферах Docksider и с клюшкой для поло. Мама почти чувствует запах джина и вермута в моём дыхании и слышит, как я свистю — бабушка всегда говорила мне никогда не свистеть, потому что это считается гойским. Когда я говорю, я говорю как Джордж Плимптон, и мама не понимает ни слова из того, что я говорю.

Я убегаю от них обоих, чтобы посмотреть в зеркало. Я вижу мужчину средних лет, одетого чуть больше, чем нужно, как хиппи, с характерной для моего поколения неловкой нервозностью, которую прославил Вуди Аллен. Запах изо рта у меня, возможно, от бокала красного бордо – не такой сладкий, как «Манишевиц» моей юности, и далеко не такой сухой, как мартини моих коллег, – а туфли на ногах – «Рокпорты», купленные по бросовой цене в подвале Файленс. У меня дорогой, хотя и старенький BMW – я сказал матери, что это расшифровывается как British Motor Works, – но чайные пакетики я приберегаю для

второго или третьего использования. Я говорю быстро, используя множество бруклинизмов, изредка идишизмы и лёгкий бостонский налёт. Мама поправляет мои бруклинизмы и ругает меня каждый раз, когда я говорю «не могу» или «не».

Я знаю, что я не тот жид, каким меня видит Бок, и не та оса, какой я, по мнению моей матери, стал. Это я знаю точно. Что я на самом деле — и что представляют собой другие представители моего поколения с похожими конфликтами идентичности — это вопрос более сложный.

Следующий образ – это кошмар, который мне иногда снится. Раньше главным героем был доктор Йозеф Менгеле. Теперь это любой ненавистник евреев, от палестинского террориста Абу Нидаля до неонацистов и «Ивана Грозного» из Треблинки. Звонит телефон. Это Менгеле звонит из Парагвая: «Израильтяне вот-вот меня схватят, и я хочу, чтобы ты стал моим адвокатом». Я делаю паузу. Он продолжает: «Я думал, ты какой-то важный борец за гражданские права! Ты возьмёшься за моё дело или ты самый большой обманщик в мире?» Во сне я говорю ему прийти ко мне в кабинет на следующий день. Но я не решил, буду ли я представлять его интересы, сдам его властям или убью голыми руками.

Третье изображение – реальное событие – моя бабушка-иммигрантка сидит в гостиной моей матери в Бруклине и пытается отговорить покойного судью Верховного суда Артура Голдберга от участия в выборах губернатора Нью-Йорка. «Ты станешь громоотводом для антисемитизма. Во всём, что ты сделаешь неправильно, будут винить евреев. Ты такой еврей – не то что Леманы или Моргентаузы. Ты Артур Голдберг, один из Свидетелей Иеговы. Страна ещё не готова к губернатору Голдбергу». Я сидел там, смущённый старомодными взглядами моей бабушки.

Четвёртая часть представляет время, когда американская внешняя политика развернётся против Израиля, и само выживание Израиля окажется под угрозой. Как американец, я вижу себя противником нашей политики в отношении Израиля так же решительно, как и нашей политики во Вьетнаме. Но поскольку я еврей, мои мотивы подвергаются сомнению, когда я высказываюсь. Среди тех, кто возглавляет атаку на мою лояльность, есть и другие евреи — образ слишком размыт, чтобы я мог определить, принадлежат ли они к крайне правым или крайне левым, — которые опасаются, что противодействие таких евреев, как я, вызовет вопросы об их лояльности.

Пятый образ – утопичен: антисемитизм во всех его проявлениях внезапно обрывается. Илья Эренбург однажды сказал: «Пока в мире есть хоть один антисемит, я с гордостью заявляю, что я еврей». Этот негативный смысл существования иудаизма глубоко тревожит. Тем не менее, для многих евреев он звучит, по крайней мере, отчасти правдиво. Некоторые из самых влиятельных еврейских организаций в Америке и во всем мире были созданы в ответ на антиеврейские действия. Представляя себе мир, в котором никто не ненавидит евреев, Израиль и вообще всё еврейское, я задаюсь вопросом, изменится ли и как изменится моя жизнь как еврея. Я знаю, что не разделяю исключительно негативную причину Эренбурга, почему я с гордостью заявляю, что я еврей (и сионист, которым Эренбург не был), но я не уверен, в какой степени моя приверженность еврейским ценностям и выживанию питается нашими врагами.

Шестая картинка – недавняя зарисовка – реальная история. Моя мама отдыхает в еврейском отеле в горах Катскилл и сидит с группой пожилых женщин. Одна из них слышит имя моей матери и, не понимая, что это моя мать, начинает обсуждать другого Дершовица, профессора Гарварда. «Он такой замечательный мальчик, но зачем ему было жениться на этой шиксе [нееврейке]? Все умные и успешные так делают: Генри Киссинджер, Тед Коппел, Артур Шлезингер. Зачем?» Моя мама, прикидываясь дурочкой, подыгрывает всезнайке: «Откуда вы знаете, что Дершовиц женился на шиксе?» Миссис

Всезнайка знает: «Двоюродный брат моего сына – его лучший друг. Он был в церкви, где они венчались». Моя мама отвечает: «Ну, я слышала, что он женился на еврейке». «Значит вы ослышались», – уверяет мою маму миссис КИА. «Вот такую историю выдумывает его семья, разве можно их в этом винить?» В этот момент моя мать не выдерживает: «Алан Дершовиц — мой сын. Я была в синагоге, где он женился на Кэролин Коэн, чьего отца зовут Мордехай, а мать свободно говорит на идише. Так что вы на это скажете?» «О, как я рада, что это неправда!» — с явным облегчением говорит миссис КИА, но тут же добавляет: «А как насчёт Генри Киссинджера, его жена тоже еврейка?»

Заключительный набор изображений – часть продолжающейся темы: я – и моё поколение американских евреев – как зрители самых драматичных событий современной еврейской истории. Вариации на эту тему начались для меня весной 1945 года, когда я слушал вместе с отцом радио, как армии союзников наступали на Берлин. Мой отец, который неохотно наблюдал войну из-за отсрочки по состоянию здоровья, рассказывал мне, как скорость наступления союзных войск определяла, сколько наших родственников выживет. У него на стене висела карта Европы, и мы кнопками отмечали позиции армий под командованием Эйзенхауэра и Жукова. Мы слушали и разговаривали, как другие сражались и погибали.

Тема продолжалась, когда мы с отцом и младшим братом смотрели по телевизору, как Абба Эван отстаивал право Израиля стать и оставаться государством. Позже были войны — Шестидневная, Судный день и война в Ираке. К тому времени я уже был взрослым и преподавал в Гарварде. Я снова был зрителем, на этот раз наблюдая вместе с собственными детьми. Многие из нас подумывали о волонтёрстве, но быстро поняли, что это всего лишь фантазии, и довольствовались сбором средств и написанием публицистических статей — лучшими зрительскими занятиями для американских еврейских интеллектуалов[9].

Затем была борьба советских евреев. И снова мы не могли участвовать в ней, разве что косвенно. Мы маршировали, писали, вносили свой вклад, даже ездили в Москву (с нашими американскими паспортами в карманах). Мы чувствовали страдания наших братьев и сестёр в молчании. Но это были их страдания. Мы были зрителями.

В то время как еврейский мир вокруг нас переживал самую бурную эпоху современности, мы были благословлены — и прокляты — замкнутым, отапливаемым и переполненным ложем для истории. Моё поколение евреев было слишком молодым, чтобы бороться с нацизмом или за независимость Израиля, слишком американским, чтобы совершить алию (эмиграцию в Израиль), слишком комфортным, чтобы рисковать своими телами ради чего-либо еврейского. Вместо этого мы наблюдали, вносили вклад, горевали, радовались, оценивали, критиковали, поддерживали, молились и беспокоились. Мы прочитали каждую книгу и статью, посмотрели каждую телевизионную программу и возражали против каждого негативного стереотипа. Мы стали частью того, что, возможно, является самой эффективной лоббистской и фандрайзинговой кампанией в истории демократии. Мы проделали поистине отличную работу, насколько мы себе позволили и нам было позволено. Но в глубине души мы были — и продолжаем оставаться — зрителями истории.

И из-за сочетания нашего изобилия, успеха и комфорта, с одной стороны, и их

[9]Вуди Аллена в фильме «Манхэттен» спрашивают, читал ли он «разгромную» статью о предполагаемом нацистском марше. Вуди отвечает: «Ну, сатирическая статья в «Таймс» — это одно, но кирпичи и биты — это точно в точку». Другой персонаж утверждает, что «едкая сатира всегда лучше физической силы». Но последнее слово остаётся за Вуди: «Но физическая сила всегда лучше с нацистами, э-э… потому что трудно высмеивать парня в… э-э, блестящих ботинках». «Четыре фильма Вуди Аллена» (Нью-Йорк: Random House, 1982), стр. 203.

страданий, разрушений, возрождения и ежедневной опасности, с другой, мы не можем не чувствовать себя ужасно виноватыми за нашу относительную пассивность, изоляцию и отстраненность.

Будучи зрителем, у тебя есть достаточно времени, чтобы поразмыслить о том, как, по милости Божьей, по предвидению наших бабушек и дедушек или просто по слепому везению, мы уходим. И я размышлял более чем достаточно. Более четверти века я делился своими размышлениями с лучшими и самыми умными студентами, с лекторами по всему миру, с друзьями и коллегами моего поколения, как старше, так и моложе.

Требуется определённая наглость, чтобы пытаться обобщать личный опыт. Но я чувствую себя уверенно, зная, что мои чувства, восприятие, взгляды, убеждения — и даже практики — широко, хотя и молчаливо, разделяют многие американские евреи, выросшие после Второй мировой войны и достигшие зрелости в период великой истории еврейского успеха последних десятилетий.

Мне повезло иметь доступ к уникальному ресурсу, который помогает мне понять изменения, которые я претерпел за последние пять десятилетий, особенно с тех пор, как я переехал из Бруклина в Кембридж более четверти века назад. Этот ресурс — сплоченная группа друзей, с которыми я вырос в районе Боро-Парк в Бруклине. Мы начинали вместе в почти одинаковых обстоятельствах: мы учились в одних и тех же религиозных школах; мы соблюдали одинаковую степень ортодоксальности в наших религиозных обрядах; мы все американцы в третьем или четвертом поколении, чьи бабушки и дедушки говорили на идише, а родители — на английском; мы все вышли из рабочего класса или из небольших магазинов; мы все женились на своих еврейских возлюбленных. Шесть из восьми первоначальных браков — kineahora, как сказали бы наши бабушки (не вызывая сглаза) — процветают. Никто из группы до сих пор не живет в Бруклине. Только двое или трое настолько же ортодоксальны, как мы были в Боро-Парке. Мы все очень еврейские, но в своих довольно разных смыслах. Мы все хотим, чтобы наши дети (их девятнадцать) и внуки (их четверо) воспитывались «по-еврейски» — хотя каждый из нас вкладывает в этот термин несколько иной смысл.

Мы, восемь парней из Боро-Парка, и наши жёны собираемся вместе несколько раз в год. Мы наблюдаем, как меняемся друг с другом — и остаёмся прежними — уже почти сорок пять лет. На протяжении всей книги я буду ссылаться на эту группу, потому что она служит мне и зеркалом, в котором я могу видеть себя более проницательно, и линзой, через которую я могу яснее видеть мир, особенно моё еврейское поколение.

А теперь несколько слов о названии этой книги. Хуцпа — это понятие, которое легче продемонстрировать, чем определить. Как однажды съязвил судья Поттер Стюарт о значении порнографии: «Я не могу её определить, но узнаю, когда вижу». Мы сразу узнаём наглеца — человека, проявляющего наглость, — когда видим его или её в действии, несмотря на неадекватность однословных определений. Действительно, слово «хуцпа» имеет как положительный, так и отрицательный смысл. Для того, кто проявляет наглость, она означает смелость, напористость, готовность требовать должного, бросать вызов традициям, оспаривать авторитеты, вызывать недоумение.

Для жертвы хуцпы это означает неукротимую дерзость, наглость, высокомерие, высокомерие и лицемерную требовательность. Всё действительно видно по глазам.

Классический пример — юноша, убивший своих родителей, а затем просящий о пощаде на том основании, что он сирота, — был дополнен моим собственным опытом: Клиент, осужденный за продажу фальшивых антикварных вещей, пытается заплатить мне — вы угадали — антиквариатом. Женщина, чье уголовное дело я выиграл, но которая подала на меня в суд за халатность, потому что она не могла продолжать обманывать правительство. Антисемит, который прислал мне письмо, критикующее евреев за

скупость, — и письмо стоило десять центов за почтовую оплату. Неонацист, обвиненный в нарушении общественного порядка, требующий «выслать евреев обратно в Израиль», который умолял меня защитить его, потому что «вы, евреи, контролируете американскую правовую систему». Иракский диктатор Саддам Хусейн, который, удерживая иностранцев в заложниках в иракских отелях, присылал им счета за проживание и питание. Палестинский террорист, который ослеп во время изготовления бомбы, а затем, будучи впоследствии обвиненным в террористическом убийстве, потребовал пощады на том основании, что он был слепым. (Уловка сработала, по крайней мере, в отношении некоторых СМИ. Заголовок в Boston Globe гласил: «Израильтяне осудили слепого палестинца»).[10]

Наконец, на следующей странице — карикатура, которую мой племянник Адам нашел висящей в книжном магазине в Вудстоке, штат Нью-Йорк[11].

Меня самого иногда называли наглым. Я приветствую эту характеристику, поскольку предпочитаю принимать её во всех её позитивных смыслах. Я считаю себя напористым в еврейских вопросах, как и в вопросах гражданских свобод, хотя и не в том агрессивном смысле, в каком это понимает Лига защиты евреев. Но я достаточно уверен в своём еврействе, чтобы критиковать Израиль и еврейских лидеров, когда считаю их неправыми. Я также достаточно уверен в своём американизме, чтобы критиковать американских лидеров, когда считаю их неправыми в еврейских (и других) вопросах.

Я хотел бы купить книгу о наглости и хотел бы, чтобы вы за нее заплатили.

Я гордый и напористый еврей и гордый и напористый американец. Многие в моём поколении больше не чувствуют себя гостями на чужой земле. Нам недостаточно, как нашим бабушкам и дедушкам, чтобы нас терпели как меньшинство в стране, где только большинство является гражданами первого класса. Мы настаиваем на том, чтобы к нам относились как к равным. Мы без колебаний видим, как Голдберг, Шапиро или Коэн баллотируются на пост губернатора или даже президента. Нам не нужно… быть тихими, как постоянно предупреждала моя бабушка. Нам не нужно беспокоиться о «шанда фур де гоим» или о том, что мы станем «громоотводами» антисемитизма, если будем слишком заметны или успешны. Возможно, мы слишком самоуверенны. Возможно, мы не более защищены, чем думали немецкие евреи в 1929 году.

Возможно, мы искушаем судьбу — и историю — своей настойчивостью. Как

[10]Boston Globe, 28 октября 1986 г.

[11]Если вам встретятся другие определения или иллюстрации наглости, пожалуйста, пришлите их мне (Гарвардская юридическая школа, Кембридж, Массачусетс, 02138) для включения в следующий тираж. Вот это наглость!

сказала бы моя бабушка: «Кинеахора, надеюсь, что нет». И я так не думаю.

Правы мы или нет, но именно так сегодня чувствуют себя многие из нас. Думаю, этим мнением стоит поделиться.

1. Польский еврей приезжает в Америку

Еврейский век американской жизни

Сто лет назад первый Дершовиц ступил на американскую землю. Наша семья отмечала это столетие торжественным ханукальным собранием на Лонг-Айленде. Мы чтили память нашего предка-первопроходца, который переправился из Галиции в 1888 году. Его звали Захария, и он написал нашу фамилию с дополнительной буквой «ц» — Дершовиц, которая загадочным образом со временем отпала. Он был моим прадедушкой, что делает меня американцем в четвертом поколении. Я никогда не встречал Реба Захарию, как все его называли. (Он не был раввином; титул «Реб» был эквивалентом идишского «сэр»). Но я помню свою прабабушку, Лею, его жену, которая умерла, когда я был маленьким ребенком.

Одно из моих самых дорогих сердцу вещей — единственное материальное наследство — это замечательный семейный портрет, сделанный на крыльце дома моих прадедов и sbteeble — небольшой синагоги — на Южной Десятой улице в районе Уильямсбург в Бруклине[12]. На коричнево-белой фотографии запечатлены четыре поколения Дершовиц. У подножия крыльца, в старом кресле, сидит моя прабабушка Лия. Четверо из ее семи детей, включая Луи, моего дедушку, окружают ее. Ее внук Гарри, мой отец, стоит на вершине крыльца. Ниже него моя мать Клэр держит на руках своего двухлетнего сына — меня. Нас окружают разные дяди, кузены и тети.

За столетие семья значительно разрослась. По последним подсчётам, прямых потомков реб Захарии было почти 500. Он был благословлён семью детьми, 27 внуками, более чем 100 правнуками и более чем 300 праправнуками, и их число продолжает расти. Только у моего деда Луи было более 70 правнуков. Его младший брат Хайми, родившийся в Америке в начале 1890-х годов и недавно умерший, по последним подсчётам, имел 176 потомков. Праправнуки – шестое поколение – только начинают рождаться, и если семейная тенденция сохранится, их число, обещает исчисляться тысячами.

Большинство потомков реб Захарии живут в районе Нью-Йорка, но другие расселились по всему континенту – от Калифорнии до Иллинойса, Мэриленда, Торонто, Коннектикута и Массачусетса. Всё больше потомков эмигрировали в Израиль за последние несколько лет, вслед за двумя младшими братьями моего отца, которые переехали туда в 1950 и 1969 годах соответственно.

На праздновании столетия присутствовало более 250 членов семьи. Оглядывая просторный зал, украшенный старыми фотографиями тех времен, я размышлял об истории евреев в Америке. Сто лет пребывания моей семьи в Америке стали важнейшей эпохой в истории еврейско-американских отношений.

Конечно, евреи были в Америке и до 1888 года, но их число было незначительным, а их влияние на американскую жизнь — хотя и глубоким в некоторых отдельных случаях — было далеко не таким большим, каким оно стало в двадцатом веке[13]. Евреи, участвовавшие в первом столетии Америки — примерно со времен Революции до

[12]Название нашего района произносилось не так, как название колониального города Вирджинии с таким же написанием; наше было «Вильямсбойг», так как Хьюстон-стрит в Нижнем Ист-Сайде произносится как «Хаустин». Я вспоминаю друга моего деда, который шил жилеты в магазине на Вест-Бродвее. Он всегда говорил: «Я делаю жилеты на Вест-Бродвее ». Я никогда не мог понять, почему он не мог просто поменять местами звуки «V» и «W», чтобы они звучали правильно.

[13]В 1790 году в Соединённых Штатах проживало около 1500 евреев. В 1826 году их было 6000, в 1840 году — 15000, а в 1855 году их число резко возросло до 100000. К 1880 году в Америке проживало 300000 евреев. Мартин Гилберт, «Атлас еврейской истории» (Нью-Йорк: Dorset Press, 1984), стр. 61, 81.

периода после Гражданской войны — были в основном немцами, испанцами и португальцами по национальному происхождению. Первый рукоположенный раввин даже не достиг американских берегов до 1840 года. И то, что он заметил — «Большинство людей едят нечистую пищу и оскверняют Шаббат», — побудило его отказаться от раввината и открыть магазин сухих товаров (что же еще!). Другие раввины последовали за ним, принося реформистский иудаизм из Германии и американизируя его[14]. Но начиная с середины 1880-х годов совершенно новый тип европейского еврея — отличающийся по национальному происхождению, религиозной практике, образованию и политике — прошел через Касл-Гарден или, позже, Эллис-Айленд[15]. Эти евреи были восточноевропейцами. Они происходили из местечек (множественное число от местечка, «маленький городок») Галиции, Латвии, Литвы, Украины и других областей в пределах черты оседлости, территории в границах царской России, где евреям было законно разрешено проживать. Черта оседлости охватывала территорию около 386 100 квадратных миль от Балтийского моря до Черного моря. По переписи 1897 года, там проживало 4 899 300 евреев, что составляло 94 процента от общего еврейского населения России. Однако не только ограниченность территории их проживания угнетала евреев. В силу исторических обстоятельств они также были ограничены в своих занятиях, часто ограничиваясь работой, которая мало оплачивалась и приводила к обнищанию. Это, наряду с непрекращающимися антиеврейскими указами и волнами погромов, особенно в 1881—1884 и 1903—1906 годах, привело к постоянному потоку еврейской иммиграции из черты оседлости в Западную Европу и Соединенные Штаты[16].

Прибытие сюда этих крестьян, торговцев, портных, сапожников, ювелиров и раввинов ознаменовало начало еврейского века в американской истории. Лидер реформистского еврейства в Америке, раввин Исаак Майер Вайз, беспокоился, что эти евреи станут «шанда фюр де гоим»: их примитивные религиозные обряды, по его словам, заставят американских евреев выглядеть «смешными перед миром». Вайз настаивал, что его реформистские немецкие евреи были «настоящими американцами», в то время как недавно прибывшие восточноевропейские евреи «таковыми не являются». Вайз и его коллеги предупреждали об опасностях продолжающейся еврейской иммиграции в Америку, в то время как другой раввин предсказывал, что новые евреи «станут либо славой, либо позором американского иудаизма». Фактически, как заключает одно исследование этого периода, именно эти восточноевропейские евреи «стали фактически синонимом культуры американского еврейства и в конечном итоге сформировали еврейскую общину в Соединенных Штатах»[17].

Подавляющее большинство евреев, живущих сейчас в Соединённых Штатах, ведут свои корни от иммигрантов из Восточной Европы, прибывших сюда в период с 1880-х по 1920-е годы. После этого для большинства евреев (и других незападноевропейских иммигрантов) были закрыты ворота, ограничивающие иммиграци[18]. Хотя мы

[14]Ауэрбах, «Раввины и юристы», стр. 75—76.

[15]По оценкам, в период с 1881 по 1923 год в Америку прибыло 2 787 754 иммигрантских евреев. С примерно 300 000 в 1880 году «численность американского еврейского населения выросла почти до трёх с половиной миллионов к 1917 году и до более четырёх с четвертью миллиона к 1927 году... Если в 1880 году большинство американских евреев были выходцами из Центральной Европы, то в 1927 году, по оценкам, 80 процентов или более имели восточноевропейское происхождение». Хаим Ваксман, «Американские евреи в переходный период» (Филадельфия: Temple University Press, 1983, стр. 30)

[16]Иегуда Слуцкий, «Черта оседлости», Encyclopaedia Judaica (изд. 1978 г.), т. 13, стр. 27.

[17]5. Ауэрбах, «Раввины и юристы», стр. 79, 97; Сеймур Левентман, «От местечка до пригорода», в книге Питера Айзека Роуза «Гетто и дальше: эссе о еврейской жизни в Америке» (Нью-Йорк: Random House, 1969), стр. 35

[18]Высокие темпы еврейской иммиграции в США в период с 1880-х по 1920-е годы почти наверняка

путешествовали в разных направлениях, большинство наших предков начали свой путь к Золотой Медине в каютах третьего класса трансатлантических пароходов.

Реб Захария Дершовиц прибыл в Касл-Гарден, штат Нью-Йорк, в январе 1888 года. С ним были его жена Лия, их сыновья Луи (пяти лет), Сол (четырех лет) и Сэм (двух лет), а также их дочь Сэди (младенец). Они покинули галисийское местечко Пилснер несколькими месяцами ранее, отправляясь в новую жизнь. В документах о гражданстве, поданных в окружной суд в Бруклине, он указал свою профессию портного, а своей страной происхождения — Австро-Венгерскую империю. В своем заявлении под присягой он отказался от всякой лояльности королю Венгрии и императору Австрии. Небольшой городок, откуда он родом, находился недалеко от нынешней польско-советской границы в Галиции, в Карпатских горах.

Трудно представить себе мужество, которое потребовалось моему прадеду, которому тогда было двадцать три года, чтобы так радикально оборвать свои корни, оставив удобства — семейные и религиозные, если не материальные — ради неопределенности новой жизни в Америке. Еще несколько горожан, но не так много, приехали до него. Эти ландслиты, как их называли, основали благотворительные организации, которые немного облегчили переход. Они предоставляли пособия по болезни, беспроцентные ссуды, права на погребение и другие необходимые вещи. Вскоре реб Захария стал президентом группы ландслитов, называемой на идиш хевра, или «круг дружбы». Его хевра называлась «Сто канонических улиц», очевидно, по названию здания в нижнем Ист-Сайде, в котором она собиралась. Одним из первых пунктов повестки дня любой хевры была покупка участков для захоронения ее членов и их семей, чтобы они могли обрести вечный покой в освященной земле. Имя реб Захарии высечено на колоннах по обе стороны входных ворот кладбища Маунт-Хеврон в Квинсе, Нью-Йорк.

Умереть евреем в Америке было бы легко. Но как насчёт жизни евреем? Это оказалось бы сложнее. Сможет ли ортодоксальный еврей, которого легко узнать по окладистой бороде и пейсам, найти работу, не требующую работы в субботу? Сможет ли он соблюдать кашрут? Сможет ли он дать своим детям образование в талмудической традиции, которая подчёркивает важность изучения религии?

Мой прадед нашёл работу, стал изготовителем бумажных книг. Хотя он никогда не зарабатывал на жизнь, он зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить своей растущей семье уютный дом.

Семья Дершовиц переехала в Уильямсбург в 1910 году, через год после рождения моего отца и вскоре после завершения строительства Уильямсбургского моста, соединяющего нижний Ист-Сайд с Бруклином. Вся семья переехала в большом количестве, и почти все они поселились в одном четырехэтажном доме на Южной Десятой улице, между Бедфорд-авеню и Берри-стрит. На первом этаже располагался штибл спереди и мастерская по изготовлению бумажных книг сзади; «этаж гостиной» был домом Реба Захарии с женой и их еще неженатыми детьми; другие этажи стали домом для замужних дочерей и их семей. Женатые сыновья — включая моего деда — все жили в пределах одного-двух кварталов и считали усадьбу на Южной Десятой улице местом семейных встреч и религиозным центром.

В статье в англоязычной газете Der Yid под названием «Первые идишские общины в Америке» описывалось происхождение штибля Дершовица:

В те времена соблюдение субботы было очень трудным, поскольку тому, кто не работал по субботам, было почти невозможно получить работу...

сохранились бы, если бы сторонники ограничений не добились принятия Закона Джонсона об иммиграции в 1921 и 1924 годах (Ваксман, «Американские евреи», стр. 29–30). Миллионы евреев, убитых Гитлером, вполне могли бы спокойно жить в Америке, если бы не эти ограничительные законы.

Реб Захария устроил себе в доме небольшую фабрику, из которой он получал скудное пропитание. Там же, в подвале, реб Захария устроил «Баис Хамедрах» (дом молитвы), первый хасидский штибель в Уильямсбурге[19].

Штебл был по-настоящему семейным предприятием. Луи, старший сын, обладатель прекрасного тенора, был кантором. Семь сыновей Луи и несколько его племянников составляли хор. Луи исполнял традиционную галисийскую литургию и сочинил множество собственных мелодий, некоторые из которых мы до сих пор поём на семейных торжествах, в том числе в честь столетия Хануки в 1988 году.

Более 250 членов семей, присутствовавших на нашем столетии, не были полностью репрезентативными для нынешнего еврейского населения Америки. Но, опять же, я не уверен, что какая-либо одна семья может быть репрезентативной для всего невероятного разнообразия нынешнего множества еврейских семей в Америке. Очень немногие в моей семье достигли того финансового успеха, который стереотипно ассоциируется с еврейскими иммигрантами. Семейная шутка заключается в том, что у нас самое низкое соотношение богатства к времени в Америке среди всех еврейских семей. Подавляющее большинство моей семьи осталось религиозным. Некоторые стали более ортодоксальными, чем реб Захария и его дети. В этом отношении моя семья несколько отличается от большинства других еврейских семей в Америке, которые испытали большую ассимиляцию и большее религиозное разнообразие в иудаизме. Но в более широком смысле изменения в религиозности в моей собственной семье отражают более общее явление: многие дети ассимилированных евреев стали более религиозными, чем их родители, или, по крайней мере, более тесно связаны со своим религиозным наследием. Мой сын Джамин называет этот процесс «рееврейизацией».

Я помню своего деда Луи как настоящего американца. Хотя он был строго ортодоксальным, он не носил никаких явных религиозных одежд. На семейном портрете на крыльце он одет в повседневную одежду того времени, в соломенной шляпе и галстуке с цветочным узором, с большой сигарой в руке. Он мог быть италоамериканцем, ирландцем или немцем. Он говорил с бруклинским акцентом и гордился своим американским патриотизмом. Он болел за «Бруклин Доджерс» и всегда хвастался друзьям, что я попал в школьную баскетбольную команду. Его послание мне всегда было одним и тем же: «Будь хорошим американцем. Это прекрасная страна для евреев».

Некоторые внуки и правнуки Луи — мои кузены — носят чёрные пальто, пейсы и цицит (молитвенную одежду с бахромой). Не уверен, что он бы это одобрил, ведь они больше похожи на европейские, чем на американские.

В нашей семье также есть несколько более светских евреев, которые время от времени посещают синагогу, скорее из этнической солидарности или ностальгии, чем из религиозных побуждений. Практически каждый потомок реб Захарии — убеждённый еврей по-своему.

Реб Захария, как и многие его современники, какое-то время работал в потогонической мастерской. Мастерская, в которой он работал, изготавливая сумки-кошельки, находилась в здании к востоку от Вашингтон-сквер, на месте злополучной компании Triangle Shirtwaist Company. В субботу большого пожара 1911 года, который поглотил здание и убил 145 рабочих, реб Захария был дома. Это была еврейская суббота. Он извлек из этого два урока: он поклялся, что его дети никогда не станут фабричными рабочими, и он поклялся, что они никогда не будут работать в субботу. Сын реб Захарии, Луи, который начал продавать спички на углах улиц, когда ему было восемь лет, в конечном итоге работал печатником и изготовителем коробок. Он познакомился с Идой

[19]Иона Ландау, «Первые идишские общины в Америке», Der Yid, 9 ноября 1979 г., стр. 15.

Маульташ, иммигранткой из Жикова, Польша, на рубеже веков. Вскоре они поженились, и мой отец, Гарри, родился в 1909 году.

Переезд моего деда по материнской линии в Америку был таким же смелым поступком, как и переезд реб Захарии. Нафтули Рингель прибыл со второй волной польских эмигрантов, в 1907 году. Не желая служить в польской армии, он бежал из небольшого галицкого города Перемышль, который сейчас находится в Польше, рядом с советской границей. Перемышль, центр еврейской учености и хасидизма, был одним из нескольких таких городов с процветающей еврейской культурой и торговлей. Мой дед оставил после себя трех братьев, десятки племянников и племянниц и множество близких родственников. Более трех десятилетий спустя все, кроме одного брата, были убиты вместе с семнадцатью тысячами других евреев города, когда СС достигли города. Оставшийся брат бежал от приближающихся нацистских войск и направился в Сибирь, а затем в Израиль. (В 1987 году мой сын и я «вернулись» в Перемышль и не нашли никаких свидетельств того, что там когда-либо жил хоть один еврей.)

Мой дед бежал от польской армии, а в конечном итоге и от Холокоста, найдя убежище в Скрантоне, штат Пенсильвания, где обосновался его родственник, ранее эмигрировавший. Единственной доступной работой в Скрантоне была работа шойхета — ритуального забойщика кошерных животных. Неспособный поднести нож к их горлу, как и стрелять из пистолета по безликим мишеням, он быстро вернулся в Нижний Манхэттен, где устроился разносчиком, чтобы обеспечить проезд для своей второй жены и троих детей, оставшихся в родной стране. Эта жена, Блима Ньюман — моя бабушка — была сестрой его первой жены, которая умерла при родах. Согласно еврейской традиции, незамужняя младшая сестра обязана выйти замуж за овдовевшего зятя, и моя бабушка, которой тогда было шестнадцать, беспрекословно подчинилась этой заповеди — решение, о котором она ни разу не пожалела за свою долгую жизнь. (Она недавно умерла в возрасте девяноста двух лет). После прибытия в Америку — и смерти двух младенцев от дифтерии — семья переехала в квартиру на Ривингтон-стрит и жила в ортодоксальной традиции нижнего Манхэттена, пока они, в свою очередь, не смогли позволить себе переехать через Ист-Ривер в Уильямсбург.

Вскоре после этого переезда мои два деда встретились и подружились. Вместе они помогли основать первую ортодоксальную ешиву в Бруклине, «Тора Ва-Даас», что в вольном переводе означает «религия и мудрость». До основания «Торы Ва-Даас» мой отец, Гарри, учился в государственной школе, где его учили американизму строгие ирландские учительницы, для которых представление о светском наказании сводилось к чтению «Аве Мария», а представление об американской музыке – к «Тихой ночи». Моя мать, Клэр, до сих пор может прочесть «Ах, стендей но-билай. Мисса рекордум tuom», – её произношение слов мессы, Ostende nobis misericordiam tuam (Прояви к нам свою милость), хотя она понятия не имеет, что именно заставляли её запоминать учителя в государственной школе. Когда ешива была открыта для мужчин, все мальчики в семьях моего отца и матери посещали её; девочки же оставались в государственных школах под бдительным надзором недоверчивых родителей.

После нескольких лет обучения в государственной средней школе (в округе не было ешивы после восьмого класса) мой отец пошел работать продавцом в нижний Ист-Сайд Манхэттена, где он и его партнер вскоре открыли небольшой магазин, где продавали мужскую рабочую одежду оптом в будние дни и в розницу по воскресеньям.

Моя мать, отличница, окончила школу летом 1929 года, в возрасте шестнадцати лет. Её карьера в Городском колледже оборвалась – она хотела стать школьной учительницей – когда ей пришлось устроиться на работу, чтобы помогать семье, сильно пострадавшей от Великой депрессии. Она так и не вернулась в школу, отчасти потому, что

моя бабушка слышала, что учителям приходится работать в Шаббат, субботу. С тех пор моя мать работает бухгалтером.

Депрессия 1930-х годов повлияла на жизнь поколения моих родителей. Многие не смогли окончить школу и стать профессионалами. Некоторые стали государственными служащими. Другие открыли малый бизнес и в конечном итоге извлекли выгоду из экономического роста, последовавшего за Второй мировой войной.

Мои родители (мой отец умер в 1984 году) приложили героические усилия, чтобы совместить ортодоксальную приверженность еврейскому закону с относительно полноценным участием в американской жизни. Но наш образ жизни — более светский образ жизни моей ветви семьи — не устраивает некоторых прозелитов среди нас. При каждой возможности они пытаются заставить нас изменить свои взгляды и стать похожими на них. «Почему ваши дети не могут быть хоть немного религиознее?» — пожаловался двоюродный брат моей матери на праздновании столетия, как будто моя мать всё ещё могла контролировать уровень религиозности своих детей среднего возраста.

Речи на праздновании столетия отражали как разнообразие, так и относительную однородность семьи. Они начались с раввинского обращения дяди, изобилующего библейскими цитатами, талмудическими проповедями и мюссером (призывом к большей религиозной преданности). Завершилось оно пронзительной, словно адское пламя, речью одного из моих кузенов, которая напомнила мне, что телевизионные евангелисты не обладают монополией на религиозный пыл.

Один из выступавших высказал предположение о происхождении нашей фамилии, предположив, что она происходит от еврейского слова «даршан», означающего «странствующий проповедник». Другой предположил, что это может быть связано с названием города, в котором когда-то жила наша семья, например, Дершов на немецко-польской границе.

Этот разговор о фамилиях напомнил мне интересный разговор с Исааком Башевисом Зингером после постановки PBS его рассказа «Кафетерий». Один из персонажей пьесы упомянул «краковского адвоката по имени Дершовиц». Меня заинтриговала возможность того, что Зингер действительно знал в Польше адвоката с моей фамилией. Мне удалось дозвониться до Зингера и спросить его.

Сингер рассмеялся и своим сильным акцентом ответил: «Шутка над вами, профессор. Такого человека не существует. Но телевизионщики попросили меня придумать имя адвоката, которое звучало бы по-польски, но не было бы слишком сложным для американской аудитории. Вот я и подумал о вас. Вы же адвокат из Кракова!»

Моё краткое выступление было попыткой навести мосты между религиозными подгруппами внутри семьи. Я подчеркнул собравшимся потомкам реб Захарии, что если бы не готовность их предка-первопроходца к переменам – покинуть своё местечко и переехать в Америку – мы все бы стали жертвами Холокоста. Я напомнил им о давлении, которое, должно быть, испытывал молодой реб Захария со стороны родителей, сверстников и других родственников, заставлявших его следовать религиозным нормам своего местечка. Америка, возможно, и была страной, улицы которой были вымощены золотом – страной материальных возможностей. Но большинство европейских ортодоксальных евреев считали её духовным Содомом и Гоморрой, города которой изобиловали искушениями отклониться от религиозной ортодоксальности местечка. Бороды брили, мочки ушей отрезали, а цицит носили под современной стильной уличной одеждой того времени. Рассказывали истории о мужчинах, вынужденных осквернять Шаббат, чтобы заработать на жизнь. И еще до выхода фильма «Хестер Стрит» было широко известно, что многие молодые люди, оставившие жену и детей «на несколько

месяцев, пока не обустроятся», были соблазнены американками и никогда не присылали денег, чтобы вернуть свою брошенную семью.

Переезд в Америку был небезопасным путём, не старым путём, не тем путём, которым шли те, для кого соблюдение религиозных обрядов было всепоглощающей страстью жизни. Это было совсем не похоже на поездку в Палестину в те времена или в Израиль сегодня. Совершение алии — восхождение в Сион — было исполнением религиозной заповеди, мицвы. Переезд в Америку означал создание новой светской жизни, желательно в рамках религиозных ограничений, но не в соответствии с какими-либо из её предписаний.

В то время переезд из штетла в Америку был односторонним, постоянным и окончательным решением. Телефонов, самолётов и других эффективных средств связи и транспорта не было. Для реб Захарии, как и для многих других, переезд означал невозможность увидеться с родителями, братьями и сёстрами, друзьями и общиной.

Глядя на тех моих родственников, которые отказались порвать с прошлым – более того, кто вернулся в прошлое, намного превосходящее то, в котором жил реб Захария, – я задавался вопросом, что бы он подумал об их чёрных пальто, пейсах и бородах. Я задавался вопросом, одобрил бы он их решение носить одежду, рассчитанную на то, чтобы визуально отделить их от других американцев. Я задавался вопросом, одобрил бы он их полное погружение в религию – их готовность позволить религии и обычаям так полно доминировать в их жизни. Мне было интересно, что бы он и мой дед сказали о тех потомках, которые отказываются позволить своим детям получать светское образование именно для того, чтобы лишить их возможности выбрать образ жизни, несколько отличающийся от образа жизни их родителей, возможности, которую нам давало наше смешанное религиозное и светское образование. По сей день моя мать задаётся вопросом, «правильно ли она поступила», поставив моего младшего брата и меня перед выбором и возможностями в нашей религиозной и светской жизни. Она пришла к выводу, что поступила правильно, предоставив нам возможность выбора, но мы поступили неправильно, выбрав более светскую жизнь.

Ортодоксальный иудаизм, даже самые либеральные его течения, выработал защитные механизмы против ассимиляции. Требование посещения синагоги в субботу, в сочетании с запретом на вождение в субботу, обеспечивает преемственность ортодоксальных еврейских кварталов, сосредоточенных вокруг ортодоксальной синагоги и находящихся в пешей доступности от неё.

Эти районные синагоги становятся социальными и религиозными центрами для окружающего сообщества и увеличивают вероятность того, что ортодоксальные дети встретятся и пообщаются со «своими». Ортодоксальные школы — дневные школы, ешивы, Талмуд Тора (внеклассные религиозные программы) — также обеспечивают близость, которая так часто приводит к постоянному спариванию. Даже запреты на употребление некошерной пищи привели, особенно в последние годы роста благосостояния в ортодоксальной общине, к созданию многочисленных кошерных ресторанов, где ортодоксы встречаются и едят вместе[20].

Но защитная изолированность — это во многом вопрос степени. Современные ортодоксальные евреи свободно общаются с неортодоксальными евреями и неевреями на работе, в университетах, в фитнес-клубах и в «смешанных» районах. Хасиды и другие замкнутые экстремисты запрещают — на практике, если не религиозным указом — любые контакты с посторонними, кроме самых формальных. У меня есть друг-хасид,

[20]Шекспировский Шейлок, когда его пригласили на обед к христианскому деловому партнеру, ответил: «Я буду покупать с тобой, продавать с тобой, разговаривать с тобой, гулять с тобой,... но я не буду есть с тобой, пить с тобой и молиться с тобой».

который любит бейсбол и ходит на матчи «Нью-Йорк Янкиз». (Ему запрещено смотреть их по телевизору, чтобы он не поддался влиянию «сексуальной» рекламы.) Чтобы застраховаться от запрещённого физического контакта с лицами противоположного пола, он покупает четыре дополнительных места: по одному с каждой стороны от себя и по одному спереди и сзади. Он держит четыре места пустыми, чтобы защититься от запрещённого контакта. Он не ходит на матчи с большим количеством зрителей, чтобы избежать обиды за то, что мешает другим занимать пустые места.

Некоторые из этих изолированных механизмов предписаны Галахой, ортодоксальными правилами ритуала. Другие вытекают из узкой, несколько педантичной интерпретации этих религиозных правил. Третьи же не имеют под собой никакой религиозной основы. Например, ношение черной одежды и меховых шапок, характерное для некоторых хасидских сект, просто отражает традицию, восходящую к светской одежде, которую носили в Европе поколения назад. Но сам их анахронизм служит религиозной цели, изолируя носящих от других вне их религиозного круга. Часть семьи Дершовиц, называемая Малахим (ангелы или посланники Бога), влияет на эту одежду. Большинство из них не присутствовали на семейном собрании, но некоторые явились «в форме».

Члены семьи, придерживающиеся ортодоксальных верований и присутствовавшие на церемонии, считают себя духовными потомками моего прадеда. Они рассказывают семейную историю, призванную продемонстрировать преданность реб Захарии религии и награды, которые он получил за свою преданность. Во время первого праздника Суккот, который он отмечал в Америке, мой прадед построил сукку — ритуальную хижину в память о хижинах, построенных евреями во время исхода из Египта. Он потратил значительные средства на то, чтобы покрыть крышу высококачественным бамбуковым тростником — шшахо. Газета «Дер Йид» описывает развязку следующим образом:

В разгар праздничной трапезы они услышали сильный треск сукки прямо над головой реб Захарии. Они подошли посмотреть и увидели… тяжёлый камень, который соседи - антисемиты сбросили вниз. Однако крепкий, твёрдый бамбук не дал камню упасть дальше. Таким образом, он был спасён благодаря покупке дорогого «шаха» и исполнению заповеди сукки, со всем дополнительным прославлением[21].

Продолжая размышлять вслух о наследии моего прадеда и о дарованной нам им жизни в Америке, я начал понимать, что мы – более светская ветвь семьи – были его истинными духовными наследниками. Как и он, мы адаптировались к переменам, сохранив при этом большую часть своего наследия. Мы жили полноценной американской и полноценной еврейской жизнью. Мы взяли что-то от нашей новой страны и что-то вернули ей. Мы жили в Америке, в то время как некоторые другие его потомки жили в крошечных замкнутых анклавах, окружённых Америкой – штетлахах, расположенных в Манси, Уильямсбурге, Лейквуде и Боро-Парке. (Хотя моя мать и другие члены моей семьи до сих пор живут в Боро-Парке, они не живут в замкнутых общинах, созданных хасидами.) По сути, они вернулись в покинутое им штетло. Но теперь штетлахов больше не было в Польше – все они были разрушены. Новый штетлах оказался в чужой стране под названием Америка, от ассимиляционного влияния которой и защищали изолированность нового штетла и старый облик.

Мне пришло в голову, что эти местечковые Дершовицы чтят память не того предка. Им следовало бы чтить память тех Дершовицев, которые остались, тех, кто отказывался меняться и адаптироваться, тех, для кого религия была всепоглощающей

[21]Там же, стр. 24.

страстью всей их жизни, тех, кто не делал ни шагу, если бы это не было предписано Галахой. Но не осталось бы ни одного Дершовица, чтобы чтить наших предков, если бы они все пошли по этому статическому пути и не перевезли часть семьи – пусть даже непреднамеренно – подальше от опасности до Холокоста.

Дершовицев было бы меньше, да и евреев было бы меньше, если бы мой дед Луи не предпринял в конце тридцатых годов чрезвычайных мер по спасению родственников, находившихся под угрозой исчезновения в Польше и Чехословакии. Первый шаг был связан с семейным штибле, в котором никогда не было официального раввина.

В конце 1930-х годов было решено нанять профессионального раввина для проведения богослужений. Одного привезли из Европы, но прихожане не удовлетворились; через две недели новонанятого раввина уволили, выплатили небольшое выходное пособие и отправили восвояси. Из Европы привезли нового раввина, но и его бесцеремонно уволили в течение нескольких недель. Этот процесс продолжался до тех пор, пока десятки раввинов не прошли через «турникетный штибл» или Клуб раввина месяца, как его стали называть. Вскоре все в районе поняли, что это за шарада: небольшая спасательная операция, призванная спасти европейских раввинов, которым угрожал нацизм. В течение почти десятилетия ей удавалось обходить ограничительные иммиграционные законы, заявляя о «необходимости» в импортных раввинах для руководства переменчивой общиной.

Второй этап был недавно описан одним из благодарных получателей помощи, двоюродным братом Цви Дершовицем, ныне известным консервативным раввином в Лос-Анджелесе. Однажды, представляя меня своей общине для беседы, он напомнил мне историю о невероятных усилиях моего деда, предпринятых ради спасения наших кузенов, оказавшихся в ловушке в Чехословакии незадолго до начала Второй мировой войны:

Луи Дершовиц, бедный, как церковная мышь, взялся просить милостыню и брать в долг, чтобы защитить семью, которую он никогда не знал и никогда не встречал. В конце концов, моя семья и семьи моих четырёх дядей получили необходимые финансовые гарантии, гарантировавшие, что иммигрант не станет обузой для общества, что позволило нам бежать в Америку в 1939 году, всего за тридцать шесть дней до вторжения Гитлера в нашу родную Чехословакию. Так Луи спас все пять семей от неминуемой гибели, и именно поэтому я могу рассказать вам эту историю.

Я задавался вопросом, понимают ли ультраортодоксальные Дершовицы, для которых категорическое следование букве закона было всепоглощающим, насколько они отличаются от своих политически активных предшественников. Мне эти мысли казались несколько критическими, но я не осмеливался высказывать их публично.

Вместо этого я закончил выступление рассказом о старой городской синагоге, которая только что переехала на окраину и обрела современное здание и современного раввина. На первой субботней службе, когда прихожане читали молитву «Шма Исраэль» («Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един…»), половина прихожан встала, а половина осталась сидеть. Стоявшая половина кричала сидящей: «Встаньте!», а сидящая — стоящей: «Сядьте!».

Новый раввин был расстроен шумом и суматохой и после службы попросил представителей обеих групп встретиться с ним и старым раввином, чтобы выяснить традицию общины. На встрече группа, сидящая за столом, спросила старого раввина, не является ли это традицией садиться. Старик задумался и покачал головой. «Нет, дети мои, это не традиция». Группа, стоявшая за столом, возликовала, заявив: «Тогда, должно быть, традиция, чтобы мы стояли». Старый раввин снова задумался и снова отрицательно покачал головой. «Нет, дети мои, это не традиция».

В этот момент терпение нового раввина лопнуло, и он прогремел: «Раввин, я больше не могу — половина стоит, половина сидит, все кричат друг на друга, и я даже не слышу своих мыслей». Старый раввин задумался и утвердительно кивнул. «Это, дети мои, традиция».

Когда я закончил этот рассказ, моя мама, за которой всегда остаётся последнее слово, встала в зале и добавила: «Главное, чтобы все произнесли «Шма Исраэль». И, конечно же, моя мама права. Традиции меняются. Обычаи по важности превосходят верования. Политика и религия пересекаются. Нравы района определяют определённый уровень соблюдения религиозных обрядов. Внешние факторы приобретают психологическое значение, выходящее за рамки их изначального религиозного смысла. Но в основе лежит общность общего исторического опыта и общих убеждений. Для одних они находят своё выражение в «Шма Исраэль». Для других они воплощаются в заповеди «Возлюби ближнего своего, как самого себя», или, как это выражается на иврите и идиш, «рахмонес» (сострадание). А для третьих – это «Ахават Исраэль», любовь к Израилю. Для всех нас общая историческая память о Холокосте и предшествовавших ему на протяжении тысячелетий погромах образует неразрывную связь, а также общий страх перед его повторением, пусть и в иной форме. В январе 1991 года едва ли найдётся еврей в мире, независимо от религиозных убеждений, который не вспоминал бы о газовых камерах, когда иракские ракеты обрушивались на Израиль, а по телевидению мелькали кадры, на которых израильским детям надевают противогазы. Суть нашего общего наследия, возможно, трудно определить, но её легко распознать, особенно в периоды опасности.

Я, несомненно, узнал это в многообразии и общности потомков реб Захарии, присутствовавших на праздновании столетия Хануки на Лонг-Айленде. Я увидел в них — в нас — многообразие и общность еврейского опыта в Америке.

Спустя несколько месяцев после нашего столетия я прочитал в новостях о других еврейских семьях, которые собрались, чтобы отпраздновать своё прибытие в эту страну возможностей. Я уверен, что, хотя слова были разными для каждой семьи, музыка была схожей. Как и слёзы, отражавшие печаль нашей общей истории и радость от нашего нынешнего статуса первоклассных граждан этой страны возможностей.

2. Покидая Бруклин

Изучение антисемитизма в реальном мире

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ через Бруклинский мост после колледжа было далеко не таким долгим, как трансатлантическое путешествие моего прадеда из Галиции в нижний Ист-Сайд Нью-Йорка, но в некотором смысле оно было почти таким же травматичным. Реб Захария мог ожидать, что его встретят несколько ландслейтов при высадке в Касл-Гардене. Среди моих однокурсников по юридическому факультету Йельского университета также было небольшое количество ландслейтов из Бруклина, но они начали переход четырьмя годами ранее, когда переехали в общежития таких колледжей, как Колумбийский, Принстонский и Корнеллский. Они также учились в государственных средних школах и жили в несколько более смешанных районах, чем Боро-Парк, где я вырос. Я проделал путь из своего бруклинского штетла в юридическую школу Йельского университета одним шагом, без перехода через колледж Лиги плюща или опыт общежития.

Я родился в Уильямсбурге в 1938 году — в больнице, и был первым в семье, кто родился вне дома. Мой дедушка Рингель так переживал, что меня может украсть другая семья (по-видимому, в Польше, где он родился, это было серьёзной проблемой), что оставался на страже у детской комнаты, пока меня не отпустили домой. (В последующие годы, когда я плохо себя вёл, бабушка гадала, не подменили ли меня на более воспитанного ребёнка).

Незадолго до рождения моего брата Натана в 1942 году мы переехали в Боро-Парк, более современный ортодоксальный район. Боро-Парк не был совсем пригородом, но находился дальше от Нижнего Ист-Сайда, и там было больше деревьев и открытых пространств.

Боро-Парк, в котором мы выросли, – это амёбоподобная территория с постоянно меняющимися и нечёткими границами. Её центр – это площадь в одну квадратную милю, где проживают почти 100 000 евреев, большинство из которых – ортодоксы. На периферии, как в географическом, так и в политическом плане, живут несколько тысяч итальянских, пуэрториканских и скандинавских семей.

Население Боро-Парка представляло собой смесь восточноевропейских евреев, отражая перекрывающиеся волны иммиграции, начавшиеся в конце девятнадцатого века и продолжающиеся по сей день (советские и иранские евреи были самыми последними волнами). Боро-Парк уникален среди американских еврейских кварталов тем, что он всегда был еврейским анклавом, в отличие, скажем, от Нижнего Ист-Сайда Манхэттена, который был ирландским до того, как стал еврейским, а с тех пор стал в основном пуэрториканским. Первыми жильцами небольших домов, построенных на месте сельских ферм, были еврейские иммигранты, пытавшиеся сбежать из переполненных гетто Манхэттена к новым границам, открывшимся со строительством Бруклинского моста в 1883 году. Еврейские жители пригородов первой волны были относительно обеспеченными и постепенно становились ортодоксальными. Они построили несколько величественных молитвенных домов и общественных центров, которые до сих пор доминируют над низким горизонтом района.

На протяжении поколений в синагогах с высокими куполами звучали звучные голоса самых известных в мире канторов и мужских хоров a cappella, исполнявших традиционные мелодии восточноевропейского еврейства. Среди таких канторов были Йосель Розенблатт, Моше Кусевицкий и Берела. Чаги считались Карузо, Бьёрлингами и Паваротти своего искусства и боролись за любовь — и членские взносы — местных

прихожан. Моё собственное знакомство с музыкой произошло благодаря участию в хоре, который сопровождал Чаги и Кусевицкого в последние годы их жизни. По сей день я готов преодолевать большие расстояния, чтобы послушать выступление великого кантора, и у меня накопилась внушительная коллекция записей канторского пения.

Хотя к тому времени, как я подрос, бруклинцы уже начали отказываться от «duhs», «dats» и «toids», наш акцент всё ещё был довольно различим. Мы называли его «duh King's English», поскольку Бруклин находился в округе Кингс. Соседний «Queen's», английский, был немного более утончённым; но Bronx English — термин, который некоторые считают оксимороном — был непонятен даже нам. Наши телесные функции выполнялись в «terlit»; наше тепло обеспечивал «earl» (который мог нагреть воду до «berl»); и наши камеры были заряжены «filum». (Я живо помню своё первое выступление в Йельской школе права, во время которого несколько студентов открыто смеялись над моим акцентом, пока несколько дней спустя они не встретили профессора Авраама Голдштейна — из Уильямсбурга, через Сити-колледж, — чей акцент заставлял мой звучать почти как среднезападный). Возможно, в ответ на стереотип о Бруклине, наши родители, особенно те, кто гордился своим американским происхождением и не хотел, чтобы их путали с «зелёными» — новыми иммигрантами, — прикладывали особые усилия, чтобы исправить наши «ain't» при каждой возможности. Даже сегодня, когда моя мать совершает один из своих частых визитов в суд, чтобы послушать меня или моего брата, выступающего в суде, она неизменно ведёт список бруклинизмов, которые неосознанно — или вполне осознанно, если я предстаю перед бруклинским судьёй — прокрались в мою речь. (Её любимые — «keyant», которым я часто заменяю сокращение «cannot», и «eyask», которое я использую как синоним "запрос").

Но самое важное для моих родителей было то, что переезд в Боро-Парк означал если не резкий разрыв с их воспитанием, то, по крайней мере, переход к несколько иному образу жизни — образу жизни, который был их собственным, а не образом жизни их родителей или бабушек с дедушками. Бороды и чёрные пальто встречались редко, а уличный язык был английским, а не идиш.

Конечно, существовала значительная преемственность. Мы присоединились к другому отделению той же синагоги — «Молодому Израилю» в Боро-Парке. Я посещал ешиву, построенную по образцу той, которую мои бабушка и дедушка помогли основать в Уильямсбурге. Более того, моим учителем в восьмом классе в ешиве «Эц Хаим» («Древо Жизни») был тот же замечательный учитель — мистер Авраам Киен, — который поколением ранее учил моего отца в ешиве «Тора Ва-Даас».

В конце концов, мои бабушка и дедушка последовали за нами в Боро-Парк, но они жили на родной земле моих родителей, и это имело решающее значение даже в семье, где преданность родителям была высшей заповедью. Хотя традиции соблюдения религиозных обрядов сохранялись, моим родителям приходилось самим определять своё еврейство – для себя и своих детей. Я помню, как моя бабушка качала головой в критическом недоумении всякий раз, когда мои родители делали что-то иное – менее традиционное – по сравнению с тем, как это делалось в Уильямсбурге. Переезд моих родителей был аналогичен переезду многих евреев их поколения – на Лонг-Айленд, в Нью-Джерси и другие пригороды по всей стране. Эти переезды из однородных американских штетлахов в несколько более «смешанные» районы ускорили значительные изменения в соблюдении религиозных обрядов, моделях брака и еврейской идентичности.

Вскоре после нашего переезда в Боро-Парк мои родители купили крошечный дом на две семьи на Сорок восьмой улице между Пятнадцатой и Шестнадцатой авеню. Мой дядя Хеджи с семьёй жили наверху. Моя кузина Шейнди и её новый муж переехали в

подвал. Мой двоюродный брат Лейби арендовал гараж под склад для своих товаров. Мы с братом сохранили «сервитут» перед гаражом для нашего баскетбольного кольца и стойки для стикбола.

Наш квартал вскоре стал знаменитым, так как в нём поселились Сэнди Коуфакс и Джеки Мейсон. Позже — после нашего переезда — он стал мировым центром династии хасидов Бобовер. Более того, даже название теперь сменилось на Бобовер Променад. Но пока мы росли, Сорок восьмая улица была обсаженной деревьями магистралью с небольшим количеством машин. Большинство её жителей были современными ортодоксальными евреями, с горсткой тех, кого мы называли «фруми» — ультраортодоксами, и ещё горсткой тех, кого мы называли «гоями» — консерваторами, реформистами или неаффилированными евреями. У нас даже был один самопровозглашённый атеист, которого все считали чем-то вроде чудака. Единственным настоящим нееврем был управляющий многоквартирным домом на углу — и он сносно говорил на идише.

В Боро-парке не было настоящего насилия, хотя и не случалось редких уличных драк между членами социально-спортивных клубов. Наш клуб, называвшийся «Щиты», носил шартрезно-чёрные куртки, которые тут же запретила наша ешива. Но мы обходили эту примитивную цензуру, храня куртки в доме одного из членов клуба, жившего неподалёку от ешивы, и гордо выставляли их напоказ после окончания школьных занятий. Наши драки, как правило, проходили на кулаках, и никто не пострадал, за исключением редких случаев, когда итальянская банда с другой стороны Нью-Утрехт-авеню выбивала зуб или ставила синяки на лице.

Настоящих преступлений — грабежей, изнасилований, убийств — не существовало, а когда случалось случайное ограбление, его неизменно приписывали «чужакам». Несколько лет назад мама позвонила мне в истерике. В её квартиру вломились. Забрали её ханукальную менору, шаббатские свечи и другие серебряные предметы религиозного культа. Я посочувствовал ей, а потом заметил: «Видишь, мама, это еврейские грабители». Ни секунды не колеблясь, мама резко ответила: «Грабители были не евреями, а израильтянами!» Для неё новоприбывшие иммигранты из Израиля — в основном сефарды — были не большими евреями, чем итальянцы, жившие в нескольких кварталах от неё. Для моей мамы нынешнее население Боро-Парка состоит из русских, хасидов, израильтян, венгров (все они, конечно же, евреи) — и «настоящих евреев», таких как она. Когда мы росли, оно состояло исключительно из «евреев» — таких же, как мы.

Моими самыми ранними друзьями из Боро-Парка были семь мальчиков, которые вместе со своими женами составляют группу, с которой я поддерживаю тесную связь вот уже почти полвека.

Я впервые встретил Карла Мешенберга ещё до того, как мы пошли в начальную школу. Наши бабушки дружили с тех пор, как мы познакомились, и мы играли на одной площадке, когда были малышами. Мы были неразлучны в детстве и юности. Каждую пятницу вечером, после субботней трапезы, я заходил за угол к дому Карла, где его семья, которая ела десерт. Наслаждаясь второй порцией штруделя, я присоединялся к их семейному обсуждению и пению традиционных семейных земирос (субботних песен). Отец Карла, Герман, как и мой отец, родился в этой стране, в Нижнем Ист-Сайде. Его дедушка, как и мой, эмигрировал в эту страну из Галиции. Как и в случае с моей семьёй, почти вся его семья, оставшаяся в старой стране, была убита во время Холокоста. Единственный выживший уехал в Израиль после войны, где создал семью. У отца Карла был небольшой бизнес по продаже отделочных материалов в швейном районе, который приносил скромный доход, пока не обанкротился в 1961 году. После этого Герман стал

исполнительным директором небольшой синагоги в Рампсоне, штат Нью-Джерси.

Семья Карла была несколько более политизированной, чем моя, и пятничные вечерние обсуждения за их столом, как правило, вращались вокруг текущих событий. Все участвовали в дебатах, без какого-либо различия по возрасту или полу. Примерно через полчаса препирательств мы с Карлом извинялись и шли в следующий дом. Семья Барри Циммермана ходила в синагогу, где был кантор, и поэтому заканчивала службу позже нас. Если мы точно рассчитывали время, то успевали к Циммерманам как раз к моему третьему десерту и ещё одному короткому семейному разговору.

Родители Барри были старыми жителями Боро-Парка. Его отец, Сэм, переехавший в Боро-Парк из Адской Кухни (неблагополучного района Манхэттена), где он родился, управлял магазином мужской одежды, принадлежавшим деду Барри по материнской линии, который переехал в Боро-Парк из Польши в начале двадцатого века. Дедушка Барри был портным и открыл подвальный магазин в Боро-Парке, который постепенно превратился в розничный магазин одежды. Отец Барри управлял им до тех пор, пока в 1970-х годах район не начали захватывать хасиды. У хасидов особый стиль в одежде, и они предпочитают покупать у своих собратьев-хасидов. В конце концов Сэм продал свой магазин хасиду, и теперь в магазине продается особая черная одежда одной конкретной хасидской секты.

Из дома Барри мы отправлялись на заранее условленное место встречи с нашей «бандой». Теплыми вечерами это был перекрёсток, где собирались компании соседских девушек, с которыми мы флиртовали. Зимними вечерами там жила одна из участниц нашей группы. Иногда это был дом Берни Бека, где его артистичная мать обсуждала текущие тенденции в театре и кино. Или дом Золли Айзенштадта, где его отец развлекал нас своими пародиями на Граучо Маркса. Когда мы приходили в квартиру Хэла Джейкобса, его тихие родители обычно оставляли нас одних, пока они разговаривали друг с другом. Родители Джоша Вайсбергера, напротив, хотели знать обо всем, что мы делаем.

Удивительное сходство нашего происхождения — о котором мы, конечно же, не задумывались в детстве — отражало общий опыт всего нашего поколения современников. Большинство наших родителей родились в этой стране, где родители эмигрировали из Польши в конце XIX века. Все наши родители с трудом пережили Великую депрессию, войну и послевоенные годы. Никто не был богатым, но и у всех не было недостатка в хлебе насущном. Все потеряли родных во время Холокоста, и у всех есть родственники в Израиле.

Мы все учились в начальной школе-ешиве, а большинство из нас продолжили обучение в старших школах-ешивах. Мы соблюдали ортодоксальные иудейские правила. Никто из нас не был глубоко религиозным в теологическом смысле. Мы редко говорили о Боге или религии. Наши разговоры вращались вокруг бейсбола, девушек, шуток, родителей и других тем, которые нас объединяли с подростками по всей Америке. Мы воспринимали свои религиозные обязательства и ограничения как должное, как часть социальной структуры, в которой мы жили.

Наши подруги были из одной семьи. Я познакомился с женой Карла, Джоан, раньше него. Джоан была чирлидершей, а я играл в баскетбольной команде. Я был первым парнем, с которым она танцевала на танцах после игры, когда она училась в первом классе старшей школы, а я – в третьем. Карл и Джоан женаты уже почти тридцать лет и уже трижды бабушка и дедушка. Джоан до сих пор выглядит как чирлидер.

Жена Барри, с которой мы прожили двадцать восемь лет, выросла за углом от меня, и её отец продавал нам копчёную рыбу. Отец жены Берни подобрал мне первые очки. Жена Джоша была в моей команде по борьбе за цвета кожи в лагере. Жена Золли выросла

в лагере для перемещенных лиц в Германии и переехала в Боро-Парк из Нижнего Ист-Сайда, где была частью компании моего брата. Мюррей женился на приезжей из Массачусетса. Мы с Хэлом развелись с первыми жёнами и теперь женаты на женщинах, с которыми познакомились позже.

В подростковом возрасте мы были шумными, мужественными и несколько недисциплинированными ребятами. Мы все были умниками, остроумными и больше стремились к уважению сверстников, чем к уважению учителей. Джош был лучшим спортсменом в группе, преуспевая в баскетболе, футболе, панчболе, стикболе и боулинге. Карл был нашим учёным, способным сделать небольшую бомбу с дистанционным управлением из петард и электронной игрушки. Барри был самым крупным и крепким парнем в нашем детстве, защищая нас своим ростом. Золли был мозгом, всегда получал отличные оценки по всем предметам. Берни был клоуном, способным рассмешить нас забавным жестом или звуком. Его главным конкурентом был Мюррей, специализировавшийся на непристойных историях. Мюррей также знал больше малоизвестных фактов, чем кто-либо, кроме участников шоу «Вопрос на 64 000 долларов». Хэл был самым послушным мальчиком в группе, всегда получал отличные оценки по учебе и поведению и сидел тихо на уроках, пока остальные из нас веселились.

Мы бунтовали против власти наших раввинов, учителей и директоров, но не столько против родителей, которые казались более уязвимыми и менее авторитарными. Мы всегда путешествовали стаями и были ближе друг к другу и сильнее зависели друг от друга, чем сами готовы были признать. Никто из нас не мог предвидеть, что мы останемся такими добрыми друзьями на протяжении столь долгого времени, особенно после того, как все мы переехали из старого района и занялись совершенно другой жизнью и профессиями.

Я был ужасным учеником в начальной школе и в старшей школе Ешива-университета, особенно по религиозным предметам. Я просто не мог сосредоточиться на механической манере, с помощью которой нас «учили» запоминать и декламировать отрывки из Торы, пророков и Талмуда. Мои учителя говорили мне, что мне не хватает sitzfleisch — буквально, недостаточно мяса на моей заднице, чтобы позволить мне сидеть долгое время. Критические вопросы, которые бросали вызов относительно закрытой системе герменевтики и толкования, не одобрялись. Всякий раз, когда я задавал то, что считал сложным вопросом, мне напоминали, что «если вопрос хороший, то великие раввины задавали его до тебя; а если великие раввины его не задавали, то это, очевидно, неуклюжий вопрос» — вопрос глупого человека.

Я был настоящим хулиганом, бросал вызов раввинам и высмеивал их старомодные обычаи. Я также часто сбегал с занятий, чтобы ходить на игры «Бруклин Доджерс» и премьеры фильмов в Radio City Music Hall и Roxy с Карлом и Барри. Мою мать, которую угнетали мои плохие оценки, вызывали в школу так часто, что один из моих друзей подумал, что она там работает. Меня отстранили от посещения религиозных занятий на последние шесть месяцев в старшей школе из-за «неуважения». Когда меня спрашивают, способствует ли хорошее еврейское образование с его освоением талмудической диалектики тому, чтобы стать хорошим юристом, я отвечаю, что не знаю, поскольку у меня не было особенно хорошего еврейского образования!

Большая часть моего внимания была сосредоточена на спорте, и как участник, и как зритель. Я был хорошим спортсменом, хотя и далеко не в лиге Джоша. Но я был грозным бойцом. (Мне вспоминается шутка Вуди Аллена о том, что плавание — это не спорт: «Это просто не утопление». То же самое было верно и для драки: это не было избиением. А бег — это не быть пойманным). Когда я окончил старшую школу университета Ешива, мои родители подарили мне энциклопедию бейсбола, на которой

они написали: «Ты должен знать свой Талмуд так же, как ты знаешь свой бейсбол». Единственным академическим занятием, в котором я преуспел, были дебаты, из-за чего редактор моего школьного альбома сделал для меня запись: «У него рот как у Вебстера, а голова как у Клея». (Моя мать заставила его изменить это).

Мой директор, ортодоксальный раввин, однажды позвонил мне, чтобы дать совет по поводу карьеры: «У тебя хороший язык, но ты не очень хорошо знаешь идиш». «Тебе следует заняться чем-то, где используется язык, а не мозг». Его рекомендация: «Тебе следует стать либо юристом, либо консервативным раввином».

Многие наши учителя, особенно преподаватели религиозных дисциплин, только что вернулись из европейских лагерей для перемещенных лиц. Некоторые из наших одноклассников тоже прошли через гитлеровские концлагеря. Но я не помню, чтобы кто-то обсуждал Холокост в классе или на улице. Он витал в воздухе; он был частью опыта многих наших друзей и соседей; почти у каждого были родственники. Но об этом не говорили. Напоминания были повсюду: в татуировках с номерами, которые мы видели на запястье одноклассника, когда он закатывал рукав, чтобы ударить по розовому резиновому мячу, который мы называли «Спалдин»; в семьях без отца или матери; в «лишнем брате» у некоторых детей; в поминальных молитвах в определённые праздники. Мы все знали, но не спрашивали.

Мы не были ни особенно чуткими, ни сочувствующими. Мы жестоко эксплуатировали страхи наших «новичков»-учителей в своих проделках. Когда один из уучителе, переживший воздушную бомбардировку, поворачивался, чтобы писать на доске, мы отпускали его с тихим свистом, который нарастал до взрывного крещендо, имитируя падающую бомбу, и с хихиканьем ждали, наблюдая за его испуганной реакцией. Когда учитель бил нас — распространённая форма дисциплинарного взыскания — мы угрожали донести на него чёрной сотне, казакам или СС.

Я с нетерпением ждал, когда смогу уйти из системы ешивы и поступить в школу, где всё можно было бы подвергнуть сомнению, где не существовало бы абсолютных истин. Я знал, насколько вдохновляющей может быть такая атмосфера, потому что наши шаббатние столы – ужин в пятницу вечером и обед в субботу днём – были своего рода сократовским диалогом. Эти разговоры в основном касались семейных или местных дел, редко политики или мировых событий. Мой отец, тихий человек, всегда поощрял диалог и дискуссии. Он редко вмешивался в разговор, разве что чтобы спросить: «Справедливо ли это?», или «Как это поможет аутсайдеру?», или «Будет ли это правильно?» Мой отец, по-своему, обладал обострённым чувством справедливости. Позже, в моей жизни, человеком, который больше всего напоминал мне его, был Эрл Уоррен, который был главным судьёй, когда я работал клерком в Верховном суде.

Мы с друзьями также участвовали в удивительно вдохновляющих дискуссиях вне класса — за обедом или на баскетбольной площадке. Главной темой была совместимость Библии с наукой. Всё утро мы изучали религиозные предметы, основанные на сотворении мира. Весь день мы изучали светские предметы, основанные на эволюции и других научных идеях. Мы никогда не пытались примирить эти мировоззрения в классе, но за его пределами мы с энтузиазмом брались за старые битвы. Карл, учёный, всегда был на стороне эволюции. Берни больше верил в иррациональное. Золли знала все аргументы с обеих сторон. Барри был циничен во всём. Мюррей всегда знал факт, который подрывал любую выдвигаемую теорию. Хэл вставал на сторону того, кто, казалось, проигрывал спор. Джош обычно слушал до самого конца.

Несмотря на моё желание перемен, вырваться из интеллектуально удушающей атмосферы класса ешивы, в глубине души я боялся перемен. Мои родители были настроены так же противоречиво. Они убедили меня подать заявление в ешива-

университет, куда поступило большинство моих одноклассников. Однако мне отказали после личного заступничества директора школы. Несколько лет назад мне позвонил фандрайзер из ешивы и сообщил, что я был назван выпускником года той школой, которая отчислила меня и помешала поступить в свой университет. Когда я напомнил ему о своём опыте в школе, он быстро ответил: «Мы выбрали тебя выпускником этого года, а не 1955-го». Президент ешива-университета, вручая мне награду, отметил, что я окончил школу «summa cum tsuris» (с максимальным количеством проблем). Несколько лет спустя, когда университет Ешива присвоил мне почетную степень доктора права, президент сказал, что это было компенсацией за то, что около тридцати пяти лет назад меня не приняли в качестве студента.

После того, как меня отклонили в ешиве, моя мама решила подать заявление в Бруклинский колледж. Я хотел поступить в Сити-колледж на Манхэттене, но родители не хотели, чтобы я «уезжал» в «чужую» школу. Поступление в Бруклинский колледж было далеко не автоматическим для человека с моими школьными оценками. Мне пришлось сдать конкурсные экзамены, и меня приняли с трудом.

Как это было типично для студентов нью-йоркских колледжей, я жил дома во время учёбы. Бруклинский колледж находился в сорока пяти минутах ходьбы или десяти минутах езды от нашего дома в Боро-парке. Будучи учениками ортодоксальной ешивы, мы с друзьями не могли полноценно участвовать в жизни даже такого пригородного колледжа, как Бруклин. Наши религиозные убеждения не позволяли нам участвовать в общественных мероприятиях по пятницам и субботам — в самое важное время для вечеринок и спортивных мероприятий. Мы также не могли есть с другими студентами из-за кошерных диетических ограничений.

Но группа из нас — выпускников «Ешива-университета», где я учился, и ешивы «Флэтбуш», куда ушли несколько моих друзей, — была полна решимости жить студенческой жизнью настолько полной, насколько позволяли наши религиозные ограничения. Поэтому мы основали первый в истории Бруклинского колледжа проект ортодоксального дома. Проект дома представлял собой нечто среднее между братством, социально-спортивным клубом вроде тех, что этнические беспризорники раньше организовывали в местных магазинах, и бандой. У него не было ни «дома», ни национальной принадлежности, но оно проводило собрания, устраивало вечеринки и выставляло различные внутривузовские спортивные команды. Мы назвали нашу группу «Домом рыцарей». Все проекты домов должны были быть названы в честь выдающихся педагогов, и после того, как наша первоначальная заявка на имя Леонарда Хоара была отклонена, мы нашли педагога по имени Сара Найт. Наш хвастливый девиз гласил: «Семел». Эквис «Satis», что в вольном переводе означает «Одного рыцаря достаточно». Мы устраивали танцы по воскресеньям и обращались в студенческий комитет с просьбой не назначать баскетбольные, футбольные и тач-футбольные матчи на поздние пятницы и субботы. У нас был отдельный столик в университетской столовой, куда мы приносили кошерные сэндвичи из дома.

Среди членов нашего ортодоксального дома было пятеро из группы «Боро-Парк»: Барри, Джош, Золли, Хэл и я. Трое других мальчиков из «Боро-Парк», которые учились в разных колледжах Нью-Йорка, стали почётными членами и посещали многие наши мероприятия.

Тот факт, что вся моя группа поступила в местные колледжи, отчасти объяснялся экономическими соображениями, удобством и наличием хороших колледжей в Нью-Йорке. Но это также было следствием сохраняющегося антисемитизма в Лиге плюща и других элитных учебных заведениях. Ни одно из этих учебных заведений никогда не набирало студентов в ешивы. Те немногие суперзвёзды, которые подавали заявления

самостоятельно, почти всегда получали отказ. А один или два выпускника ешивы за десятилетие, которые поступали в такие места, как Принстон, Гарвард, Дартмут и Йель, в целом имели неприятный опыт. Все мои друзья достаточно умны, чтобы преуспеть в любом колледже Лиги плюща — как и каждый в своём вузе. Но приёмные комиссии Принстона, Кембриджа, Ганновера и Нью-Хейвена посылали скрытый сигнал об исключении. Возможно, не против всех евреев, но точно против евреев нашего типа. Мы знали, что наше место — в одном из колледжей Нью-Йорка, и мы постараемся извлечь из этого максимум пользы, всегда немного завидуя нашим сверстникам, которые жили в общежитиях Лиги плюща и посещали занятия у известных профессоров.

Разрабатывая первый проект дома для ортодоксальных иудеев в Бруклинском колледже, мы преследовали две цели. Во-первых, мы очень хотели наслаждаться полноценной студенческой жизнью. Предыдущие поколения ортодоксальных студентов рассматривали колледж как череду занятий, которые нужно посещать, продолжая жить дома, в ешивах и синагогах. Мы же хотели жить полноценной студенческой жизнью в кампусе, просто ночуя дома. У предыдущих поколений ортодоксальных студентов не было времени на полноценное участие в студенческой жизни, поскольку многим приходилось работать, в то время как другие продолжали изучать раввинский язык. Мы были первым поколением ортодоксальных студентов Бруклинского колледжа, освобождённых от этих обязанностей.

Наша вторая цель была несколько шовинистической. Мы хотели доказать, что ортодоксальные еврейские мальчики не слабаки и не чудаки. Мы были ничуть не хуже неортодоксальных евреев – в спорте, обществе, политике и во всех остальных отношениях. В то время среди студентов Бруклинского колледжа было очень мало неевреев, и мы мало общались, кроме как на занятиях, с небольшой группой католиков и чернокожих студентов. Не думаю, что за четыре года обучения в Бруклине я когда-либо встречал белого протестанта, хотя администрация – президент, деканы, заведующие кафедрами – состояла преимущественно из белых протестантов со Среднего Запада, англосаксов. Зал, где располагались президент Гидеонес, декан Строуп и другие помощники деканов, мы называли «Осиным крылом».

Наш план был полон решимости разрушить несколько негативный стереотип о клановом ортодоксальном студенте. И мы превзошли самые смелые ожидания. Наша спортивная команда выиграла несколько внутривузовских чемпионатов, во многом благодаря подвигу Джоша. Несколько наших студентов были избраны в студенческие советы, в том числе двое из нас стали председателями студенческого самоуправления. Это была не совсем «Месть ботанов», но мы, безусловно, оставили свой след в жизни колледжа.

Но даже принимая полноценное участие в жизни кампуса, мы во многих важных отношениях оставались социально изолированными от неортодоксальных евреев и неевреев. Мы не встречались и даже не ходили на вечеринки за пределами нашего ортодоксального круга. В этом отношении мы отличались, но лишь в степени, от других студенческих сообществ и братств. Они тоже были организованы по этническому признаку: существовали еврейские, ирландские, итальянские и афроамериканские братства. То же самое было справедливо и для других колледжей того времени.

Наше взаимодействие с чужаками принимало форму, в первую очередь, соревнования между нами и ними. Наши команды играли против их команд. Наши кандидаты соревновались с их кандидатами. Наша группа училась вместе и старалась получать оценки выше, чем «они». Мы стремились доказать свою правоту, а не ассимилироваться в другом мире. И у нас была достаточно большая группа членов — наш союз, который изначально состоял из восьми человек, к моменту выпуска насчитывал

около шестидесяти человек, а также был принят план для ортодоксальных женщин, — что позволяло нам вести относительно полноценную общественную жизнь, не покидая пределов нашей ортодоксальной общины.

К последнему году обучения в Бруклине я решил поступить на юридический факультет. Этот путь казался естественным в свете моих успехов в дебатах и школьной политической жизни. Я понятия не имел, что такое юридическая практика, кроме того, что читал о карьере таких светил юриспруденции, как Кларенс Дарроу, Тергуд Маршалл и Луис Брандейс. Мой дядя Моррис был юристом, но специализировался на договорных делах, которые меня не интересовали. Я попросил бабушку Рингель познакомить меня со своим старым другом, которого она всегда называла «судья Беренкофф». Я понятия не имел, что это за судья, но он был единственным судьей, которого я знал. Моя бабушка удивилась, почему я хочу познакомиться с судьей Беренкоффом. Я сказал ей, что, поскольку он судья, у него могут быть хорошие советы по карьере для начинающего юриста. Моя бабушка рассмеялась и сказала: «Беренкофф не судья, он мясник». Она объяснила, что «его первое имя — Джадж», а затем произнесла его по буквам: «ДЖОРДЖ», что она, с ее идишским акцентом, звучало как «Джадж».

Несмотря на отсутствие советов по выбору карьеры, я был твёрдо намерен поступить в «элитный» юридический вуз вроде Гарварда или Йеля. Хотя я тогда и не признавался в этом сам, для меня было важно покинуть мир моих родителей, ортодоксальных иудеев, и попытаться пробиться в «ином» мире. Этот иной мир был для меня полной загадкой. Хотя я и сталкивался с ним поверхностно во время турниров по дебатам, мне нужно было понять, смогу ли я конкурировать с этими нарядными и самоуверенными «осами», которые, опровергая мои аргументы, использовали такие слова, как «чушь» и «бред».

Йель был моим первым выбором для поступления на юридический факультет из-за его несколько более широкого подхода к праву в те времена. Мои шансы на поступление казались довольно высокими, поскольку я получал очень хорошие оценки и был избран президентом студенческого самоуправления, а также нескольких других организаций. Я даже преуспел в спортивных состязаниях. Мои родители были настроены пессимистично в отношении моих перспектив, так как слышали от друзей, что в Йеле есть небольшая еврейская квота. Хотя это ещё было актуально на уровне бакалавриата, юридический факультет принимал значительное количество студентов-евреев, и моё заявление было одобрено (после непродолжительного ожидания в списке ожидания).

Я до сих пор ни разу не выезжал из дома — разве что в летний еврейский лагерь — и немного боялся переезда в такое «отдалённое» место, как Нью-Хейвен. Родители чётко дали мне понять, что я не поеду один. Если я хочу учиться на юридическом факультете за городом, мне нужно быть женатым. Мысль о том, что я не смогу встретиться с неприемлемой женщиной, то есть с неортодоксальной еврейкой, была совершенно исключена. Моя семья, да и вся общественно-религиозная структура общины, изо всех сил старалась, чтобы мы никогда не общались с девушками, не происходящими из ортодоксальных еврейских семей, что они никогда не потерпят риска случайной встречи с неподходящим партнером по браку. (Я, конечно, намеренно использую терминологию того периода).

В моём случае проблем не возникло. Всё время учёбы в колледже я встречался с ортодоксальной еврейкой по имени Сью Барлах, с которой познакомился в лагере, специализирующемся на подборе подходящих пар. Несколько участников моей группы также встречались со своими будущими невестами, с которыми познакомились в схожих ситуациях. Это были не договорные браки, как у наших бабушек и дедушек. У нас был полный выбор — в рамках закрытой группы, с которой нам разрешалось встречаться.

Было решено, что мы с Сью поженимся до моего поступления на юридический факультет. Мне ещё не исполнился двадцать один год, поэтому свидетельство о браке должны были подписать мои родители. Хотя Сью была моложе меня, она еще была несовершеннолетней, поскольку женщина могла выйти замуж без согласия родителей только с восемнадцати лет.

Одним из последствий — если не целью — этого брака стало то, что я снова не мог полноценно участвовать в общественной жизни учебного заведения, в котором учился. Но на этот раз всё сложилось не совсем так. Жизнь Йельской юридической школы в начале шестидесятых была сосредоточена вокруг занятий, юридического журнала и других академических мероприятий. Хотя я не спал и не ел в общежитии, я фактически жил в юридической школе. Моя учёба и общественная жизнь вращались вокруг её закрытого дворика. Именно в Йеле я познакомился и подружился со своими первыми осами, чернокожими и даже неортодоксальными евреями.

Помню свой первый день на юридическом факультете Йельского университета. Я прочитал решение Верховного суда, касающееся обязательного салюта флагу во время Второй мировой войны, против которого некоторые Свидетели Иеговы возражали по религиозным мотивам. Большинство согласилось с религиозными возражениями, но судья Феликс Франкфуртер выразил особое мнение, по сути, на том основании, что патриотизм во время войны важнее религиозной свободы. Франкфуртер, будучи евреем, начал своё несогласие с примечательной самохарактеристикой: «Тот, кто принадлежит к самому очерняемому и преследуемому меньшинству в истории, вряд ли будет равнодушен к свободам, гарантированным нашей Конституцией»[22]. (Конечно, он далее заявил, что совершенно «равнодушен» к религиозным свободам Свидетелей Иеговы!).

Я прочитал характеристику Франкфуртера с изумлением. В двадцать один год я просто не мог себя с ней ассоциировать. Я не чувствовал себя «очернённым», «преследуемым» или даже частью «меньшинства». Я не был ни чернокожим, ни латиноамериканцем, ни коренным американцем, ни женщиной. Я был белым мужчиной, студентом юридического факультета Йельского университета — представителем привилегированной элиты. (И действительно, только встретившись с однокурсниками Йельского университета, я понял, что относительно беден! В моём рабочем районе Бруклина я принадлежал к среднему классу).

В 1959 году мне было трудно понять, как евреи могли чувствовать себя очернёнными. Я был на седьмом небе от счастья, как сам по себе, так и в целом. Холокост не был частью моей личной памяти. Хотя я помнил карту отца и наплыв беженцев в мой район, еврейская община моих школьных лет переживала коллективную амнезию по отношению к Холокосту. О нём никогда не упоминали ни в ешиве, ни в еврейском лагере, ни в разговорах с друзьями, ни даже в синагоге. Само слово — Холокост — не входило в наш лексикон. Трагедия была слишком недавней, слишком болезненной, слишком вызывающей чувство вины.

Израиль ещё не стал объектом порицания в ООН и во многих частях света. Он был всеобщей достопримечательностью, где загорелые юноши из кибуца чудесным образом превратили пустыню в райский сад. Сионизм был умеренным социализмом, а не пагубным «расизмом». Конечно, арабы ненавидели Израиль и евреев, но весь мир (за исключением нескольких чопорных англичан и антисемитов-англофилов из Госдепартамента), похоже, ненавидел арабов.

Евреи молчания (как называл советских евреев писатель и эссеист Эли Визель)

[22]Судья Феликс Франкфуртер в деле «Совет по образованию штата Западная Вирджиния против Барнетта», 319 US 624, 646, 63 S. Ct. 1178 (1943).

молчали, и мы тоже молчали об их бедственном положении. Мы ничего не знали о страданиях евреев в Эфиопии, Сирии, Аргентине и других отдалённых уголках мира.

Мы, американские евреи, переживали свой золотой век. В шестидесятые годы быть евреем было действительно «модно». В этом, конечно же, не было ничего, за что можно было бы «порицать». Мне никогда не приходило в голову посвятить своё время и внимание правам евреев. В соответствии с традициями моей семьи и моим воспитанием, я был полон решимости бороться за права настоящих аутсайдеров, а евреи явно не относились к этой категории. По крайней мере, так я думал.

В начале 1960-х годов юридическая школа Йельского университета считалась воплощением настоящей меритократии. Хотя среди моих однокурсников были дети президентов, судей Верховного суда и мультимиллионеров-промышленников, единственная иерархия, которую я когда-либо видел в юридическом факультете Йельского университета, основывалась на оценках, написании статей в юридических журналах, участии в учебных судебных процессах и успеваемости в классе. Позже я узнал, что среди студентов существовал ряд «эксклюзивных» клубов, из которых евреи – безусловно, восточноевропейские евреи из колледжей Нью-Йорка – не вступали. Но эти клубы были настолько секретными, что я узнал об их существовании только после выпуска. Я не сталкивался с открытым антисемитизмом среди однокурсников и ни с каким намёком на него среди преподавателей. Значительная часть профессоров были евреями, некоторые открыто и гордо это делали. Декан был евреем, как и его предшественник. Будучи евреем, я чувствовал себя полноправным гражданином в юридическом факультете Йельского университета.

Из первых дней учёбы в Йельском университете мне вспоминаются две показательные истории. Первая связана с профессором Авраамом Голдштейном. В течение семестра он без комментариев обращался к некоторым студентам с известными фамилиями — Тафту, Бреннану, Маршаллу, Дэнфорту. Услышав моё имя, он спросил: «Дершовиц, из известной семьи Дершовиц в Уильямсбурге?» Сначала я подумал, что он насмехается над моим скромным происхождением, но вскоре понял, что, учитывая его происхождение — он вырос в том же районе, что и мои родители, — фамилия Дершовиц имела для меня более личное значение, чем известные имена.

Другая моя история связана с профессором Гвидо Калабрези, который преподавал мне правонарушения в первом семестре. Когда я приехал домой на еврейские каникулы, я рассказал родителям о блестящих преподавателях Йельского университета: Гольдштейне, Поллаке, Бикеле, Скольнике, Шварце. Затем я рассказал им о самом блестящем из моих тогдашних учителей: Калабрези. Не теряя времени, моя мать спросила: «Он итальянский еврей?» Я сердито ответил: «Не будь такой ограниченной. Он итальянский католик. Не все умные люди обязательно должны иметь еврейскую кровь». Несколько месяцев спустя я узнал, что Гвидо Калабрези на самом деле был потомком итальянских евреев. До сих пор я никогда не рассказывал об этом матери. Я не хотел поощрять её этноцентричность. (Это хороший тест на то, дочитает ли моя мама до этого места в книге!)

Ранг в классе и позиция в юридическом журнале определяли статус. Мне повезло и в том, и в другом: я был одним из лучших в классе и был избран главным редактором йельского юридического журнала. Это сделало меня своего рода знаменитостью в нашем маленьком мире. Профессора называли меня шефом, задавали мне самые сложные вопросы на занятиях и приглашали меня работать их научным сотрудником. Я также опубликовал две хорошо принятые статьи в юридическом журнале и имел отличные рекомендации от преподавателей. Более того, юридическая школа Гарварда уже выражала заинтересованность в приеме меня на работу. Студенты считали меня чем-то

средним между студентом и младшим преподавателем. Я упоминаю этот привилегированный статус в йельской иерархии только для того, чтобы отметить грубое разочарование, которое пришло ко мне с моими первыми поисками работы.

Для меня было абсолютным шоком, когда я узнал, что в юридической профессии действует совершенно иная иерархия, особенно — хотя и не исключительно — в фирмах на Уолл-стрит, куда стремилось устроиться большинство студентов юридического факультета Йельского университета.

Лето между вторым и третьим годом обучения в юридической школе — время работы. Весной студенты надевают свои «юридические костюмы» и выстраиваются в очередь на собеседования в крупные фирмы. Я же намеревался работать в вашингтонской фирме Covington and Burling или в нью-йоркских фирмах Cravath, Swaine и Moore или Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison. Я проходил собеседование в этих и нескольких десятках других фирм «белой обуви». Интервьюеры были вежливы, и собеседования, казалось, прошли хорошо. Однако я был удивлен вопросами о средней школе и колледже, так как я подавал заявление на работу в юридической школе и думал, что мой послужной список в юридической школе — это то, что имеет значение. К моему огорчению, я начал получать несколько уведомлений об отказе. Сначала я думал, что конкуренция на несколько вакансий была слишком высокой. Затем я начал узнавать, кому предлагали работу, от которой мне отказали. Некоторые из них были учениками средних или худших классов, которые обычно отвечали неправильно и приходили ко мне и моим коллегам из Law Journal после занятий за правильными ответами.

Вскоре начала вырисовываться закономерность. Лучшую работу получали белые англосаксонские протестанты. Конечно, «Осы» с более высокими оценками получали работу лучше, чем «Осы» с более низкими оценками, но «Осы» с самыми низкими оценками получали более выгодные предложения о работе, чем высокопоставленные евреи. Некоторые еврейские студенты — очень немногие — из числа лучших студентов всё же получали предложения о работе от элитных компаний, и я просто не понимал этого явного разрыва в схеме.

Я начал расспрашивать окружающих и наконец был «посвящен» в «правды жизни» студентом третьего курса, примерно так же шёпотом, как ученик начальной школы узнаёт о сексе от старшеклассника на школьном дворе. Мой инициатор, редактор журнала Jewish Law Journal, рассказал мне о разных типах юридических фирм и о том, каких студентов они ищут.

«Сначала идут фирмы «белых ботинок». Все партнёры — осы, за исключением, может быть, одного партнёра по недвижимости или налогообложению. У них нет ни одного еврея, если только их не зовут Леман или Моргентау. Даже не пытайтесь подавать заявку».

«Есть ещё «фирмы по квотам». Они принимают одного-двух евреев каждый год, но для этого нужно пройти процесс «васпификации» – поступить в Йель, Принстон или Гарвард, а лучше всего – в подготовительную школу, например, Эксетер или Гротон. Даже в этом случае они, вероятно, проигнорируют еврея при принятии решений о партнёрстве, но помогут ему найти партнёра в хорошей еврейской фирме.

После фирм с квотами идут «сбалансированные фирмы». Это фирмы с балансом между еврейскими и англосаксонскими партнёрами, и они хотят сохранить его. Поскольку эти фирмы очень популярны среди еврейских кандидатов и не так популярны среди англосаксонских, еврею гораздо сложнее, чем англосаксонскому, получить предложение о работе. Фактически, единственные англосаксонские, кто подаёт заявки в смешанные фирмы, — это те, кто не смог попасть в англосаксонские. У вас есть реальный шанс устроиться в одну из таких фирм.

«Наконец, есть еврейские фирмы. Даже они предпочитают ос, когда могут их заполучить — эти фирмы всегда пытаются подняться до статуса сбалансированных компаний, но почти ни одна из ос не претендует на это. Они также предпочитают евреев, похожих на осу и говорящих как оса, но они не упустят и умного жида вроде тебя». В качестве дополнения мой тренер сказал мне, что ни одна из фирм, приезжавших набирать сотрудников в Йель, не нанимала чернокожих или женщин, за исключением редких случаев, и что у этнических католиков — ирландцев и италоамериканцев — были свои проблемы, как и у фирм.

Так, вкратце, началось моё знакомство с миром нетерпимости, дискриминации, расизма и антисемитизма, называемым американской адвокатурой. Её выдающиеся лидеры, чьи портреты до сих пор удостаиваются почёта в виде стипендий на юридических факультетах, картин в юридических библиотеках и титульных листовок крупных юридических фирм, действовали в системе юридической практики, напоминающей апартеид, почти через десять лет после дела «Браун против Совета по образованию» и почти через два десятилетия после Нюрнбергского процесса.

Это очевидное явление — дискриминация всех, кроме белых мужчин-протестантов, — не было уникальным для юридических фирм, куда поступали студенты Йельского университета. Оно было характерно для юридической практики практически в каждом крупном городе Америки, а также для таких профессий, как банковское дело, бухгалтерский учет, архитектура, страхование и медицина[23]. Оно также наблюдалось, по крайней мере до окончания Второй мировой войны, во многих элитных колледжах и университетах, включая юридические факультеты и особенно медицинские.

Несколько моих друзей из Бруклина столкнулись с подобными отказами в других профессиях, например, в инженерии, страховании и финансах. Даже когда мы в подростковом возрасте искали подработку, мы знали, что некоторые компании не принимают евреев. Так уж устроен реальный мир, и мы должны были смириться с этим и с благодарностью принять то, что «они» нам оставляют. Поскольку поколению наших родителей жилось гораздо хуже, нам казалось неприличным жаловаться на свою судьбу.

Тем не менее, я был шокирован, узнав, что эта практика распространилась даже на выпускников такого эгалитарного учреждения, как Юридическая школа Йельского университета. Я вспоминаю разговор с деканом Юридической школы Йельского университета Юджином В. Ростоу, евреем, который много лет назад работал в Cravath, Swaine & Moore. Он подтвердил общую схему найма юридических фирм, но подчеркнул, что могут быть исключения, приведя в пример собственный. Он признал, что у «немецких евреев, которые пришли из богатых семей», больше шансов, чем у «евреев, таких как мы». И что у «евреев, таких как мы», больше шансов, если они учатся в колледже Лиги плюща и подготовительной школе. Когда я описал свое прошлое — среднюю школу Университета Ешива и Бруклинский колледж — он не отреагировал, только посоветовал мне улучшить свой гардероб.

Узнав о том, как практикуется юриспруденция в американских фирмах, я решил никогда не становиться частью этой системы. Но мне хотелось увидеть её в действии своими глазами. Поэтому я решил продолжать подавать заявления в крупные фирмы в каждой из категорий, описанных моим наставником-студентом. Было ясно, что будь я осой, я бы получил предложение от каждой фирмы, куда бы подал заявление. Было довольно забавно наблюдать, как корчились интервьюеры в юридических фирмах, пытаясь придумать оправдания, почему мне могут не предложить летнюю работу. Лучше

[23]Стивен Л. Славин и Мэри А. Прадт, «Синдром Эйнштейна: корпоративный антисемитизм в Америке сегодня» (Вашингтон, округ Колумбия: University Press of America, 1982), стр. 39-44, 47-61.3

всех меня провёл юрист из Sullivan and Cromwell (позже я узнал, что он был одним из их типичных тайных евреев), который указал на мою единственную плохую оценку за один курс и с каменным лицом заявил, что они не нанимают студентов с оценками ниже моих. Затем он принялся нанимать студента с оценками значительно ниже моих.

В конце концов, мне отказали все фирмы в категориях «белая обувь» и «квота». Одна фирма со сбалансированным составом — Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison — предложила мне летнюю работу, но затем отозвала предложение, когда старший партнёр по судебным разбирательствам узнал, что я ортодоксальный иудей, поскольку соблюдение шаббата не позволит мне работать по пятницам и субботам. В Covington and Burling сказали, что на это лето у них нет свободных мест, но посоветовали мне подать заявку позже. Оказалось, что эта фирма со сбалансированным составом уже выбрала себе еврея (и выбрала удачно: это был Джеймс Фридман, выпускник Гарвардского колледжа, который был сразу за мной по рейтингу в Йельском университете, а сейчас является президентом Дартмутского колледжа).

В конце концов, я перешёл на работу в фирму Kaye, Scholar, Feirman, Hays, and Handler, которая была преимущественно еврейской фирмой с небольшим количеством партнёров-неевреев (и значительным числом партнёров-евреев с нееврейскими фамилиями, такими как Ливингстон и Робинсон). Я проработал в Kaye, Scholar около шести недель и наслаждался каждой минутой. Это была — и остаётся — отличная фирма. Но я твёрдо решил никогда не входить в этот мир. Дискриминация была слишком важной частью американской юридической фирмы, чтобы я мог чувствовать себя комфортно в её структуре. Более того, я был полон решимости бороться с такой дискриминацией извне.

Несколько лет спустя, когда я преподавал в Гарварде и иногда вёл судебные дела, мне представился такой шанс. В 1975 году молодой юрист, работавший до этого юристом в Cravath, Swaine, and Moore, позвонил мне и попросил помочь ему в его судебном процессе против этой фирмы. Его не сделали партнёром после восьми лет плодотворной работы. Он рассказал мне, что его не сделали партнёром, потому что он был итальяноамериканцем, и что его уважаемая фирма никогда не предлагала партнёрам этнического католика.

К тому времени, как этот человек попросил меня заняться его делом, Cravath и большинство других фирм Уолл-стрит прекратили дискриминацию евреев, но если верить истории этого человека — а она казалась совершенно правдоподобной, особенно в свете долгой истории дискриминации в Cravath — они всё ещё дискриминировали по этническому и религиозному признаку. Я согласился взять дело на себя без гонорара.

Мы с моими студентами-ассистентами провели исследование, которое показало, что многие партнёры фирмы теперь выступают против дискриминации, но при этом сохраняются некоторые пережитки старого режима. Один из них, в частности, был известен своими антикатолическими взглядами и, как сообщается, заявил, что ни один католик не станет партнёром в его отделе фирмы.

Крават нанял фирму «Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison» для защиты своих интересов в суде. Выбор был интересен по нескольким причинам. Во-первых, «Paul, Weiss» всегда была преимущественно еврейской фирмой, одной из тех, кто стремился поддерживать баланс. Её старший адвокат, Саймон Рифкинд, бывший федеральный судья, отвечал за политику против найма ортодоксальных евреев, из-за которой мне отозвали предложение о летней работе в фирме. Наконец, сын судьи Рифкинда был партнёром в фирме Cravath. Он был евреем, нанятым в период, когда дискриминация евреев ещё продолжалась, хотя и нанимал иногда «типичных» адвокатов, особенно тех, чей отец был федеральным судьёй и ведущим адвокатом по коммерческим спорам в Нью-

Йорке[24].

Компания Cravath заняла юридическую позицию, согласно которой она имеет законное право дискриминировать по любому признаку, включая расу, религию, пол и этническую принадлежность. (Компания публично отрицала, что фактически дискриминировала по любому из этих признаков, и этот фактический вопрос так и не был урегулирован в судебном процессе). Адвокатами, выбранными для представления этого аргумента в суде, были Саймон Рифкинд, активно участвовавший во многих еврейских благотворительных организациях, и Моррис Абрам, впоследствии ставший председателем совета президентов крупных еврейских организаций и недавно завершивший непродолжительный срок полномочий президента Университета Брандейса. Рифкинд и Абрамс были не одиноки в поддержке законного права юридических фирм на дискриминацию. Ни одна из крупных еврейских организаций, в которых доминируют юристы крупных юридических фирм, не заняла публичной позиции по делу Cravath. Более того, несколько видных еврейских юристов звонили мне, чтобы убедить прекратить дело. Как выразился один из них: «Cravath в последнее время был добр к евреям, так что не раскачивайте лодку». Я гневно ответил, что дискриминация итало-американцев столь же пагубна, как и дискриминация евреев, и что узаконивание дискриминации в отношении кого-либо узаконивает её в отношении всех.

Суд отклонил доводы Cravath, согласившись с нашим утверждением о том, что крупная юридическая фирма не имеет права дискриминировать по признаку религии, расы, пола или этнической принадлежности. В конце концов Верховный суд США — в деле, возбужденном женщиной, которой было отказано в партнерстве в фирме из Атланты — принял нашу позицию в окончательном постановлении, в котором сослался на наше дело[25]. Наконец-то сама юридическая профессия стала подчиняться тем же правилам, которые она помогла навязать другим институтам в нашем обществе. Никогда больше студенту юридического факультета — будь то еврей, католик, женщина, чернокожий или латиноамериканец — не придется сталкиваться с той дискриминацией, с которой я столкнулся во время учебы в Йельском университете. Она все еще будет существовать на практике — и в правовой теории против геев в некоторых штатах — но

[24]Этот адвокат, Роберт С. Рифкинд, написал письмо в журнал Harvard Law Record в ответ на мою речь на эту тему. Он заявил:

В номере журнала «Record» от 11 марта 1983 года профессор Дершовиц утверждает, что «еще двадцать лет назад откровенный антисемитизм был довольно распространен в юридической среде». Мой опыт не соответствует действительности, и доказательства, приводимые профессором Дершовицем, кажутся неубедительными. Не знаю, почему г-ну Дершовицу отказали все 32 нью-йоркские юридические фирмы, в которые он обращался. Но, конечно же, антисемитизм — не единственное возможное объяснение.

Тот факт, что ему отказали все 32 юридические фирмы Нью-Йорка, в которые он обращался, говорит о том, что в этом было что-то иное, нежели антисемитизм…

Я могу только сообщить, что я и многие другие евреи были коллегами Кравата, когда он окончил юридический факультет, и что многие из нас стали сотрудниками фирмы.

Роберт С. Рифкинд, 61 год, Нью-Йорк,

Я ответил:

Уважаемый г-н Рифкинд!

Кого вы пытаетесь обмануть? Вы, как и я, знаете, что в 1960 году крупные компании Уолл-стрит придерживались двойных стандартов при найме евреев и белых протестантов. Конечно же. Крават нанял бы умного и квалифицированного еврея, сына бывшего федерального судьи, который был старшим партнёром в другой крупной фирме. Но предполагать, что Крават применял одни и те же стандарты при найме квалифицированных евреев и белых протестантов, значит закрывать глаза на реальность. Однако, полагаю, способность закрывать глаза на реальность была в те времена главным условием для того, чтобы стать еврейским юристом на Уолл-стрит.

[25]Хишон против Кинга и Спэлинга, 467 US 69, 77 (1984), ссылаясь на дело Люсидо против Кравата, Суэйна и Мура, 647 F2d. Доп. 162.

это больше не будет допустимо в глазах закона.

Но в моё время дискриминация была не просто приемлемой, она была правилом — образом жизни в крупных американских юридических фирмах. И все, кто был в этом заинтересован, должны были об этом знать. Помню, как судья Верховного суда Джон Харлан проводил собеседование на должность клерка. Он посмотрел моё резюме и назвал его впечатляющим. Но, вслух задался вопросом, почему я не работал в одной из крупных фирм Уолл-стрит? Аристократ Харлан сам был старшим партнёром в юридической фирме Dewey, Ballantine, Bushby, Palmer & Wood. Я посмотрел ему прямо в глаза и ответил: «Господин судья, вы должны знать, что крупные фирмы Уолл-стрит, включая Dewey и Ballantine, дискриминируют еврейских адвокатов». Он выглядел искренне удивлённым и вежливо перешёл к другой теме. Мне не досталась его должность клерка. Несколько лет спустя, когда я рассказал эту историю еврейскому коллеге, который работал клерком у судьи Харлана, он заверил меня, что Харлан, нанявший много еврейских клерков в свою бытность судьёй, был именно тем патрицием, который вполне мог не замечать дискриминации в своей собственной фирме. На одном уровне осознания – возможно, но на другом – никогда!

Мой опыт дискриминации — особенно со стороны фирмы Paul, Weiss из-за моего соблюдения шаббата — вызвал у меня неловкий момент во время собеседования на должность клерка Верховного суда, которую я всё-таки получил. Моим первым выбором среди судей стал недавно назначенный судья Артур Голдберг. Когда я пришёл к нему на собеседование, он просто бросил мне через стол ходатайство о выдаче судебного приказа (writ of certiorari) — ходатайство о пересмотре дела Верховным судом — и попросил быстро его прочитать. Когда я закончил просматривать десятистраничный документ, он попросил меня высказать «взвешенное решение» о том, следует ли удовлетворить или отклонить его и почему. Последовала бурная ддискусси, и, к моему изумлению, он сразу же предложил мне работу. Но я колебался. Мне пришлось рассказать ему о своей «проблеме» — о том, что я не могу работать по пятницам вечером и по субботам. Я выпалил: «Господин судья, надеюсь, вы не откажетесь от своего любезного предложения, когда я скажу вам, что соблюдаю шаббат, а это значит, что я не могу…»

Судья Голдберг прервал меня: «Я понимаю, что это значит, и меня оскорбляет то, что вы даже предполагаете, что это может заставить меня отозвать своё предложение. Я знаю, каково это — подвергаться дискриминации. Как я вообще могу дискриминировать кого-либо из-за его религии?»

Я извинился и объяснил, как моё предложение от фирмы Paul, Weiss было отозвано. Судья Голдберг был удивлён. «Знает ли Сай Рифкинд, чем занимается его фирма?» — спросил судья. «Сай довольно активно участвует в еврейских делах, знаете ли».

Я смущённо посмотрел на судью Голдберга и сказал: «Мне жаль это говорить, но сам мистер Рифкинд отозвал своё предложение, узнав о моём соблюдении шаббата. Он придерживается политики, согласно которой его люди должны быть доступны ему семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки». Судья покачал головой в недоумении, но так и не забыл эту историю[26].

[26]Судья Голдберг был настолько расстроен этим явлением дискриминации, что решил предать нашу историю огласке. Спустя несколько лет после того, как я закончил у него работу клерком, в газете «Lyons Den», которая тогда была самой читаемой светской хроникой в Нью-Йорке, появилась следующая статья: Голдберг, как обычно, проведёт Великие праздники в синагоге ортодоксального искусства с профессором юридического факультета Гарвардского университета Аланом Дершовицем. Они познакомились, когда Дершовиц пришёл на собеседование на заветную должность клерка к Голдбергу, тогда ещё Верховному судье. Всё прошло хорошо, и Дершовиц сказал, что счёл необходимым добавить один важный факт: он

Действительно, несколько лет спустя, после ухода из Верховного суда, судья Голдберг стал объектом внимания крупных юридических фирм Нью-Йорка. На встрече с Paul, Weiss он поднял вопрос о дискриминации ортодоксальных евреев и получил заверения в том, что эта политика будет прекращена. Так и произошло, и теперь в Paul, Weiss есть кошерная кухня, ежедневные занятия по Талмуду и значительный штат ортодоксальных юристов и помощников юристов. Благодаря этому фирма стала более разнообразной и лучшей в плане работы.

В течение трёх лет учёбы в Йельской школе права я оставался строгим ортодоксом. Я никогда не посещал занятия по субботам и в дни больших еврейских праздников. В некоторые праздники я ходил на занятия пешком, но не делал записей (из-за ортодоксального запрета писать в эти дни). Я молился каждое утро, надев тфилин и талис (филактерии и молитвенное покрывало). Мои родители, к счастью, договорились, что мы с женой снимем квартиру прямо напротив ортодоксальной синагоги «Молодой Израиль», и раввин без колебаний позвонил мне в 7 утра, когда в общине не хватало одного человека для миньяна (десяти еврейских мужчин).

Я ел только кошерную пищу и поэтому не мог обедать с одноклассниками в общей столовой. Каждое утро жена приносила мне сэндвич, и я ел с несколькими женатыми друзьями, которые тоже приносили его в коричневых пакетах. Я не носил ермолку на занятиях, но все знали, что я ортодокс. Я был активным участником занятий в Йельской школе права, и всё же, будучи ортодоксальным евреем, я оставался в стороне от её социальной структуры. В этом отношении я был похож на других евреев, которые преуспевали на работе, но оставались вне социальной структуры американской жизни. Несколько моих друзей детства, работавших в нееврейской среде, сталкивались с похожими дихотомиями в своей жизни. Особенно это касалось Берни Бека, чей бизнес заключался – я не шучу – в импорте и продаже христианских религиозных предметов, включая статуи различных святых. (Недавно он прислал мне статую Святого Иуды, после того как журнал Time окрестил меня Святым Иудой юридической профессии). Берни работал в самом нееврейском бизнесе, но продолжал жить еврейской жизнью, всегда напоминая нам, что отец библейского патриарха Авраама занимался изготовлением идолов для людей, которые им поклонялись.

Когда пришло время выдвигать меня на пост главного редактора Йельского юридического журнала, моё соблюдение шаббата стало проблемой. «Юридический журнал» считался круглосуточной работой, семь дней в неделю. В конце концов, мы выпустили крупное юридическое издание, выходившее в среднем по 150 страниц в месяц с обилием сносок. Издание полностью управлялось студентами и требовало невероятно много работы, особенно от главного редактора, который нес ответственность за каждое опубликованное слово. Можно ли доверить такую ответственность студенту, работающему шесть дней в неделю? Что произойдёт, если кризис разразится во время субботы? В конце концов, мои сторонники одержали верх, аргументируя это тем, что, поскольку я уже успел написать две статьи и получить хорошие оценки, работая по шестидневному графику, нет оснований полагать, что мне помешают в новой работе.

В конце моего пребывания на посту главного редактора сотрудники подшутили

ортодокс.
Это означало, что он не мог работать по субботам и даже отвечать на телефонные звонки. Голдберг познакомил его с молодым человеком, который должен был стать вторым клерком, Ли Мактирнаном. Судья сказал им: «Ли может работать по субботам, Алан — по воскресеньям, что даст мне возможность работать семь дней в неделю».
История «Лайонс Ден» сделала моих родителей героями в ортодоксальной общине Нью-Йорка. New York Post, 5 сентября 1969 г., стр. 47.

надо мной, вручив мне поддельный экземпляр «Юридического журнала», в котором каждая седьмая страница была пустой!

Хотя во время учёбы в Йельской школе права я был соблюдающим евреем, мои еврейские взгляды не были особенно сильны. Израиль, угнетённые евреи, Холокост, антисемитизм меня не особо интересовали (за исключением тех случаев, когда это минимально влияло на мой выбор карьеры). Как будто соблюдение обрядов заполняло мою квоту еврейских интересов. Я был так занят соблюдением обрядов, что в моей жизни не оставалось места для более политических еврейских вопросов. По мере того, как я становился менее соблюдающим после окончания Йельского университета, я обнаружил, что всё больше вовлекаюсь в еврейскую жизнь. То же самое можно сказать и о моих друзьях детства, которые стали активнее участвовать в еврейской политической и общинной жизни, хотя большинство из них и сократили степень соблюдения ритуалов.

Отчасти мой переходный период был обусловлен двумя стажировками после окончания юридического факультета. Я работал клерком у двух судей, которые были ярыми иудеями, но не очень соблюдали религиозные обряды. Моя первая стажировка была у Дэвида Базелона, председателя Апелляционного суда США по округу Колумбия, второго по значимости суда в стране.

Судья Базелон был выдающимся новатором. Впервые он привлёк к себе внимание общественности в 1954 году, когда вынес решение по делу Дарема, которое произвело революцию в законодательстве о невменяемости. Судья Базелон открыл доступ к защите по невменяемости для городских бедняков, чьи преступления были следствием их воспитания, социальных условий и других лишений. Он также был пионером в предоставлении юридических услуг бедным и обездоленным. Будучи судьёй, он видел огромную разницу между тем, как в суде обращаются с богатыми, и тем, как плохо обращаются с бедными.

Помимо своего влияния на юриспруденцию, судья Базелон оказал огромное личное влияние на большинство своих помощников, включая меня. Мы остались друзьями, и тем, кем я стал, я во многом обязан его руководству и примеру.

Судья Базелон редко ходил в синагогу, но был еврейским судьёй во всех смыслах этого слова. Он видел мир сквозь призму своего еврейского происхождения. Его юмор часто был на идише. В своих речах он ссылался на раввинскую литературу. Он называл себя светским американцем с «еврейской душой». Если подсудимый заслуживал сострадания, но у него не было возможности получить приказ о Habeas Corpus[27] или другое формальное средство правовой защиты, Базелон подмигивал мне и приказывал найти основания для выдачи «приказа о рахмоне». «Рахмон» — это слово на иврите и идише, означающее «сострадание». Даже его нееврейские клерки должны были знать, что означает этот чуждый мир, чтобы вершить правосудие в стиле Базелона.

Базелон всегда был аутсайдером, человеком, задающим вопросы, даже будучи одним из самых влиятельных юристов своего времени. Для него величайшим качеством судьи — да и любого человека — был рахмон. Хотя он был довольно богат и могущественен, он всегда помнил свои корни как младший из девяти детей бедной чикагской семьи. Он не испытывал большого уважения к своему еврейскому современнику, судье Феликсу Франкфуртеру, которого он считал «одним умом, но без сердца» и который, по его мнению, пытался скрыть свое еврейство за фасадом англофилии. Базелон любил цитировать шекспировского Шейлока: «Мозг может изобретать законы для крови, но горячий нрав перепрыгивает через холодный указ». Для

[27] Фундаментальная правовая процедура и гарантия против незаконного и произвольного лишения свободы. Это приказ суда, который обязывает тюремщика доставить задержанного в суд и доказать законность его ареста. Если законных оснований нет, суд немедленно освобождает человека. (прим.пер.)

Базелона закон должен исходить как из сердца, так и из мозга, и он должен понимать как горячий нрав, так и холодный расчет.

Судьей-евреем, с которым он наиболее тесно ассоциировал себя, был Артур Дж. Голдберг, который опередил его в борьбе за то, что тогда считалось «еврейским местом» в Верховном суде. После отставки судьи Франкфуртера имена главного судьи Базелона и министра труда Голдберга часто упоминались в качестве преемников. В то время я работал клерком у Базелона и помню его смешанные чувства при назначении своего старого друга на место, на которое он также претендовал. Базелон знал, что крайне маловероятно назначение второго еврея в Верховный суд (несмотря на прецедент одновременной службы судей Луиса Брандейса и Бенджамина Кардозо в течение короткого периода). Тем не менее, он был в восторге от назначения Голдберга и не скупился на похвалы своему старому чикагскому приятелю.

У Базелона и Голдберга было схожее происхождение. Голдберг родился в бедной семье и был младшим из восьми детей. Его отец умер, когда Голдбергу было три года. Он зарабатывал на жизнь, чтобы освоить школьные навыки, и с отличием окончил юридический факультет Северо-Западного университета, где занимался с чуть более юным Базелоном.

Голдберг быстро стал ведущим юристом страны по трудовому праву, фактически развив эту молодую область практики. Он организовал слияние Американской федерации труда и Конгресса промышленных профсоюзов.

Во время Второй мировой войны Голдберг был назначен начальником трудового отдела Управления стратегических служб (предшественника Центрального разведывательного управления) и помогал организовывать секретные операции с антифашистскими трудовыми группами в тылу нацистов.

Когда в 1960 году был избран президент Джон Ф. Кеннеди, он назначил Голдберга своим министром труда. Голдберг приступил к революционным преобразованиям на этой должности, став активным переговорщиком, положившим конец нескольким забастовкам. Единственной проблемой Кеннеди при назначении его в Верховный суд в столь «ранний» срок — в 1962 году — было то, что он потеряет своего самого эффективного члена кабинета. Кеннеди сказал другу, что Голдберг был «самым умным человеком, которого я когда-либо встречал»[28]. Голдберг выразил готовность остаться на посту министра труда еще на несколько лет. «Будут еще вакансии», — сказал он президенту. «Никто не может быть в этом уверен», — ответил Кеннеди. «Я назначаю вас в Верховный суд сейчас», — настаивал он. Как трагически оказалось, это было последнее назначение президента Кеннеди в Верховный суд.

Судья Голдберг сделал выдающуюся, хотя и короткую, карьеру в Верховном суде. Он быстро стал одним из ключевых игроков Суда и решающим голосом по многим вопросам. Мне посчастливилось быть его помощником в середине трёхлетнего периода его работы в Верховном суде. В тот год он подготовил основополагающие решения по таким вопросам, как смертная казнь, правило об исключении из списка обвиняемых, перераспределение, свобода слова, право на суд присяжных, отделение церкви от государства и другим важным вопросам. Я тесно сотрудничал с ним по каждому из этих вопросов, особенно по смертной казни и делу Эскобедо, которое запретило допросы полицией подозреваемых, содержащихся под стражей без доступа к адвокату.

Будучи его помощником по правовым вопросам, я имел честь присутствовать на частных обедах в его покоях с высокопоставленными лицами, включая высокопоставленных израильских чиновников. Одной из самых близких подруг Артура

[28]Стивен Брейер, «Клерк судьи Голдберга», Журнал истории Верховного суда, 1990 г., стр. 4

и Дороти Голдберг была Голда Меир, которую они знали ещё со времён своего раннего сионистского пути в Чикаго и которую всегда называли Голди. Однажды, когда я ездил в Израиль, Голдберги попросили меня пронести мимо её охраны блок нефильтрованных сигарет Chesterfield, чтобы она могла сделать несколько затяжек своей любимой сигареты, которую запретил её врач. Когда я достал их, Голда с ликованием схватила их и сказала: «Держу пари, я знаю, от кого они». Голдберг проявляла страстный, хотя и не всегда некритический, интерес к израильским и еврейским вопросам.

Базелон и Голдберг показали мне, как поддерживать — и даже усиливать — свою вовлечённость в еврейскую жизнь, не впадая в фундаментализм в отношении религиозных обрядов. Они показали мне, что значит иметь еврейское чувство сострадания. Они жили своей еврейской жизнью каждый день, без ритуала. И их еврейство — их рахмоны — находили во мне больший отклик, чем еврейство ритуала.

Помню, как моя бабушка по материнской линии навестила меня на выходных, когда я работал клерком у судьи Базелона. Бабушка Рингель вошла в кабинет и спросила, может ли она встретиться с судьёй наедине. Он пригласил её в свой кабинет, где они, как он позже рассказал мне, разговаривали на идише. У моей бабушки была жалоба. Она заметила, что я молился за пятнадцать минут, явно считая их менее важными. «Он молился целых полчаса», — сообщила она судье. «Не могли бы вы позволить ему молиться немного позже по утрам?» — настаивала она. «Вам обоим будет полезно, — заверила она судью, — если вы позволите ему молиться лишние пятнадцать минут». Судья Базелон заверил мою бабушку, что не будет препятствовать моему исполнению религиозных обязанностей. В течение следующих нескольких месяцев он рассказывал эту историю — на идише с соответствующим акцентом — каждому знакомому еврею.

Моя история о судье Голдберге — это также история моего перехода от строгой ортодоксальности. Артур и Дороти Голдберг всегда устраивали чудесные пасхальные седеры, на которых присутствовали государственные служащие, особенно неевреи. Джордж Мини пел ирландские баллады, Хьюберт Хамфри рассказывал истории, а Дороти Голдберг пела профсоюзные песни на идише. Он пригласил меня на один из них и, даже не спрашивая, убедился, что всё мероприятие было кошерным. Он и Дороти твёрдо верили, что к людям, соблюдающим кашрут, нельзя относиться как к гражданам второго сорта, угощая их «особо кошерными» блюдами. Если был хоть один человек, соблюдающий кошерность, то и всё мероприятие было кошерным. На тот, который я должен был посетить, были приглашены вице-президент, несколько судей Верховного суда, члены кабинета министров и иностранные дипломаты. Я понятия не имел, какие усилия и расходы они предприняли специально для меня. В последнюю минуту родители уговорили меня не нарушать традицию посещения седеров в Бруклине. Вариант одного седера с Голдбергами, а другого с моей семьей был невозможен, так как мы не путешествовали на Песах. Я вежливо сообщил Голдбергам, что не смогу присутствовать на их седере, и они не сказали ни слова. Лишь годы спустя судья Голдберг впервые рассказал мне, как я их разозлил, отказавшись от участия в их седере после всех приложенных ими усилий. «Из-за тебя вице-президенту пришлось есть кошерную еду, предоставленную кейтерингом, а не замечательную кошерную кухню Дороти. А ты поехал к родителям». Он также упрекнул меня в том, насколько строго я соблюдал обряды во время моей работы у него в качестве клерка — однажды ему даже пришлось ехать ко мне на квартиру в пригороде Мэриленда в субботу, чтобы обсудить со мной экстренный случай, — и как это, казалось, ослабло после того, как я от него ушел.

* * *

Фактически, я сохранял ортодоксальные взгляды на протяжении обеих своих должностей, хотя мне становилось ясно, что моя твёрдая приверженность иудаизму

должна будет проявляться не только в строгом следовании правилам, в которых я не был твёрдо убеждён. Переезд из Вашингтона, округ Колумбия, в Кембридж, штат Массачусетс, и воспитание двух детей, постоянно сомневающихся во всём, послужили толчком к моему постепенному переходу от пассивного соблюдения ритуалов к активному участию в общественных делах.

Процесс перемен, который я переживал, был параллелен тому, что переживали несколько моих друзей детства, переезжая в смешанные районы и на новые места работы. Это был процесс, с вариациями, который проходило каждое еврейское поколение, когда его представители переезжали в новые места и осваивали новые профессии. Это всегда травматично, потому что нет карты неизведанной дороги. Каждому поколению — да и каждому человеку — приходится заново прорабатывать перемены, как будто этого никогда не было и никогда не повторится. Исторически перемены — это константа. Но для тех, кто их переживает, это немного похоже на игру, в которую мы играли в детстве: нам завязывали глаза, кружили, а затем говорили найти знакомые ориентиры. Я чувствовал то же самое, когда отправился в Гарвардскую юридическую школу, чтобы начать свою карьеру преподавателя.

Я решил преподавать в Гарварде не потому, что ожидал там еврейской среды. Я хотел преподавать в университете с отличной юридической школой и первоклассными кафедрами в других областях, поскольку меня интересовала междисциплинарная работа в области уголовного права, психологии и психиатрии. Я также хотел жить в крупном мегаполисе, где мог бы посещать судебные заседания и приобретать практический опыт применения права. Я знал, что, переехав в Кембридж, я окажусь в гораздо менее еврейском мире, чем тот, в котором я жил раньше. Но я понятия не имел, насколько чуждым он окажется.

3. В Гарварде

Квоты, конфликты и почести

Когда осенью 1964 года я прибыл в Гарвард, это было самое нееврейское заведение, какое я только мог себе представить. У комика Ленни Брюса была своя сценка о том, что и кто такие «евреи» и «гои». «Гой» на идише означает «не еврей». «Гой» на иврите означает просто «нация», но со временем это слово стало обозначать (унижать?) нации или народы, не относящиеся к евреям. Вот сценка Брюса:

Диг: Я еврей. Каунт Бэйси еврей. Рэй Чарльз еврей. Эдди Кантор гой. Бней-Брит — гой; Хадасса — еврейка.

Если вы живёте в Нью-Йорке или любом другом крупном городе, вы — еврей. Неважно, католик вы или нет; если вы живёте в Нью-Йорке, вы — еврей. Если вы живёте в Бьютте, штат Монтана, вы будете гоем, даже если вы еврей.

«Kool-Aid» — гойский. Сгущённое молоко — гойское, даже если его изобрели евреи. Шоколад — еврейский, а помадка — гойская. Фруктовый салат — еврейский. Лаймовое желе — гойское. Лаймовая газировка — очень гойская.

Все пирожные «Дрейк» — гойские. «Пумперникель» — еврейский, а белый хлеб, как вы знаете, очень гойский. Картофель быстрого приготовления — гойский. Газировка с чёрной вишней — очень еврейская, макароны — очень еврейские.

Все негры — евреи. Все итальянцы — евреи. Ирландцы, отрекшиеся от своей религии, — евреи. Рты очень еврейские. И груди. Вращение жезлом — очень по-гойски.

Нижнее бельё определённо гойское. Яйца гойские. Сиськи еврейские.

«Праздновать» — гойское слово. «Наблюдать» — еврейское слово. Мистер и миссис Уолш празднуют Рождество с майором ВВС США в отставке Томасом Морлендом, а мистер и миссис Бромберг празднуют Хануку с Голди и Артуром Шиндлер из Киамеша, штат Нью-Йорк[29]*.*

Самый быстрый способ определить, является ли место изначально гойским, — посмотреть на евреев, которые там занимают видное место. Еврейские профессора Гарварда в 1964 году были — за некоторыми исключениями — самой гойской группой из всех, с кем я когда-либо сталкивался, гораздо более гойской, чем знакомые мне профессора права Йельского университета, и уж точно более гойской, чем два очень еврейских еврея, с которыми я работал в Вашингтоне.

Дело было не только в их гоевской одежде — некоторые из них выглядели так, будто носили твидовые трусы под брюками, сшитыми в британском стиле. Они также не «одевались как британцы и не думали на идише». Они тоже думали на британском. Их англофилия, скопированная с Феликса Франкфуртера, отражалась на их манерах, взглядах, стиле речи, выборе метафор и даже шутках. Ленни Брюс назвал бы юридическую школу Йельского университета еврейской, а Гарвардскую — гойской.

Я живо помню свой первый званый ужин в доме декана Эрвина Грисволда. Его жена подала ростбиф с овощами. Я съел овощи, но оставил мясо. Я никак не ожидал, что мою тарелку будут проверять, но на следующий день декан спросил меня, почему я оставил мясо. Я сказал ему, что соблюдаю кашрут, и он быстро ответил, что никто из других профессоров-евреев не соблюдает кашрут. Он напомнил мне, что даже католики изменили свои правила относительно мяса по пятницам, и спросил, не считаю ли я, что

[29]Ленни Брюс, цитируется в книге Уильяма Новака и Моше Уолдокса «Большая книга еврейского юмора» (Нью-Йорк: Harper Perennial, 1981), стр. 60. Первоначально опубликовано издательством Ballantine Books в сборнике «Основы Ленни Брюса» Ленни Брюса.

«вашему народу» пора адаптировать старые правила к современности. Думаю, что это благонамеренное замечание декана позволило мне соблюдать кашрут ещё год.

Я также помню свою первую конфронтацию по поводу моего еврейства. Субботние утренние занятия были давней традицией в Гарвардской школе права, и предполагалось, что их будут вести младшие преподаватели. Мне, как самому младшему преподавателю, назначили субботнее занятие. Я сказал декану, что не работаю по субботам. Он ответил, что я должен. Я рассказал, как судья Голдберг подстроил свой график под мои предпочтения, и спросил, почему Гарвард не хочет поступить так же.

Декан, человек исключительно справедливый, объяснил, что было бы несправедливо позволить мне избежать субботней нагрузки, в то время как другим приходится её нести. Я спросил, почему субботние утренние занятия так важны. Он признал, что они во многом являются пережитком прошлого. Через несколько дней он сообщил мне, что мне больше не придётся преподавать по субботам, и что в будущем субботних занятий больше не будет.

От профессоров-евреев (и студентов) юридического факультета Гарвардского университета в начале 1960-х годов ожидалось, что они будут вести себя как благодарные гости в чужом доме, и большинство из них, по-видимому, чувствовали себя наиболее комфортно в этой роли.

Как будто ничего не изменилось с 1922 года, когда профессор Гарри А. Вольфсон, первый еврейский преподаватель иудаики в Гарварде, сказал своим студентам, что родиться евреем — это всё равно, что «родиться слепым, глухим или хромым», и что их «общая участь как евреев» — быть «изолированными, лишенными многих социальных благ и преимуществ». Он призвал их «покориться судьбе», а не «глупо бороться с ней», потому что «есть определённые жизненные проблемы, для которых нет решения» [30].

Всё это было понятно, хотя и не особенно прозорливо, учитывая историю Гарварда и его политику в отношении еврейских преподавателей. До Второй мировой войны число профессоров-евреев на юридическом факультете Гарварда можно было пересчитать по пальцам одной руки. И юридический факультет считался прогрессивным в этих вопросах. Сам университет, особенно колледж, был ещё хуже. За всю свою историю в Гарварде не было ни одного декана-еврея. Университетский зал, где располагался кабинет президента, был практически «юденрайн» (свободен от евреев).

Гарвард ничем не отличался от других элитных вузов Лиги плюща и не только, таких как Стэнфорд. Существовали — и, полагаю, действуют до сих пор, хотя и с радикально иными цифрами — системы numerus clausus (буквально «закрытое число»), призванные ограничить процент еврейских студентов. Эти количественные ограничения возникли в Восточной Европе как часть откровенно антисемитской государственной политики.

Ограничения, распространявшиеся на студентов и, ещё более строго, на преподавателей, часто были настолько низкими, что их можно было бы квалифицировать как символическое ограничение. Сегодня модно слово «квота», но нынешние квоты сильно отличаются — как по своему назначению, так и по принципу действия — от «numberus clausus», направленного против евреев. Ограничения «numberus clausus» представляли собой «потолки без полов»: они не были предназначены для обеспечения хотя бы определённого числа евреев, принятых в университет; они были предназначены для обеспечения не более этого числа.

Сегодняшние мягкие квоты — это полы без потолка: они разработаны с целью

[30]Гарри Острин Вольфсон, «Избавление от иудаизма». Брошюра общества «Менора» № 2 (Нью-Йорк: Menorah Press, 1922), стр. 1, 50—51. Цитируется в книге Зильбермана «Определённые люди», стр. 30—31.

гарантировать прием по крайней мере определенного числа заявителей из числа меньшинств; не существует ограничений — по крайней мере, теоретически — на количество заявителей сверх этого минимума, которые будут приняты.

История дискриминации евреев в Гарварде довольно типична для других крупных университетов. Более того, она отражает положение евреев в элитных американских учебных заведениях и профессиях в первой половине этого века — положение, в тени которого выросло моё поколение американских евреев, и которое продолжает оказывать глубокое влияние на наше мировоззрение. Не зная этой истории, трудно в полной мере оценить неоднозначное отношение многих евреев к нынешним безвредным квотам (и другим предполагаемым угрозам их с трудом заработанному статусу).

Я сосредоточился на истории Гарварда, потому что знаю её лучше всех, и потому что она стала образцом скрытой дискриминации, которому подражали другие университеты, компании, профессии и учреждения. Гарвардская модель важна ещё и потому, что она широко применяется и сегодня, будучи прямо узаконена решением Верховного суда 1978 года по знаменитому делу Бакке.

В 1909 году пост президента Гарварда перешел от Чарльза Элиота к А. Лоуренсу Лоуэллу, который занимал этот пост в течение следующих двадцати четырех лет. До вступления Лоуэлла, который был открытым расистом (он поддерживал расистские иммиграционные законы и был открыто настроен против ирландцев, итальянцев, чернокожих, восточных и еврейских), политика приема в Гарвард была относительно стандартизирована[31]. Поскольку было мало небелых, непротестантских абитуриентов, не было причин отклоняться от академических критериев. Но по мере того, как с годами число еврейских абитуриентов увеличивалось, Лоуэлл и другие в администрации университета становились все более и более недовольными системой приема, которая принимала все большее число «нежелательных» — особенно евреев-иммигрантов.

В январе 1922 года деканат отметил, что «г-н Лоуэлл весьма убеждён», что Гарварду следует ограничить долю общей доступной стипендиальной помощи, предоставляемой еврейским студентам, долей таких студентов в группе[32]. Поскольку еврейские студенты (особенно из Восточной Европы) часто испытывали финансовую нужду, ограничение помощи неизбежно привело бы к сокращению их числа.

14 апреля 1922 года Лоуэлл направил в приёмную комиссию два предложения, касающихся евреев. В одном из них предлагалось «расследовать все сомнительные… случаи с максимальной тщательностью, и те из них, кто принадлежит к еврейской расе, должны быть отклонены, за исключением исключительных и особых случаев». В другом предлагалось отклонять все заявления евреев о приёме путём перевода из других колледжей, «за исключением случаев, когда такие кандидаты обладают выдающимися интеллектуальными способностями и безупречной репутацией»[33].

Большая часть риторики, раздававшейся в адрес евреев, была сосредоточена на их якобы неотесанных иммигрантских манерах. «Колледжи годами ассоциировались с определённым продуктом — „людьми Гарварда“, „людьми Принстона“, якобы узнаваемыми типами, — и они хотят продолжать выпускать то, что от них ожидают. Они не считают еврейских абитуриентов хорошим сырьём». В статье 1926 года председатель приёмной комиссии Генри Пеннипакер обрушился с критикой на умных абитуриентов с «крайними расовыми характеристиками», которые не прошли «тест на характер,

[31]См. Зильберман, «Определённые люди», стр. 54.
[32]Алан М. Дершовиц и Лора Ханфт, «Позитивные действия и модель разнообразия и дискреции Гарвардского колледжа: парадигма или предлог?», Cardozo Law Review, т. 1, № 2 (осень 1979 г.)», стр. 389.
[33]Там же, стр. 390.

личность и перспективность»[34].

Это была старая гарвардская чушь, прикрытая элитарным языком «характера» — понятия, лишенного конкретного содержания и не поддающегося оспариванию в каждом конкретном случае, тем более что приемная комиссия проводила расследование еврейства абитуриента «с величайшей тщательностью».

Старые гарвардцы, проводившие эту предлоговую процедуру, определённо не смогли бы пройти свой собственный тест — справедливо проведённый — на «характер выше критики». У них даже не хватило честности публично признать свои действия. В некоторых случаях они нарушали закон, дискриминируя евреев[35].

В течение всего мая 1922 года профессорско-преподавательский состав Гарвардского университета на собраниях и в меморандумах обсуждал еврейский вопрос. Лоуэлл в переписке с Уильямом Хокингом, профессором моральной философии, отвергал идею психологического теста, подобного тому, который успешно применялся в то время в Колумбийском университете, «поскольку никакие объективные тесты не позволяли исключить достаточное количество евреев». Он предложил процентную систему, которую можно было бы применить к любой группе мужчин, не смешивающихся с общей массой, — скажем, к выходцам с Востока, цветным мужчинам и, пожалуй, франкоканадцам, если они не говорили по-английски и держались обособленно… Это применимо почти ко всем, но не ко всем, евреям; возможно, но не вероятно, к другим людям…

Лоуэлл сказал одному из выпускников, что ему не нужны евреи, которые не желают отказаться от своих «особых практик»[36].

Чтобы его не обвинили в пропаганде квот с целью навредить евреям, Лоуэлл быстро заверил общественность, что он имел в виду безвредную квоту, призванную «помочь» евреям:

Антисемитские настроения среди студентов усиливаются, причем они растут пропорционально увеличению числа евреев.

Если бы их число достигло 40 процентов от общего числа студентов, расовые чувства обострились бы. С другой стороны, когда число евреев было невелико, расовая неприязнь также была бы невелика[37]…

Лоуэлл, по-видимому, никогда не рассматривал возможность ограничения числа антисемитов, принимаемых в Гарвард. Это задело бы его слишком близко к сердцу.

Если среди студентов действительно наблюдался заметный рост антиеврейских настроений, то это, очевидно, поощрялось высшим руководством — такими, как Лоуэлл и его назначенцы, — которые не упускали возможности объявить еврейский «характер» ущербным. Однажды Лоуэлл сказал выпускнику, что «50 процентов» студентов, пойманных на краже книг из библиотеки в том году, «были евреями». Когда профессор Феликс Франкфуртер узнал об этом и потребовал конкретики, Лоуэлл признал, что его цифра 50 процентов означала одного студента[38].

Ответ судьи Лернеда Хэнда на предложенную Лоуэллсом квоту был одним из самых запоминающихся:

Я не могу согласиться с тем, что ограничение по расовому признаку в конечном итоге принесёт какую-либо пользу. Если еврей плохо уживается с христианином, то сегрегировать его нецелесообразно. Большинство качеств, которые христиане в нём не

[34]Там же, стр. 391
[35]Там же.
[36]Там же, стр. 394, прим. 49.
[37]Там же, стр. 393
[38]Там же, стр. 394, прим. 49.

любят, на мой взгляд, являются прямым результатом той же политики в прошлом…

Если бы кто-нибудь мог придумать честный тест на характер, возможно, он бы сослужил хорошую службу. Сомневаюсь, что он применим, разве что для выявления формальных и очевидных нарушений. Без него, мне кажется, студентов можно отбирать только по тестам на эрудицию, какими бы неудовлетворительными они ни были…

Колледж может объединять людей, разделяющих общие традиции, или же он может сделать ставку на учёбу. В таком случае, полагаю, он будет полагаться на то, что в учёбе кроется главная надежда, и что группа учёных окажется лучше любой другой[39].

В отчёте комитета, опубликованном в 1923 году, квоты были отвергнуты как не соответствующие гарвардской традиции «равных возможностей для всех, независимо от расы и религии». Вместо квот была принята система «географического распределения», призванная «привлечь больше абитуриентов с Юга и Запада»[40].

Это было худшее проявление лицемерия Гарварда: одним словом, он отвергал антиеврейскую квоту, а другим – устанавливал географические преференции, специально предназначенные для ограничения числа евреев. В том же году статья в журнале «Harvard Graduates' Magazine» информировала выпускников, что новая политика географического распределения «отсеет группу студентов, многие из которых, безусловно, не подходят. Среди них в настоящее время значительная часть – евреи, но они не будут исключены ни формально, ни фактически по расовому признаку»[41].

Но цель сокращения еврейского представительства» посредством географического распределения не увенчалась успехом, по крайней мере в краткосрочной перспективе. После широко разрекламированного отказа Гарварда от религиозных квот число квалифицированных еврейских абитуриентов возросло, а процент еврейских студентов даже немного увеличился. Президент Лоуэлл был в ярости. Он был убежден, что если приемным комиссиям не предоставить полную свободу действий, цифры будут продолжать расти. Опасаясь начать еще одно публичное фиаско, Лоуэлл на этот раз действовал тихо, написав председателю приемной комиссии в 1925 году: «Чтобы предотвратить опасное увеличение доли евреев, я знаю в настоящее время только один путь, который является одновременно простым и эффективным, и это отбор на основе личной оценки характера со стороны приемной комиссии»[42].

В январе 1926 года в докладе комитета было рекомендовано ограничить общее число первокурсников одной тысячей, сделать приём, даже среди академически приемлемых кандидатов, крайне дискреционным, а также уделять больше внимания качествам «характера и физической подготовки». Вскоре после этого ко всем заявлениям стали предъявлять фотографию.

В 1926 году председатель приёмной комиссии Гарварда Пеннипэкер сообщил Кларенсу Менделлу, новому декану Йельского колледжа, что Гарвард «собирается сократить количество абитуриентов-евреев с 25% до 15% или меньше, просто отказывая им без подробного объяснения причин»[43]. Эта новая инициатива увенчалась успехом: процент евреев в Гарварде значительно снизился. Администрация Гарварда, сама по себе сомнительная, использовала предлог «репутации», чтобы скрыть свою открытую религиозную дискриминацию.

В честь «великих» людей, которые проводили эту систематическую дискриминацию, сегодня названы здания в Гарвардском дворе. Их имена почитают

[39]Там же, стр. 394-395.
[40]Там же, стр. 395.
[41]Генри У. Холмс, «Университет», журнал выпускников Гарварда, т. 31 (1923), стр. 531.
[42]Цитируется в книге Дершовица и Ханфта «Позитивные действия», стр. 396—397.
[43]Цитируется там же, стр. 397.

студенты, которые понятия не имеют, что эти люди были кучкой бесчестных фанатиков, недостойных уважения или подражания. Всякий раз, когда меня просят выступить в любом из этих зданий, я делаю все возможное, чтобы просветить студентов об ужасных людях, чьи имена увековечены этими зданиями. Я напоминаю им, что Гарвард отказался назвать дом в честь Леонарда Хоара, третьего президента Гарварда, чтобы неудачный каламбур не запятнал имидж Гарварда. Было бы гораздо лучше, если бы дом был назван в честь Хоара, который был пуританским священником, чем в честь Лоуэлла, чье имя, возможно, больше подходит имиджу Гарварда, но которого должен почитать только Ку-клукс-клан.

Гарвард, конечно, был не единственным университетом, который искал способы сохранить однородность своего студенческого состава, состоящего из белых протестантов. Другие учебные заведения, особенно те, где было много абитуриентов-евреев, последовали примеру президента Лоуэлла, успешно злоупотреблявшего «характером» для установления ограничений для евреев. (Дартмутский университет был более прямолинеен. Даже в 1945 году его президент объявил Дартмут «христианским колледжем, основанным для христианизации своих студентов»)[44].

Один из неизбежных выводов, которые следует сделать из этой истории, заключается в том, что мнимое стремление Гарварда к увеличению «разнообразия» на самом деле было направлено на достижение противоположного – разнообразия студенческого состава. Это была отчаянная попытка повысить однородность студенческого состава перед лицом вторжений тревожно разношёрстных элементов из гетто Восточной Европы через трущобы Нью-Йорка и других городов Восточного побережья. Больше всего ксенофобское руководство колледжа опасалось именно того разнообразия, которое могли принести евреи и другие меньшинства.

Таким образом, парень с фермы Среднего Запада и сын юриста с юга были приняты не столько из-за разнообразия, которое они могли обеспечить, сколько потому, что их считали гораздо более похожими на типичных студентов Гарварда, чем иммигранта первого поколения из Нью-Йорка. Чтобы сохранить доминирование коренных белых протестантов среди общего числа студентов колледжей, приёмным комиссиям пришлось «диверсифицировать» состав на относительно поверхностном уровне: им пришлось расширить поиск белых протестантов на другие географические регионы страны и на белых протестантских учащихся государственных школ именно для того, чтобы остановить приток некоторых других «элементов», способствующих разнообразию, которые концентрировались в городах северо-востока. Механизм, к которому они прибегли, заключался в фальшивом и оскорбительном тесте на «характер», проводимом по собственному усмотрению однородной группой запуганных фанатиков, приверженных расистскому утверждению о том, что евреи как группа лишены характера.

К концу этого периода Гарвард под руководством президента Лоуэлла решил свою «еврейскую проблему», разработав именно тот дискреционный процесс приёма, который был узаконен – и, более того, высоко оценен – пятьдесят лет спустя судьёй Льюисом Пауэллом в деле «Регенты Калифорнийского университета против Бакке». Это решение дало одобрение Верховного суда именно системе приёма Гарварда, и в частности её подходу к позитивной дискриминации, основанному на необходимости «разнообразия» и «дискреционных полномочий» приёмной комиссии. Тогда, как и сейчас, Гарвард заявлял о стремлении к разнообразию студенческого состава, обязывая свои приёмные комиссии учитывать разнообразные субъективные и объективные данные о каждом абитуриенте. Однако и тогда, и сейчас такая неограниченная дискреционность позволяет

[44]Зильберман, «Определённые люди», стр. 98.

выбирать определённую религиозную или расовую группу – с целью уменьшения или увеличения – и применять к ней, по сути, иной стандарт приёма, не признавая прямо это различие. В обоих случаях все знают, что происходит, но никто не обязан признавать особое влияние религии или расы на решение о допуске или отклонении.

Неудивительно, что многие евреи чувствительны к таким понятиям, как «разнообразие», «свобода действий» и «характер», поскольку они возникли как кодовые обозначения антиеврейских квот. Неудивительно и то, что такие люди, как судья Льюис Пауэлл, чья профессиональная жизнь прошла в сегрегированном мире юридических фирм и коллегий адвокатов, чувствовали себя комфортно, используя эти кодовые обозначения. Юридическая профессия, в которой выросли судья Пауэлл и его современники, вела себя так же, как Гарвард и другие элитные университеты, в борьбе с «еврейской проблемой».

Лидеры коллегии, включая будущих председателей Верховного суда Харлана Стоуна и Уильяма Говарда Тафта, открыто заявляли о своей неприязни к адвокатам-евреям и другим иммигрантам, которые, по словам Стоуна, «проявляют расовую склонность к запоминанию» и «ум, почти восточный в своей верности деталям предмета, не обращая внимания на какие-либо контролирующие правила или причины». Другие жаловались на приток иммигрантов из Восточной Европы, «с малым унаследованным чувством справедливости, правосудия и чести, как мы их понимаем». Пол Крават, основатель одной из крупнейших юридических фирм Америки, сам юрист с весьма сомнительной юридической этикой, ругал адвокатов за «слишком много воображения, слишком много остроумия, слишком большую сообразительность, слишком поверхностную беглость» — качества, которых «лучшие клиенты склонны бояться»[45].

Генри С. Дринкер, который много лет был председателем этического комитета Американской ассоциации юристов и чей трактат по юридической этике до сих пор является одним из наиболее широко используемых коллегиями юристов, критиковал этику «русских еврейских мальчиков, которые вышли из нищеты и просто следовали методам, которые использовали их отцы, продавая шнурки для обуви и другие товары»[46].

Попытка приравнять еврейские «расовые» черты к неэтичному поведению достигла своего апогея в 1916 году, когда президент Вудро Вильсон выдвинул кандидатуру Луиса Брандейса в Верховный суд. Руководство Американской ассоциации юристов (ААЮ) решительно выступило против этой кандидатуры, используя кодовое слово «характер». Шесть бывших президентов ассоциации, по настоянию действующего судьи Элиху Рута, заявили, что «Брандейс был «неподходящим человеком для работы в Верховном суде». Бывший президент и будущий главный судья Тафт обмакнул своё «перо в едкие письма, отправляя письмо за письмом с клеветой друзьям и семье, ругая Брандейса за его этику, политические взгляды и религию». Многочисленные местные ассоциации юристов и отдельные элитные адвокаты утверждали, что у Брандейса был «недостаточный стандарт профессиональной этики». Президент Гарварда Лоуэлл, один из наиболее ярых сторонников элиты, считал Брандейса недобросовестным в своей юридической практике и «не заслуживающим доверия»[47]. Он подписал петицию, критикующую — как вы уже догадались — «характер» Брандейса.

Окончательное утверждение Брандейса лишь укрепило решимость англосаксонского юридического сообщества сохранить свою гегемонию. Как писал Джеймс Бек, бывший генеральный солиситор США, в 1922 году: «Если удастся организовать старую американскую породу, мы всё ещё сможем предотвратить

[45]Там же, стр. 95.
[46]Алан М. Дершовиц, «Неравное правосудие», New York Times Book Review, 25 января 1976 г., стр. 1
[47]Там же; письмо Лоуэлла Льюису Толмену, эсквайру, 16 февраля 1916 г. (Архив Гарварда).

угрожающий упадок конституционализма в этой стране». Неудивительно, что элита адвокатов решила расширить полномочия коллегии адвокатов по навязыванию своей собственной концепции юридической этики всем юристам, как практикующим, так и будущим. Это гораздо лучше подходило для достижения поставленной цели, чем повышение образовательных требований, которое, как заметил один из адвокатов коллегии, могло бы «не допустить наших». Соответственно, по всей стране появились комитеты по «характерологии», которым было поручено проверять кандидатов на должность адвоката. Неудивительно, что эти комитеты, в состав которых входили такие юристы, как Рут, Дринкер и другие, с явным предубеждением против чужаков, дисквалифицировали значительную часть «русских еврейских мальчиков», чернокожих и других «нежелательных этнических групп». Они также вводили ограничения в отношении женщин[48].

В частности, Пенсильвания предприняла «героические» усилия по «очистке» своей адвокатуры от евреев. Количество успешных кандидатов-евреев сократилось более чем на 20 процентов после введения механизмов проверки, и ни один чернокожий не был допущен к адвокатской практике в период с 1933 по 1943 год. Акцент на «характер» — со стороны коллегий адвокатов, университетов и других элитных учреждений — служил для сокрытия от общественности открытого фанатизма. Но по-настоящему никто не был обманут. Только преднамеренный самообман — подобный тому, который продемонстрировал судья Харлан в своем интервью со мной — позволял некоторым отрицать очевидное.

Хотя ситуация, безусловно, улучшилась после окончания Второй мировой войны, этого было недостаточно. В Гарварде и элитной адвокатуре всё ещё существовала дискриминационная иерархия. Это наследие второсортности было повсюду, когда моё поколение гарвардских профессоров вступило в свои права.

В 1971 году, когда Дерек Бок был повышен с должности декана юридического факультета (на эту должность он был назначен без еврейской конкуренции антисемитским президентом Гарварда Натаном Пьюзи) до должности президента Гарварда, я решил, что пришло время прямо и лично заняться проблемой антисемитизма в Гарварде. Если еврей не мог стать деканом (или президентом) великого университета, то это был не тот университет, в котором я хотел бы провести свою профессиональную жизнь – точно так же, как я не хотел бы работать в юридической фирме, где процветает дискриминация. Конечно, на карту было поставлено нечто большее, чем мой собственный дискомфорт от выбранного работодателя или профессии. Гарвард был символом, лидером в сфере высшего образования. Его нетерпимость отражала широко распространенное наследие нетерпимости, свойственное всей американской жизни. Многие барьеры пали, но некоторые все еще стояли, и их необходимо было преодолеть.

На юридическом факультете ходили слухи, что Бока на посту декана заменит ушедший президент Пьюзи. В свете хорошо известной предвзятости Пьюзи, это гарантировало бы продолжение постыдной традиции выбора деканов по религиозной принадлежности — или, по крайней мере, по отсутствию еврейского происхождения.

Вместе с другим преподавателем я пошёл к Дереку Боку и рассказал ему о своих ожиданиях, что Пьюзи будет руководствоваться своими предрассудками при выборе нашего нового декана. Бок сказал нам, что назначение нового декана — это ответственность Пьюзи. Я возразил, что новый декан будет работать под руководством Бока, а не Пьюзи, и что ответственность за обеспечение независимости выбора лежит на нём.

[48]Дершовиц, «Неравное правосудие», стр. 2.

Я открыто намекнул, что не буду чувствовать себя комфортно в учебном заведении, которое продолжало царить в 1970-х годах, и что пришло время — раз и навсегда — положить конец применению религиозных критериев при выборе деканов. Бок, похоже, согласился, но, похоже, нервничал из-за того, что ему пришлось отобрать у Пьюзи право голоса. Однако, уходя, он заверил нас, что выбор нового декана юридического факультета не будет основан на религиозных принципах.

Мы были убеждены, что это означает, что Бок решил сделать выбор сам. Несколько недель спустя было объявлено, что Альберт Сакс, еврей по национальности, станет деканом юридического факультета. За этим последовало назначение нескольких еврейских деканов по всему университету.

Дерек Бок нарушил традицию, направленную против еврейских деканов. Кажется ироничным — хотя, конечно, это было неизбежно — что именно Дерек Бок, который был, вероятно, последним президентом Гарварда, избранным по системе, где правом на должность обладали только неевреи, стал тем, кто положил конец административному апартеиду в Гарварде[49].

Вскоре после этого религиозные барьеры начали рушиться и в других университетах. Примерно в то же время мои друзья из других профессий и компаний рассказывали мне о схожем прогрессе. Барри стал менеджером по продажам в Union Carbide; Карл – инженером в компании, которая раньше дискриминировала евреев. Евреи были на пути к тому, чтобы стать полноправными гражданами на рабочем месте, по крайней мере, на большинстве должностей.

Но устранение барьеров для деканов не означало полного прекращения дискриминации евреев в Гарварде и других университетах. Она продолжается и сегодня в отношении еврейских абитуриентов во многих элитных учебных заведениях, где число квалифицированных еврейских абитуриентов превышает «желаемое» число еврейских студентов в «идеальном» студенческом контингенте. Это чем-то напоминает «сбалансированные» юридические фирмы, которые дискриминировали евреев во времена моей учёбы в юридическом вузе. Проблемы уже не те, что были в старые недобрые времена А. Лоуренса Лоуэлла. И мотивы, лежащие в основе ограничений для евреев, тоже не те же. И, конечно же, цифры другие. Но это не означает, что еврейство человека — точнее, его видимая еврейская идентичность, такая как имя, родной город или название школы, — иногда не является негативным фактором при приёме. Я убеждён, что это так, хотя представители университета продолжают это отрицать. Рассмотрим, например, совокупное влияние на еврейских абитуриентов политики позитивной дискриминации в отношении расовых меньшинств и политики «географического распределения».

Географические критерии позволяют приёмным комиссиям искусственно поддерживать высокую представленность белых протестантов в студенческом составе. Вопрос не в том, является ли это одной из целей – осознанной или неосознанной – некоторых нынешних приёмных комиссий. Это неоспоримый эффект географического распределения. Белые протестанты распределены по стране более равномерно, чем другие, и реже проживают в мегаполисах, чем чернокожие, евреи, азиаты и католики. Следовательно, в рамках географического распределения этим последним группам приходится бороться друг с другом за меньшие куски пирога, предназначенные им.

[49]Оглядываясь назад, я сожалею, что не протестовал против назначения Бока президентом. Хотя Бок положил конец антиеврейской дискриминации при назначении деканов, сам он был выбран нетерпимым комитетом, причем с предвзятостью, поскольку все евреи — и, вероятно, другие мужчины, не относящиеся к расе ос, — автоматически исключались из рассмотрения. Таким образом, процедура его избрания была незаконной.

Географическое распределение, по сути, накладывает ограничения на количество студентов, принимаемых из различных северо-восточных мегаполисов, таких как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия и Вашингтон. В этих мегаполисах наблюдается очень высокая концентрация чернокожих, евреев и католиков. Соответственно, если чернокожим студентам отдается предпочтение при поступлении, и если географический фактор остается неизменным, то преимущество чернокожих достигается непропорционально за счет евреев и католиков. Таким образом, хотя все белые абитуриенты подпадают под действие любой расово-специфической программы позитивной дискриминации, евреи и католики, по-видимому, страдают непропорционально сильнее, в то время как многие белые протестанты страдают непропорционально меньше.

Поэтому неудивительно, что, когда Гарвардский колледж наконец начал принимать значительное количество чернокожих студентов (и это было вполне закономерно), среди преподавателей-евреев возникла обеспокоенность по поводу сопутствующего сокращения числа студентов-евреев. Это явление привело к знаменитому обмену «пончиками»:

Доктор Чейз Н. Петерсон, декан приемной комиссии Гарварда, недавно обратился к группе еврейских преподавателей, подозревавших, что Гарвард решил сократить число принимаемых евреев. Петерсон заявил, что нет никакого конкретного «списка» или района страны, чья квота приема была сокращена. Скорее, сказал он, это «бублики вокруг больших городов», которые не пользуются таким успехом у приемной комиссии Гарварда, как раньше... «Но теперь нам приходится быть ужасно строгими к людям с хорошими оценками из хороших пригородных средних школ, хорошим, солидным, чистоплотным ребятам, у которых на самом деле недостаточно других достоинств». По словам Петерсона, к бубликам относятся такие районы, как округ Вестчестер и Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, пригород Нью-Джерси и Шейкер-Хайтс, штат Огайо. Когда он описывал эти районы еврейским преподавателям, сообщает Crimson, один из них встал и сказал: «Доктор Петерсон, это не пончики, это бублики»[50].

Какова бы ни была его нынешняя цель, не может быть никаких сомнений в том, что географическое распределение приводит к искусственному увеличению числа белых студентов-протестантов и одновременному искусственному уменьшению числа чернокожих, иудейских, азиатских и католических студентов.

За годы учёбы в Гарварде я боролся против того, чтобы решения о приёме основывались исключительно на расе. Я всецело поддерживаю агрессивную политику позитивной дискриминации во всех сферах жизни, но не считаю справедливым процесс приёма, в котором расовая принадлежность кандидата имеет решающее значение. И я принципиально против лицемерного образа, который Гарвард и другие элитные учебные заведения напускают на свой процесс приёма, чтобы скрыть от общественности решающую роль расы.

Что же я имею в виду, когда говорю, что поддерживаю позитивную дискриминацию? Я твёрдо убеждён, что при приёме студентов в университет уместно учитывать путь, который преодолел абитуриент, чтобы достичь своей цели. Например, представьте двух абитуриентов, борющихся за одно место. Мистер Пур родился в бедности у необразованных родителей. Он сам заработал себе на жизнь, закончив школу и колледж. Его оценка составляет 3,4 по 4-балльной шкале, а балл его академических способностей — 1400 по 1600-балльной шкале. Мистер Рич родился с серебряной ложкой во рту, в семье родителей с высшим образованием, которые предоставляли ему

[50]Дершовиц и Ханфт, «Позитивные действия», стр. 413—414.

специальных репетиторов и курсы подготовки к экзаменам. Его оценки — 3,6 и 1450.

На мой взгляд, есть два аргумента в пользу Пура перед Ричем, несмотря на его более низкие баллы. Простой эмпирический аргумент заключается в том, что Пур может быть умнее и иметь лучший академический потенциал, чем Рич; их «объективные» баллы могли быть искажены недостаточной подготовкой Пура и избыточной подготовкой Рича. Выражаясь профессиональным языком, баллы Пура могут занижать его успеваемость, в то время как баллы Рича могут завышать. Любая хорошая система приёма постарается это учесть.

Второй аргумент более спорный. Даже если Рич покажет себя чуть лучше, Пур заслуживает уважения за свои усилия и преодоленные им препятствия[51]. Однако из этого морального аргумента не следует, что раса должна быть решающим фактором при принятии решений о зачислении.

Хотя существуют весомые аргументы в пользу расового равенства, такие как необходимость расового разнообразия и расовых ролевых моделей, не может быть никаких сомнений в том, что разрешение университету учитывать расу как таковую при принятии решений о приёме абитуриентов влечет за собой значительные издержки. По сути, это просто неправильно. Вознаграждать одних за случайность их расы неизбежно означает наказывать других за случайность их расы.

Однако не менее важно и влияние программ позитивной дискриминации, ориентированных на расовую принадлежность, на расовые стереотипы. Если представители какой-либо расы принимаются в конкретную школу со значительно более низкими баллами и оценками, чем представители других рас, то практически наверняка многие представители этой расовой группы, получившие преимущественное поступление, будут учиться хуже, чем другие, чьи баллы и оценки должны были быть выше для поступления.

Следствием этого является то, что если какая-либо конкретная группа подвергается дискриминации (под которой я подразумеваю не что иное, как то, что от них, как правило, требуются более высокие баллы для поступления), то из этого следует, что принятые представители этой группы будут демонстрировать лучшие результаты, чем принятые представители других групп.

Это, вероятно, объясняет два тревожных явления, которые наблюдались на протяжении многих лет: во-первых, абитуриенты из числа меньшинств, принятые по программам позитивной дискриминации, ориентированным на определенную расу (и впоследствии оцененные по системе оценок, не учитывающей расовую принадлежность), в целом демонстрируют худшие результаты, чем представители других групп; и, во-вторых, в период, когда евреи подвергались значительной дискриминации при поступлении в элитные колледжи, они, как правило, в целом показывали результаты выше среднего после поступления.

Проблема в том, что эти наблюдения, по всей видимости, лишь закрепляют оскорбительные расовые стереотипы, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Пока представителям меньшинств значительно легче поступить в конкретную школу, эти группы, в среднем, будут демонстрировать худшие результаты. И существует опасность, что это может подтвердить расовые стереотипы. Конечно, можно утверждать, что лучше иметь значительное количество выпускников элитных профессиональных школ из числа меньшинств с несколько более низкими оценками, чем меньше

[51]Нет никаких моральных аргументов в пользу предпочтения «мистера богатого» с более низкими оценками и баллами «мистеру бедному» с более высокими. Тем не менее, такое предпочтение распространено. См. «Boston Herald» от 30 августа 1988 года: «Заслуги не имеют никакого отношения к взлету Куэйла».

выпускников из числа меньшинств — или вообще ни одного. Это особенно верно, поскольку многие из принятых с более низкими оценками студентов на самом деле будут учиться в элитных школах очень хорошо, тем самым опровергая расовые стереотипы. Реальный вопрос здесь — вопрос степени, зависящий от того, насколько далеко школа готова зайти в снижении баллов, требуемых для представителей привилегированных групп, и повышении баллов, требуемых для представителей непривилегированных групп.

Я давно выступаю за разработку и активное применение программ позитивной дискриминации, основанных не только на расе. Но их сложнее реализовать, поскольку они должны быть индивидуальными, а не основаны на групповых критериях. Несмотря на эту сложность, несколько прогрессивных юристов, включая покойного Уильяма О. Дугласа, согласны с таким подходом. Дуглас сказал: «Ключ к проблеме — рассмотрение таких заявлений с расово-нейтральной точки зрения… Такая программа может быть менее удобной с административной точки зрения, чем простая сортировка студентов по расе, но мы никогда не использовали административные соображения для оправдания расовой дискриминации»[52].

Вопрос позитивных действий внес значительный вклад в расовую напряженность между еврейской и чернокожей общинами, несмотря на то, что евреи, как правило, поддерживают программы позитивных действий — любого типа — в значительно большей степени, чем белые из других этнических групп[53]. Конечно, есть много евреев, которые, вспоминая, как «квоты», «разнообразие» и «дискреционность» использовались против них, с опаской относятся к определенным типам программ позитивных действий, особенно к тем, которые сегодня дискриминируют евреев. Это вполне понятно в свете нашей истории, и это следует учитывать тем, кто слишком быстро бросается выделять евреев для критики в вопросе позитивных действий. Действительно, выделение евреев — среди других белых этнических групп — для особой критики по поводу позитивных действий само по себе является тонким проявлением антисемитизма, особенно в свете большей поддержки евреями даже расово-специфических позитивных действий.

В течение последних нескольких лет я веду непрерывный спор об этих проблемах с моим младшим сыном Джамином. Мой сын, недавно окончивший юридический факультет Йельского университета, является ярым сторонником программ позитивной дискриминации любого рода. Как и я, он предпочитает те, которые не сосредоточены исключительно на расе и не предоставляют неоправданных преимуществ чернокожим представителям элиты из богатых семей. Но он готов придавать большое значение расовой принадлежности заявителя, поскольку раса сама по себе часто является фактором дискриминации, как скрытой, так и явной.

Его аргумент, который в какой-то степени убедил меня, заключается в том, что, учитывая уникальную историю расизма в Америке и его продолжающееся влияние сегодня, лучше ошибиться и предоставить некоторым чернокожим, не пострадавшим от дискриминации, определённую незаслуженную выгоду, чем рисковать лишить выгоды некоторых чернокожих, пострадавших от дискриминации. Он также убедил меня в том, что существует огромная разница между белым большинством, навязывающим расово мотивированную дискриминацию чернокожему меньшинству, и белым большинством, навязывающим дискриминацию другим белым (на равной основе) в позитивных усилиях по устранению последствий прошлой дискриминации. Человек, подвергшийся

[52]Дуглас, цит. там же, стр. 415.

[53]«Опрос за опросом показывают, что большинство евреев поддерживают (позитивную дискриминацию), а многие даже поддерживают „преференциальное отношение“, которое находится где-то между позитивной дискриминацией и квотами». Фейн, «Где мы?», стр. 258.

дискриминации, будь то чернокожий или белый, несомненно, страдает, но существует реальная разница между институциональным воздействием и интенсивностью боли, причинённой в рамках оскорбительной модели расового подчинения и в рамках благожелательной модели расового уравнивания. Как однажды сказал Оливер Уэнделл Холмс: «Даже собака понимает разницу между тем, когда тебе делают подножку, и тем, когда тебя пинают».

Я многому научился в ходе дебатов с Джеймином, но по-прежнему настаиваю на том, что недопустимо, чтобы любая программа позитивной дискриминации делала то, что продолжает делать Гарвард: а именно, поддерживать относительно постоянную «квоту» белых, англосаксонских, протестантских абитуриентов посредством дискриминационных механизмов «географического распределения» и «преимуществ выпускников» (т.е. отдавая предпочтение потомкам и родственникам выпускников), одновременно корректируя квоту позитивной дискриминации для чернокожих в основном за счёт сокращения числа абитуриентов из числа евреев, католиков, а теперь и американцев азиатского происхождения. Мы с Джеймином полностью согласны с тем, что «бремя» любой справедливой программы позитивной дискриминации должно быть равномерно распределено среди всех абитуриентов, а не возлагаться непропорционально на группы, которые относительно недавно стали жертвами дискриминации в Гарварде. Действительно, если бремя должно непропорционально ложиться на какую-то группу, было бы справедливее, если бы группы, исторически подвергавшиеся дискриминации, несли более тяжёлое бремя текущих усилий по достижению равенства.

За годы работы в Гарварде я стал своего рода неофициальным защитником еврейских интересов. Мой коллега Алан Стоун, проработавший в Гарварде более сорока лет, вероятно, преувеличил, назвав меня «первым еврейским евреем Гарварда»[54]. Он называет меня первым коллегой, который «не скрывает своего еврейства», и однажды пошутил, что некоторые из моих коллег беспокоятся: «Когда-нибудь ты откроешь кошерный магазин на Гарвардской площади!» (В 1988 году мы с несколькими друзьями действительно открыли там недолго просуществовавший кошерный магазинчик под названием Mavens Kosher Court).

Когда я приехал в Гарвард в 1964 году, я не ожидал, что возьму на себя роль защитника веры в Гарвардском дворе. В первые годы моей работы на факультете я испытывал некоторую двойственность в отношении своей еврейской идентичности. Несмотря на мои ранние встречи с деканом по поводу кошерной пищи и субботних занятий, часть меня хотела стать Джоном Гарвардом. Если бы университет не был столь откровенен в своем нетерпимости при президенте Пьюзи (что ярко проявилось в его отказе разрешить евреям жениться в Мемориальной церкви Гарварда), я сомневаюсь, что стал бы так активно заниматься еврейскими вопросами. Но я весьма ощутимо ощущал свою второсортность как еврея, особенно во время кризиса, предшествовавшего Шестидневной войне между Израилем и арабскими государствами в 1967 году. Я чувствовал давление, чтобы не выражать свою решительную поддержку Израилю, чтобы не поставить под сомнение мой американизм и мой гарвардизм. Никто не предлагал мне поддерживать арабскую сторону или даже не поддерживать Израиль, хотя мне

[54]Феликс Франкфуртер, первый еврей, ставший профессором юридического факультета Гарвардского университета, всячески старался называть себя «профессором юридического факультета Гарвардского университета, который по воле случая оказался евреем», а не «еврейским профессором юридического факультета Гарвардского университета». В несколько извращенном понимании своего происхождения он всегда хвастался тем, что требует «более высоких стандартов» от студентов-евреев. См. Джерольд Ауэрбах, «Раввины и юристы» (Блумингтон: Indiana University Press, 1990), стр. 155.

указывали, что несколько виднейших профессоров Гарварда еврейского происхождения были антисионистами. Всё дело было в степени. Если бы мою поддержку Израиля сочли слишком сильной, слишком эмоциональной, меня бы посчитали евреем, который ставит своё ограниченное еврейство выше других, более универсальных ценностей. Накануне Шестидневной войны моё еврейство было моей самой важной ценностью. Я действительно боялся нового Холокоста, поскольку президент Египта Гамаль Абдель Насер угрожал сбросить евреев в море. И я решил не скрывать своих чувств. Я организовал студенческую и преподавательскую деятельность в поддержку Израиля. Я оказал юридические услуги нескольким студентам, которые хотели сражаться за Израиль. Я помогал собирать деньги для израильской армии.

Помню, как один преподаватель-нееврей, о котором ходили слухи, что у него был еврейский предок, отчитал меня за то, что я веду себя так, будто моя собственная страна находится в осаде. Я ответил, что мой народ находится в осаде, и я не буду сидеть сложа руки, пока евреи где-либо находятся в опасности. Он вежливо сделал вид, что не понимает, о чём я говорю, и ушёл[55].

Мне было приятно открыто и полно выражать свою еврейскую принадлежность в Гарварде. Я никогда не скрывал её и даже не прятался в тени.

В течение следующих нескольких лет произошёл ряд других событий, укрепивших мою еврейскую позицию. С 1969 по 1970 год я работал pro bono над защитой «Чикагской семёрки», сначала в качестве консультанта по досудебным вопросам, а затем над апелляцией по обвинительным приговорам за неуважение к суду. Во время судебного процесса один из обвиняемых, радикальный активист Эбби Хоффман, пришёл выступить в Гарвард. Он публично поблагодарил меня за безвозмездное предоставление юридических услуг его делу. С присущим ему юмором он сказал, что рассматривает возможность пожертвования в размере 10 000 долларов — гонорара, который он, вероятно, должен был бы заплатить — в мою честь Организации освобождения Палестины. Гарвардская аудитория рассмеялась. Я вслух поинтересовался у нескольких друзей, шутил ли бы Хоффман о пожертвовании Ку-клукс-клану, будь я чернокожим адвокатом.

Во время защиты «Чикагской семёрки» и в последующие годы я впервые столкнулся с левым антисионизмом. Некоторые из обвиняемых и адвокатов, особенно адвокат Уильям Канстлер, были яростно настроены против Израиля. Они согласились со своим гуру Дэниелом Берриганом, священником-писателем-активистом, который охарактеризовал Израиль как «преступную еврейскую общину», которая «производит человеческие отходы». Он также обвинил «американских евреев» в игнорировании «азиатского холокоста» во Вьетнаме «в пользу экономической и военной помощи» «расистскому» Израилю[56]. Все это было до печально известной декларации «сионизм является формой расизма» Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1975 году, до вторжения Израиля в Ливан в 1982 году и до интифады, всеобщего палестинского восстания, начавшегося в конце 1987 года. Антисемитская диатриба Берригана была достойна Der Sfarmer, но из-за его популярности среди рефлекторных радикалов она вызвала на удивление мало критики слева. Я немедленно распространил письмо с осуждением, подписанное несколькими его бывшими адвокатами.

Вскоре после этого я столкнулся с естественным продолжением этой бездумной критики Израиля. Я также работал неоплачиваемым консультантом по одному из

[55]Другой преподаватель-нееврей, Ливингстон Холл, был одним из лидеров в деле помощи Израилю. Он не боялся, что его сочтут «слишком еврейским».

[56]Ральф Блюменталь, «Речь Дэниела Берригана перед арабами вызвала переполох из-за награды», New York Times, 16 декабря 1973 г., стр. 56.

аспектов дела Анджелы Дэвис в Калифорнии. Дэвис, один из лидеров Американской коммунистической партии, была обвинена в убийстве в связи со стрельбой в здании суда округа Марин в 1970 году. Она утверждала, что, будучи чернокожей, женщиной и коммунисткой, она не может рассчитывать на справедливое судебное разбирательство ни в одном американском суде. Её оправдали, так что, возможно, она была права! После оправдания она объявила, что посвятит остаток своей жизни защите политических заключённых, таких как она сама. Вскоре я прочитал, что она едет в Москву, чтобы получить какую-то премию в области защиты прав человека от Советского Союза. Я позвонил ей в офис и передал список евреев – узников совести в Советском Союзе – евреев, которые были заключены в тюрьму за то, что хотели эмигрировать в Израиль или узнать о своём происхождении. Я спросил, не согласится ли она выступить в защиту этих политических заключённых. Несколько дней спустя мне перезвонила секретарша г-жи Дэвис и сообщила, что Дэвис изучила список людей, и ни один из них не является политическим заключённым. «Все они — сионисты-фашисты и противники социализма». Дэвис настаивала на том, чтобы их оставили в тюрьме, где им самое место.

Этот опыт – и другие – убедил меня, что если я хочу быть верным своей вере в защиту обездоленных и стремление к единому стандарту справедливости, мне придётся стать столь же активным в защите прав евреев, как я уже делал это в защите прав других людей. Я стал уделять всё больше времени еврейским проблемам, не умаляя при этом своей приверженности другим делам.

Независимо от того, был ли я первым евреем Гарварда или нет, я, безусловно, стал одним из самых ярых защитников еврейских интересов. Студенты, преподаватели и члены общины обращаются ко мне, когда считают, что Гарвард невнимателен к еврейским проблемам. Будь то проведение выпускного в еврейский праздник Шевуот, предоставление трибуны тем, кто ненавидит евреев, игнорирование еврейских интересов при приёме или чествование конкретного человека.

Эти проблемы, с которыми я столкнулся в Гарварде, представляют собой микрокосм проблем, с которыми сталкивается еврейское сообщество в целом. Например, проблема отношений между евреями и чернокожими приобрела кризисные масштабы по всем Соединённым Штатам, не только в университетах, но и в школах и на улицах таких районов Бруклина, как Браунсвилл и Краун-Хайтс, на фабриках Шривпорта, штат Луизиана, и в пригородах Чикаго. Мы с моими друзьями из Бруклина — все они были активистами или поддерживали движение за десегрегацию в 1950-х и 1960-х годах — были застигнуты врасплох, когда бывшие союзники превратились в противников. Мы не могли понять, почему некоторые из самых резких антисемитских и антисионистских выпадов, казалось, исходили от тех, с кем мы шли рука об руку, обещая «преодолеть» расизм и религиозный фанатизм. Неизбежно, эти всепроникающие конфликты имели и важное гарвардское измерение.

В конце 1970-х и в 1980-х годах между некоторыми еврейскими студентами и студентами из стран третьего мира начала нарастать напряжённость. Хотя эти опасения, как правило, касались преимущественно позитивной дискриминации и израильско-арабского конфликта, иногда они, казалось, выходили за рамки отдельных вопросов. Будучи научным консультантом Ассоциации еврейских студентов-юристов Гарвардского университета, организации, которую я помог создать в 1970-х годах, я оказался в самом центре этого конфликта.

Кульминационный момент наступил несколько лет назад, когда коалиция чернокожих студентов и студентов из стран третьего мира провела конференцию выходного дня под названием «Сообщества третьего мира и права человека». Конечно, было много тем для обсуждения, например, резня в Уганде, устроенная Иди Амином,

убийства школьников в Центральной Африке, массовые убийства, совершённые сирийскими и иракскими диктаторами, и фактическое отсутствие свободы прессы и надлежащей правовой процедуры в большинстве стран третьего мира. Ни один из этих вопросов не стоял в повестке дня. Единственным обсуждением прав человека стал трибунал, созванный для суда над «так называемым народом Израиля за его „терроризм и геноцид“».

Главным участником дискуссии и почётным гостем этого трибунала, частично субсидируемого Гарвардской школой права, был третий секретарь ливийской миссии при ООН. Его не приглашали лично; ливийскую миссию просто попросили прислать своего эмиссара, и любой явившийся получал статус почётного гостя. Единственной целью этой очевидной провокации было «насолить евреям», как признался мне один из студентов-спонсоров.

Ни одному стороннику Израиля не разрешили участвовать в работе секции. Когда Ассоциация еврейских студентов-юристов Гарварда мирно протестовала против чествования ливийца, сравнивая это избрание с чествованием представителя правительства ЮАР группой белых студентов юридического факультета, некоторые студенты из стран третьего мира угрожали им расправой. Что ещё важнее, некоторые представители администрации юридического факультета и университета, выступавшие на конференции, заставили их почувствовать себя виноватыми.

Мэр города Притчард, штат Алабама, А. Дж. Купер, ещё один почётный гость, осудил Еврейскую ассоциацию студентов-юристов и меня как её научного руководителя. Затем он повернулся к ливийцу и сказал: «Я считаю, что то, что вы говорите, представляет собой лучшее, за что борется наша страна». Зал бурно приветствовал его, как и других ораторов, сделавших откровенно антиеврейские заявления.

Когда евреи жалуются на антисемитизм или антисионизм, их часто заставляют чувствовать себя излишне чувствительными. От чернокожих ожидают, что они будут открыто высказываться и решительно реагировать на любые проявления анти-черных настроений, и это правильно. Мы тоже должны гордиться тем, что решительно отстаиваем права евреев.

Конечным результатом становится психологическое чувство оборонительной позиции со стороны евреев, которые делают то, что им следовало делать. Более того, ни один еврей вообще не должен был высказываться по этому вопросу. Нас должны были защищать защитники прав человека, не являющиеся евреями. Это не должно было быть проблемой евреев против других, «но так это воспринималось».

В течение следующих нескольких лет — как по расписанию — организации третьего мира в Гарварде проводили ежегодное весеннее мероприятие. Это, казалось, было рассчитано на обострение отношений с еврейской общиной. Кульминация наступила в конце 1980-х годов, когда Ассоциация чернокожих студентов-юристов, тогда находившаяся под влиянием радикального провокатора Мохаммеда Кениаты, пригласила спикера от ООП и объявила, что организация «официально» признаёт Организацию освобождения Палестины и поддерживает её программу, которая включала уничтожение Израиля. Во время вопросов и ответов Кениата категорически отказался признавать евреев, задавших вопросы, за что в конечном итоге был подвергнут резкой критике со стороны президента университета.

Еврейские студенты боялись выступать публично, хотя личное недовольство было очевидным. Наконец, после полудюжины провокаций, я дал интервью «CBS Evening News». В нём я сказал: «Каждую весну в Гарварде проводится мероприятие… когда некоторые представители третьего мира и афроамериканских общин называют это неделей „Вот это — евреи“».

«Они приводят оратора ООП или какого-нибудь другого противника еврейских ценностей и проводят мероприятие, в котором им самому мало что интересно, кроме того, что оно действительно раздражает еврейскую общину. И мы никогда не видим обратного.

«Это широко известно в Гарвардском сообществе. Администрация в курсе и сообщила мне об этом».

Я изложил свою точку зрения в интервью одной из гарвардских газет:

Я считаю, что с поиском евреев-козлов отпущения пора покончить, и евреям пора начать борьбу. Как преподаватель и как убеждённый еврей, я чувствую ответственность не молчать перед лицом этих провокаций. Я буду продолжать открыто говорить о них по мере их возникновения. Я хотел бы видеть более прочные мосты, потому что считаю, что у евреев и чернокожих гораздо больше общего, чем различий. Но мосты должны быть двусторонними [57].

Реакция последовала незамедлительно и гневно. Вот что сказал глава Ассоциации чернокожих студентов-юристов Гарварда:

Комментарии Дершовица типичны для его невежества относительно того факта, что чернокожие студенты и студенты из стран третьего мира… признали ООП законным представителем палестинского народа. Его заявление о том, что нет оснований для союза между американцами из стран третьего мира и палестинцами… игнорирует ряд фактов, не последним из которых является то, что Израиль является одним из крупнейших, если не самым крупным, поставщиком оружия для Южной Африки, где царил режим апартеида[58].

Другой чернокожий лидер утверждал, что антиизраильские ораторы необходимы для того, чтобы компенсировать «предвзятую точку зрения национальных СМИ». Другой чернокожий студент, работавший у меня в то время, признался, что по крайней мере некоторые из них «воспринимают это заигрывание с антисионизмом как месть за предполагаемое сопротивление евреев расовым квотам».

Несмотря на критику моих резких высказываний, они, по-видимому, возымели действие. Ежегодный цикл антиеврейских акций завершился, и отношения между еврейскими и чернокожими студентами Гарварда значительно улучшились.

Антиеврейские выступления продолжаются и в других колледжах и университетах, от Нью-Йоркского городского колледжа до Дартмута. Студенческая газета Массачусетского университета опубликовала статью чернокожего студенческого лидера под названием «Еврейская раса должна учиться». В ней предупреждалось, что евреи как раса будут привлечены к ответственности за «колонизаторские» действия Израиля. В других кампусах широко распространялась брошюра, созданная «Всеафриканской народно-революционной партией» Стокли Кармайкла. В ней содержался призыв к уничтожению «расистского» Израиля, а в проблемах чернокожих обвинялся «еврейский меркантильный капитализм», который контролировал «банки, предприятия и финансовые учреждения в черной общине, продавал нам гнилое мясо в угловых лавках и взимал высокую арендную плату за проживание в трущобах».

Этот памфлет, как и другие, представлял собой старомодный, примитивный антисемитизм. Иногда они прикрывались антисионизмом, но не нужно было копать слишком глубоко, чтобы обнаружить антиеврейский посыл.

Этот опыт, полученный в Гарварде и в других местах, убедил меня в том, что в мире

[57]Мануэль Лопес и Джим Мэтьюз, «Алан Дершовиц: чернокожие, евреи и избирательная мораль», Harvard Salient, апрель 1985 г., стр. 18.

[58]Росс Гелбспан, «Чернокожие из Гарварда отрицают обвинение Дершовица в противодействии евреям», Boston Globe, 6 марта 1985 г., стр. 23.

в целом евреи были аутсайдерами в гораздо большей степени, чем я осознавал в студенческие годы в Йельском университете, когда я не мог согласиться с характеристикой судьи Феликса Франкфуртера, который охарактеризовал евреев как «опозоренное и преследуемое меньшинство». Я начал понимать, что, хотя евреи — не единственная группа, которую сегодня презирают и осуждают во всем мире, противостояние нам уникально в нескольких отношениях: мы — единственная группа, дискриминация и ненависть в отношении которой официально разрешены международным правом. Резолюция Генеральной Ассамблеи 1975 года, приравнивающая сионизм к расизму, — это официальное приглашение к дискриминации против еврейского национального самоопределения — приглашение, которое с радостью приняли многие страны и группы по всему миру. Мы также — единственная группа, которую в равной степени презирают как крайне правые, так и левые. У любой другой группы, даже у расистского режима Южной Африки, есть свои сторонники на одной стороне. Но крайности по обе стороны политического спектра ненавидят евреев и Израиль.

Тот факт, что евреев осуждают как справа, так и слева, не нов. За годы мы привыкли к антиеврейской пропаганде со стороны крайне правых, а в последнее время и крайне левых. Относительно новым является растущая приемлемость антиеврейского фанатизма среди некоторых интеллектуалов, студентов университетов, а также умеренных чернокожих лидеров и лидеров стран третьего мира.

Я не сразу осознал, как быстро меняется мир. В течение первого десятилетия моей профессиональной карьеры я работал над проблемами угнетённых, обездоленных, непредставленных. Но это всегда были дела других людей: борьба за гражданские права, антивоенное движение, кампания против смертной казни, судебные тяжбы за свободу слова и борьба за гендерное равенство. Мои клиенты не были евреями. (На самом деле, единственным клиентом, которого я помню как еврея, был порноактёр Гарри Римс, и его точно не преследовали за что-то сугубо еврейское). Быть евреем, участвующим в делах других людей, было самым естественным чувством на свете. От нас этого ждали, и нас за это ценили.

Затем, в 1970-х годах, всё начало меняться, сначала незаметно, а затем вполне ощутимо. Университетские кампусы часто являются лидерами перемен, и всё же я не верил, что то, что я испытывал в Гарварде, обязательно отражает тенденции во внешнем мире. Вскоре я узнал от своих друзей и других, что это было так, по крайней мере, в некоторой степени. Быть евреем больше не было «модно», ни в Гарварде, ни за его пределами. Дела третьего мира встречали всё большую поддержку. В то время как митинги против апартеида посещали тысячи людей (включая большое количество евреев), митинги в защиту советских евреев привлекали лишь горстку студентов, почти все из которых были евреями. Ораторы, выступавшие за ООП, были гораздо популярнее ораторов, выступавших за Израиль. Хотя ложь об отрицании Холокоста не получала легитимности среди признанных учёных, некоторые вузы приветствовали ораторов-«ревизионистов».

К началу 1980-х мои старые друзья из Бруклина отдавали своих детей – как и я своих – в колледжи по всей стране. Я получал сообщения о том, как трудно быть убеждённым евреем в университетских кампусах от Беркли до Нью-Йоркского городского колледжа. Еврейские студенты больше не сталкивались с социальной изоляцией из-за своего происхождения, но политически активные евреи – те, кто активно поддерживал израильское или советское еврейство – чувствовали себя реакционными защитниками колониализма. Еврейство в университетских кампусах явно находилось в оборонительном положении.

Я чувствовал, что Гарварду пора поставить свой значительный престиж на защиту еврейских ценностей и стремлений, как он это сделал, например, в отношении проблем чернокожего населения и стран третьего мира. В последние годы Гарвард присвоил почётные степени важным символам стремлений других народов: епископу ЮАР Десмонду Туту, гуманистке Матери Терезе, деятелю движения за гражданские права Байярду Растину, юристу Барбаре Джордан и другим. Я начал призывать власть имущих сделать то же самое в отношении евреев. В течение нескольких лет я предлагал кандидатуры Эли Визеля, Анатолия Щаранского, Иды Нудель, Симона Визенталя и других, кто представлял еврейские ценности, стремления и страдания.

Решение о присуждении этой высокой награды окутано тайной. В интересах потенциальных номинантов проводятся скрытые кампании, а окончательное решение принимает группа из примерно двенадцати выпускников, профессоров и членов правления, лично отобранных управляющей корпорацией из семи человек. Еврейские студенты и преподаватели рекомендовали еврейских героев, но безуспешно. Особенно возмутительно, что в последнее время ни один из номинантов не был назван в память о страданиях евреев во время Холокоста. Однако за тот же период несколько немецких чиновников, в том числе и те, кто сражался на стороне нацистов, были удостоены различных почестей[59].

Чтобы ещё больше усугубить ситуацию, в 1983 году Гарвардский университет назвал крупную стипендиальную программу в честь Джона Дж. Макклоя, американского верховного комиссара в Германии после войны, который помиловал нацистских военных преступников и вернул им конфискованное нацистское имущество. Макклой также сыграл ведущую роль в переселении и изоляции 110 000 невинных японоамериканцев во время Второй мировой войны. Более того, он советовал президенту Франклину Рузвельту отказывать в убежище европейским евреям, пытавшимся спастись от Холокоста, а ближе к концу войны он отговаривал лидеров американских евреев от принятия просьб о бомбардировке железнодорожных путей, ведущих к лагерям смерти. Он сыграл важную роль в спасении Клауса Барбье, Мясника из Лиона, от французского правосудия. И, наконец, он возглавлял одну из самых дискриминационных юридических фирм в стране.

В свете этой истории неудивительно, что многие американцы еврейского и японского происхождения не считали Джона Дж. Макклоя человеком, заслуживающим почестей за его деяния. Также неудивительно, что многие немецкие промышленники, особенно те, кто вёл дела в обычном режиме во время гитлеровских варварств, считали Макклоя своего рода героем.

Соответственно, Фонд Фольксвагена профинансировал новую программу Гарварда в его честь.

Когда несколько студентов пожаловались мне на честь, оказанную Макклою, я порекомендовал им поговорить с деканом Школы государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди Грэмом Эллисоном, который незадолго до этого уступил требованиям чернокожих и других студентов изменить название библиотеки, которая была названа в честь семьи, имевшей деловые интересы в Южной Африке.

Когда группа студентов пришла к Эллисону по поводу стипендии Макклоя, он заставил их почувствовать себя — как сказали мне студенты, покинувшие встречу в слезах — «нравственными прокаженными», которые «ничего не понимают в том, как

[59]Когда в 1984 году чествовали мэра Иерусалима Тедди Коллека, университет приложил все усилия, чтобы не упоминать Израиль, а вместо этого сосредоточиться на городе Иерусалиме как на своего рода экуменической столице, «драгоценном наследии» которой Коллек «сохранил».

устроен мир или Гарвард»[60].

Он сказал еврейским студентам, что если они хотят учиться, им следует поговорить с профессором Гвидо Гольдманом — сыном Нахума Гольдмана, покойного президента Всемирного еврейского конгресса, — который рекомендовал Фонду Фольксвагена назвать стипендию именем Макклоя, друга семьи.

Гарвард прикрыл свой еврейский тыл, поставив одного из своих «домашних евреев» за это предложение. В послевоенный период семья Гольдмана поддерживала тесные личные, политические и деловые связи с Макклоем. Я столкнулся с этой тактикой «домашних евреев» в начале своей учёбы в Гарварде. Всякий раз, когда университет предпринимал что-либо, что могло создать напряжённость с еврейскими студентами или преподавателями, администрация следила за тем, чтобы на её стороне был хотя бы один местный еврей. В таком случае она утверждала, что евреи разделились по этому вопросу.

Феномен «домашнего еврея» выходит за рамки Гарварда. Он широко используется другими институтами — корпоративными, государственными, общественными. Я наблюдал это своими глазами, работая в столице. Более того, Артур Голдберг первым обратил на это внимание. Он категорически отказывался играть эту роль. Он всегда был защитником еврейских интересов в администрациях, которым служил; но он никогда не был «домашним евреем», который позволял использовать свою еврейскую идентичность для оправдания действий, направленных против того, что он считал еврейскими интересами. Голдберг всегда призывал меня выступать против «домашних евреев» Гарварда.

Мне неясно, осознают ли те, кто применяет этот приём, насколько он оскорбителен. Помню, как однажды я получил письмо от президента Дерека Бока, который обычно очень чувствителен к еврейским проблемам, в котором он ответил на некоторые мои критические замечания о политике приёма в Гарвард. Он закончил своё письмо следующей рукописной припиской: «Я не считаю, что антисемитская политика президента Лоуэлла даёт серьёзные основания для нападок на нынешнюю политику нашей приёмной комиссии. Если вы действительно считаете, что нынешняя политика может просто „скрывать“ более глубокое желание исключить евреев, предлагаю вам обсудить этот вопрос с Элом Саксом и Генри Розовски». Таким образом, Бок приглашал меня высказать свою критику двум еврейским деканам, которые были более лояльны к институту, чем я.

Именно на этом фоне 8 июня 1987 года мой телефон начал разрываться от звонков. В утреннем номере Boston Globe появилась статья под заголовком «Сын, пытающийся оправдать грехи своего отца-нациста». Суть статьи, написанной профессором истории Университета Райса Фрэнсисом Л. Лоуэнхаймом, заключалась в том, что Гарвард собирается присудить почётную степень человеку, который активно и постоянно пытался скрыть — и лгать — о роли своего отца в нацистских преступлениях. Награждённым стал Рихард фон Вайцзеккер, президент Федеративной Республики Германии. Его отец, барон Эрнст фон Вайцзеккер, был осуждён за военные преступления в Нюрнберге и приговорён к семи годам тюремного заключения. Джон Макклой смягчил ему срок до одного года. Барон был государственным секретарём Гитлера, членом нацистской партии и СС, а также личным помощником Генриха Гиммлера, главы СС и гестапо. Эйхман, чиновник, ответственный за уничтожение евреев, заявил, что Министерство иностранных дел Германии не возражало против депортации тысяч

[60]В конце концов, под давлением, Эллисон ушел в отставку с поста декана после того, как предложил продать должности преподавателей в корпорациях неквалифицированным крупным спонсорам Школы Кеннеди, а также после награждения медалью за «высокую этику в правительстве» бывшего генерального прокурора Эдвина Миза, в администрации которого он работал платным консультантом.

французских и не имевших гражданства евреев в Освенцим. Он также отклонил предложение Швеции принять норвежских евреев, готовившихся к отправке в нацистские лагеря смерти, и отказался вмешаться в ситуацию с католическими священниками, отправленными в эти лагеря.

Сын нацистского военного преступника, президент Рихард фон Вайцзеккер, определённо не был сознательным отказником от нацистской агрессии. Он был солдатом, участвовавшим в жестоком вторжении в Польшу, положившем начало гитлеровской программе геноцида. После войны он помог отцу построить лжесвидетельство и безуспешную защиту перед Нюрнбергским трибуналом, включая возмутительное утверждение, что даже у евреев не было «никаких опасений по поводу Освенцима». Ещё в 1985 году Рихард фон Вайцзеккер заявил: «Я действительно верю, что мой отец не знал о существовании газовых камер и систематических массовых убийствах[61].

Но доказательства были совершенно противоположными. Прокурор, предъявивший обвинение отцу, указал на письма Эйхману и другие документы, доказывающие, что «он работал вместе с палачами». Прокурор заявил, что сыну, должно быть, было ужасно «обнаружить все эти подписи и письма Эйхману». Но сын продолжал, по словам репортёра New York Times, пытаться «реабилитировать свою семью»[62].

Сторонники гарвардской награды указали на речь Вайцзеккера, произнесенную в 1985 году, в которой он, по-видимому, признал вину своего поколения. «Кто мог остаться неподозревающим после сожжения синагог…? Тот, кто открыл глаза и уши и стал искать информацию, не мог не заметить, что евреев депортируют… Когда в конце войны стала известна невыразимая правда о Холокосте, слишком многие из нас утверждали, что ничего об этом не знали или даже ни о чём не подозревали…»[63].

Однако, обвиняя других, он упорно утверждал, что его собственный отец, который не был ни рядовым гражданином, ни даже просто членом нацистской партии, ничего не знал. Возможно, сына не следует осуждать за то, что он не видит вины отца, но и не следует чтить его за лживость и помогать ему в его постыдной цели «реабилитировать свою семью».

Несколько звонков, которые я получил тем утром, поступили от переживших Холокост — жертв барона фон Вайцзеккера. Они не хотели, чтобы награда Гарварда была воспринята как помощь Рихарду фон Вайцзеккеру в реабилитации заслуженно опозоренного имени его отца-преступника.

Ознакомившись с досье Вайцзеккера, я написал ему следующее письмо:

В своей речи в Бундестаге 8 мая 1985 года вы заявили, что «тот, кто закрывает глаза на прошлое, слеп к настоящему».

Многие из нас, преподавателей, студентов и всего сообщества Гарварда, считают, что вы закрыли глаза на преступное прошлое своего отца. Мы считаем, что вы помогали своему отцу строить ложную защиту на Нюрнбергском процессе и продолжаете отрицать, что он знал о Холокосте.

Великий университет должен быть местом для дискуссий, а не отрицания. Поэтому я призываю вас подискутировать со мной о той роли, которую вы сыграли — и продолжаете играть — в сокрытии постыдного прошлого вашего отца.

Я не получил от него ответа, но я получил немедленный ответ от полиции Гарварда, в котором мне сообщили, что «Секретная служба выразила обеспокоенность»

[61]Джеймс М. Маркхэм, «Взгляд в лицо прошлому Германии», New York Times, 23 июня 1985 г., стр. 25
[62]Там же.
[63]Джеймс М. Маркхэм, «“Все мы должны смириться с прошлым” – заявил президент Германии депутатам парламента», New York Times, 9 мая 1985 г., стр. 20.

любыми протестами, и предупредили, что «если произойдет что-то непредвиденное, они будут действовать так, как сочтут нужным». Это казалось немного несоразмерным, поскольку я объявил, что всё, что я планирую сделать, это раздать листовку у входа в Гарвард-Ярд. Листовка под названием «Обратная сторона чести Рихарда фон Вайцзеккера» описывала его роль в отрицании вины своего отца и ставила ряд вопросов, таких как «Считаете ли вы, что почетное звание Гарварда должно быть использовано для помощи в «реабилитации» семьи, которая была заслуженно опозорена военным преступником?»

На самой церемонии вручения этой чести Вайцзеккера охарактеризовали как человека, родившегося в «выдающейся семье». Ему удалось добиться того, чтобы Гарвард реабилитировал его фамилию.

Через несколько недель после получения этой награды Вайцзеккер почувствовал себя достаточно комфортно со своим прошлым, чтобы стать первым главой европейского государства, встретившимся с президентом Австрии Куртом Вальдхаймом, который только что был включен в список наблюдения Министерства юстиции США как подозреваемый нацистский военный преступник. Несколько лет спустя Вайцзеккер сыграл ключевую роль в получении Нидерландами помилования двух главных нацистских военных преступников, первоначально приговоренных к смертной казни за активное участие в убийстве более десяти тысяч евреев, проживавших в Голландии, включая Анну Франк. Их приговоры сначала были заменены пожизненным заключением, а затем они были освобождены и встречены как герои немецкими соотечественниками. Президент Вайцзеккер «похвалил» решение Нидерландов, назвав его «гуманным актом»[64].

Во время моих протестов администрация Гарварда снова обратилась к своим евреям. Они спешно созвали обед в честь Вайцзеккера, на котором демонстративно председательствовал еврейский декан факультета. Раввин Бен Цион Голд, глава гарвардского «Гилеля», написал письмо в местную еврейскую газету, в котором не только защищал Гарвард и Вайцзеккера (многие из приведённых им фактов, очевидно, были предоставлены администрацией), но и осуждал тех, кто критиковал эту награду. Он назвал газетные статьи, выступавшие против этой награды, «вопиющим злодеянием» и сравнил их публикацию с «подбрасыванием вонючей бомбы в огромную вечеринку»[65]. Можете представить, что я чувствовал, читая это из-под пера моего собственного раввина, которым я так восхищался — и продолжаю восхищаться. Но я давно убеждён, что даже раввины могут ошибаться. И раввин Голд был неправ, осуждая критиков награды Вайцзеккера в столь неподобающих выражениях.

Ещё один недавний случай демонстрирует, насколько смущённо некоторые профессора еврейского происхождения чувствуют себя из-за своего еврейства. Осенью 1989 года официальная делегация советских прокуроров и судей, некоторые из которых лично участвовали в преследовании еврейских диссидентов, была приглашена на встречу с преподавателями юридического факультета Гарвардского университета. После нескольких минут вежливого непринуждённого общения меня вызвали и задали вопрос о недавних антисемитских демонстрациях у Кремля. Я поинтересовался, как власти планируют найти баланс между новыми свободами и старым антисемитизмом. Глава делегации в ответ отрицал, что подобные демонстрации имели место. Когда я назвал им дату, место и имя чиновника, приветствовавшего антисемитскую организацию «Память», один из моих коллег — человек еврейского происхождения — перебил меня и попытался

[64]Associated Press, «Голландцы освободили двух нацистов», New York Times, 28 января 198 г., стр. 3.
[65]Бен Цион Голд, «Вина по ассоциации», Jewish Advocate, июнь 1987 г., стр. 2.

извиниться за грубость, с которой был задан столь спорный вопрос. Он ясно дал понять, что хочет дистанцироваться от моей «повестки дня». Затем советский делегат вернулся к объяснению того, почему «сионизм — это форма расизма».

В последующей служебной записке преподавателям я предложил провести аналогию со встречей с представителями правоохранительных органов Южной Африки и поинтересовался, будет ли преподаватель чувствовать себя комфортно, пытаясь помешать чернокожему коллеге задать сложный вопрос об апартеиде.

Еврейская жизнь в Гарварде остаётся яркой, несмотря на скрытые попытки некоторых местных евреев навязать менталитет «ша-шлил» (молчи) в критике наших «благодетелей». В наши дни быть еврейским студентом или профессором Гарварда проще, чем в предыдущие поколения. Открытого антисемитизма нет. Нет и явных ограничений для евреев на поступление или преподавательские должности, хотя быть евреем всё ещё относительно невыгодно. Быть евреем, который случайно оказался в Гарварде, несколько сложнее, хотя это и легче, чем когда я приехал в Кембридж четверть века назад. Я чувствую себя совершенно комфортно со своим еврейством в Гарварде, потому что отказываюсь чувствовать себя гостем в чужом мире и вести себя так, как это делают некоторые мои коллеги-евреи. Наверное, мне повезло, что я не воспринимаю благотворительность Гарварда по отношению к евреям как улицу с односторонним движением. Еврейские студенты и преподаватели стали важной частью величия Гарварда, так же как еврейские граждане стали важной частью американского величия. Мы должны настаивать на том, чтобы к нам относились как к полноправным членам каждого института, к которому мы принадлежим, будь то страна, наше рабочее место или наши социальные клубы. Мы заслужили этот статус, и мы ставим его под угрозу всякий раз, когда позволяем относиться к себе хуже.

4. Выход на телевидение

Распространенность антиеврейских настроений

В ТЕЧЕНИЕ первых десяти лет моей учебы в Гарварде я посвятил свою профессиональную жизнь преимущественно научной работе — преподаванию, написанию статей, учебников и обзоров. Однако в последние десять лет я стал участвовать в громких судебных процессах и чаще появляться в СМИ. Эти публичные выступления открыли мне изнанку американской жизни, с которой мало кто из евреев сталкивается.

Каждый раз, когда я появляюсь на телевидении или в прессе, я получаю десятки писем. Большинство из них – отклики на тему моего появления. Но в каждой партии писем обязательно найдется хотя бы несколько откровенно антисемитских посланий. Некоторые из них – от «завсегдатаев»: профессиональных антисемитов, которые, похоже, проводят свои жалкие дни, сочиняя анонимные. Я узнаю их по почерку, почтовому штемпелю или любимой фразе. Некоторые – от сумасшедших, тех, кто видит весь мир сквозь призму паранойи. Самые тревожные письма приходят от внешне нормальных американцев, которые, похоже, искренне считают евреев олицетворением зла. Значительное число авторов этих писем гордо подписываются и указывают свои адреса.

Самое примечательное в этих антисемитских письмах заключается в том, что они редко провоцируются содержанием моих высказываний. Они порождаются самим фактом моего выступления на телевидении, радио или в печати. Независимо от темы, этим корреспондентам удаётся увидеть еврейский аспект. Если я защищаю право на свободу слова, то потому, что «евреи — крикуны» или потому, что «жиды управляют порнографическим бизнесом». Если я говорю о расовом равенстве, то потому, что «жиды — любители негров». Если я представляю неимущего обвиняемого без гонорара, то потому, что «большевистское равенство — еврейская идея». Если я представляю богатого обвиняемого за большой гонорар, то потому, что «евреи — жадные до денег капиталисты». Если моя тема — уголовное правосудие, то потому, что «евреи против права настоящих американцев владеть оружием» или потому, что «вы, евреи, — кучка либералов-педофилов». Когда я выступал против нашего участия во Вьетнаме, это было потому, что «трусливые евреи не любят воевать за Америку» или потому, что «евреи выполняют приказы Кремля».

Очень немногие порядочные американцы читают или слышат, что откровенно антиеврейские американцы думают о «евреях». Когда я показал некоторые из этих писем своим бруклинским друзьям, они были шокированы; они совершенно не представляли, что подобные чувства сохраняются среди некоторых слоёв американского общества. Друзья настоятельно просили меня поделиться с читателями этой книги некоторыми репрезентативными отрывками из моей переписки. Вот несколько недавних писем [66]:

Каждый раз, когда я вижу вас на национальном телевидении в течение последних 15 лет... разделяющего ваши ультралиберальные взгляды на смертную казнь, аборты, гражданские права, которые разъедают социальную ткань этой страны, я лучше понимаю социальные условия, которые заставили Гитлера искоренить вирус, поразивший Германию в 1930-х годах.

Эта зараза проникла в жизненную силу Америки: евреи занимают самые высокие посты в правительстве: Федеральная корпорация по страхованию вкладов (FDIC), Бюро

[66]Я не могу поручиться за тот факт, что подписи на письмах, цитируемых в этой главе, принадлежат их авторам, но именно эти имена значатся в полученных письмах.

статистики труда, федеральная судебная система, индустрия порно-развлечений (Голливуд), телеиндустрия (все три сети) и т. д.

При всей вашей огромной псевдоинтеллектуальности и эрудиции хватит ли у вас смелости прочитать это письмо вашим студентам в Гарварде?

Я так не думал, Кик[67]*.*

Искренне ваш, Уильям Орр Слайделл, Луизиана

После выступления на «Nightline» я получил следующее письмо:

Наблюдая за тобой некоторое время в программе «Nightline» с Тедом Коппом, я пришел к выводу, что ты — тупой коммунист...

Вас следует обвалять в смоле, вывалять в перьях и привязать к телеге, запряженной волами, чтобы вас пинали, топтали и плевали на вас, пока вас волокут к портовым докам, чтобы депортировать обратно в Советскую Россию... Надеюсь, кто-нибудь плюнет вам в лицо жевательным табаком, пока вы лежите в канаве, умирая от СПИДа.

Ваш 100% американец,

Теодор У. Брэдшоу

Секуим, Вашингтон

Еще одно появление в «Nightline» побудило одного из зрителей посетовать, что *«вы и вам подобные — жестокие эгоистичные еврейские фанатики, которых не заботит положение других людей... Ваша раса в прошлом заплатила высокую цену за этот маниакальный этноцентризм... Огромное коварство, запечатленное в ваших отвратительных глазах, — исконные признаки еврея».*

После выступления на «Шоу Мортона Дауни» я получил длинное аккуратно напечатанное письмо, которое заканчивалось следующим образом: *«Возможно, у вас генетический дефицит из-за слишком частого межпородного скрещивания... Сейчас все пойдет не так».*

Шахин прислал мне следующее письмо с подписью :

Если вы, «евреи», такие достойные люди, ЗАЧЕМ шесть миллионов из вас были брошены в печи???????

Алан, позвольте мне предсказать выверенный факт. Задолго до конца этого столетия в АМЕРИКЕ произойдёт «холокост», после которого «Гитлер» покажется таким же невинным, как маленький «алтарник» во время мессы!

Когда я появился вместе с бывшим мэром Нью-Йорка Эдом Кохом на шоу, модератором которого был Тед Коппел, и где обсуждалась тема наркотиков, один из ответов был таким: «Просто напоминаю, это Соединенные Штаты Америки. Это шоу посвящено пропагандистским интересам иностранной державы... Никто не обвинит вас в двойной лояльности — очевидно, кому вы преданны».

Обсуждение смертной казни привело к комментарию одного из фанатов:

Я не хочу содержать даже половину заключённых в этой стране, и, блядь, их казнят завтра утром. Ты когда-нибудь думал о переезде в Израиль? Ради всего святого, я бы оплатил тебе дорогу. А ты, уезжая, не мог бы забрать с собой половину мексиканцев и ниггеров?...

Появление на шоу Фила Донахью спровоцировало появление такого постскриптума к письму о легализации проституции: *«Вы порочите репутацию евреев, как будто их недостаточно ненавидят».*

Выступление на телевидении о деле Клауса фон Бюлова вызвало такой вдумчивый ответ у жительницы Бостона по имени миссис Дж. М. Рэнсфор:

[67] Я сделал.

«Мой брат, выпускник Гарварда, известный судья в другом штате, говорит, что возмущен качеством юристов, которых сейчас выгоняют из Гарварда. Я работаю в очень престижной юридической фирме, и все смеются над тобой. Ты просто жид - еврей из Бронкса...»

В статье в New York Times говорилось следующее: «К сожалению, вы напрашиваетесь на новый погром, поскольку всё чаще ведёте себя так же, как евреи Германии. Вы все мерзки и заслужили любой погром, который вас постигнет».

Четырехстраничное письмо, написанное совместно мне и конгрессмену Барни Фрэнку из Массачусетса Роджером М. Рашем из Портленда, штат Мэн, включало следующие слова:

На земле нет людей более расистских, более нацистских, более нетерпимых, чем эти так называемые евреи, «впитавшие» в себя название Израиль.

Именно псевдоевреи создали Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения (NAACP) и все остальные группы ненависти, чтобы разжигать рознь между чёрными и белыми. Мы не узнаём правду о СПИДе, потому что им болеют многие псевдоевреи, а в правительстве много гомосексуалистов.

Организация Объединённых Наций была совершенно права, когда заявила, что сионизм — это расизм. Евреи финансировали Адольфа Гитлера, чтобы заставить псевдоевреев, называющих себя «богоизбранным народом» (кучка дерьма), вернуться в Израиль...

Еврейские элементы являются движущей силой как капитализма, так и коммунизма....

Похоже, одна из распространённых идей заключается в том, что, поскольку я всего лишь «гость» в чужой стране, я не должен учить хозяина, «как вести хозяйство». Статья, которую я написал о правах некурящих, спровоцировала это: «Надеюсь, вы понимаете, мистер Дершовиц, что мы, коренные американцы, появились здесь чуть раньше 12-дюймовых хот-догов и 1-дюймовых экспертов по конституции, которые торгуют своими Оскарами Мейера». В недавнем письме та же мысль выражена несколько иначе:

После того, как наши предки основали протестантскую христианскую республику и создали процветающую экономику, еврейские иммигранты прибыли в Соединённые Штаты, чтобы получить свою долю прибыли... Евреи скитались по земле 2000 лет, посещая все народы мира. В большинстве этих стран их не ждали (что касается меня, то здесь их тоже не ждут, это делает меня антисемитом, к чёрту евреев)... Я не знаю, что собираются делать остальные американцы, но я не собираюсь сдаваться без боя... Евреи – коммунисты. Они – сыны Сатаны. Евреи – это смешанное сообщество азиатских языческих рас, смешанных кровей и пород, воспитанное на еврейском Талмуде, написанном 2500 лет назад. Это письмо было написано после 20 лет исследований.

Ваш во Христе, Джон М. Ректор Тулия, Техас

Письмо, отправленное из Скоки, штат Иллинойс (с добавленными словами «Jew Haven»), заканчивалось требованием, чтобы евреи «все возвращались в африканские джунгли и приводили своих черных братьев. Кому вы нужны, мошенники? Безумцы... Еврейские дети в большинстве своем сумасшедшие.... Ложь на идише!! Убивать! Убивать! Убивать! Деньги! Деньги! Деньги! Жадность! Жадность! Жадность! Вмешиваетесь в чужие дела!» Подпись под ним была: «Антисемитик ».

Одна из диатриб закончилась таким пожеланием: «Хотел бы я, чтобы вы пережили период нацизма в Европе? Как бы я этого хотел».

Мое участие в качестве адвоката Джонатана Полларда, обвиняемого в шпионаже в пользу Израиля, спровоцировало эту жемчужину:

Многие из нас, кто признаёт свою преданность только Соединённым Штатам,

наконец-то получили неопровержимое доказательство вашей правоты. Для меня это не новость, поскольку я уже давно слежу за вами. Но ваше вмешательство в дело предателя Полларда и его жены-заговорщицы ставит на вас окончательную точку, и теперь это видят все американцы.

В другом письме выражалась жалоба на приток советских евреев в Америку:

Более того, вы хотите привезти сюда всех российских евреев — отправьте их в Израиль. Дайте нам палестинцев и арабов; они станут преданными американцами и будут сражаться (слово «война» незнакомо американским евреям) за эту страну...

Запихивая нам в глотку этот Холокост, мы не смеем быть «антисемитами». Скажу вам, молодой человек, для большинства американцев это совершенно нормально — так же, как быть антикоммунистом, равнозначно проамериканской позиции...

Газетная колонка, в которой я указал, что антиеврейские взгляды консервативного обозревателя Патрика Бьюкенена не отражают мейнстримной американской жизни, вызвала шквал откликов. Первый был таким:

Хайми!

Почему, по-вашему, взгляды Бьюкенена не соответствуют американскому мейнстриму? Я знаю многих, многих людей, таких как я, даже католиков, которые ненавидят всех негров и евреев. Мы — молчаливое большинство. Всё, что у вас есть, — это пресса, конгресс и деньги. Мы бывшие демократы и на 100% за арабов.

Ваши люди и негры — предмет всех наших шуток.

Из всех полученных мною писем – а антисемитских сейчас тысячи – больше всего меня тревожит корреспонденция от испуганных евреев. Я вспоминаю одно особенно трогательное письмо от пожилой пары, пережившей Холокост. Оно было написано на смеси ломаного английского и идиша, и в нём меня настоятельно просили «держаться подальше от телевидения», потому что «большинству американцев не нравится то, что вы говорите», и они «устроят ещё один Холокост», если им не понравятся евреи. Пара ясно дала понять, что они согласны с большей частью того, что я говорю, но их мнение «не имеет значения», только «они» – неевреи – имеют значение. И «они считают вас евреем», и если «им» не нравится то, что я говорю, «это будет плохо для остальных евреев». Так что либо «изменяйте то, что вы говорите», либо «перестаньте появляться на телевидении». Авторы писем были очень уважительны – и очень напуганы.

Эти письма совершенно ясно показывают, что некоторые американцы видят во мне прежде всего еврея, независимо от того, что я говорю. Моё лицо, моё имя, мои взгляды – всё это написано на мне как на еврее. Несмотря на тексты песен, музыка еврейская. Не знаю, возражаю ли я против такого восприятия. Я – настоящий еврей и горжусь этим. Конечно, меня возмущает, что мои антисемитские корреспонденты так злобно и заблуждаются в отношении евреев и еврейских ценностей. Но они имеют право считать меня евреем и делать вывод, что мои идеи, по крайней мере отчасти, проистекают из моего еврейского происхождения.

Какие обязательства налагают эти реалии на меня как на американского еврея, который часто высказывается по широкому кругу общественных вопросов?

Конечно, с одной стороны, я не могу принять всё ещё характерное отношение поколения моей бабушки — страх, что любая заметность евреев неизбежно вызовет негодование и антисемитизм. Не то чтобы моя бабушка ошибалась, просто факт. Видимость действительно усиливает существующее негодование. Как и успех евреев, и, конечно же, их выживание. Для некоторых сама мысль о том, что евреи, не принявшие Иисуса как Мессию, могут продолжать процветать, является отрицанием их теологии. Для других, даже без теологии, успех евреев, особенно когда он кажется несоразмерным нашей численности, — грызущий дискомфорт.

Помню, как после моего выступления в Лос-Анджелесе женщина, назвавшаяся еврейкой, спросила, стоит ли ей запретить своей дочери поступать в Гарвард. Она задавалась вопросом, не способствует ли большое количество евреев в элитных университетах антисемитизму. Я ответил, что антисемитизм процветает в отсутствие евреев. Я указал на места с наиболее сильным антисемитизмом: Польшу, Украину, арабские страны, а теперь даже Японию. Антисемитизм процветает там, где нет даже значительного количества евреев. Я сказал ей, что почтовые штемпели на моих антисемитских письмах приходят в основном из маленьких сельских городков, где евреев мало или совсем нет, и от представителей замкнутых групп, которые мало или совсем не контактируют с евреями. Затем я указал на сам Гарвард, который был гораздо более антисемитским до прихода евреев, чем сейчас, когда у потенциальных антисемитов есть возможность встречаться и общаться с реальными людьми еврейского происхождения.

Я рассказал историю одной слегка эксцентричной женщины-брахманки из Бостона, которая пришла ко мне по юридической проблеме. Я решил, что её проблема не в моей компетенции, поэтому порекомендовал другого адвоката. Она спросила, еврей ли он, и я ответил: «Какая разница?» Она сказала, что «не очень ладит с евреями» и не знает, можно ли им «доверять». Я спросил её, почему она пришла ко мне, ведь я, очевидно, еврей. Никогда не забуду её ответ: «С евреями, которых я знаю, всё в порядке. У меня есть врач-еврей и фармацевт-еврей, которым я доверяю свою жизнь. Мне некомфортно общаться с другими евреями — с корыстолюбивыми, с мошенниками».

Я настойчиво спросил женщину-брамина, встречала ли она когда-нибудь одного из «этих» евреев, на что она ответила: «Боже мой, нет. Я бы никогда не позволила себе общаться с таким человеком». Адвокат, которого я порекомендовала, оказался евреем, и они прекрасно поладили.

Лучшее противоядие от антисемитизма — евреи. Чем больше, тем лучше, поскольку чем меньше выборка, тем выше вероятность статистической аномалии, которая может показаться подтверждением стереотип, например, печально известного обвинения президента Лоуэлла в том, что 50% краж из библиотеки Гарварда были совершены студентами-евреями.

Конечно, действия некоторых отдельных евреев вполне могут порождать антисемитизм у фанатиков, которые предрасположены обобщать информацию о целом народе, основываясь на одной личности. Но позитивные действия с такой же вероятностью могут спровоцировать такую ханжество, как и негативные. Действительно, вероятно, справедливо будет сказать, что стремление Хэнка Гринберга к рекорду Бейба Рута в 1930-х годах спровоцировало столько же антисемитизма, сколько и контроль Багси Сигела над Лас-Вегасом; что доминирование Генри Киссинджера над американской внешней политикой в начале 1970-х годов — к лучшему или к худшему — породило столько же антисемитизма, сколько и «скандал» с домом престарелых раввина Бернарда Бергмана; что баллотирование Барри Голдуотера на пост президента — хотя он был лишь отчасти евреем по происхождению[68]— породило столько же антисемитизма, сколько и осуждение Стэнли Фридмана за коррупцию в Нью-Йорке; что впечатляющие победы Израиля в Шестидневной войне и войне Судного дня привели к такому же росту антисемитизма, как и его последующие неудачи в Ливане и на Западном

[68]Я заметил, что у евреев есть интересный способ обращения с теми, кого один из моих сыновей называет «фракционными евреями». Когда человек, отец которого был евреем, а мать — нет, совершает добро, мы тут же объявляем его полуевреем; но когда такой человек совершает зло, мы тут же указываем, что полуевреев не бывает, и что, поскольку мать преступника не была еврейкой, он сам не еврей. Однако, когда человек, мать которого еврейка, а отец нееврей, совершает зло, мы тут же указываем, что он лишь полуеврей.

берегу.

Действительно, успех американских евреев в целом, о чём свидетельствует «непропорциональное» представительство евреев в СМИ, академической среде, Конгрессе, бизнесе и других заметных профессиях (за исключением спорта, по крайней мере, в качестве игроков)[69], явно вызвал недовольство некоторых. А неудачи евреев приветствуются и даже злорадствуют теми, кто негодует на наши успехи.

Важно то, что евреи не виноваты в антисемитизме. Антисемитизм — это проблема фанатиков, которые его чувствуют, выражают и практикуют. Ничто из того, что мы делаем, не может глубоко повлиять на извращённое сознание антисемита. Мы никогда не должны предпринимать — или воздерживаться от — каких-либо действий только из-за предполагаемого воздействия на антисемитов.

Возвращаясь к вопросу женщины о том, следует ли ей удерживать свою дочь от поступления в Гарвард, я сказал ей, что как только еврей отказывается от стремления к максимальному успеху, чтобы умилостивить антисемита, он принимает статус второсортного человека и вознаграждает антисемита за его нетерпимость.

Когда я рассказал своим друзьям из Бруклина о вопросе калифорнийки, они не смогли меня понять. Наше поколение евреев воспитывалось с потребностью добиться успеха — показать «им», что мы не хуже их. Возможно, наше отношение также отражало скрытое самовосприятие себя как граждан второго сорта. Но, по крайней мере, оно не ограничивало наши стремления. Оно признавало реальность антисемитизма, не принимая его легитимности и непреодолимости.

Чтобы знать, как реагировать на постоянную реальность антисемитизма, важно рассмотреть проблему в её исторической перспективе. Без этой истории невозможно понять во многом иррациональную природу этого явления.

Характеристика евреев, данная Феликсом Франкфуртером как «самому очерняемому и преследуемому меньшинству в истории», может быть верной, а может и нет. Сравнительные оценки очернения и преследования не поддаются проверке никакими научными стандартами. Но ни один объективный наблюдатель не может сомневаться в том, что еврейский народ подвергался очернению и преследованиям на протяжении тысячелетий.

В ветхозаветный период антиеврейские настроения и действия были обусловлены, прежде всего, традиционными межплеменными противоречиями. Но даже тогда наблюдались примеры специфически антиеврейских настроений и действий со стороны таких тиранов, как Антиох Сидет, Аман и других библейских злодеев, которые создавали негативные стереотипы о еврейской «нечистоте», «нелояльности» и «отчужденности».

Однако до появления христианства не существовало идеологического обоснования для выделения евреев в качестве объекта особых поношений и преследований. Евангелия, особенно от Матфея и Иоанна, содержат теологическую основу христианской анти-иудейской доктрины. Согласно Матфею, евреи признают свою коллективную вину за убийство Христа: «И отвечал весь народ и сказал: кровь Его на нас и на детях наших». А Иоанн объявляет евреев олицетворением зла: «Вы от отца вашего диавола, и ваша воля — исполнять похоти отца вашего». Более того, отвергнув истинную религию, евреи нарушили свой завет с Богом. Таким образом, наказание и падение евреев были таким же исполнением библейского пророчества, как и награда и успех христиан. Такое наказание и падение должны были быть как коллективными, так и

[69]Недавно мой друг, спортивный агент, рассказал мне, что Бар-мицва — это возраст, когда еврейский мальчик осознает, что его шансы играть в команде высшей спортивной лиги значительно меньше, чем шансы стать ее владельцем.

индивидуальными. Еврейский народ уже никогда не сможет быть восстановлен, по крайней мере, до тех пор, пока его члены не примут истинную веру. Сыновьям и дочерям дьявола было суждено скитаться по земле безродными, презираемыми, обездоленными и бессильными.

Когда христианство стало официальной религией Римской империи в IV веке, церковь обрела политическую власть, позволившую ей исполнить своё пророчество о падении евреев. Евреи были отстранены от влиятельных должностей, а их права — политические, экономические, социальные и религиозные — были отняты. Участие в очернении евреев стало гражданской добродетелью, а также религиозным долгом. Таким образом, теологический анти-иудаизм выродился в более общую экономическую, политическую и социальную стигматизацию и дискриминацию евреев. Кодекс Юстиниана, принятый в 534 году н. э., ограничил свободу вероисповедания евреев, запретил им занимать государственные должности и лишил их большинства имущественных прав.

Эти гражданские лишения и дискриминация распространились по всей Европе в Средние века. Где бы ни странствовали евреи по всему христианскому миру, они подвергались теологической и гражданской дискриминации и поношению. Их сегрегировали в гетто, лишали права заниматься «христианскими» профессиями, лишали права работать на земле и принуждали заниматься ремеслами и профессиями, которые считались эксплуататорскими.

Во втором тысячелетии христианства евреи также подвергались массовым резне, учинённым религиозными крестоносцами и инквизиторами, якобы действовавшими от имени своего Бога. В 1096 году французские и немецкие евреи подверглись массовому убийству со стороны первых крестоносцев, людей, прославленных в литературе, искусстве и истории. Меня всегда поражало, что некоторые порядочные христиане до сих пор чтят память этих убийц-геноцидников женщин, младенцев и мужчин – массовых убийц, создавших прецедент для Холокоста. В моём родном штате Массачусетс Университет Святого Креста называет свои спортивные команды «Крестоносцами». Это кажется примерно таким же деликатным, как если бы лютеранский университет назвал свою футбольную команду «Штурмовиками». По крайней мере, насколько мне известно, ни один колледж не прославлял инквизиторов.

За Крестовыми походами последовали вспышки массовых убийств евреев по религиозным мотивам, продолжавшиеся несколько столетий. Эпидемия чумы в середине XIV века привела к тому, что евреи стали козлами отпущения за эпидемию и более двухсот еврейских общин по всей Европе были уничтожены. Испанская инквизиция в конце XV века ознаменовала изгнание евреев из Испании и их перемещение на восток, в Польшу, Украину и Россию. Евреи также подвергались изгнанию из других христианских стран, например, из Англии в 1290 году, Франции в 1306 году, Австрии в 1421 году и Португалии в 1497 году.

Средние века также стали свидетелями развития одной из самых стойких и пагубных исторических форм лжи в истории христианства — «кровавого навета». Кровавый навет был изобретением духовенства, обвиняющим евреев в убийстве христианских детей с целью использования их крови в религиозных ритуалах. Хотя его происхождение окутано мраком, по-видимому, он был усилен искажением догмата, возникшего на Четвертом Латеранском соборе (1215 г.), на котором была сформулирована евхаристическая доктрина пресуществления — хлеба и вина евхаристии как тела и крови Христа. Евреев иногда обвиняли в краже освящённой гостии и жестоком обращении с ней. Четвертый Латеранский собор также принял канон, требующий от евреев носить отличительный знак — прецедент для жёлтой звезды

нацизма.

Кровавый навет проповедовался с кафедры, был записан в священных книгах и передавался из поколения в поколение. Он провоцировал — и оправдывал — религиозные погромы ещё с 1298 года, когда в Германии и Австрии было убито около 100 000 евреев, и продолжался вплоть до XX века.

В 1876 году один из ведущих русских писателей написал брошюру «Об использовании христианской крови еврейскими сектами в религиозных целях»[70]. Эта брошюра пользовалась большой популярностью в царской России и многократно переиздавалась. В период с 1911 по 1913 год еврейский управляющий кирпичным заводом в Киеве был обвинён в убийстве двенадцатилетнего христианского мальчика с целью использования его крови в религиозном ритуале. Несмотря на неопровержимые доказательства того, что убийство совершила банда воров, еврей — Менахем Мендель Бейлис — был ложно обвинен министром юстиции, настроенным против евреев. Судебный процесс стал международным событием (и впоследствии стал темой отмеченного премией романа Бернарда Маламуда «Решатель»). Среди свидетелей обвинения был католический священник отец Джастин Паранайтис, который поклялся, что убийство мальчика носило все признаки ритуального убийства, как того требует еврейская традиция. Его показания были опровергнуты несколькими экспертами по еврейскому праву, которые… свидетельствовали, что в еврейских источниках нет никаких оснований для использования христианской крови в ритуальных целях. Присяжные, состоявшие из местных крестьян-христиан, единогласно оправдали Бейлиса.

Но даже этот судебный процесс не положил конец кровавому навету. Гитлер широко использовал его в своей пропагандистской кампании против евреев. Уважаемые немецкие учёные подтвердили это абсурдное утверждение в специальном выпуске журнала «Der Sturmer», опубликованном в 1934 году, и в статьях, опубликованных впоследствии.

Даже после Второй мировой войны епископ Люблина Стефан Вышинский, вскоре ставший примасом всей Польши и кардиналом Католической церкви, заявил, что до сих пор «не установлено», занимались ли евреи «ритуальными убийствами» христиан. Он утверждал, что изучал показания по делу Бейлиса, и сказал, что всё ещё сомневается в истинности этих показаний[71]. Агностицизм епископа Вышинского в отношении кровавого навета возник после погрома в Кельце в 1946 году, когда более сорока евреев были убиты польскими христианами на фоне слухов о кровопускании, учинённом евреями над юным христианином.

Один великий еврейский писатель, Ахад Ха-Ам, родившийся на Украине в 1856 году, находил ироническое утешение в том, что кровавый навет не исчезал на протяжении всей истории. Он с долей цинизма утверждал, что даже принятие идеи всем миром «не заставляет нас сомневаться в том, что весь мир может быть неправ, а мы правы». Он использовал кровавый навет, чтобы объяснить нежелание евреев подчиниться давлению консенсуса – еврейское упрямство. «Но, спрашиваете вы, возможно ли, чтобы все были неправы, а евреи правы? Да, это возможно: кровавый навет доказывает это. Здесь, видите ли, евреи правы и совершенно невиновны»[72].

Если верно, что у евреев действительно есть такое качество, как упрямство, и если верно также, что часть этого качества проистекает из ложных обвинений,

[70]Иегуда Слуцкий, «Кровавый навет», Encyclopaedia Judaica (изд. 1978 г.), т. 4, стр. 1130.
[71]«Молчание об антисемитизме», письмо редактору, Book Review Desk, New York Times, 27 января 1985 г., раздел 7, стр. 37.
[72]Хаим Гиллель Бен- Сассон, «Кровавая клевета», Encyclopaedia Judaica (изд. 1978 г.), т. 4, стр. 1128

выдвигавшихся против нас на протяжении истории, то мы, возможно, наблюдаем интересное и более общее явление. Христианское богословие породило определённые установки и действия против евреев. Они, в свою очередь, вызвали определённую реакцию со стороны евреев. Эта реакция затем подтверждает изначальные предрассудки. В контексте кровавого навета это работает так, как предположил Ахад ха-Ам: христиане ложно обвиняют евреев в убийстве христианских детей ради крови. Евреи упорно отрицают ложные обвинения и приходят к пониманию, что даже если весь мир верит в какую-то идею, это не делает её истинной. Этот скептицизм и упрямство становятся общим качеством среди некоторых евреев и приводят к тому, что многие неевреи не любят их из-за их упрямства и отчуждённости.

В других контекстах это явление ещё более очевидно. Христианская дискриминация лишает евреев права заниматься определёнными видами деятельности, тем самым обрекая их на «нехристианские» занятия, такие как ростовщичество и торговля. В результате евреев презирают, потому что они ростовщики и торговцы, а не «продуктивные» граждане, обрабатывающие землю. Шекспир блестяще передал это явление в образе еврея Шейлока и реакции христиан на его занятие и взгляды.

Христианская теология обязывает евреев жить отдельно от истинно верующих и носить отличительные знаки. Затем евреев осуждают за их отчуждённость и обособленность. Христианская теология отказывает евреям в праве на собственную родину и изгоняет их из одной страны за другой. Евреев затем осуждают как безродных скитальцев, подрывающих национальное богатство принявших их народов.

В ходе дебатов в британской Палате общин в 1833 году о том, следует ли лишить евреев законных и политических прав, два выдающихся парламентария, Роберт Пиль и Томас Б. Маколей, упомянули об этом феномене. Историк Маколей выразил это так:

Мы обращаемся с ними как с рабами и удивляемся, почему они не считают нас братьями. Мы заставляем их заниматься низменными делами, а потом упрекаем за то, что они не выбирают достойные профессии. Мы давно запретили им владеть землёй и жалуемся, что они занимаются преимущественно торговлей... В течение многих веков во всех наших отношениях с ними мы злоупотребляли нашим огромным превосходством в силе; а потом нас возмущает, что они прибегают к хитрости, которая является естественной и универсальной защитой слабых от насилия сильных.

Утверждая, что «нетерпимость никогда не нуждается в притворстве», Маколей затем продолжил восхвалять историю еврейского народа:

На заре цивилизации, когда наш остров был таким же диким, как Новая Гвинея, когда письменность и искусства были еще неизвестны Афинам, когда на месте будущего Рима едва ли стояла хотя бы одна хижина с соломенной крышей, у этого осужденного народа были свои окруженные стенами города и кедровые дворцы, свои великолепные храмы,... свои школы священного обучения, свои великие государственные деятели и воины, свои натурфилософы, свои историки и поэты.

Маколей призвал своих коллег-парламентариев задуматься: «Если, будучи отстранёнными от благ закона и согнувшись под игом рабства, они переняли некоторые пороки преступников и рабов, должны ли мы считать это для них упреком? Не должны ли мы, скорее, считать это для себя позором и раскаянием?»[73]

Аргументы Пиля и Маколея одержали верх над антисемитским фанатизмом, к которому призывали другие «уважаемые члены», заявившие, что евреи — «по природе подлая раса» и что «было предсказано, что евреи будут скитальцами по земле и что им не

[73]Томас Б. Маколей, «Еврейские инвалидности», в Полном собрании сочинений Томаса Бабингтона Маколея: Речи и юридические исследования (Нью-Йорк: Салли и Кляйнтайх, 1900), стр. 125—126.

следует смешиваться на равных условиях с народами стран, в которых они проживают» [74]. Парламент в конце концов отменил все правовые ограничения, наложенные на евреев, и предоставил им полное равенство перед законом.

Возможно, лучший пример этого кругового феномена можно найти в трудах Мартина Лютера, отца протестантской Реформации. По иронии судьбы, Лютер начал свою карьеру реформатора, восхваляя евреев и осуждая «проповедников страстей, которые не делают ничего другого, как преувеличивают преступления евреев против Христа и тем самым ожесточают сердца верующих против них». Но после того, как его попытки обратить евреев потерпели неудачу, он начал нападать на них, называя «упрямыми евреями, с железным сердцем и упрямыми, как дьявол». С возрастом его нападки становились все более злобными. Он дегуманизировал евреев, называя их «отвратительными паразитами», а также «ядовитыми и заразными». Ближе к концу своей жизни — и на пике своего влияния — Лютер сформулировал конкретную программу против евреев, которая служила библией антиеврейских действий на протяжении следующих четырех столетий, кульминацией которых стал Холокост [75].

Во многих отношениях Лютера можно считать духовным предшественником Адольфа Гитлера. Практически все темы, которые в конечном итоге нашли отражение в геноцидных сочинениях, речах и действиях Гитлера, намечены в печально известном эссе Мартина Лютера «О евреях и их лжи», написанном в 1542 году. Вот некоторые выдержки из него:

Во-первых, их синагоги и церкви следует поджечь...

Во-вторых, их дома также следует снести и уничтожить. Их следует поместить под одну крышу или в хлев, как цыган, чтобы они осознали, что они не хозяева на нашей земле, как хвастаются, а жалкие пленники…

В-третьих, их следует лишить молитвенников и Талмудов, в которых учат идолопоклонству, лжи, проклятиям и богохульству.

В-четвертых, их раввинам должно быть запрещено под угрозой смерти преподавать дальше...

В-пятых, евреям следует полностью запретить выдачу паспортов и проездные привилегии.

В-шестых, следует прекратить их ростовщичество. Все их наличные деньги и драгоценности, серебро и золото, следует отобрать у них и спрятать в безопасное место. По этой причине, как уже было сказано, всё, чем они владеют, они украли и отняли у нас посредством ростовщичества, ибо у них нет других средств к существованию…

В-седьмых, пусть молодым и сильным евреям и еврейкам дадут цеп, топор, мотыгу, лопату, прялку и веретено[76]...

Примечательно — хотя, вероятно, и не случайно — что Гитлер так точно следовал плану Лютера: от концентрации евреев и цыган до лишения евреев паспортов и создания принудительных трудовых лагерей для «молодых и сильных евреев».

Лютер не просто занимался риторикой. Он успешно призывал к действиям против еврейского населения в различных частях Германии. За свои антиеврейские действия Лютер получил прозвище Ло-Тахор, что на иврите означает «нечистый», что также является игрой слов, основанной на немецком произношении его имени.

Хотя многие протестантские секты отреклись от антиеврейских трудов Лютера, они по-прежнему широко публикуются и включены в неонацистские каталоги наряду с

[74]Там же, стр. 120, 124.
[75]Мартин Лютер, из брошюры «О евреях и их лжи», цитируемой в Encyclopaedia Judaica (изд. 1978 г.), т. 3, стр. 106.
[76]Там же.

трудами Гитлера, Геббельса и современных отрицателей Холокоста. Поразительно, что позорное имя Лютера до сих пор чтится, а не навеки проклято традиционными протестантскими церквями. Продолжающееся почитание Лютера несёт в себе опасный посыл, который не ускользнул от внимания Гитлера: а именно, что другие достижения человека принесут ему уважение в истории, даже если он призывал к уничтожению мирового еврейства. (Это оправдание часто используется сегодня в защиту лидера чернокожих мусульман Луиса Фаррахана.)

К XVI веку, ко времени Реформации, негативный стереотип о еврее прочно укоренился в христианском богословии. Религиозные предрассудки низвели европейских евреев до статуса парии. Евреи были отстранены от определённых видов деятельности, от проживания в определённых географических зонах и от большинства государственных должностей.

Поскольку эти исключения, как правило, не были тотальными, некоторым трудолюбивым евреям удалось преодолеть препятствия. Некоторые преуспели в тех областях, в которых им было разрешено работать, особенно в банковском деле, торговле и профессиональных кругах, выстраивая связи по всей Европе. Поскольку евреям было гораздо сложнее поступить в университеты, те немногие, кого приняли, как правило, учились лучше среднего. Поскольку евреи подвергались дискриминации на государственной службе, те, кому удавалось попасть в правительство, вероятно, были более талантливыми, чем рядовые государственные служащие.

Обратная сторона этой медали была куда менее блестящей. Из-за тех же барьеров подавляющее большинство евреев было лишено возможности получить образование и устроиться на работу. Эти евреи были вынуждены заниматься самыми нежелательными видами деятельности и жить в самых неблагоприятных условиях.

В результате внутри еврейских общин Европы возникла совершенно противоестественная дихотомия. Небольшое, но заметное число евреев демонстрировало необычайно высокие успехи, в то время как гораздо большее и тоже заметное число евреев было лишено возможности реализовать свой потенциал[77].

Эта исторически навязанная дихотомия привела к классическим мотивам европейского антиеврейского ханжества. На евреев смотрели свысока, потому что они не работали на земле и не производили богатство. В то же время их рассматривали как часть международного заговора богатства и власти. Самый бедный житель украинского местечка был в сговоре с финансовыми династиями Ротшильдов и Оппенгеймеров. Это причудливое сочетание бессилия и власти — когда на него одновременно смотрели свысока и с завистью, — породило литературу и действия классического антиеврейского ханжества: насмешки над бородатым местечковым евреем и страх перед богатым космополитическим евреем. Наиболее очевидными проявлениями классического антисемитизма были гетто и погромы; его наиболее смертоносными продолжениями были концентрационные лагеря и Холокост.

Теория заговора в иудаизме получила значительный импульс благодаря публикации различных подделок, кульминацией которых стало издание царской полицией «Протоколов сионских мудрецов» в 1903 году. Более ранние версии были опубликованы во Франции и, по-видимому, основаны на романе, написанном в 1860-х годах. Общая тема этих художественных произведений заключается в том, что группа еврейских старейшин собралась, чтобы разработать план уничтожения нееврейского мира и создания на его месте еврейской империи. «Протоколы» якобы представляли

[77]Это отсутствие «нормальности» остро ощущалось журналистом и сионистом Теодором Герцлем, и его устранение стало одним из его самых весомых аргументов в пользу создания еврейского государства, в котором евреи могли бы заниматься всеми видами деятельности.

собой подлинную стенограмму двух десятков тайных встреч этих старейшин. После русской революции они распространились по всей Европе как правдивое повествование о еврейском заговоре и внесли значительный вклад в развитие политического антисемитизма в начале XX века.

Термин «антисемитизм» — который в настоящее время является всеобъемлющим обозначением для широкого спектра антисемитских взглядов и проявлений — появился относительно недавно и сыграл особую историческую роль в переходе от теологически обоснованного фанатизма к более националистически обусловленной форме расизма. «Антисемитизм» был придуман не евреями как термин порицания тех, кто практиковал эту форму фанатизма, а скорее теми, кто одобрял антиеврейские взгляды, как термин гордости. Вильгельму Марру, немецкому политику-расисту, «приписывают» создание этого термина. Он основал «Лигу антисемитизма» в 1879 году. Термин быстро прижился, хотя и не совсем точно отражал суть фанатизма или его религиозные истоки.

Новый термин «антисемитизм», однако, соответствовал относительно новому явлению в европейской политике: а именно феномену антиеврейских политических партий в Германии, Франции, Австрии, Венгрии, Польше, Румынии и России. «Христианско-социальная», «Католическая народная партия», «Христианско-демократическое движение» и «Объединённые христиане» стали эвфемизмами для выражений «евреям вход воспрещён» и «антиеврейские платформы». Хотя эти партии сохраняли, благодаря своим псевдорелигиозным названиям, связь со своими религиозно фанатичными предшественниками, их антиеврейские программы были основаны больше на понятиях национализма, этнической принадлежности и народа. Другие партии приняли ещё более конкретные программные названия, такие как Антисемитская народная партия, Французская национальная антисемитская лига, Всеобщая антисемитская лига и Национальная антиеврейская партия.

Эти откровенно антисемитские партии играли важную роль в европейской политике на протяжении примерно семидесяти лет, начиная с 1870-х годов и заканчивая разрушением Третьего рейха. Они проповедовали более «расовый», «биологический» и «националистический» вид антиеврейского фанатизма — еврейскую расовую вражду — чем их религиозно мотивированные предшественники. Просвещение сделало теологический антииудаизм в некоторой степени анахронизмом. Но антиеврейские чувства, ищущие оправдания или теории, всё ещё сохранялись. Новый, более расовый антисемитизм обеспечил это. По крайней мере в одном отношении расовый фанатизм был даже хуже теологически обоснованного поношения: расовая неполноценность евреев считалась врождённой и не подлежащей изменению посредством религиозного обращения или ассимиляции.

В последние годы XIX века судебный процесс над Альфредом Дрейфусом и его осуждение по обвинению в шпионаже способствовали укреплению новых антисемитских партий, особенно во Франции. Сейчас нет сомнений, что Альфреда Дрейфуса, по сути, ложно обвинили в преступлении, совершённом кем-то другим. Но в то время было широко распространено мнение, что еврейский полковник предал свою родную Францию и что его предательство было типичным проявлением нелояльности евреев к принимающим их странам. Дело Дрейфуса – это грязная история судебной коррупции на самом высоком уровне. Такая несправедливость не могла бы быть совершена без активного соучастия военных, прокуратуры, судебных органов и других правительственных чиновников. И оно не смогло бы существовать так долго без молчаливого согласия ведущих СМИ, многих интеллектуалов, широких слоёв населения и французской католической церкви.

Поначалу доказательства вины Дрейфуса казались неопровержимыми, поскольку

состояли в основном из документов, написанных почерком, отчасти похожим на его собственный. Тот факт, что Дрейфус был евреем, делал его идеальным подозреваемым в период разгула антисемитизма, особенно во французской армии. Хотя некоторые представители Генерального штаба ставили эти доказательства под сомнение, на кону была честь армии. Соответственно, было составлено секретное досье — гораздо более убедительное, чем публичное, — и тайно передано военному трибуналу. В секретном досье содержался изобличающий документ, якобы написанный Дрейфусом. Однако военный трибунал не знал, что этот документ был подделкой.

В 1894 году Дрейфуса признали виновным и приговорили к каторге на острове Дьявола. Но преданный брат, несколько скептически настроенных журналистов и горстка честных военных не давали делу остыть, даже несмотря на то, что жертва едва выжила. С годами правда постепенно выплыла наружу, и обвинение начало рушиться. Однако лишь в 1906 году общественное мнение переломилось, и Дрейфус был оправдан, официально признан невиновным и восстановлен в звании.

Для евреев всего мира дело Дрейфуса и сопровождавшая его антисемитская истерия стали поворотным моментом. Зачатки гитлеровского Холокоста можно было уловить во французских призывах к «истреблению» еврейских «паразитов». Один военный врач предложил «вивисекцию евреев, а не безобидных кроликов», и звучали призывы «поместить всех жидов и их жидовских детишек в стекловаренные печи» [78]. Именно освещение дела Дрейфуса побудило Теодора Герцля, тогда ещё молодого венского журналиста, написать брошюру под названием «Еврейское государство» (1896). Он озвучил идею, которая стала известна как политический сионизм и привела к созданию Израиля примерно пятьдесят лет спустя.

Хотя помилование Дрейфуса ослабило антисемитское движение в Западной Европе, оно оставалось влиятельным меньшинством, с которым приходилось считаться, вплоть до прихода к власти Адольфа Гитлера. В этот момент динамика антисемитизма кардинально изменилась. У нацистов появилась восприимчивая аудитория для их геноцидного антисемитизма – аудитория, которая на протяжении почти двух тысячелетий постоянно питалась христианской антииудейской теологией, а затем – расовым антисемитизмом – на протяжении полувека.

Антиеврейские настроения христиан можно объяснить, пусть и не полностью, историческими событиями, описанными выше. Но как объяснить антиеврейские настроения, выражаемые нехристианами, а зачастую и антихристианами, особенно левыми? Хотя сионизм и Израиль стали предметом недавних антиеврейских высказываний некоторых людей, левый антиеврейский настрой существовал ещё до появления современного сионизма.

Показательно составить список известных исторических, литературных, художественных и интеллектуальных деятелей, которые выражали резкие антиеврейские взгляды, не отражающие напрямую христианские теологические предрассудки.

Некоторые левые антиеврейские взгляды, например, выраженные Карлом Марксом, представляют собой просто фанатичные обобщения, направленные против ничтожно малого процента евреев, которые, наряду с гораздо большим числом христиан, были вовлечены в капиталистические практики, эксплуатирующие трудящихся. Вот что Маркс, который сам был сыном евреев, говорил о «евреях»:

Что является объектом поклонения еврея в этом мире? Ростовщичество. Кто его

[78]Жан-Дени Бредан, «Дело Альфреда Дрейфуса» (Бирмингем, Алабама: Библиотека известных судебных процессов, Отделение Gryphon Editions, Inc., C1989), стр. 352.

мировой бог? Деньги...

Таким образом, мы видим, что за каждым тираном стоит еврей, а за каждым Папой — иезуит.

Как только обществу удастся уничтожить эмпирическую сущность иудаизма, то есть торгаша и условия, которые его производят, еврей станет невозможным, потому что его сознание больше не будет иметь соответствующего объекта [79].

По иронии судьбы, один из конкурентов Маркса за мантию отца коммунизма, Михаил Бакунин, описывал Маркса как «еврея, который окружен толпой малоумных, более или менее умных, интриганов, ловких, спекулянтов-евреев». Он описывал «еврейский мир» как «эксплуататорскую секту, народ пиявок, прожорливых паразитов, тесно и интимно связанных друг с другом». И он говорил, что «этот еврейский мир сегодня в значительной степени находится в распоряжении Маркса или Ротшильда». Он видел в Марксе и Ротшильде две стороны одной еврейской медали, оба стремящиеся к «сильной государственной централизации» на благо «еврейской нации»[80].

Не менее фанатичным является распространённое правое утверждение, что все (или большинство) евреи — коммунисты, или что все (или большинство) коммунисты — евреи. Суть фанатизма — в чрезмерном обобщении [81]. Противники капитализма должны критиковать капиталистов, а не евреев, которые, как оказалось, являются капиталистами. А противники коммунизма должны критиковать коммунистов, а не евреев, которые, как оказалось, являются коммунистами.

Другие проявления левого антиеврейства можно рассматривать как часть более общей антирелигиозной предвзятости. Например, Вольтер, писавший в XVIII веке, направил свои самые яростные антирелигиозные высказывания против Ветхого Завета и его приверженцев – евреев, используя самую уязвимую религию в качестве суррогата всех организованных религий. Конечно, он не ограничивал свои антиеврейские высказывания религиозными убеждениями. Он чрезмерно обобщал высказывания против евреев, называя их «невежественным и варварским народом», который однажды может «стать смертельно опасным для человечества»[82]. Более общий фанатизм Вольтера подтверждается его извращённым взглядом на чернокожих как на расово неполноценных и имеющих отдельное от других людей происхождение. Хотя философские труды Вольтера способствовали Просвещению и косвенно эмансипации евреев в некоторых частях Европы, многие сегодня считают этого якобы эгалитарного писателя одним из интеллектуальных крестных отцов современного антисемитизма и расизма.

Однако большую часть антисемитизма, не основанного на христианстве, нельзя объяснить как часть более общей оппозиции капитализму, коммунизму, религии или любому другому широко определяемому явлению, в котором евреи составляют лишь малую часть.

Как же тогда понять — даже не простить, а просто понять! — яростно антиеврейские высказывания интеллектуалов на протяжении всей истории? К их числу относятся Х. Л. Менкен («Евреев можно было бы очень правдоподобно представить как самую неприятную расу, о которой когда-либо слышали»); Джордж Бернард Шоу («Перестаньте быть евреями и начните быть людьми»); Генри Адамс («Вся эта туша

[79]Цитируется в книге Уильяма Гримстеда « Antizion» (Риди, Западная Вирджиния: Liberty Bell Publications, 1976), стр. 162—163.
[80]Там же, стр. 5-6.
[81]Джеки Мейсон шутит, что, будучи антисемитом-фанатиком, человек лишается возможности находить недостатки в конкретных евреях.
[82]Там же, стр. 142.

кишит еврейскими червями»); Г. Дж. Уэллс («Внимательное изучение антисемитизма, предрассудков и обвинений может оказаться очень полезным для многих евреев, которые не осознают в полной мере того раздражения, которое они вызывают»); Эдгар Дега (характеризуемый как «дикий антисемит»); Дени Дидро («Жестокие люди, подлые и вульгарные люди»); Теодор Драйзер («Нью-Йорк — это «гетто, о котором мечтает любой еврей», а евреи — не «чистые американцы» и им не хватает «честности»); Т. С. Элиот (социальный и литературный антисемит, даже после Холокоста); Иммануил Кант («Евреи до сих пор не могут претендовать на звание истинного гения, истинно великого человека. Все их таланты и умения вращаются вокруг хитрости и низкого коварства... Они — нация мошенников»). Среди других «знаменитых» антисемитов — Тацит, Цицерон, Александр Пушкин, Пьер Ренуар, Томас Эдисон, Генри Форд и, конечно же, Рихард Вагнер[83].

Этот позорный список антисемитской ненависти продолжается и охватывает людей всех рас, религий, географических регионов, политических взглядов, пола и возраста. Ответ на вопрос «Почему?», вероятно, кроется скорее в области ненормальной психологии, чем в рациональных попытках найти понятные причины в истории, политике или экономике. Антисемитизм — это болезнь души, а болезни лучше всего диагностировать, осматривая тех, кто ими заражён.

Мы и сегодня сохраняем термин «антисемитизм», хотя он не описывает и не отражает всё многообразие антисемитских настроений, с которыми мы сталкиваемся. Он словно напоминает, что, какими бы разными ни казались эти нынешние проявления, все они — или почти все — коренятся в классическом, примитивном варианте, который так глубоко и болезненно укоренился в нашей памяти и сознании.

Эти примитивные проявления антиеврейских настроений по-прежнему распространены в Соединенных Штатах, о чем свидетельствует ежегодная перепись граффити со свастикой и других явных «инцидентов» правого антисемитизма, проводимая Антидиффамационной лигой Бнай Брит (ADL). Лично я каждый раз убеждаюсь, как мало изменилось, когда открываю очередное из своих почти ежедневных антисемитских посланий.

Восприятие того, насколько развит антисемитизм, в значительной степени зависит от поколения к поколению. Поколения моих родителей и дедушек и бабушек, которые лично помнят погром и Холокост, склонны придавать большое значение даже одному антисемитскому инциденту. Поколение моих детей, которое лично не сталкивалось с институционализированным антисемитизмом, склонно преуменьшать даже различимую закономерность антисемитских инцидентов. Мое поколение, которое видело как институционализированный антисемитизм, так и заметный отход от него, по крайней мере в Америке, склонно разделять некоторые взгляды наших старших и младших. Мы ищем закономерности, признаки официальной легитимности и изменения. Мы изучаем ежегодный аудит антисемитских инцидентов, проводимый ADL, но мы также смотрим на более общую картину снижения официального антисемитизма в наших основных институтах.

Когда мы с друзьями из Бруклина собираемся вместе для периодических бесед, мы обмениваемся впечатлениями о нашем восприятии антисемитизма. Карл, инженер в фирме, имеющей множество государственных контрактов, особенно чувствителен к подозрениям правительства в «двойной лояльности» евреев, имеющих допуск к секретной информации. Барри, работавший в компаниях из списка Fortune 500, рассказывает нам об антиеврейских тенденциях в крупном бизнесе. Берни, продающий

[83]Там же, стр. 2, 35, 36, 40, 43-44, 78, 94, 124, 146.

религиозные предметы христианам, всегда в курсе последних новостей о теологических воззрениях на евреев. Остальные делятся своим опытом, опытом своих друзей и детей.

Мы не позволяем страху перед антисемитизмом мешать нам делать то, что мы считаем правильным. Мы не проводим дни и ночи в тревоге о том, что «они» подумают о нас. Но мы остаемся начеку, ожидая любого рецидива старого яда, особенно в новых бутылках. Мы не приемлем позицию, пародируемую Вуди Алленом в его фильме «Энни Холл», где Элви Сингер говорит своему другу, что стал жертвой антисемитизма, потому что кто-то пригласил его на обед вопросом « D'ju eat?» (Бруклинское сокращение от «Did you eat?»). «Я отчётливо слышал, как он сказал», — настаивает Сингер, — «Jew eat!» Но мы также не игнорируем шутки о «еврейско-американской принцессе», распознавая в них сочетание сексизма, антисемитизма и простой бесчувственности.

Мы понимаем, что реальная ситуация может быть больше похожа на сцену из классического фильма Вуди Аллена, где Элви и его девушка Энни Холл разговаривают со своими психиатрами на разделенном экране. Каждого спрашивают, как часто они занимаются любовью. Сингер отвечает: «Почти никогда... три раза в неделю». Холл отвечает: «Постоянно... три раза в неделю». Я легко могу представить, как моя мать и мои сыновья читают один и тот же отчёт Антидиффамационной лиги (ADL) об антисемитских актах, и моя мать говорит: «Двадцать пять актов вандализма в синагоге за год — это так много», в то время как мои сыновья могут сказать: «Всего двадцать пять актов за целый год — это ничто».

Я и мои друзья, скорее всего, задались бы вопросом, насколько быстро полиция отреагировала на эти инциденты, насколько решительно их осудили нееврейские политики и религиозные лидеры и насколько серьезно прокурор и судья отнеслись к этим проявлениям антисемитизма.

Различия в наших взглядах отражают — по крайней мере частично — совершенно разную историю европейских и американских антиеврейских взглядов и действий».

К счастью, американский антисемитизм никогда не сравнится с его злобным европейским антисемитизмом, но и эта страна не была свободна от предрассудков в отношении своих еврейских граждан. Религиозную свободу, установленную Роджером Уильямсом в 1636 году, следует сравнить с «приветствием», оказанным двадцати трём сефардским евреям в 1654 году Питером Стайвесантом. Губернатор Нью-Амстердама Стайвесант, чьё имя до сих пор чтят в современном Нью-Йорке, боролся за то, чтобы эти «ненавистные враги и богохульники» не «заразили» его колонию. В некоторых штатах законы, запрещающие евреям голосовать, занимать государственные должности или выступать свидетелями в судебных процессах, сохранялись до принятия Конституции в 1787 году[84].

К 1870-м годам ряды американских евреев увеличились на четверть миллиона иммигрантов: христианское общество ответило политикой вежливого исключения. В последующие десятилетия меры исключения были расширены в ответ на рост мобильности евреев и большой приток русских и польских евреев. Курорты открыто заявляли, что они не разрешают «Никаких собак, никаких евреев». Даже Кони-Айленд в Бруклине был «ограничен», потому что, как выразился один отельер, «нам нужно хорошее место, которое общество могло бы опекать и мы не можем делать это и принимать евреев. Они — отвратительный и вульгарный народ»[85]. (Даже в 1968 году моя семья и я были изгнаны из курортного городка под названием Пойнт-оф-Вудс на Огненном острове в Нью-Йорке[86]. Дома продавались с ограничительными условиями,

[84]Питер Гроуз, «Израиль в сознании Америки» (Нью-Йорк: Schocken Books, 1984), стр. 3.
[85]Зильберман, «Определённые люди», стр. 48.
[86]В ответ мы организовали марш протеста евреев, чернокожих, латиноамериканцев и других, против

запрещающими перепродажу «евреям», о чем нам недавно напомнили, когда выяснилось, что главный судья Уильям Ренквист приобрел дом с ограничительным соглашением против евреев.) В объявлениях о приеме на работу говорилось, что «подать заявление могут только христиане». События достигли предвоенной низшей точки в 1913 году, когда в атмосфере, отравленной антисемитизмом, еврей из Джорджии Лео Фрэнк был несправедливо осужден за убийство молодой девушки-христианки. Ненависть, осквернившая суд над Фрэнком, привела к линчеванию Фрэнка, а затем к избранию главного антиеврейского агитатора Томаса Э. Уотсона в Сенат США.

После Первой мировой войны антисемитские настроения неуклонно распространялись. Еврейская иммиграция была ограничена; колледжи и университеты установили квоты; Ку-клукс-клан пережил второе рождение; а газета Генри Форда Dearborn Independent дала новый голос всем традиционным антиеврейским уткам, распространяя бесчисленные копии Протоколов сионских мудрецов в переработанной «американской» версии. В конечном итоге Форд отрекся от своих слов, но ущерб был давно нанесен; более того, его публикации до сих пор продаются группами ненависти. В тридцатые годы возникли десятки националистических и пронацистских организаций, жаждущих обвинить евреев в экономических бедах США. Американские евреи, пережившие тот период, живо помнят Легион «Серебряных рубашек», созданный по образцу штурмовиков Гитлера; Германо-американский союз, чьи публичные митинги проходили под председательством фюрера Фрица Куна; и священник на радио, отец Чарльз Кофлин, проповедовавший антисемитизм перед аудиторией, насчитывающей более трех миллионов человек[87].

Когда Америка вступила в войну против Гитлера, открытый антисемитизм утратил свою популярную аудиторию и так и не вернул её себе. Открытая враждебность к евреям была в значительной степени дискредитирована среди американцев ужасами Холокоста. Однако дискриминация в сфере занятости, жилья, профессий и общественных организаций начала резко снижаться лишь в шестидесятые годы.

Даже сегодня такие организации, как Антидиффамационная лига, ежегодно получают тысячи жалоб на дискриминацию в самых разных ситуациях. Более того, как свидетельствуют мои гневные письма, значительное число отдельных антисемитов остаётся частью нашего общества. Антисемитские организации тоже не исчезли: Liberty Lobby выпускает свой еженедельный журнал Spotlight для десятков тысяч подписчиков; лидер движения White American Resistance (WAR) Том Метцгер добился того, что его телепрограмма «Раса и разум» транслировалась по кабельному телевидению по всей стране; у неонацистов-скинхедов сотни, а возможно, и тысячи сторонников по всей стране.

Сегодня большую озабоченность вызывают новые разновидности антисемитизма, которые порой более скрыты, но редко менее опасны, чем традиционные формы. Некоторые комментаторы отказываются признавать возможность того, что старые предрассудки сохраняются в скрытом или переосмысленном виде.

Ведущим сторонником этой позиции является журналист и ученый Чарльз Зильберман. В книге «Определённые люди» (1985) Зильберман подчеркивает ничтожность сохраняющегося антисемитизма, отрицая существование «какого-либо „нового антисемитизма“ или значительного роста старого»[88]. Он рисует радужную картину Америки, которая добилась значительного прогресса в снижении уровня антисемитизма со времен его молодости. Признавая, что стакан полон лишь наполовину,

которых распространялось ограничение.

[87]Арнольд Форстер, «Square One: A Memoir» (Нью-Йорк: DI Fine, 1988), стр. 68—70.

[88]Зильберман, Некоторые люди, стр. 337, 366.

он — с благодарностью — сосредотачивается на полной части и игнорирует пустую. Во многом это разница в перспективах поколений, поскольку Зильберман вырос на поколение раньше меня и моих друзей, и, таким образом, столкнулся с гораздо большим количеством антисемитизма, чем мы. Мы прошли долгий путь с 1930 -х годов, и важно осознавать пройденный нами путь, даже если предстоит еще долгий путь.

Зильберман утверждает, что евреи добились полного доступа к миру бизнеса, профессиональной деятельности и образования и заметного успеха в этих сферах. Он указывает на тесные связи между Израилем и Соединёнными Штатами. Он ссылается на опросы, показывающие снижение антисемитских настроений. Признавая существование групп ненависти и таких «изолированных очагов дискриминации», как некоторый афроамериканский антисемитизм, Зильберман приходит к выводу, что, безусловно, остатки антисемитизма сохраняются, но они «значительно идут на спад от поколения к поколению». «Если и существует опасность, — пишет он, — то она исходит изнутри — от новой ограниченности, которая заставляет многих общинных лидеров замыкаться в себе и сосредотачиваться исключительно на еврейских проблемах»[89].

Мои представления и представления моих друзей совершенно различны и больше соответствуют тем евреям, которые, как говорит Зильберман, сообщают, что «они лично столкнулись с антисемитизмом за последние двенадцать месяцев»[90]. Зильберман пытается объяснить эту статистику «гиперчувствительностью» или «неправильным толкованием», но я считаю, что она отражает как сохранение старых форм антисемитизма, так и появление новых, некоторые из которых стали более очевидными после публикации книги Зильбермана. Первых стало меньше, а вторых – больше.

Среди новых штаммов старого вируса есть форма того, что якобы является антисионизмом, но на самом деле является старым деревом с правыми корнями и левыми ветвями. Я имею в виду антисионизм, вдохновлённый коммунистами, который оказал глубокое влияние на нашу страну, особенно на университетские сообщества, и на весь мир. С момента прихода к власти Иосифа Сталина и до недавних перемен при Михаиле Горбачёве Советский Союз был главным производителем и поставщиком этой антиеврейской медиакампании. Тысячи книг, брошюр, статей и видеокассет были напечатаны, размножены, распространены и перераспределены, транслировались и ретранслировались.

Значительная часть этой антиеврейской пропаганды середины XX века представляла собой просто традиционный яд антисемитизма XIX века, перелитый из старых царских бутылок в новые бутылки антикосмополитизма и антисионизма. Систематический мониторинг советских публикаций 1970-х и начала 1980-х годов, собранный Институтом еврейских дел в Лондоне, выявил классические повторяющиеся темы антисионизма: сионисты-ростовщики, сионисты как избранный народ, презирающий всех несионистов, сионистские раввины, проповедующие библейский геноцид всех гоев, сионисты с длинными крючковатыми носами и жадными руками, сионистское сотрудничество с Гитлером, варварские практики сионистов, такие как обрезание и ритуальный забой животных.

В 1979 году группа видных юристов со всего мира, многие из которых не были евреями, приняла участие в международном коллоквиуме, посвящённом советским евреям. Изучив обширный массив доказательств, они пришли к выводу, что «волна антисемитизма официально инспирируется СССР, который использует для этой цели книги и все возможные средства массовой информации, включая распространение

[89]Там же, стр. 94, 339.
[90]Там же, стр. 328-329.

советских антисемитских публикаций за рубежом»[91].

Хотя публикация антиеврейских материалов на территории нынешнего Советского Союза восходит к царскому периоду, её недавнее, более открытое распространение началось примерно с резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающей сионизм как форму расизма и призывающей государства-члены делать всё возможное для борьбы с ним. Эта резолюция обеспечила законное прикрытие для систематических государственных нападок на сионизм и сионистов[92].

С обретением новых свобод в Советском Союзе и Восточной Европе возникли новые проблемы, связанные с антисемитизмом. Первой группой, организовавшей массовую демонстрацию в центре Москвы, была «Память» – известная антиеврейская ультранационалистическая организация, которая обвиняет евреев во всех проблемах России. Аналогичные проявления антисемитизма советского образца наблюдаются и в странах Восточной Европы, постепенно освобождающихся от тоталитаризма.

Другая древняя форма антиеврейского фанатизма, которую трудно назвать антисемитизмом, имеет исламское происхождение. Коран и последующие священные книги ислама содержат теологические нападки на евреев за отказ признать истинного посланника Бога. Но есть и теологические восхваления евреев как собратьев по Писанию. Хотя исторические случаи преследования евреев, особенно со стороны шиитов, бледнеют по сравнению с преследованиями христиан. Действительно, в арабском и мусульманском мире существует относительно долгая история благожелательной терпимости к еврейским меньшинствам.

Многое изменилось с приходом сионизма. Исламский антиеврейский настрой стал – и остаётся – неотъемлемой частью политической риторики региона. Верховный муфтий Иерусалима, помимо того, что стал союзником Гитлера во время Второй мировой войны, адаптировал нацистскую теорию геноцида к исламской теологии. Он призвал своих «братьев-мусульман»: «Убейте евреев! Убейте их всех». Другие исламские лидеры использовали нацистские термины, например, «истребление», для обозначения целей арабской победы.

Риторика продолжается и сегодня со стороны таких организаций, как ХАМАС. В недавней листовке ХАМАС, Исламского движения сопротивления, перечисляются «предательство евреев, их ложь, их ненависть и пытки, направленные против нас и всего человечества». В ней содержится призыв к палестинцам «исламизировать» и «уничтожить евреев»[93].

Подобная антиеврейская риторика не ограничивается Ближним Востоком. Шведская радиостанция «Радио Ислам» излагает основные темы традиционного антисемитизма. Она цитирует «Протоколы» и утверждает, что «иудаизм, Тора и Талмуд отдают расизмом и презрением к другим народам». Радиостанция отрицает Холокост, восхваляет нацистов и сожалеет, что Гитлер не довёл дело до конца. По иронии судьбы, во время шумихи вокруг романа Салмана Рушди «Сатанинские стихи» о равнодушии ислама к евреям было слышно мало. Некоторые из тех самых людей, организаций и даже стран, которые наиболее громко осуждают «равнодушие» Рушди к исламу, находятся на

[91]«Заявление коллоквиума», Советское еврейство и верховенство закона: Второй международный коллоквиум по советскому еврейству (Лондон, октябрь 1979 г.), из Израильского ежегодника по правам человека, т. 9 (1979 г.), стр. 280.

[92]Недавно Ватикан признал, что антисемитизм часто маскируется под антисионизм. Мартин Лютер Кинг сделал похожее замечание несколькими годами ранее: «Когда люди критикуют сионизм, они имеют в виду евреев; речь идёт об антисемитизме».

[93]Гленн Франкель, «Воинствующее исламское движение затмевает ООП в восстании на Западном берегу», Washington Post, 17 декабря 1989 г., стр. A29.

переднем крае пропаганды равнодушия ислама к евреям[94].

Существует ещё и третий штамм нынешнего вируса антисемитизма, который ещё сложнее диагностировать. Его опасность заключается в его скрытности, распространённости и приемлемости на всех уровнях нашего общества. Это явление знакомо всем нам, но его трудно сформулировать и разоблачить: выделение еврейских институтов, и особенно Израиля, в качестве объекта особого внимания, а также применение двойных стандартов к еврейским вещам и людям. Этот феномен, у которого в настоящее время нет общепринятого названия, принимает различные формы, но его наиболее очевидным проявлением является особое и зачастую злорадное внимание, которое СМИ, интеллектуалы и правительство уделяют любому, даже самому незначительному, отклонению Израиля от высших норм прав человека, вежливости и жертвенности. Хотя Израиль часто заслуживает критики, не хватает сопоставимой критики равных или более серьёзных нарушений со стороны других стран и групп. Эта постоянная, зачастую обоснованная критика Израиля за каждое его отклонение, в сочетании с отсутствием обоснованной критики других, создаёт распространённое в университетских кампусах и прессе впечатление, что Израиль — один из самых злостных нарушителей прав человека в мире. Мы все слышали эту фразу много раз. Это неправда, но если её повторять достаточно часто, она обретает собственную реальность.

Другим проявлением этого нового вируса является растущее принятие интеллектуальной критики, направленной против евреев, которая никогда не будет принята по отношению к другим меньшинствам. Например, в недавнем выпуске журнала Nation, посвящённом пятидесятилетию, Гору Видалу было предложено написать статью. Видал написал грубую, невежественную антисемитскую статью под названием «Любители империи наносят ответный удар», в которой он назвал евреев в Израиле «хищным народом» с «чуждой теократией», а евреев в Америке — «пятой колонной»[95]. Предположим, что статья была бы о чернокожих в Америке и обвиняла бы чернокожих, поддерживающих освобождение Южной Африки, в двойной лояльности; ни один приличный журнал в этой стране, уж точно не Nation, не опубликовал бы ее. Но у Nation есть еврейские читатели и еврейский редактор, и, возможно, есть ощущение, что «еврейский» журнал может терпеть такой грубый антисемитизм. Я, очевидно, не за цензуру. Я сосредотачиваюсь на факторах, которые влияют на газету или журнал, чтобы печатать то, что они решают печатать, и тот факт, что Nation решила напечатать это, имеет значение.

Еврейская община сталкивается и с другими двойными стандартами. От евреев ожидается, что они, благодаря своей репутации борцов за гражданские права, всегда будут защищать своих врагов, и, как правило, они так и делают. Ни от какой другой группы не ожидается такой же защиты своих врагов. Будь то евреи, жертвы Холокоста, которым, как предполагается, следует защищать право нацистов на марш по еврейской общине Скоки, штат Иллинойс, или евреи, жертвы терроризма, которым, как ожидается, следует защищать право ООП открыть информационный офис в Вашингтоне! Я защищаю оба этих права, но не могу требовать от каждой еврейской жертвы согласия со мной, как это часто делают СМИ, хотя и редко требуют такого же уровня совершенства от других

[94]Пер Ахимарк, «Старый-новый антисемитизм», New York Times, 13 ноября 1989 г., стр. A21. Один из самых ярых сторонников исламских антиеврейских взглядов — М.Т. Мехди из Совета по исламским делам — недавно, извращая факты, заявил о существовании «иудео-христианских предубеждений против ислама». Он не упомянул об исламских нападениях на еврейский народ и неоднократных заявлениях о священной войне против еврейской нации. Associated Press, «США предвзяты в отношении ислама, заявляет мусульманский лидер», Los Angeles Times, 25 августа 1990 г., стр. 15

[95]Гор Видал, «Любители империи наносят ответный удар», Nation, 22 марта 1986 г., стр. 350, 353.

групп. Например, когда чернокожие студенты помешали белому южноафриканскому докладчику в Гарварде, а известный чернокожий профессор оправдал это [96], эта история привлекла мало внимания, а цензурные действия практически не вызвали критики. Однако, как я рассказывал в главе III, еврейские студенты, протестовавшие против чествования ливийца на конференции по правам человека, подверглись публичной критике.

Итак, это новейшая форма антиеврейства. Это не средневековый антииудаизм, не антисемитизм девятнадцатого и двадцатого веков, и не современный антисионизм. Это нечто иное и более тонкое. Антииудаизм религиозен, в то время как антисемитизм расовый и региональный. Оба они примитивны, дискредитированы и устарели, по крайней мере, как господствующие взгляды. Для новых антиевреев слишком легко отрицать антисемитизм: «Как вы можете обвинять меня в том, что я антисемит? Я поддерживаю палестинцев, а они семиты. Я антисионист, а не антисемит». Даже New York Times использовала термин «антисемитизм» для описания антиарабских высказываний[97].

Нам нужен новый термин для описания этого явления: двойных стандартов, чрезмерного внимания ко всему еврейскому, выделения Израиля из общей картины. «Антииудаизм» не совсем точно отражает суть явления, поскольку он больше не направлен исключительно против религии или теологии евреев. Не подходит и «юдофобия», поскольку подразумевает страх перед евреями, а не неприязнь к ним. Суть нового явления — антииудаизм, нападение на еврейские ценности и установки, на еврейское и на людей, отражающих еврейство.

Более того, ярлык «антисемит», придуманный антисемитами как гордый эпитет, по сути своей нейтрален. Он просто обозначает тех, кто против евреев. Он не обязательно подразумевает болезнь и зло, присущие такому фанатизму. Термин «иудеопат» казался бы гораздо более подходящим. Он предполагает патологическую ненависть к евреям и явно возлагает бремя ответственности на тех, кто ненавидит, а не на тех, кого ненавидят. Никто не будет гордиться ярлыком иудеопата, как некоторые гордятся ярлыком антисемит. Никто не может говорить об «объективной иудеопатии» так, как некоторые социологи небрежно говорят об «объективном антисемитизме», как будто это каким-то образом вина евреев[98].

Как бы это ни называлось, это нападение на еврейство должно быть одним из главных пунктов нашей повестки дня. Мир, особенно западный, воспринимает евреев как людей, живущих в комфорте, обладающих властью и не нуждающихся в помощи. Мы больше не страдаем от того социального, экономического, образовательного и бытового антисемитизма, который был характерен для поколения моих родителей и опыта моего

[96]Профессор Рэндалл Кеннеди заявил, что прерывание выступления оратора может быть оправдано, если в аудитории есть те, кто «считает, что это позор для человечества, если некоторые люди говорят, не прерывая их» (Washington Post, 6 июня 1987 г.).

[97]В редакционной статье от 9 сентября 1990 года газета «Таймс» писала: «Американские евреи имеют основания быть особенно чувствительными к демонизации семитского народа. В бездумной карикатуре арабы изображаются либо как безумные террористы, либо как жадные нефтяные шейхи. Это разновидность отвратительного изображения евреев как хищных банкиров или зловещих революционеров. Это есть антисемитизм в обеих формах». Раздел 4, стр. 24.

[98]Социологи иногда противопоставляют «объективный» и «абстрактный» (или «субъективный») антисемитизм. В то время как «объективный» антисемитизм, как утверждается, возникает из реальных конфликтов с реальными евреями, «абстрактный» антисемитизм определяется как направленный против абстрактной идеи о евреях-заговорщиках (см. Зильберман, стр. 341). Эти термины сами по себе несут в себе антисемитский подтекст, поскольку предполагают, что евреи в какой-то мере ответственны за «объективный» антисемитизм.

собственного поколения при поиске работы в профессиональных областях. Мы достаточно обеспечены и достаточно могущественны, чтобы обеспечить свои потребности внутри страны, но сегодня у нас нет власти, и мы не использовали её эффективно, чтобы предотвратить распространение нового антиеврейства. Сегодня мы одновременно и могущественный, и бессильный народ, постоянное меньшинство, живущее своим умом, своими достижениями и, в какой-то степени, принятием меняющегося большинства. Но по мере того, как мы увеличиваем свои достижения, зависть растёт.

Те, кто утверждает, что антисемитизм остался в прошлом, в некоторых отношениях абсолютно правы. Политического антисемитизма в нашей стране формально не существует. Ни один американский политик, придерживающийся традиционных взглядов, сегодня не одобрит рисование свастики или травлю евреев. Время от времени неонацист или лидер Ку-клукс-клана добивается выдвижения от крупной партии в каком-нибудь малоизвестном районе страны, а в нескольких случаях откровенный антисемит даже выигрывал местные праймериз, но затем терпел поражение на всеобщих выборах. Недавно Дэвид Дьюк, утверждавший, что его связывают с Ку-клукс-кланом, был избран в законодательный орган Луизианы из пригорода Нового Орлеана, но не смог добиться места в Сенате США. (Он получил 40 процентов от общего числа голосов и 60 процентов голосов белых.) Это резко контрастирует с некоторыми частями Европы, где антисемиты все еще побеждают, или с 1930-ми годами в нашей стране, когда открыто антисемитские (а также античерные и антикатолические) политики получали места в Сенате и Конгрессе[99].

Тем не менее, хотя открытый антисемитизм, к счастью, уже не является тем пороком, которым он когда-то был на американской политической сцене, антиеврейские настроения по-прежнему довольно распространены по всей стране. Мои письма отражают один устойчивый штамм вируса. Продолжающаяся, хотя и снизившаяся, дискриминация евреев, претендующих на высокие должности, отражает другой. Ощущение необходимости удерживать число еврейских студентов в элитных университетах ниже некоего неопределённого, но вполне реального уровня — ещё один. И принятие продолжающихся двойных стандартов в суждениях об Израиле и еврейских ценностях — это, очевидно, будущее.

На каждый из этих штаммов антиеврейского вируса — иудеопатии — необходимо дать решительный отпор. Но лечение должно быть направлено на больного человека, иудеопата, а не на невинную жертву — еврея.

Я был потрясён во время недавней службы в Йом-Киппур в Гарвардском Гилеле, когда студент спросил раввина, что он, американец, переживший Холокост, должен думать о нанесении аэрозольной краской свастик и антиеврейских граффити в городе Уэлсли накануне Йом-Киппур. Раввин, сделав несколько замечаний, преуменьшающих значение подобных инцидентов, сказал: «Вы знаете, что некоторые из этих свастик нарисованы евреями. Я знаю не один случай, когда евреи делали это». Когда преступников арестовали, они оказались неевреями-антисемитами. Тем не менее, послание, которое раввин донес до самой большой группы еврейских студентов в течение года, заключалось в том, что виновными могли быть евреи.

Старый антисемитизм идёт на спад; но иудеопатия жива и процветает. Она – продукт наших успехов, а не наших неудач. (Главный парадокс современного еврейского

[99]Конечно, наша избирательная система, где победитель получает всё, в целом не допускает маргиналов к выборам. Если бы у нас была система пропорционального представительства, подобная той, что действует в Израиле или Франции, в некоторых наших законодательных органах, вероятно, были бы нацисты и коммунисты.

положения заключается в том, что наши успехи способствуют ненависти к нам; или, как сказала бы моя бабушка, мир не видит – не потворствует – нашим успехам или не позволяет нам их. Её цель, похоже, состоит в том, чтобы держать нас на месте, как граждан ниже первого сорта, – напоминать нам, что мы всё ещё гости в принимающей стране, что нашу религию просто терпят в христианском мире, что выживание Израиля зависит от постоянной поддержки американского казначейства. Мои антисемитские письма говорят об этом прямо. Основные СМИ, некоторые политики и многие студенческие лидеры посылают то же самое сообщение, но более тонко.

Нет никаких причин, по которым мы, евреи, должны принимать подчинённое положение, которое нам пытается навязать эта новая форма антиеврейства. Да, мы многое получили от Америки, но и многое дали взамен. Американские евреи внесли такой же вклад в успех и процветание этой страны, как и любая другая группа, включая потомков «Мэйфлауэра». Это в равной степени и наша страна, и «их». Наш «иммигрантский статус» по сравнению с другими религиозными, этническими и национальными группами — это всего лишь вопрос степени. К счастью, именно это отличает Америку от других стран, где евреи жили в меньшинстве.

Еврейский век в истории Америки включает в себя период величайших успехов этой страны, во многом благодаря еврейским иммигрантам. В течение первого столетия своего существования Соединённые Штаты были молодой заводью с нереализованным потенциалом, богатой материальными ресурсами, но бедной достижениями. Потребовались коллективные усилия многих иммигрантских и коренных народов, чтобы превратить Америку в самую могущественную, динамичную, прогрессивную и сострадательную нацию в истории. И евреи сыграли немалую роль – более того, не будет излишним хвастовством сказать, что мы сыграли «непропорционально» большую роль – в этом преобразовании. Мы заслужили видное место в пантеоне нашей страны.

Нам не нужно оправдывать себя как американских евреев. Мои белые друзья-англосаксонцы-протестанты никогда не задумываются о том, «неужели их поступки плохо отразятся» на осах. У ос нет понятия «шанда фёр де йидден» — позора перед евреями. Нам также не следует беспокоиться о том, что подумают о нас другие как о евреях. Конечно, нам следует беспокоиться о том, что подумают о нас как о личностях те, кого мы уважаем. Но пришло время нам почувствовать себя свободными быть самими собой. Ни один еврей не должен беспокоиться о том, чтобы участвовать в политике, даже непопулярной. Антисемиты осудят либеральных евреев за то, что они либералы, консервативных евреев за то, что они консерваторы, а умеренных евреев за то, что они умеренные. Более того, меня самого осуждали по всем трём причинам те, кто ищет поводы для осуждения. Большая часть моих откровенно антисемитских писем осуждает меня за мой либерализм. Но я также подвергался нападкам слева со стороны радикалов, возмущённых моей поддержкой «фашистского Израиля» и отсутствием энтузиазма по поводу некоторых расовых квот. Более того, бостонское отделение Национальной гильдии адвокатов однажды создало подкомитет специально для того, чтобы нападать на меня за мою «сионистскую реакционную травлю красных», после того как я раскритиковал советский суд над еврейским отказником Анатолием Щаранским.

Недавний инцидент в Гарвардской школе права продемонстрировал, что антисемитизм может возникать из самых неожиданных источников. Студент-еврей, активист консервативного Общества федералистов, получил эти два письма от однокурсников. Первое, отправленное евреем, содержало следующую «юридическую» логику:

Расистские, праворадикальные евреи для меня — анафема.

Неужели вы теперь настолько сильно отождествляете себя со своими классовыми

интересами, что забыли, что именно эти самые люди (деньги, власть и т. д.) отправили двенадцать миллионов человек в газовые камеры Освенцима и Бухенвальда?...

Я бы подумал, что вы потеряли достаточно своих соотечественников из-за антисемитских, гомофобных, антикоммунистических нацистов, чтобы заниматься столь отвратительным и опасным поведением.

Я знаю, что это так.

Второе, от нееврея, было более прямым: «Я думаю, что вы и ваши недочеловеки полны этого. Будьте любезны, отвалите »[100].

Тот факт, что первый студент был евреем, не делает его высказывания менее расистскими или оскорбительными. Упоминание вторым студентом «унтерменша» — нацистского термина, использовавшегося для обозначения евреев, чернокожих и других расово нежелательных групп — заслуживает презрения[101].

Я рассказываю об этом инциденте, чтобы продемонстрировать, что не либеральное или консервативное содержание высказываний еврея провоцирует нападки в адрес его еврейства. А само еврейство в сочетании с некоторой степенью спорности, связанной с этими высказываниями.

Глупо — и обречено на провал — со стороны евреев пытаться подгонять свои высказывания или действия под антисемитские реакции. Только самые безвкусные высказывания самых безвкусных евреев способны не вызвать антисемитской реакции. А безвкусица — не еврейская черта. Как говорил Гарри Голден: «Евреи такие же, как все остальные, только ещё более безвкусные!» Помню, на одном занятии я обсуждал канадскую концепцию «видимого меньшинства», что означает меньшинство, которое легко распознать, например, чернокожих или коренных американцев. Одна студентка подняла руку и спросила, являются ли евреи видимым меньшинством. Я ответил: «Нет, мы — слышимое меньшинство».

Недавний инцидент в Массачусетсе иллюстрирует, что негативные еврейские стереотипы все еще близки к поверхности. В декабре 1990 года мой друг Харви Сильверглейт и я выступили против местного кандидата в судьи по имени Пол Махони. Наше противодействие основывалось на опубликованных сообщениях о том, что он действовал ненадлежащим образом, будучи помощником окружного прокурора. Оно также основывалось на сообщениях журналиста Boston Globe о том, что во время расследования в отношении человека по имени Уильям Балджер, который был президентом сената Массачусетса, Махони — тогда его помощник — апеллировал к этническому фаворитизму, пытаясь уничтожить негативную статью Globe о Балджере, которая частично основывалась на информации, предоставленной Сильверглейтом. Сообщается, что Махони спросил репортера по имени О'Нил, почему человек с такой фамилией, как О'Нил, поверит человеку с такой фамилией, как Сильверглейт, а не мужчинам с такими именами, как Балджер и Махони.

Я запросил разрешения присутствовать на слушаниях по утверждению Махони, чтобы обратиться к Совету губернатора, который должен утверждать все кандидатуры судей, с просьбой провести тщательное расследование этих и других обвинений, которые побудили нескольких авторов редакционных статей и обозревателей выступить против этой кандидатуры. Ещё до того, как я успел начать свою презентацию, Балджер, председатель сената, обрушился с критикой на меня и Сильверглейта, назвав их

[100]Трой А. Морган, «Поправка о справедливости отклонена в ходе ожесточённых дебатов», Harvard Law Record, 18 ноября 1988 г., стр. 1

[101]В первые дни войны в Персидском заливе, когда Израиль подвергался атакам иракских ракет Scud, в газете Boston Globe появился следующий красноречивый заголовок: «Активисты движения за мир выражают обеспокоенность по поводу антисемитизма в движении» (22 января 1991 г., стр. 6).

«хитрыми», «попустителями» и «манипуляторами». Он обвинил нас в контроле над «СМИ» и в «отсутствии моральных ограничений». Ссылаясь на отсылку к Ветхому Завету, он процитировал историю о том, как Иаков обманул Исава. Затем, театральным жестом, он указал на наши лица и прошипел: «Посмотрите на них, посмотрите на них», как будто наша «хитрость» была видна по нашим явно еврейским лицам.

Большинство представителей прессы распознали эти кодовые слова и осудили председателя сената за его «дикую и ядовитую демонстрацию оскорблений», а также за непристойное использование им кодовых слов, которые «если не антисемитские, то близки к этому». Редактор Boston Globe охарактеризовал заявления Балджера как «мягкий антисемитизм»[102].

Но некоторые евреи обвиняют меня в разжигании антисемитизма. Мне посоветовали, что, как видимый еврей, я обязан не провоцировать подобные вспышки, которые допустил Балджер. Скрытый в этом совете посыл ясен: не ввязывайтесь в политические споры с людьми, которые могут питать антиеврейские чувства, чтобы ваше участие не вынесло эти чувства наружу. Принять этот совет было бы равносильно принятию статуса второсортного человека, чего я не сделаю и чего не следует требовать от любого еврея в Америке.

Штиль никогда не служил нам добру. Он не спас нас от нацистов. Он не помог советским отказникам. И он не защитит наши интересы как американских евреев. Мы не можем принять один стандарт свободы слова для американских евреев, с одной стороны, и другой стандарт для «настоящих» американцев, с другой. Я знаю, что никогда не приму статус гостя в Америке, в Гарварде или в мире в целом. Мы — полноправные граждане, и как таковые мы обязаны высказывать своё мнение.

Как обычно, Марк Твен попал в точку. В 1898 году Твен получил письмо от американского адвоката еврейского происхождения. Письмо адвоката было вызвано опубликованной Твеном статьёй о поездке в Австрию, в которой он отмечал, что во время недавних демонстраций и беспорядков, спровоцированных языковым вопросом, «все классы людей были единодушны только в одном — в том, что они были против евреев»[103].

Адвокат задался вопросом, почему это так, особенно учитывая, что «еврейский вопрос не затрагивался» и «евреи были единственными из девятнадцати различных рас в Австрии, у которых не было партии — они абсолютно не участвовали». Далее адвокат заявил, что евреи вели себя хорошо, но при этом были «объектом беспочвенной, злобной враждебности…»[104].

Марк Твен соглашался с утверждением о благонравии евреев: «Эта раса имеет право называться самой благожелательной из всех рас людей». Конечно, это преувеличение. Но был, безусловно, прав: какие бы недостатки ни были у евреев – индивидуальные или даже стереотипные – они не объясняют их статуса исторических жертв всемирных преследований. Чтобы объяснить этот феномен, Твен обратился к одному из факторов, которые адвокат выделил как «заслугу» евреев: а именно к тому, что у евреев не было партии, что они не участвовали в управлении государством. Здесь Твен проявил себя во всей красе:

Кто даёт еврею право... сидеть сложа руки в свободной стране, позволяя кому-то другому заботиться о её безопасности? Угнетённый еврей в прежние времена, при

[102]«Балджер извергает яд», Boston Herald, 7 декабря 1990 г., стр. 40; «Завершение спора о кодовых словах», Boston Globe, 13 декабря 1990 г.; «Ток-шоу» (телевизионное ток-шоу), продюсер и ведущая Джуди Джарвис, WLVI, Бостон, 16 декабря 1990 г.

[103]Марк Твен, «О евреях» (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1934); стр. 1—2

[104]Там же.

жестоких автократиях, имел полное право на жалость, ибо был слаб, одинок и не имел возможности помочь своему делу. Но теперь у него есть способы, и они у него есть уже столетие, но я не вижу, чтобы он пытался ими серьёзно воспользоваться[105].

Твен понимал, что небольшое число евреев в Соединённых Штатах в то время не позволяло им легко осуществлять значительную власть. (Кстати, он сомневался в оценке Британской энциклопедией численности американского еврейского населения в 250 000 человек, написав редактору, что «лично знаком с большим количеством евреев в стране!»). Но он предложил типично американский подход к максимизации власти:

В наши дни мы познали ценность комбинирования. Мы применяем его повсюду — в железнодорожных системах, в трестах, в профсоюзах, в Армиях Спасения, в малой политике, в большой политике, в европейских концертах. Какова бы ни была наша сила, велика она или мала, мы её организуем.

Он призвал евреев поступить так же:

В политике организуйте свои силы, объединяйтесь и голосуйте решающим голосом там, где можете, а где не можете, добивайтесь максимально выгодных условий. Вы уже сжимаетесь в кучку во всех странах, но с политической точки зрения это не имеет под собой никакой цели. Вы, кажется, не организованы, за исключением вашей благотворительности. Там вы всемогущи; там вы добиваетесь признания — вам не нужно его выпрашивать. Это показывает, на что вы способны, когда объединяетесь ради определённой цели[106].

Твен призывал американских евреев учиться на примере ирландских американцев[107].

В заключение Твен напомнил адвокату, что, поскольку евреи составляют всего один процент человечества, о нём едва ли стоит слышать; но о нём слышат, о нём всегда слышали. Он так же известен на планете, как и любой другой народ... Его вклад в мировой список великих имён в литературе, науке, искусстве, музыке, финансах, медицине и глубокой учёности также несопоставим с малой численностью его. Он вёл изумительную борьбу в этом мире, во все века; и делал это со связанными за спиной руками. Всё смертно, кроме еврея; все остальные силы преходящи, но он остаётся. В чём секрет его бессмертия[108]?

Что ж, его «бессмертие» едва не закончилось во время Второй мировой войны. Более того, «бессмертие» целых еврейских семей, кланов, деревень, сект и других групп действительно подошло к концу. Но мы выжили и следуем общеамериканскому совету Твена.

Мы организовались и объединились. Американские евреи, составляющие всего 2,5% населения нашей страны, добились власти – экономической, образовательной, политической, информационной, благотворительной, моральной – несоразмерной их численности. Никто не давал нам этой власти. Если сегодня мы владеем большим количеством газет, телеканалов, киностудий и инвестиционных банков, чем можно было бы предположить, исходя из нашей численности, то это потому, что отдельные евреи – часто иммигранты с небольшим достатком – видели возможности там, где другие их не

[105]Там же, стр. 5, 16-17.

[106]Там же, стр. 22.

[107]Твен спросил своего корреспондента, слышал ли он когда-нибудь о «плане» журналиста по имени Герц? «Он хочет собрать евреев всего мира в Палестине; с их собственным правительством». Хотя у него не было личных возражений против этой идеи, Твен сомневался, что мир когда-либо допустит «такую концентрацию самых умных умов... в свободной стране». Он задавался вопросом, что произойдёт, если «эта раса осознает свою силу. Если бы лошади знали свою силу, мы бы больше не ездили верхом». Марк Твен, «О евреях» (Нью-Йорк: Harper and Brothers, 1934), стр. 23.

[108]Там же, стр. 23.

видели. Если мы и преуспели в юриспруденции, медицине и академической сфере, то вопреки квотам, а не благодаря им. У нас были некоторые преимущества – например, упор на образование и стабильность семьи, – но эти преимущества были дарованы не каким-либо правительством, а нашими традициями и ценностями.

Нам не нужно извиняться за наши успехи. Мы заслужили их, тяжким трудом. (Уж точно не «старомодным» путём фанатизма, дискриминации и отчуждения.)

Нам не нужно оправдываться или защищать нашу власть в Америке. Мы видели, что может произойти и произойдет, если мы отречемся от неё. История нашего народа показывает, что нам нужно больше власти, чем другим, чтобы выжить. Это один из важных уроков, которые следует извлечь из тысяч лет антиеврейской ненависти. Я вспоминаю об этом каждый раз, когда открываю очередное анонимное письмо. Мы не швейцарцы, и наша история – это не история о том, как нас оставили в покое. Это история постоянных преследований и репрессий. Без власти – более того, без власти, непропорциональной нашей численности, – мы будем продолжать подвергаться преследованиям. Мы должны стремиться укреплять свою власть на всех фронтах.

Мы были бессильны две тысячи лет. Мы стали могущественными лишь совсем недавно. Израиль был силён всего несколько десятилетий. Нужно время, чтобы привыкнуть к силе и могуществу, особенно после долгой истории слабости. Гораздо легче адаптироваться к слабости, потому что альтернативы ограничены. Власть и сила несут с собой больше возможностей — творить как добро, так и зло.

Когда «еврейское лобби» побеждает врага Израиля или евреев, мы должны с гордостью провозглашать победу справедливости над несправедливостью. Когда «еврейские спонсоры» влияют на исход медиакампании, мы должны провозглашать победу истины над ложью. Когда «еврейская мудрость» перехитрит тех, кто хочет нас уничтожить, мы должны восхвалять «ум, а не силу». Когда «еврейская этика» убеждает незаинтересованных других поддержать наши моральные принципы, противопоставляя их лицемерию тех, кто применяет двойные стандарты, мы должны торжествовать, празднуя победу добра над злом.

Таков американский образ жизни. Таков был образ жизни Марка Твена. Таков и образ жизни евреев. Нет никакой добродетели в той непропорциональной слабости, которой хвастался корреспондент Твена и за которую Твен справедливо его критиковал. Добродетель есть в победе, особенно когда правда на твоей стороне. Мораль есть во власти, когда эта власть используется для предотвращения возникновения того низменного зла, которое так часто становилось жертвой нас (и других) в отсутствие власти.

Философ Джордж Сантаяна говорит нам, что «те, кто не помнит прошлого, обречены на его повторение». Как люди, пережившие самый масштабный геноцид из когда-либо задуманных, а каждый ныне живущий еврей пережил гитлеровский Холокост, мы не можем позволить себе повторить уроки нашей истории. Самый важный урок нашей истории — необходимость и оправданность моральной силы для предотвращения безнравственных поступков.

5. Освенцим

Холокост, справедливость и вера

ХОТЯ я был всего лишь ребёнком, жившим на безопасном расстоянии от европейских полей смерти, Холокост остаётся самым значимым событием в моей жизни. Я не могу избежать — и не пытаюсь — его продолжающегося влияния на мою жизнь, мою религию, мои идеи, моё восприятие, моё чувство справедливости и мою психику.

Холокост навсегда изменил природу иудаизма и евреев. Он изменил отношение евреев к неевреям, и наоборот. Он изменил отношение каждого сострадательного человека к справедливости и несправедливости. Он должен бросить вызов вере каждого мыслящего существа. Мой друг Роберт Нозик утверждает, что Холокост позволяет сегодня размышлять, не приветствуя, об уничтожении человеческого рода как о «удовлетворительном завершении» истории нашей эпохи. «Этот вид, совершивший это, утратил свой достойный статус. Человечество само себя десакрализовало»[109].

Для Нозика, блестящего и креативного философа, событием десакрализации был сам Холокост — преднамеренное и часто садистское массовое убийство двух третей европейского еврейства, почти шести миллионов человек, в геноцидной попытке избавить мир от еврейской «расы». Для меня, как человека, посвятившего свою жизнь поискам справедливости, высшим десакрализацией стал ответ человечества на это неописуемо ужасное событие. Я не был ответственным взрослым в годы реальных убийств, но я был — и остаюсь — ответственным взрослым после Холокоста. Пока я учился в ешиве, затем на юридическом факультете и занимался карьерой юриста, тысячи помощников и сообщников Гитлера, убийц-геноцидалистов — от высокопоставленных нацистских политиков до офицеров СС и охранников лагерей смерти — продолжали жить счастливой жизнью без чувства вины. Каждый раз, когда я смотрю на фотографии нацистских солдат, с их насмешливыми улыбками целящихся в младенцев и женщин, которых они собираются расстрелять из пулемёта и отправить в безымянные братские могилы, я представляю, как эти солдаты — ныне заслуженные бизнесмены, дедушки, церковные деятели — мирно доживают свой век. И я думаю о мире, который допустил и Холокост, и его последствия.

Меня преследует мучительное чувство вины за то, что я не посвятил свою карьеру выслеживанию этих убийц моего народа и привлечению их к ответственности. Но я также понимаю, что не было никакого «правосудия», которое могло бы их осуществить. В послевоенные годы никто на самом деле не хотел судить всех, или даже большинство, выживших нацистских военных преступников. (Ужасно неверное название, поскольку их зверские преступления не имели никакого отношения к достижению военных целей). Все — Соединённые Штаты, Израиль, международное деловое сообщество, Организация Объединённых Наций — хотели продолжить неотложную работу по построению будущего. Не оставалось ни времени, ни сил, ни ресурсов для привлечения к ответственности тех, кто нес ответственность за прошлое, даже за такое ужасное прошлое, как Холокост.

Конечно, были и несколько символических процессов — в Нюрнберге, в Иерусалиме, в нескольких американских судах. Но для подавляющего большинства добровольцев массовых убийц реальность такова, что несправедливость восторжествовала. Невиновные были наказаны. Виновные были вознаграждены.

[109]Роберт Нозик, «Исследованная жизнь: философские размышления» (Нью-Йорк: Simon and Schuster, 1989), стр. 2 38-2 39.

Я никогда не понимал, почему еврейское движение мести не возникло после Холокоста. На самом деле, существовало ограниченное движение мести, описанное в книге Майкла Элкинса «Закалённые в ярости» (1981). Рождение Израиля перенаправило энергию с мести на защиту нового государства. А потом появились такие люди, как Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира 1986 года, который, призывая нас никогда не забывать трагическое прошлое, указал нам путь к живому будущему[110].

С начальной школы я несколько раз в день читал на иврите следующий стих из Тридцать седьмого псалма в молитве после еды: «Я был ребенком и состарился, и не видел праведника оставленным и детей его просящими еды». Помню, как задавал в классе вопросы о том, что могут означать эти загадочные слова. Конечно же, они не совсем точно описывали реальность. Следы Холокоста были повсюду вокруг меня — одноклассники с вытатуированными на руках номерами, учителя, потерявшие целые семьи, друзья, пережившие лагеря для перемещенных лиц. Праведники были брошены, а их дети остались нищими.

Раввины моей ешивы приложили героические усилия, чтобы объяснить этот отрывок. Возможно, те, кого бросили, не были по-настоящему праведны в душе. Оскорбительное и унизительное объяснение! Конечно, некоторые из брошенных были действительно праведны – по крайней мере, более праведны, чем многие из тех, кто не был брошен. Как смеют комментаторы самодовольно судить всех брошенных? Возможно, говорили раввины, в отрывке говорится об оставлении Богом в загробной жизни, а не о погрешимых собратьях на земле. Это тоже не сработает, подумал я, поскольку очевидно человеческий автор («Я был ребенком, а потом состарился») описывает то, что он «видел», а загробной жизни не видно. Возможно, этот отрывок отражает надежду на то, что праведники больше не будут брошены, предположили мои учителя. Возможно, но это не то, что там говорится. Другие предложенные объяснения были столь же несостоятельными.

На мой взгляд, лучшее и самое простое объяснение заключается в том, что этот отрывок неверен. Это красивая поэзия, но безобразная философия. На самом деле, нет никакой связи между праведностью и удачей, или неправедностью и неудачей. Если когда-либо и были какие-либо сомнения относительно этой печальной реальности — а я не верю, что когда-либо были, — все эти сомнения были навсегда развеяны

[110]В моем письме о выдвижении кандидатуры Эли в Нобелевский комитет было указано следующее:
Никто в мире сегодня не заслуживает Нобелевской премии мира больше, чем Эли Визель. Профессор Визель представляет тех, кто пережил самый масштабный геноцид, когда-либо совершённый против целого слоя человечества — при молчаливом одобрении стольких очевидцев.
Чтобы оценить уникальный и неизмеримый вклад профессора Визеля в дело мира, достаточно лишь представить, как бы всё было без Визеля. Невозможно представить себе ярость, которую, должно быть, постоянно испытывают те, кто напрямую или косвенно пережил Холокост. Выжившие после других массовых убийств и их потомки ответили немирными средствами – например, продолжающимся насилием некоторых армян против турок. Евреи, пережившие Холокост, – нет. Не было никакого терроризма против невинных немцев – или даже виновных немцев, живущих в роскоши, а порой и в почете. Уже одно это заслуживают признания их вклада в дело мира.
Есть множество веских причин отдать должное профессору Визелю. Но ни одна из них не важнее его роли в обучении выживших и их детей тому, как конструктивно, мирно и справедливо реагировать на всемирный заговор геноцида, составляющие которого включают массовые убийства, массовое молчание и массовое безразличие. Профессор Визель посвятил свою жизнь тому, чтобы научить выживших в заговоре, который исключил столь немногих, вернуться и мирно адаптироваться к чуждому миру, не заслуживающему никакого прощения.
…Жизненное дело Визеля заслуживает высочайшего признания — особенно со стороны представителей мира, молчаливо стоявших рядом.

Холокостом[111].

Действительно, Холокост и реакция мира на него со всей очевидностью показывают не только фактическую ложность этого утверждения, но и его моральную неприемлемость. Псалом подразумевает, как минимум, что люди несут моральную ответственность за свои несчастья; будь они праведны, их бы не истребили во время Холокоста, не поразили бы болезни и не опустошили бы стихийные бедствия. Это отвратительный принцип, порождающий своего рода «натуралистическое заблуждение», лежащее в основе доктрин некоторых фундаменталистских религий, которые провозглашают катастрофы виной самих жертв. Некоторые фанатики даже возлагают вину за Холокост на евреев[112]. Религиозная доктрина, способная на такой моральный вред, должна быть неприемлема для евреев, особенно после Холокоста.

Конечно, может существовать неясное толкование, которое было бы вполне приемлемым[113], но даже если бы это было так, я бы всё равно пришёл к выводу, что эта проповедь предосудительна, поскольку её очевидный смысл — принятый миллионами тех, кто ежедневно её повторяет, — в корне безнравственен. Как и ежедневное благословение Господу «за то, что Он не создал меня женщиной», которое также подверглось героическим попыткам рационализации в наши дни, проповедь о праведниках опасна, если в неё верить.

Я не предлагаю цензуру. Пусть эти устаревшие молитвы останутся в молитвенниках, но как пережитки прошлого с иными, менее приемлемыми ценностями. Пусть они служат напоминанием об ошибочности религиозных текстов и о праве — и, по сути, обязанности — каждого поколения верующих переосмысливать свои писания. Пусть проповедь о праведниках напомнит нам о трагической реальности: справедливость не всегда вознаграждает праведных и не карает неправедных, и пусть она послужит вдохновением для попыток привести повседневную реальность в соответствие с религиозной теорией (так же, как молитва о женщинах должна напоминать нам о сохраняющемся неравенстве в отношении женщин и других людей во всех обществах).

Мы должны продолжать стремиться к справедливости в мире, который по своей природе несправедлив. Пока слепая удача — как хорошая, так и плохая — играет столь важную роль в вознаграждении и наказании человеческой жизни, естественные последствия никогда не станут ориентиром для правосудия. Пока неправедность в сочетании с властью продолжает вознаграждаться в наших правовых и политических системах, а праведность в сочетании со слабостью — наказываться, человеческие последствия никогда не станут безошибочным критерием справедливости.

Еврейская традиция настолько богата разнообразием священных текстов, что можно найти противоядие практически к любому неприемлемому утверждению. Возможно, самое мощное противоядие от проповеди о праведнике содержится в книге Иова. Праведник Иов тяжко страдал, несмотря на то, что в конце концов получил новый скот, имущество и детей. Он был не только оставлен, но и подвергнут наказанию (эвфемизм «искушения»), а его дети были убиты.

[111]Написав это, я узнал, что некоторые ортодоксальные иудеи произносят этот стих себе под нос; Леонард Фейн «не может… произнести эти слова». См. Фейн, «Где мы? », стр. 41.

[112]В 1990 году ведущий ортодоксальный раввин Израиля подвергся широкой критике, когда заявил, что Холокост был Божьим наказанием евреям за употребление в пищу свинины.

[113]Вот остроумное толкование: если злой человек обеднеет, то вся община узнает о его злых делах и не будет давать ему милостыню. Поэтому он должен послать своих детей на поиски пропитания. Но если праведник обеднеет, он сам может попросить пропитания, и поэтому псалмопевец никогда не видел праведника, оставленного в беде, а его дети просят пропитания.

Холокост разрушил веру многих евреев в естественную еврейскую справедливость, о которой говорится в процитированной проповеди, – в праведность, вознаграждаемую здесь, на земле. Хотя многие благочестивые евреи шли в камеры смертников, заявляя о своей вере в Бога – «Ани маамин беэмуна» «Шлайма» («Верую полной верой») — они, несомненно, отказались от веры в земную справедливость. Действительно, многие умирали с другим еврейским плачем на устах: «Айли, айли, Лама азавтани» — «Боже мой, Боже мой, почему Ты меня оставил?» Они знали, что они и их дети были оставлены.

Нацистский геноцид также заставил нас переосмыслить многие светские философии правосудия. Юридический позитивизм — идея о том, что правосудие является функцией существующего права, — серьёзно пострадал от примера нацистского правосудия, которое обладало всеми преимуществами действующего немецкого права, но не обладало свойствами правосудия[114].

Холокост породил цинизм в отношении справедливости, который, возможно, никогда не будет преодолен. Многие из самых праведных евреев и неевреев пережили самые суровые испытания. Многие из самых неправедных неевреев, включая лидеров нацистов и непосредственных исполнителей «окончательного решения», прожили свою жизнь в окружении любящих семей и поддерживающих друзей. А некоторым из наименее праведных евреев, тем, кто сотрудничал с нацистами, удалось выжить. (Хотя я не могу осуждать евреев, которые сотрудничали с нацистами ради выживания, их, безусловно, нельзя причислить к самым праведным.)

И эти несправедливые результаты не были просто отражением слепого везения. Во многих случаях цивилизованный мир сознательно выбирал вознаграждение зла и наказание добродетели. Ярким примером служат послевоенные иммиграционные льготы, предоставленные некоторыми «моральными» странами, такими как Канада, пособникам нацистов по сравнению с их жертвами[115]. Другой пример — решение США помиловать многих нацистских военных преступников и вернуть им конфискованное имущество, нажитое рабским трудом.

Каждый раз, когда я слышу о бывшем нацисте, особенно о преступнике, совершившем геноцид, прожившем долгую и достойную жизнь, я не могу не думать о праведных евреях и их детях, которых он помогал убивать, в то время как мир бросил их во имя прагматизма. Я также думаю о таких героях, как Рауль Валленберг, шведский дипломат, спасший так много венгерских евреев, и о том, как несправедливый мир бросил его.

Меня также не утешает уверенность в том, что нацистские убийцы, должно быть, испытывают муки внутренней вины. Многие — нет. Они всё ещё верят, что совершили правое дело. Или просто не думают об этом, даже в снах и кошмарах. Мир поощряет такую реакцию своим молчанием и бездействием.

Возможно, именно поэтому непристойное посещение президентом Рональдом Рейганом кладбища СС в Битбурге (Германия) в 1985 году вызвало столь сильные эмоции у столь многих евреев. Этот визит – особенно в сочетании с извращённым заявлением Рейгана о том, что похороненные там нацистские убийцы «были жертвами, точно так же, как и жертвы концентрационных лагерей», – был воспринят как окончательное «прощение» СС за совершённые ею преступления геноцида. Пресса сообщала, что бывшие офицеры СС чувствовали себя хотя и не оправданными, но реабилитированными: «Беседы с ветеранами СС не оставляют сомнений в том, что настойчивое желание

[114]Лон Фуллер, «Позитивизм и верность закону», Harvard Law Review, т. 71 (1958), стр. 630, 648-657.
[115]См. Ирвинг Абелла и Гарольд Тропер, «Никого не слишком много: Канада и евреи Европы, 1933–1948» (Торонто: Лестер и Орпен). Деннис, 1982).

президента Рейгана посетить Битбург… помогло им лучше понять свою роль в истории». Рейган, кстати, отказался ехать в концлагерь Дахау, где СС убивали еврейских жертв, потому что его не интересовало «пробуждение памяти и тому подобного» [116].

Мне приходится изо всех сил стараться не быть циничным в отношении правосудия перед лицом такой повторяющейся несправедливости. Я вспоминаю свой разговор с человеком, пережившим Холокост, который потерял всю свою семью в лагерях, а сам был брошен умирать. После войны он приехал в Америку и стал успешным бизнесменом. Теперь, в конце жизни, его обвиняли в уклонении от уплаты налогов и грозило тюремное заключение. Не пытаясь приуменьшить свою вину, он задавался вопросом, как можно ожидать, что он примет систему правосудия, которая наказывает его за преступления тюремным заключением, в то время как убийцы его семьи остаются на свободе.

Я попытался объяснить, что нацистскую несправедливость нельзя сравнивать с американским правосудием, но он меня перебил. «Я говорю об американской несправедливости». Он рассказал, как выследил нескольких нацистских преступников из своего региона в Белоруссии до Нью-Джерси, где они жили безбедно. Конечно, он не мог доказать, что какой-то конкретный человек убил его семью, но сказал, что Министерству юстиции известно о причастности нескольких из тех, кого он выследил. «Может быть, в конце концов они депортируют одного или двух из них, — цинично сказал он, — но здесь, в Америке, много счастливых нацистов, живущих хорошей жизнью». Он не пытался оправдать свои преступные действия, основываясь на собственном опыте, но сказал: «Если бы эти нацистские преступники увидели, как я сижу в тюрьме за то, что обманул правительство на несколько тысяч долларов, пока они качают своих внуков на коленях, они бы покатывались со смеху, как нацисты.

Другие представители моего поколения, такие как Леонард Фейн, несколько иначе смотрят на еврейскую реакцию на Холокост, порицая евреев, «когда мы требуем особого снисхождения» из-за Холокоста[117]. Я большой поклонник Фейна, но не понимаю, почему евреи не должны требовать — более того, требовать — особого снисхождения от мира, который не дал им никакого снисхождения вообще. Почему Фейн (и другие, кто выдвигает этот аргумент) охотно предоставляет — более того, требует, чтобы мы все предоставляли — особое снисхождение другим меньшинствам из-за дискриминации, от которой они пострадали, но отказывает своему собственному народу в том, что им причитается? Мир должен евреям и еврейскому государству, построенному на пепелище Освенцима, особое понимание[118]. Если мы немного скептически относимся к заверениям в том, что мир или Соединенные Штаты придут на помощь находящемуся под смертельной угрозой Израилю, мы правы, даже если окажется, что на этот раз мир действительно поможет нам. Если Израиль разрешит сомнения в безопасности в пользу своего собственного народа — даже если в каком-то конкретном случае это неправильно — мир должен «подарить» пережившим Холокост по крайней мере поколение понятного страха, если не паранойи.

По сути, Фейн неправ, даже используя термин «особая снисходительность». Мир никогда не проявлял — и не проявляет сегодня — особой снисходительности к еврейскому народу или еврейскому государству. И евреи, которых критикует Фейн, ищут не этого. Мы требуем — и любой народ имеет право требовать — чтобы мир не баловал

[116]Зильберман, «Некоторые люди», стр. 360—365. Неудивительно, что оскорбление Битбурга было организовано Патриком Бьюкененом, о котором я расскажу подробнее далее в этой главе.
[117]Фейн, Где мы?, стр. 61
[118]Фейн отрицает, что Израиль был построен на пепелище Освенцима, но реальность такова, что Холокост убедил мир — как евреев, так и неевреев — в необходимости еврейского государства.

нас меньше, чем другие группы. Мы имеем право настаивать на том, чтобы мир не применял к евреям двойные стандарты сверхпристального внимания и сверхкритики. Мы жалуемся на то, что мир, включая многих евреев, требует от нас большего — большей жертвенности, большего совершенства, большей нравственности, — чем от других. В Освенциме мы узнали, что в безнравственном мире нет никакой добродетели в том, чтобы придерживаться самоотверженных моральных стандартов, которые больше подходят для взаимодействия с друзьями, чем с врагами. Опыт Холокоста должен освободить нас от соблюдения норм, соблюдения которых никогда не ожидалось от другого народа или нации.

Так что избавьте нас, пожалуйста, от обвинений в том, что мы настаиваем на «особой снисходительности». Поймите, пожалуйста, почему мы не полностью доверяем доброте незнакомцев. И перестаньте — во имя элементарной порядочности и простого равенства — требовать от нас того, чего никто не требует от других[119].

Не обязательно верить в существование справедливости, чтобы стремиться к её улучшению, если не к совершенству. Библия повелевает: «Ищи справедливости», подразумевая, что её должны активно искать люди, а не пассивно ожидать от природы.

Помня об этой заповеди, я с энтузиазмом, хотя и с огорчением, включился в запоздалые усилия по привлечению к ответственности нацистских военных преступников. Справедливость требует не только оправдания невиновных, но и наказания виновных, особенно когда вина столь тяжела, как у виновников Холокоста.

Как убеждённый борец за гражданские права, я не приношу извинений за свои усилия и усилия других активистов по защите прав человека, направленные на то, чтобы привлечь к ответственности всех выживших нацистских военных преступников, независимо от возраста или «реабилитации». Как для предотвращения будущих Холокостов, так и для того, чтобы справедливость за прошлые зверства восторжествовала, крайне важно, чтобы ни один нацистский военный преступник не прожил свою жизнь в мире и безвестности. Мы должны извиниться за несвоевременность наших усилий, запоздалость, из-за которой слишком многим самым непростительным преступникам в истории пришлось жить и умереть в слишком уж всепрощающих объятиях семьи и друзей.

Хотя я не верю в коллективное уголовное наказание, я убеждён, что немецкий (и австрийский) народ — те, кто не выступал активно против нацизма — несёт значительную моральную ответственность за Холокост. Конечно, каждый сознательно поддерживающий нацизм заслуживает вины за его совершенно предсказуемый — и даже обещанный — геноцидный результат.

Подобно тому, как подавляющее большинство немцев ожидало получить материальную выгоду от гитлеровской агрессии, они также должны были пожинать горькие плоды поражения. Они должны были страдать – как народ – после Холокоста. Отдельные лица, активно сопротивлявшиеся, должны были быть лично вознаграждены. Но те, кто поддерживал гитлеровскую программу геноцида, пусть даже пассивно, чтобы жить достойно, должны были страдать пропорционально своей соучастности и виновности.

Вот почему восстановление послевоенной Германии в одну из самых богатых стран мира является моральным позором. Минимальным адекватным ответом на коллективную ответственность немецкого народа за преступления своих лидеров — которых они избрали и с энтузиазмом поддерживали и чьи массовые убийства были

[119]В недавнем эссе в журнале Time (26 февраля 1990 года) Чарльз Краутхаммер утверждал, что «двойные стандарты, требуемые от Израиля», являются «дискриминационными. И у дискриминации евреев тоже есть название. Для неё есть слово — антисемитизм».

совершены при содействии и с ведома стольких граждан — должно было бы стать поколение нищеты для большинства немцев[120], в сочетании с наградами для тех, кто выступал против нацизма. Генри Моргентау-младший — министр финансов во время Второй мировой войны — написал книгу под названием «Германия — наша проблема» (1945), в которой он призывал к разделу послевоенной Германии и преобразованию ее в аграрное общество. Моргентау призывал к передаче оборудования и заводов из Германии союзным странам в качестве военных репараций.

Но вместо того, чтобы требовать от немецкого народа жить на уровне прожиточного минимума в течение двадцати или тридцати лет, мы немедленно вознаградили его планом Маршалла. Мы также помиловали осуждённых нацистских преступников, которые могли бы помочь восстановить Западную Германию. Мы вознаградили зло прошлого, чтобы противостоять более «насущным» проблемам будущего. Самая насущная из этих проблем — холодная война против коммунизма — определённо не оправдывала наград, которыми мы осыпали Западную Германию, Австрию и многочисленных отдельных нацистов, которых мы завербовали во имя нашей священной войны против коммунизма[121]. Высшая награда — воссоединение Германий и создание самой могущественной державы в Европе менее чем через полвека после уничтожения нацизма — даже не претендовала на насущную международную потребность. Это было просто естественным следствием отказа признать ответственность немецкой нации за неисчислимое зло, которое она сотворила.

В одном отношении успех послевоенной Германии знаменует собой запоздалое завершение двойной цели Гитлера, развязавшего Вторую мировую войну: уничтожение европейского еврейства, чего он добился до своей смерти; и возрождение Германии как самой могущественной державы в Европе, что теперь стало возможным благодаря помощи Соединенных Штатов и других победоносных стран, переживших Вторую мировую войну.

Печальная реальность заключается в том, что реакция мира на зверства нацистов была настолько неадекватной, что повторение — вероятно, в иной форме — не исключено. Недавно я общался с группой немецких студентов, обучающихся в Школе Кеннеди по программе McCloy (программа, как я уже упоминал ранее, названа, что вполне уместно, в честь бывшего верховного комиссара США в Западной Германии, который помиловал многих нацистских преступников, вернул Круппам конфискованное рабское имущество и помог восстановить Германию). Я задал следующий вопрос: «Будет ли расчётливый и аморальный потенциальный нацист, зная всё, что мы теперь знаем о его наградах и наказаниях за вступление или невступление в нацистскую партию в 1930-х годах, склонен вступать или не вступать». Некоторые из немецких студентов согласились, что реакция мира на нацизм была настолько неадекватной, что даже сегодня расчётливый потенциальный нацист снова выбрал бы участие в Холокосте на основе простого анализа затрат и выгод. Ничто не может лучше продемонстрировать неспособность мирового сообщества отреагировать на самое ужасное преступление, когда-либо совершенное против человечества.

[120]Еврейский инстинкт справедливости, побудивший большинство из нас бойкотировать немецкие товары после войны — особенно товары, произведенные компаниями, сотрудничавшими с нацизмом, — был совершенно точным, хотя и неэффективным из-за американских субсидий.

[121]Западную Германию, безусловно, не нужно было восстанавливать, чтобы конкурировать с Восточной Германией, Польшей или другими странами, находившимися под коммунистическим господством, поскольку Советский Союз позволял этим странам прозябать в нищете. Западную Германию также не нужно было восстанавливать, чтобы предотвратить рецидив милитаризма, последовавшего за Версальским договором, поскольку аграрное общество не может вести современную войну.

Важно признать, что американские евреи – даже те, чьи семьи покинули Европу до Второй мировой войны – сами являются жертвами нацистского Холокоста. Мы тоже были преднамеренными жертвами Гитлера. Мне было семь лет в конце войны, и я почти наверняка оказался бы в крематории вместе со своими европейскими кузенами, если бы Гитлер выиграл войну или мои бабушка и дедушка не эмигрировали из Польши. Мы почти так же заинтересованы в привлечении нацистских военных преступников к ответственности, как и те, кто действительно выжил. Необходимость предотвратить повторение этого во мне так же настойчива. Даже потребность в справедливости и памяти должна быть столь же реальной.

Стремясь понять несправедливость Холокоста и безнравственную реакцию мира на него, я дважды побывал в Польше. Первый раз я побывал там в 1987 году с младшим сыном Джамином, который тогда был студентом юридического факультета Йельского университета и глубоко переживал вопросы справедливости и несправедливости. Вторая поездка состоялась в середине 1990 года со старшим сыном Илоном, голливудским режиссёром, которого больше интересует психология мести. Подробнее об этой второй поездке я расскажу позже.

Визит в 1987 году в эту страну, которую можно назвать лишь еврейским кладбищем без надгробия, стал для нас с Джамином настоящими эмоциональными качелями. Но моей главной эмоцией на протяжении всего визита был нарастающий гнев, даже ярость, вызванные явным нежеланием значительной части поляков, их правительства и многих интеллектуалов осознать чудовищность геноцидных преступлений, совершённых на их родине, на их глазах, а зачастую и при их соучастии и даже поощрении.

Чтобы американские читатели лучше поняли масштабы трагедии, возможно, приведу несколько приблизительных статистических данных. Еврейское население Польши накануне Второй мировой войны составляло около 3,5 миллионов человек (из 30 миллионов). В крупных городах и поселках, таких как Варшава, Краков, Лодзь, Кельце и Белосток, евреи составляли почти треть населения. Хотя антисемитизм ограничивал их политическое влияние, а печально известные numerus clausus (антиеврейские квоты) сократили их число в университетах, евреи стали важной — а некоторые ошибочно считали, неискоренимой — частью польской жизни. Они жили среди своих католических соседей — одни бок о бок, другие в отдельных деревнях, или штетлахах, — почти тысячу лет. Их место в польской жизни, как по численности, так и по влиянию, было примерно сопоставимо с местом католиков в нашей стране сегодня.

Затем, всего за несколько лет, с сентября 1939 года по 1945 год, практически каждый польско-еврейский мужчина, женщина и ребёнок был систематически убит. Среди них были полуевреи, четвертьевреи, крещёные евреи, новорождённые евреи, евреи-атеисты, католические ксендзы с еврейскими предками и даже евреи, давно отрекшиеся от своего происхождения. Сначала их расстреливали, но затем методы были усовершенствованы, включив в себя передвижные газенвагены и лагеря смерти с газовыми камерами и крематориями.

Убийства в Польше не ограничивались только польскими евреями. Со всей Европы поездом было собрано около двух миллионов еврейских мужчин, женщин и детей – из таких далёких мест, как Норвегия, Корфу и Франция. Даже некоторые американские евреи, оказавшиеся в Европе во время боевых действий, были отравлены газом в гигантских польских лагерях смерти: Освенциме-Биркенау, Треблинке, Белжеце, Хелмно и Собиборе. Целью нацистов было не просто избавиться от евреев, которые мешали им и были партизанами или коммунистами, как это было с некоторыми другими группами. Целью было окончательно и систематически избавить мир от всех евреев.

Я поехал в Освенцим-Биркенау — место, где располагался крупнейший лагерь смерти, — ожидая, что меня тронет, возможно, я буду плакать. Но вместо того, чтобы на глаза навернулись слёзы, я сжал кулаки.

Мы с Джамином совершенно сознательно решили не идти на «американскую» или «еврейскую» экскурсию. Мы последовали за группой польских школьников, чтобы узнать, что им рассказывают об этом музее и что он для них значит. Их учительница немного говорила по-английски и переводила для нас. Это был шокирующий и вызывающий гнев опыт.

Детям — действительно типичным гостям из Восточной Европы — не говорят, в отличие от еврейского гостя, что почти все три миллиона человек, убитых в различных лагерях, были евреями, которых отправили в газовые камеры исключительно за то, что они были евреями евреям[122]. Польскому гостю говорят, что жертвами были польские граждане: интеллектуалы, священники, солдаты, журналисты, участники Сопротивления. Ему показывают стену смерти, где были расстреляны сотни политзаключенных, но не остатки газовых камер, где были убиты миллионы евреев. Более того, часть комплекса Биркенау даже не включена в экскурсию. Именно в Биркенау еврейских женщин, детей и мужчин отправляли на отравление газом и сожжение. «Экскурсия включает только лагерь Освенцим, где содержались польские заключенные — все взрослые — и где многие погибли»[123].

Конечно, верно, что значительное число взрослых поляков было индивидуально убито по непростительным причинам — из-за политических взглядов, участия в сопротивлении, религиозной деятельности в качестве священников, журналистской работы и так далее. Но польский народ как таковой не был обречён на геноцидное уничтожение, в отличие от евреев и цыган. (Примерно полмиллиона цыган были убиты нацистами). Ужасы, причинённые этим польским взрослым, подвергшимся заключению в лагерях, нисколько не умаляют ужасов, причинённых им, если отметить, что существует огромная разница между тем, что нацисты делали с отдельными взрослыми поляками, и тем, что они делали со всеми евреями — как младенцами, так и взрослыми, — которых им удалось собрать в лагерях смерти. И это различие намеренно размывается для восточноевропейского посетителя музея Освенцима.

Например, в одном из залов польского павильона (а у каждой страны, оккупированной нацистами, есть свой павильон) висят сотни фотографий погибших мучеников. Мы с сыном ахнули от удивления, проходя мимо фотографий и читая имена под каждой из них: ни одного еврейского имени; все были поляками. В соседнем зале выставлены фотографии младенцев и детей, погибших в газовых камерах лагерей. Под фотографиями нет имён, только номера. Причина очевидна: если перечислить их имена, станет ясно, что польских детей не убивали в Освенциме-Биркенау; в ходе нацистского геноцида в газовых камерах были уничтожены только еврейские (и цыганские) младенцы и дети.

Каждый из национальных павильонов Восточной Европы старается преуменьшить исключительно еврейскую природу Холокоста. Ни в одном из них не упоминается тот факт, что целые еврейские общины были депортированы в Освенцим-Биркенау из самых отдалённых уголков нацистской империи для систематического

[122]Историк Дэвид Уайман приводит эту цифру в дополнение к почти 1,5 миллиона евреев, убитых в ходе официальных мобильных карательных акций. Большинство остальных были убиты в результате массовых расстрелов и в условиях, преднамеренно создаваемых в гетто или во время депортаций. Дэвид Уайман, «Оставление евреев» (Нью-Йорк: Pantheon, 1985), стр. 5.

[123]По последним данным, общее число польских католиков, убитых в Освенциме, составляло около семидесяти пяти тысяч.

геноцида.

Не все предполагаемые жертвы были евреями. Но все евреи были предполагаемыми жертвами. Эта реальность, столь красноречиво подмеченная лауреатом Нобелевской премии Эли Визелем, ускользает от внимания типичного посетителя Освенцима.

На самом деле, иногда противоположное выражается весьма явно. В венгерском павильоне жирным шрифтом выделено следующее предупреждение: «Тема этой выставки — не судьба еврейского народа. Она стремится рассказать венгерскую историю». У входа в чехословацкий павильон находится прекрасный мраморный мемориал жертвам лагерей смерти. Названия лагерей высечены на мраморе: «Треблинка, Маутхаузен, Освенцим [Аушвиц], Берген-Бельзен, Дахау». Вокруг этих названий — сотни христианских крестов, но ни одной звезды Давида в память о 150 000 еврейских жертв из Чехословакии[124].

Послание туристу из Восточной Европы, которое можно услышать и увидеть по всей Польше, ясно и преднамеренно: нацисты без разбора убивали оккупированное население, пока Красная Армия не разгромила их и не спасла выживших. Поскольку оно упускает из виду особый характер «окончательного решения» еврейского вопроса, это послание ложно и пагубно. Оно не изменилось и после свержения коммунизма, разве что умолчало о героизме Красной Армии.

Единственный случай в музее Освенцима, в котором еврей выделен в качестве жертвы, это келья отца Максимилиана Кольбе, францисканского священника, который, как нам сказали, добровольно согласился умереть «вместо еврея». Этот момент, что Кольбе умер вместо намеченной еврейской жертвы, неоднократно повторяется теми, кто пытается убедить мир в том, что многие польские католики рисковали своей жизнью, чтобы спасти еврейских жертв. Авторитетная история церкви в современной Польше категорически утверждает, что «отец Кольбе добровольно отдал свою жизнь вместо еврея в Освенциме»[125]. 17 марта 1989 года газета Boston Globe сообщила, что католические лидеры ответили на заявления евреев о том, что Освенцим был местом мучений для еврейского народа, указав, что в Освенциме погибло много христиан, включая тысячи католических священников, которые стали мишенью нацистов. Самым известным из них был преподобный Максимилиан Кольбе, канонизированный как святой в 1982 году. Он особенно запомнился тем, что вызвался занять место польского еврея, приговоренного к казни.

Газета Christian Science Monitor сообщила (5 октября 1984 года), что в Польше был написан реквием в память о Кольбе, «который выбрал собственную смерть в Освенциме, чтобы спасти осуждённого еврея». Недавно один раввин рассказал мне о трогательной межконфессиональной службе, посвящённой отцу Кольбе за спасение этого еврея.

История о том, как отец Кольбе отдал свою жизнь, чтобы спасти осуждённого еврея, прекрасна. Хотелось бы только, чтобы это было правдой. К сожалению, это полная выдумка, распространяемая теми, кто хочет переписать историю. Сам Ватикан признаёт, что человек, которого спас отец Кольбе, был католиком по имени Францишек Гаёвинчек, польским сержантом из города Бжег. Когда в 1982 году Кольбе был канонизирован как святой Освенцима, Гаёвинчек, убеждённый католик от рождения, был удостоен почётного места.

В своём благословении Папа Иоанн Павел II охарактеризовал отца Кольбе как

[124]Во время моей второй поездки в 1990 году этот мемориал не изменился, несмотря на смену правительства в Чехословакии.

[125]Рональд К. Монтиком, Католическая церковь в коммунистической Польше, 1945-1985 (Боулдер, Колорадо: Восточноевропейские монографии, 1986), стр. 59.

«возможно, самую яркую и блистательную фигуру, выступившую из тьмы и упадка нацистской эпохи». Папа продолжил: «Он был истинным поляком, и как польский патриот он был готов отдать свою жизнь за жизнь соотечественника»[126]. Это красноречиво говорит о том, что святой Освенцима был удостоен большей чести за свой патриотизм, проявленный в спасении польского католика, чем те польские гуманисты, которые отдали свои жизни ради спасения немногих выживших евреев.

Главная ирония этой повествовательной истории заключается не только в том, что Кольбе не спас ни одного еврея, но и в том, что он был отъявленным антисемитом, который почти наверняка никогда бы не пожертвовал своей жизнью ради осуждённого еврейского заключённого. (На самом деле, маловероятно, что Кольбе когда-либо встречался с евреем в Освенциме, поскольку польские заключённые содержались совершенно отдельно от евреев.) До войны, согласно сообщениям американских газет, Кольбе «редактировал ярую антисемитскую католическую газету» и выступал против «организованной клики фанатичных евреев, желающих уничтожить Церковь». Он верил в подлинность «Протоколов сионских мудрецов» и обвинял в бедах Польши «международный сионизм». Как метко подытожила статья в Washington Post: «Не будет несправедливым сказать, что Кольбе и ему подобные создали благоприятную среду для Холокоста. Распространяя антисемитизм, они подготовили почву для невообразимого ужаса, который последовал за этим»[127].

В статье Washington Post сделан вывод о том, что Католическая церковь, возводя Кольбе в ранг святого, «имела в виду лишь почтить „святую“ часть его жизни. К сожалению, она могла также простить и дурную. Святость, — продолжала Washington Post, — подразумевает совершенство — жизнь, достойную подражания. В важной области жизнь Кольбе не только не заслуживает подражания, но и взывает к… осуждению. Вместо этого её замяли… В очередной раз антисемитизм был сочтён чем-то незначительным»[128].

Такова история страданий евреев, рассказанная в польском павильоне в Освенциме (а также в других павильонах Восточной Европы).

Это слишком типичная ложная история, которую преподают в польских школах, проповедуют с польских кафедр и о которой пишут польские интеллектуалы.

Конечно, в музее Освенцима есть еврейский павильон, но он не является постоянной частью экскурсии. О еврейском павильоне рассказывают только еврейским посетителям, американцам и другим «особым группам». Это последний павильон — номер 27 — и это тёмный, отдалённый дом без гида. Когда я нашёл его, свет был выключен. Смотритель, не говоривший ни по-английски, ни по-ивритски, ни по-идишски, казалось, не хотел его открывать. Проходя с сыном по еврейскому павильону, я чувствовал, как мои кулаки разжимаются, а глаза наполняются слезами. Но кулаки быстро сжались снова, когда я понял, что те, кому больше всего нужно увидеть, что случилось с евреями, даже не знают о павильоне и о том, что он собой представляет.

В списке газовых камер Освенцима-Биркенау я нашёл имена двух Дершовиц (в оригинальном написании) и имя одного человека с фамилией моей матери. Появление моей фамилии навело меня на мысль, что, если бы не Божья благодать и предусмотрительность моих бабушек и дедушек, я и вся моя семья могли бы быть уничтожены. Я представил себе нас в лагерях смерти, полностью осознавая, что никто не выживет, и подумал, о чём бы я думал. Я читал похожие мысли в глазах Джамина.

[126]Кеннет А. Бриггс, «Новый Святой — вдохновение для послания надежды», New York Times, 11 октября 1982 г., стр. A8.
[127]Джон Тальябу, «Дневник Освенцима: место, где прошлое подавляет настоящее», New York Times, 13 сентября 1989 г., стр. A4; Ричард Коэн, «Святость», Washington Post, 14 декабря 1982 г., стр. B 1
[128]Коэн, «Святость», стр. B 1.

В знак своего гнева от увиденного Джамин сорвал ржавый кусок колючей проволоки с прежнего ограждения лагеря и сунул его себе в карман. Он пронёс её контрабандой через всю Европу и, по иронии судьбы, был пойман пограничником в аэропорту Франкфурта. Я попытался объяснить, что проволока пришла из Польши, а не из Германии. Мой сын съязвил немецкому пограничнику: «Изначально она была вашей». К счастью, он, похоже, не понял, что сказал Джамин. Колючая проволока теперь висит у нас дома как напоминание о том, на что способны люди — и на то, что быстро забывают.

Другие евреи моего поколения, побывавшие в Освенциме, включая некоторых из моей бруклинской группы, отреагировали на этот опыт совершенно иначе. Они приезжали с еврейскими или американскими туристическими группами и проходили по лагерям, сопровождаясь соответствующими посланиями скорби и прощения. Они плакали, читали Кадиш по погибшим и клялись, что это больше не повторится. Но они не видели того, что видели мы с Джамином: что это вполне может повториться, именно потому, что полякам и другим европейским посетителям Освенцима никогда не говорят, что «это» – геноцид евреев – вообще произошло.

Из Освенцима мы ехали через юго-восточную часть Польши, откуда эмигрировала моя семья. По дороге мы остановились в небольшом городке, где на площади проходила ярмарка. Дети гладили кроликов, подростки флиртовали, взрослые покупали продукты. Лишь позже я узнал, что на этой самой площади 28 июля 1942 года собралось всё еврейское население города. Вот как описывает последовавшие за этим злодеяния Мартин Гилберт в своей книге о Холокосте:

Всем пришлось снять обувь и, босиком, прикладами и кнутами погнали на рыночную площадь… Детей отвели к сараю на краю площади и расстреляли. Неописуемые причитания, рыдания и плач наполнили рынок, вспоминал очевидец. Стариков и старух тоже расстреляли, а остальных отправили в лагеря, из которых никто не вернулся[129].

В некоторых случаях четыре поколения семьи были убиты на глазах друг у друга, и родовое семя было уничтожено навсегда, буквально вымерло после тысяч лет еврейской семейной истории. Теперь деревенская площадь — место радости, где нет ни памятника, ни напоминания о трагических событиях 28 июля 1942 года — событиях, которые повторялись по всей Польше в годы войны и память о которых стёрта в современной Польше.

В следующем городе я увидел две старые синагоги, в которых собирали и убивали евреев. В одной сейчас находится художественная галерея, в другой — городской архив, в котором нет никаких записей о ярком еврейском населении, жившем там веками. В городе Перемышль, где жил мой дед, который когда-то был центром еврейской учености, издательского дела и торговли, я не смог найти даже старую синагогу или еврейское кладбище. Официальный еврейский путеводитель по Польше, издаваемый правительством, не упоминает Перемышль среди городов или местечек с сохранившимися еврейскими зданиями, кладбищами или архивами, несмотря на его долгое и выдающееся еврейское прошлое. Как и многие другие места в Польше, Перемышль стёр или скрыл от глаз все следы своей еврейской истории.

Когда мы с Джамином потягивали холодный напиток на углу улицы, я заметил жуткое зрелище. У всех прохожих были типично польские лица. Внезапно из-за угла свернул мужчина лет сорока. Он был поразительно похож на меня. Лицо у него было очень еврейское. Внезапно я подошёл к нему и попытался заговорить – на идише, иврите, английском. Он не понял и ушёл. Я невольно подумал, не еврей ли он по происхождению, один из тех еврейских младенцев, которых бросили обречённые родители или отдали в

[129]Мартин Гилберт, «Холокост» (Нью-Йорк: Henry Holt, 1985), стр. 404.

нееврейскую семью, чтобы он выжил. Скорее всего, нет, но эта пугающая мысль не давала мне покоя до конца поездки.

Когда в 1945 году война наконец закончилась и немцы отступили, немногие выжившие евреи выбрались из своих укрытий в канализации, лесах и импровизированных бункерах. Немногие семьи остались нетронутыми, но некоторые остатки были полны решимости попытаться восстановить польское еврейство. Они вернулись в свои дома, только чтобы обнаружить, что они разграблены и заняты местными жителями, некоторые из которых были возмущены их возвращением и разочарованы тем, что нацисты не завершили свою работу. В городе Кельце 4 июля 1946 года, через год после ухода немцев, местные поляки убили более сорока выживших евреев и ранили еще шестьдесят. Когда католического примаса Польши кардинала Августа Хлонда попросили осудить массовое убийство, он заявил, что евреи сами навлекли на себя это. Поскольку некоторые евреи стали коммунистами, рассуждал кардинал, было понятно, что польские националисты убьют всех евреев Кельце, даже детей.

Кардинал Хлонд также отклонил просьбу американских еврейских лидеров осудить антисемитизм, потому что «факты не оправдывают такого заявления со стороны Церкви», и потому что растущий антисемитизм в Польше был «в значительной степени обусловлен евреями». Заголовок New York Times гласил: «Кардинал возлагает вину на некоторых евреев за погром»[130]. В свете такой позиции, выраженной главой Католической Церкви в Польше, не должно удивлять, что более полутора тысяч евреев, переживших гитлеровский геноцид, были убиты поляками в 1945 и 1946 годах. Конечно, нет никаких упоминаний об этом чисто польском, постхолокостном массовом убийстве евреев в музее Освенцима или в польских исторических книгах. Нет также никаких упоминаний о фанатичной реакции польского примаса на это.

Когда я недавно написал письмо редактору New York Times, в котором упомянул погром в Кельце, апологет Польши ответил, что «погром в Кельце 1946 года был осуществлен не польскими националистами, а контролируемой Советским Союзом армией... именно для того, чтобы дискредитировать некоммунистическую оппозицию»[131]. Эта ревизионистская выдумка теперь стала модной в посткоммунистической Польше. Антикоммунисты теперь винят коммунистов, в то время как коммунисты по-прежнему винят антикоммунистов[132]. Никто не винит коренные элементы польского населения, веками воспитывавшиеся на антиеврейских проповедях и народных обычаях. До сих пор никто никогда не расследовал погром в Кельце, кроме непосредственных исполнителей, несмотря на очевидное соучастие по крайней мере

[130]У. Х. Лоуренс, «Кардинал возлагает вину за погром на некоторых евреев», New York Times, 12 июля 1946 г., стр. 1.

[131]Алан М. Дершовиц, «Польский антисемитизм остается опасностью», New York Times, 19 июля 1990 г., стр. 22; Чарльз Чотковски, «Антисемитизм не испортил раскол солидарности», New York Times, 3 августа 1990 г., стр. 26.

[132]В одном из моих антисемитских писем — на этот раз от отставного полковника армии США — утверждалось, что резня в Кельце была «сфабрикована… самими евреями, жаждущими сочувствия». Погром в Кельце, конечно же, не был вымыслом. Газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила об этом инциденте, заявив в своей первой странице: «Польское правительство объявило сегодня вечером, что сегодня в Кельце произошёл самый страшный антиеврейский погром со времён освобождения Польши». «Таймс» также заявила: «Это печальный и трагический факт, когда все оттенки политических взглядов Варшавы сходятся во мнении, что, несмотря на небольшую долю довоенного еврейского населения в Польше, в настоящее время в Польше больше антисемитизма, чем за всю историю этой традиционно антиеврейской страны». (Лоуренс, «Кардинал обвиняет»). Был сформирован польский следственный комитет, и девять человек в Кельце были приговорены к смертной казни, хотя зачинщики погромов не понесли наказания.

некоторых правительственных и церковных чиновников[133].

Учитывая этот устойчивый антисемитизм в высших эшелонах власти, неудивительно, что в 1950-х, а затем и в 1960-х годах спонсируемые правительством антисемитские кампании запугали оставшееся еврейское население, за исключением горстки ассимилированных интеллектуалов и нескольких людей, слишком пожилых, чтобы уехать, и вынудили его эмигрировать в США или Израиль. То, чего не удалось сделать нацистской армии – сделать Польшу полностью «юденрайн» (свободной от евреев), – полякам удалось осуществить самим. Посетив музей Освенцима, вы никогда не узнаете о польском соучастии в этом деле.

Конечно, некоторые поляки рисковали жизнью, защищая своих еврейских друзей и соседей во время нацистской оккупации. Но другие активно участвовали в нацистском геноциде, убивая евреев или выдавая их убежища немецким солдатам. На момент моей первой поездки польские власти – как правительственные, так и церковные – не предприняли серьёзных усилий, чтобы признать или осудить послевоенные кампании антисемитизма, которые привели к окончательному и, по-видимому, желанному исходу польских евреев. Хотя сейчас, похоже, наблюдается некоторая тенденция к признанию прошлых преступлений и грехов, ещё предстоит увидеть, насколько серьёзны и интенсивны эти усилия на самом деле.

В свете этой отвратительной истории было весьма разочаровывающе узнать, что даже некоторые современные польские интеллектуалы и активисты по правам человека, похоже, так мало понимают уроки геноцида в Польше. Например, один из самых известных польских адвокатов по правам человека, Владислав Сила -Новицкий, представлявший интересы кардинала Вышинского, Леха Валенсы и движения «Солидарность», недавно написал статью, пытаясь оправдать роль, которую польский народ сыграл во время Холокоста. В ней он использует множество классических уток грубого антисемитизма: двойную лояльность («Они должны были любить свою общину больше, чем принимающую общину»); чрезмерное богатство («У кого был самый большой капитал в Польше, у польского большинства или у 10% еврейского меньшинства?»). Успех евреев («Вполне естественно, что сообщество поляков будет защищать себя путем введения антиеврейских квот, не позволяя другим затмить свою интеллектуальную элиту, что было особенно вероятно в таких областях, как медицина или юриспруденция»)[134].

Однако самое тревожное заключается в том, что этот уважаемый правозащитник пытается возложить вину за резню на самих евреев. Он утверждает, что еврейское «население в целом» считало, что «пассивность была их решением». Вот как Сила -Новицки вспоминает Холокост:

Для нас, поляков, часто было поразительным зрелищем видеть, как несколько тысяч евреев вели из небольшого местечка по дороге длиной в несколько километров в сопровождении всего лишь нескольких охранников (шести, иногда четырёх) с обычными

[133]В 1990 году Лех Валенса написал открытое письмо, призывая поляков отказаться от претензий на то, что убийства в Кельце были советской провокацией. Валенса заявил, что преступления совершили поляки, и в память о трагедии должна быть установлена мемориальная доска. Однако Валенса не предложил провести расследование того, кто именно спровоцировал погром. Взгляды Валенсы на «еврейский вопрос» сложны и запутанны. Он критиковал польских граждан, скрывающих своё еврейское происхождение, тем самым стимулируя «охоту на евреев» на польских выборах 1990 года, направленную на «тайных» евреев. Затем он заявил, что поднял этот вопрос, потому что евреи должны гордиться своим происхождением. В конце концов, он извинился за разжигание антиеврейских настроений. Он был избран президентом Польши и вступил в должность в конце декабря.

[134]Владислав Сила -Новицкий, «Ответ Яну Бионскому, перевод из польского журнала «Тыгодник» Powszechny, 22 февраля 1987 г.; передано Алану Дершовицу в Польше.

винтовками... Никто не спасся, хотя с побегом проблем не было... Возможно, их сдерживал стадный инстинкт этой общины[135].

Помимо обвинения жертв в пассивности, Сила -Новицкий также приписывает евреям активную вину, утверждая, что еврейская полиция в гетто была «несравненно более беспощадной и жестокой по отношению к своему собственному народу», чем польская полиция[136].

Великая трагедия заключается в том, что в Польше осталось мало евреев, желающих и способных ответить на эту ложь и указать на антисемитские предпосылки, лежащие в основе всего тезиса Силы -Новицкого.

На долю посторонних, чьи труды вряд ли прочтут польские интеллектуалы, выпадает задача исправить исторические данные, задокументировав многочисленные случаи еврейского сопротивления, отказ польских партизан поставлять еврейским партизанам запрошенное оружие и частые случаи предательства еврейских бойцов со стороны поляков, включая партизан.

Холокост не был вызван каким-либо сбоем еврейского «инстинкта». Его невозможно было предотвратить, во многом потому, что многие жители оккупированных нацистами территорий сотрудничали с геноцидной программой оккупантов. Гораздо более точное описание отношения поляков к евреям, чем корыстный и антисемитский набор полуправд Силы -Новицкого, дано в фильме Клода Ланцмана «Шоа» (1985), в котором он взял интервью у многих польских свидетелей Холокоста.

Польша — страна, где антисемитизм сохраняется даже при отсутствии евреев. Память о погибших и чувство вины, с которым те, кто был причастен к их гибели, защищаются, — всё это само по себе достаточно, чтобы разжечь его.

* * *

Во время поездки с Жамином в Польшу в 1987 году я встретился с интеллектуальными лидерами тогдашнего подполья «Солидарности». Встречу организовал американский поверенный в делах, который предупредил нас, что наш разговор, вероятно, прослушивается, и что за участниками, вероятно, будет установлена слежка. Адам Михник, недавно освободившийся из тюрьмы, умолял нас передать его отчаянное послание американским политическим лидерам. Бронислав Геремек был пессимистичен в отношении того, что «Солидарность» когда-либо сможет вернуть себе влияние, которого она достигла несколькими годами ранее. Другие активисты подполья, казалось, были в отчаянии относительно будущего. Никто на той встрече не мог даже надеяться, что через несколько коротких лет «Солидарность» будет контролировать польское правительство, Михник станет редактором самой влиятельной газеты Польши, а Геремек станет лидером польского парламента.

Всё кардинально изменилось между моими двумя визитами в Польшу в 1987 и 1990 годах — всё, кроме того, что касалось евреев. В отношении поляков к евреям произошли некоторые небольшие изменения. Конечно, произошли значительные улучшения в официальной политике правительства в отношении Израиля. Также произошли улучшения в официальной политике в отношении еврейской культуры и религии. Но доминирующей силой в жизни большинства польских граждан никогда не было правительство, будь то коммунистическое или «Солидарное». Это всегда была католическая церковь.

Польская католическая церковь – уникальный институт, особенно после

[135]Там же.
[136]Там же.

установления коммунистического режима после окончания Второй мировой войны. Коммунизм никогда не пользовался популярностью у поляков, но политическая оппозиция коммунизму не допускалась. Таким образом, католическая церковь стала единственным законным институтом, открыто выступавшим против коммунизма. Церковь была слишком глубоко укоренена и влиятельна в польской жизни, чтобы коммунисты могли запретить её. Посещение церковных служб стало политическим символом польского национализма и антикоммунизма. Интеллектуалы, практиковавшие контроль рождаемости и аборты, присоединялись к практикующим католикам на мессе, чтобы слушать антикоммунистические проповеди и проявлять солидарность в борьбе с общим врагом.

Даже рабочее движение «Солидарность» было интегрировано в Католическую церковь. Хотя некоторые из его интеллектуальных лидеров, включая Михника и Геремека, были евреями по происхождению, народное руководство поддерживало тесные связи с церковью. Во время моей поездки в 1987 году я посетил «костёл Солидарности», где был похоронен отец Ежи Попелушко, ксендз-активист «Солидарности», убитый в 1984 году охранниками. Это было единственное место в Варшаве, где в 1987 году могли спокойно развеваться знамёна «Солидарности».

Католическая церковь в Польше имеет иерархическую структуру. Во главе её стоит Примас Польши, чей титул, носящий квазиполитический характер, – архиепископ Варшавский и Гнезненский. Многие считают Примаса Польши самым влиятельным человеком в стране. Политическое руководство меняется, но Примас остаётся верховным.

Примасом Польши с 1981 года является кардинал Юзеф Глемп. Без обиняков могу назвать Глемпа лишь закоренелым антисемитом, как, по крайней мере, и его непосредственные предшественники Вышинский и Хлонд. Мой второй визит в Польшу был вызван кардиналом Глемпом. Я отправился туда, чтобы подать на него в суд за клевету на американского раввина, ложно обвинив его и нескольких его учеников в попытке убийства польских монахинь. Это был «кровавый навет» XX века, возникший из-за острого спора о создании кармелитского монастыря в лагере смерти Освенцим-Биркенау.

Неспособность польского правительства и польской церкви просвещать свой народ об истории Холокоста помогает объяснить международный скандал, вызванный созданием в Освенциме в 1984 году монастыря кармелитов. Если бы не систематические попытки «деиудаизировать» — по меткому выражению Эли Визеля — Холокост, вероятно, мало кто бы возмутился, когда группа монахинь переехала в здание, в котором нацисты хранили отравляющий газ, использованный для убийства более миллиона евреев в период с 1942 по 1944 год в комплексе Освенцим-Биркенау.

Монахини въехали в здание, нарушив резолюцию ООН, объявляющую комплекс Освенцима международным историческим памятником, не подлежащим нарушению. В материалах по сбору средств для монастыря утверждалось, что монахини Освенцима молились об обращении евреев в христианство. Это вызвало гнев многих еврейских лидеров по всему миру, которые утверждали, что размещение католического монастыря на месте величайшей трагедии в еврейской истории – это равнодушие к уникальным страданиям, пережитым евреями. Многие евреи восприняли это как очередное проявление польских усилий по деиудаизации Холокоста.

В 1987 году было достигнуто соглашение между лидерами еврейского сообщества и несколькими кардиналами, включая кардинала Кракова, в чьей юрисдикции находился монастырь. Соглашение предусматривало создание центра иудейско-христианского диалога за воротами Освенцима и перенос монастыря туда к февралю 1989 года.

Когда срок переезда монастыря прошёл, а переезд так и не состоялся, несколько еврейских лидеров снова выступили с протестом. Среди них был раввин Авраам Вайс из Ривердейла, штат Нью-Йорк. Вместе с шестью студентами он устроил мирную молитву в монастыре. Они позвонили в колокольчик у внешней ограды, попросили пригласить их войти, чтобы обсудить переезд, но им отказали. Затем они перелезли через ограду, надели молитвенные талиты и начали молиться. Вскоре на них напали несколько прохожих, избили, облили водой и мочой и увели под крики «Хайль Гитлер!» и «Сорвите с них тюбетейки!»

Уже через несколько дней газета «Солидарность» опубликовала точную информацию о событии, поминутно описав события, предшествовавшие насилию, и полностью возложив вину на польских рабочих, избивших раввина и его студентов.

Несколько недель спустя кардинал Глемп произнёс проповедь перед 150 000 польских верующих в Ченстохове, месте нахождения главной святыни Польши. В присутствии нового премьер-министра от «Солидарности» кардинал Глемп произнёс антисемитскую тираду, которой гордились бы его предшественники. Он обвинил евреев в «спаивании польских крестьян» и «распространении коммунизма», а также в антипольских настроениях. Он обвинил еврейских бизнесменов в «пренебрежении и презрении к полякам». Он повторил ложную версию гитлеровского геноцида, ставшую стандартной в послевоенной Польше, приравняв геноцид всех евреев к избирательному убийству некоторых взрослых поляков: «Евреи, поляки и цыгане были людьми, обречёнными на уничтожение нацистами, но с помощью других стратегий и в других масштабах». Затем он перешёл к описанию страданий поляков, не упоминая больше «масштабов» еврейского опустошения, за исключением обязательного упоминания «коллаборационистов среди евреев». Конечно, он не упомянул огромное количество коллаборационистов среди поляков[137].

Глемп продолжил обвинять евреев в том, что они – отчуждённая нация, которая «говорит с нами с позиции избранного народа» и контролирует «СМИ во многих странах, что делает вас столь могущественными», и которые евреи используют для «разжигания антипольских настроений». Кардинал заверил своих слушателей, что без евреев, провоцирующих антипольские настроения, «здесь не было бы и антисемитизма»[138]. Другими словами, евреи – причина польского антисемитизма, который, несомненно, прекратился бы, если бы они перестали придираться к полякам.

Наконец кардинал Глемп добрался до событий в монастыре кармелитов.

Вот как он их описал: «Недавно отряд из семи евреев из Нью-Йорка совершил нападение на монастырь в Освенциме (Аушвице). На самом деле, сестёр не убили, а монастырь не разрушили, потому что их арестовали»[139].

Журнал Newsweek сообщил, что заявление Глемпа «противоречит всем доказательствам». А кардинал Альбер Декуртре из Лиона (Франция) осудил его как «полную чушь», как и несколько других церковных лидеров. Однако это заявление было широко распространено среди аудитории, которая слишком охотно возлагала вину на «евреев из Нью-Йорка» и верила в фантазию о том, что раввин способен убить беспомощных монахинь[140].

[137]Стенограмма проповеди кардинала Йозефа Глемпа, монастырь Ясна Гора, Ченстохова, Польша, 26 августа 1989 года.
[138]Джон Тальябу, «Примас Польши осуждает евреев в споре о монастыре Освенцим», New York Times, 29 августа 1989 г., стр. 1.
[139]Там же.
[140]Рассел Уотсон, Энн Андервуд и Теодор Стэнджер, «Чей Холокост?», Newsweek, 11 сентября 1989 г., стр. 35.

Как только возмутительные высказывания кардинала Глемпа были опубликованы на первой полосе «Нью-Йорк Таймс», раввин Вайс, с которым я работал над проблемами советских евреев в 1970-х годах и другими еврейскими проблемами с тех пор, позвонил мне и попросил представлять его интересы в иске о клевете против кардинала. «Он оклеветал меня, как и весь еврейский народ, и ему нельзя позволить это сойти с рук», — сказал раввин со смесью грусти и гнева. «Польскому народу нужно сказать, что заявления кардинала ложны», — продолжил раввин. «Обвинение меня и студентов в желании убить монахинь — это современный вариант кровавого навета».

Проповедь в Ченстохове не была просто единичным выпадом кардинала Глемпа. Она стала кульминацией его многолетней истории антисемитизма. Глемп был давним сторонником «Эндецьи», яростно антисемитской польской националистической партии. Он осудил «Солидарность» за проникновение в неё «троцкистов» и лиц, «лишённых христианской этики» — хорошо известных кодовых слов для обозначения «евреев» в современном польском языке. На протяжении многих лет он произносил проповеди, подобные той, что была в Ченстохове, в местных церквях. Единственное отличие заключалось в том, что на этот раз его поймали. Из-за возросшего освещения событий в Польше после победы правительства «Солидарности», репортер New York Times находился в Ченстохове, когда Глемп произнес свою речь.

Когда я был в Польше в 1987 году, несколько информированных источников, как еврейских, так и католических, сообщили мне, что Глемп был закоренелым антисемитом, питавшим примитивную ненависть к евреям. Мне сказали, что Папа Римский не любил Глемпа, как и архиепископ Кракова, кардинал Франциšек Махарский. Глемп был протеже кардинала Стефана Вышинского, известного антисемита.

Хотя Глемп не пользовался популярностью среди церковных лидеров или лидеров «Солидарности», у него было много последователей среди местных приходских священников и монахинь.

Например, настоятельница монастыря кармелитов в Освенциме, сестра Тереза Магиера, в интервью польско-американскому журналисту повторила ханжество Глемпа. Она спросила: «Почему евреи хотят особого обращения в Освенциме только для себя?.. Они все еще считают себя избранным народом?» Она обвинила Израиль в антисемитизме за «жестокое обращение с арабами». Как она выразилась: «Больших антисемитов трудно найти», чем израильтяне. Сестра Тереза возложила практически всю вину за коммунизм и крах польской экономики на евреев: «Все польское правительство на 75% состояло из польских евреев-коммунистов, назначенных Иосифом Сталиным с конкретным намерением ввести атеизм в Польше». Она продолжила перечислять всех «евреев», которые управляли Польшей после Второй мировой войны. Некоторые из тех, кого она перечислила, даже не были евреями. Действительно, вся эта история с перечислением евреев, которые были «прототипами большевиков», восходит к временам Гитлера. Она всё ещё в моде в современной Польше, о чём свидетельствуют сестра Тереза, кардинал Глемп и другие[141].

Я долго и упорно размышлял, прежде чем согласиться подать иск о клевете. Как борец за гражданские права, я обычно не одобряю иски о клевете. Если журналистам и авторам придётся беспокоиться о том, что их честные ошибки могут привести к банкротству, они, возможно, станут более осторожными в раскрытии информации в ходе своих расследований.

Будучи судебным клерком, я работал над основополагающим решением

[141]Алан М. Дершовиц, «Тревожное интервью с сестрой-кармелиткой», Jewish Advocate, 16 ноября 1989 г., стр. 2.

Верховного суда по делу New York Times Co. против Салливана (1964 г.), в котором Верховный суд истолковал Первую поправку как налагающую строгие ограничения на иски о клевете, направленные против «публичных деятелей». Согласно поправке, публичный деятель должен был доказать, что ложное заявление было сделано со «злонамеренным умыслом»: либо фактически зная, что заявление ложно, либо по неосторожности пренебрегая его правдивостью.

В целом я согласен с решением по делу Салливана и считаю, что иски о клевете со стороны публичных деятелей должны ограничиваться случаями преднамеренной лжи.

Несколько раз в год мне звонят жертвы клеветы и просят подать в суд от их имени. До звонка раввина Вайса я всегда отговаривал жертву клеветы от подачи иска.

Но раввин Вайс убедил меня, что его случай иной. Не могло быть никаких сомнений в том, что кардинал Глемп сознательно лгал, обвиняя «отряд» нью-йоркских евреев в намерении убить монахинь. Никто не может быть настолько глуп, чтобы поверить, что раввин и несколько студентов отправились в Освенцим, чтобы убивать беззащитных монахинь. Несколько польско-американских лидеров говорили мне, что Глемп на самом деле глуп. Они говорили это, объясняя, а не оправдывая, его абсурдное замечание. Более того, в Польше появился новый глагол для описания нелепого и постыдного заявления: «Глемпу»[142]. Более того, объективная хронология ясно доказала, что кардинал Глемп в момент выдвижения своего клеветнического обвинения знал, что оно ложно. Польская пресса отказалась от своей прежней версии и возложила вину за насилие исключительно на польских рабочих. Задолго до того, как Глемп произнес свою проповедь, пресса недвусмысленно сообщила, что раввин Вайс и студенты провели ненасильственную «молитву» и не собирались причинять вред монахиням.

Но пока сам кардинал Глемп не признает, что дезинформировал своих слушателей, или пока суд не вынесет такое решение, существовал серьёзный риск того, что многие его последователи проигнорируют эти новости. В польской церкви нет реального рынка идей. Раввин Вайс не мог ответить на клевету кардинала Глемпа так, чтобы это действительно дошло до верующих, которые услышали слова кардинала и, несомненно, поверили им.

Не было никакой опасности, что Глемп или его церковь могут быть обанкротиться из-за судебного решения о клевете. Более того, раввин Вайс подал иск не о денежной компенсации, а лишь для того, чтобы доказать ложность обвинений Глемпа.

Я решил взяться за это дело. Давно пора было призвать священника-антисемита к ответу за его нетерпимость. Никто не стоит выше закона, даже кардинал. Судебный иск был единственным способом заставить кардинала Глемпа понять, что его нетерпимые высказывания неприемлемы в цивилизованном обществе.

Я составил план действий. Во-первых, мы собирались подать иск против кардинала прямо здесь, в Соединённых Штатах. Хотя он и произнес речь в Польше, его клевета была опубликована в американских газетах, и он знал, или должен был знать, что обвинения в покушении на убийство, высказанные американским раввином перед очень большой аудиторией, получат освещение в международных СМИ.

Мы подготовили традиционный иск о клевете по американскому законодательству. Чтобы подать такой иск в американский суд, нам пришлось бы лично подать иск Глемпу, пока он находился в США.

По счастливому стечению обстоятельств, Глемп планировал свою первую поездку в Соединённые Штаты в то время, когда произносил проповедь в Ченстохове. Кардинал Жозеф Бернардин пригласил его посетить польско-американские общины в Чикаго,

[142]Том Мэтьюз, Род Нордланд и Кэрролл Богерт, «Длинная тень», Newsweek, 7 мая 1990 г., стр. 43.

Милуоки, Кливленде и Бостоне. Как только мы узнали о его предстоящей поездке, мы объявили, что подадим ему жалобу по прибытии в эту страну. Мы делали это заявление с двумя целями. Во-первых, мы надеялись, что угроза судебного иска побудит его и тех, кто его пригласил, отменить визит. Мы знали, как сильно он жаждет приехать в Америку, и хотели, чтобы он заплатил за свою антисемитскую ложь. Мы также хотели, чтобы принимающие его люди поняли, что мы не будем молчать перед лицом его нетерпимости. Поэтому 5 сентября 1989 года я написал кардиналу Глемпу в его варшавскую резиденцию следующее письмо:

Дорогой кардинал Глемп!

Я являюсь адвокатом раввина Авраама Вайса. Вы злонамеренно оклеветали моего клиента своим заявлением.

Ваша злонамеренная клевета представляет собой правонарушение, дающее основание для иска в соответствии с законодательством штата в США. Она также представляет собой правонарушение в соответствии с законодательством Польши и Католической церкви. Мой клиент уполномочил меня подать против вас в суд за вашу злонамеренную клевету во всех доступных инстанциях.

Соответственно, когда вы приедете в Соединенные Штаты, вам вручат жалобу, и вы должны будете явиться в суд, чтобы ответить на предъявленные ему обвинения.

Пожалуйста, покажите это письмо своему адвокату и попросите его связаться со мной по поводу получения процессуальных документов. Я знаю, что вы не захотите вести себя неподобающим образом, например, пытаться уклониться от вручения документов. Поэтому я буду рад вручить документы вашему адвокату, если вы согласны. В противном случае мы вручим вам документы лично, как только вы ступите на землю этой страны.

Мой клиент требует от вас в одностороннем порядке опровержения ваших заведомо ложных заявлений о нём и об иудаизме. Невыполнение этого требования усугубит уже причинённый вами непростительный ущерб.

Искренне,

Алан М. Дершовиц

Через несколько дней после получения нашего письма кардинал Глемп отложил свой визит «на неопределённый срок». Газета «Нью-Йорк Таймс» поместила следующее в рамку на первой странице:

Польское информационное агентство сообщило, что кардинал Йозеф Глемп, архиепископ Варшавы, отменил турне по американским городам.

Нью-йоркский раввин пригрозил Кардиналу судебным иском из-за ожесточенного спора по поводу монастыря на месте лагеря смерти Освенцим.

Его корреспондент в Варшаве уточнил:

Пресс-секретарь кардинала Глемпа сегодня был недоступен, но решение отменить визит было принято всего через несколько дней после того, как лидеры еврейского сообщества в США объявили, что во время поездки они подадут иск против кардинала за клевету[143]*.*

Газета Boston Globe опубликовала мою реакцию на отмену:

Вчера Алан Дершовиц из Гарвардской школы права, который готовился подать иски против кардинала Глемпа в суды Польши и США за клевету на еврейский народ, назвал отсрочку поездки «великой победой порядочности, особенно для тех лидеров католической церкви, которые дистанцировались от антисемитизма кардинала Глемпа».

[143]«Лидер польской церкви отменяет визит в США», New York Times, 10 сентября 1989 г., стр. 1; Джон Тальябу, «На фоне монастырских споров кардинал отменяет поездку в США», New York Times, 10 сентября 1989 г., стр. 18.

Дершовиц, заявивший, что завершил подготовительную работу над иском вчера утром, отметил, что «мы получили большую поддержку от католиков по всей стране»[144].

Это была великая победа порядочности. Это была также победа еврейской власти. Она дала кардиналу Глемпу и ему подобным ясный сигнал: евреи больше не будут терпеть подобный фанатизм без сопротивления. Мы не просто прячемся по домам и молимся, чтобы не было погромов. Мы не приходим с протянутой рукой, моля о справедливости. Мы отстаиваем свои права как равные. Мы даём отпор как равные. И мы добиваемся результатов.

Но помимо того, чтобы кардинал Глемп заплатил высокую цену здесь, в Соединённых Штатах, мы также хотели, чтобы он заплатил цену в Польше. Мы хотели, чтобы поляки поняли, что их примас им лгал.

Я позвонил своему другу, польскому католическому адвокату, преподававшему в американской юридической школе, и попросил его совета. Он сразу же согласился помочь мне в польском иске и найти хорошего адвоката в Польше. Это было важно по двум причинам. Во-первых, мне нужна была экспертная помощь по польскому законодательству и процессуальным вопросам. Но что ещё важнее, я хотел, чтобы все поняли: это не тяжба между евреями и поляками или евреями и католиками. Это конфликт между порядочностью и антисемитизмом. Мы хотели, чтобы на нашей стороне были достойные польские католики. Глемп хотел привлечь на свою сторону антисемитов – и делает это сейчас.

Мой друг познакомил меня с ведущим католическим адвокатом по гражданским правам в Польше, который, изучив и речь, и соответствующий закон, заверил меня, что это дело, открытое и закрытое, согласно польскому законодательству. «Это была клевета, и по закону вы должны выиграть». Уверенный в своей правоте, наш адвокат договорился о встрече с представителями кардинала Глемпа и изложил им свои выводы.

Что они ему сказали, я не знаю. Но когда мы разговаривали в следующий раз, он дрожал от страха. Мы всё ещё были правы, заверил он меня, но он не мог продолжать дело. Его профессиональная и личная жизнь были бы разрушены, если бы он продолжил быть нашим адвокатом. Мы попросили его порекомендовать другого польского адвоката, но он заверил нас, что после того, что ему сказали и угрожали – в Польше нет ни одного адвоката, который согласился бы нам помочь. И он, и его жена горячо извинялись за свою «трусость» – так они выразились – и надеялись, что я пойму, в каком безвыходном положении они оказались. Они не хотели, чтобы их профессиональное и политическое будущее было разрушено участием в судебном процессе, каким бы обоснованным он ни был, против предстоятеля церкви. Этот адвокат сейчас занимает чрезвычайно высокий пост в правительстве «Солидарности», пост, который он никогда бы не получил, если бы продолжал участвовать в этом деле.

Несмотря на эту неудачу, мы решили действовать: мы подали иск в Польше самостоятельно. Мой друг польского происхождения, американец, и я работали вместе и подготовили жалобу на польском языке, в которой официально обвиняли кардинала Глемпа в клевете в соответствии с польским законодательством. Не имея возможности получить профессиональную помощь ни одного адвоката в Польше — несколько человек выразили заинтересованность, но затем их «отговорили» помогать нам — мы отправили двух моих коллег в Ченстохову, чтобы подать иск. Один из моих коллег, Джек Заремский, имеет польские еврейские корни, его отец эмигрировал из Варшавы до войны. Другой, Джо Липнер, носит кипу, соблюдает кашрут и шаббат. Польские суды не видели ничего

[144]Джеймс Л. Франклин, «Польский кардинал откладывает поездку в США», Boston Globe, 10 сентября 1989 г., стр. 2

подобного много лет.

Джо и Джек успешно подали иск в окружной суд Ченстоховы и безуспешно искали польского адвоката. Они связались с польским сенатором, имевшим тесные личные и политические связи с кардиналом Глемпом. Он сообщил нам, что опровержение будет в «наилучших интересах кардинала, а также в интересах развития хороших отношений между евреями и католиками, а также евреями и поляками». Благодаря трансатлантическим переговорам нам удалось договориться об опровержении, приемлемом для сторон, участвующих в иске.

Генри Зигман и Роберт Лифтон, соответственно исполнительный директор и президент Американского еврейского конгресса, встретились с Глемпом и, не упоминая о собственном вкладе кардинала, раскритиковали раввина Вайса за «содействие антисемитизму в Польше». Как сообщала статья на первой полосе газеты «Солидарность», эти два еврейских лидера «объяснили примасу Глемпу, что раввин Вайс действовал деструктивно и безответственно». Они даже не опровергли намёк Глемпа на то, что Вайс пришёл убить монахинь. Таким образом, лидеры Американского еврейского конгресса публично обвинили евреев в содействии антисемитизму в Польше, не возложив вину прямо на кардинала Глемпа и других польских антисемитов. Они также заявили кардиналу, что у раввина Вайса нет последователей среди евреев и что они говорят от имени еврейской общины. Было передано сообщение о том, что еврейская община не желает и не нуждается в отречении кардинала Глемпа. Достаточно было того, что кардинал Глемп соизволил встретиться с этими еврейскими лидерами.

Сразу после этих заявлений польский сенатор сообщил нам, что Глемп не будет публиковать опровержения. Он сообщил, что руководство Американского еврейского конгресса подтвердило истинность заявлений кардинала Глемпа, и теперь он «подтверждает их истинность». Секретарь Глемпа подтвердил, что, как прямой результат комментариев Зигмана и Лифтона, кардинал «считает слова проповеди истинными» и не будет публиковать никаких «пересмотренных заявлений».

Даже узнав об этих фактах, Роберт Лифтон не мог поверить, «что примас католической Польши был настолько обеспокоен делом, возбужденным г-ном Дершовицем... что был готов подписать опровержение»[145]. Этот скептицизм красноречиво говорит о его восприятии второстепенного статуса евреев по отношению к Католической церкви — восприятии, которое моё поколение евреев отказывается принять.

Действия Лифтона и Зигмана представляют собой серьёзную ошибку. Идея о том, что еврейские лидеры отправляются в Польшу и обвиняют других евреев в разжигании антисемитизма, не критикуя истинный источник антисемитизма, неприемлема. Это возложение вины на жертв, а не на виновных. Создавая видимость обоснованности антисемитских заявлений кардинала и одновременно отрицая попытку раввина Вайса добиться опровержения, эти лидеры подрывают усилия по построению еврейско-польских отношений на основе равенства и взаимного уважения.

Я не верю, что Лифтон и Сигман говорили от имени низовой еврейской общины, когда они, протягивая шляпу кардиналу Глемпу, сказали ему то, что он хотел услышать. Такое льстивое поведение не вызывает уважения ни к лидерам, ни к тем, кого они якобы представляют. Создавая впечатление, что еврейский народ снова готов простить и забыть антисемитские высказывания — без малейшего намека на раскаяние или извинения, — лидеры Американского еврейского конгресса подвели тех, кого они, по их

[145]Роберт К. Лифтон, «Ответ на дело кардинала Глемпа», Congress Monthly, т. 57, № 4 (май/июнь 1990 г.), стр. 23.

словам, представляют.

К счастью, есть и другие еврейские лидеры с более острым чувством истории. После того, как Глемп передумал об опровержении, Сеймур Райх, председатель Конференции президентов крупнейших американских еврейских организаций, написал польским и католическим лидерам, призывая их использовать свои добрые услуги, чтобы попросить кардинала возобновить переговоры с нами. Райх раскритиковал лидеров Американского еврейского конгресса за то, что они не подняли этот вопрос напрямую с Глемпом. «Они упустили возможность», — сказал он[146].

Еврейский народ не может позволить себе упускать новые возможности борьбы с антисемитизмом. Нам нужны лидеры, готовые говорить антисемитам правду, а не извиняться за действия других евреев, которые отважились высказаться. После этой упущенной возможности газета «Jerusalem Post» в своей редакционной статье от 9 июля 1990 года осудила так называемый «синдром Зигмана» — невыборных и нерепрезентативных еврейских «лидеров», которые наносят значительный ущерб интересам еврейской общины своим постоянным попустительством антисемитам и апологетическим отношением к евреям, которые дают отпор.

Что ж, раввин Вайс продолжал сопротивляться. Летом 1990 года он попросил меня приехать в Ченстохову, чтобы продолжить его судебный процесс после фиаско с Американским еврейским конгрессом. Я отправился в окружной суд Ченстоховы со своим старшим сыном Илоном и переводчиком. Председатель суда и мировой судья, назначенный для рассмотрения дела, согласились встретиться с нами и выслушать мои доводы. Хорошо, что мы приехали, поскольку судьи предполагали, что после встречи Глемпа с «раввинами» — так судьи называли лидеров Американского еврейского конгресса — мы не захотим продолжать дело. Я заверил их, что мы хотим продолжать.

Меня попросили высказать несколько технических юридических аргументов: применимо ли к действиям кардинала Глемпа недавнее положение польского законодательства об амнистии; можно ли подать иск против кардинала в гражданский суд; может ли иностранный гражданин подать иск в польский суд. Я был готов ответить на эти вопросы и занимался этим почти час. В конце, к моему удивлению, оба судьи согласились с нашей позицией. Иск может быть подан, и кардиналу Глемпу придётся ответить.

Судьи также, по-видимому, согласились с тем, что раввин Вайс, по сути, прибыл в Освенцим с намерением провести мирную сидячую забастовку, и что обвинения в намерении убить монахинь ложны. Оба судьи выразили надежду, что кардинал Глемп решит отозвать иск и тем самым урегулировать дело. «Это меня очень обрадует», — сказал председатель суда. Я ответил им, что тоже предпочитаю мировое соглашение, но мы не отзовём иск без отзыва.

После того, как мы покинули здание суда, на этих судей, очевидно, было оказано давление. В письменном решении, вынесенном несколько недель спустя, они полностью изменили свою позицию, постановив, что нет никаких доказательств того, что высказывания кардинала Глемпа были направлены против раввина Вайса. Он мог иметь в виду любую «группу из семи евреев из Нью-Йорка»! Очевидно, все газеты, журналы и телевизионные репортёры по всему миру — все, кто сообщал, что Глемп имел в виду Вайса, — неправильно поняли слова примаса. Это решение стало позором для польской правовой системы, навязанным уязвимым судьям влиятельными сторонниками Глемпа. Мы немедленно подали апелляцию, и сейчас дело находится в вышестоящей инстанции.

[146]Эллисон Каплан, «За заголовками: встреча с Глемпом разжигает дебаты о том, как далеко зайти в своих прошлых замечаниях», Jewish Telegraphic Agency, 13 декабря 1989 г.

Мы продолжаем сопротивляться[147].

Но борьба с польским антисемитизмом не обходится без жертв. Из всех злобных писем, которые я получаю, ничто не сравнится с тем, что присылают некоторые польские американцы, когда я осмеливаюсь критиковать что-либо польское.

Как только я подал иск против кардинала Глемпа, последовал хорошо организованный всплеск ненависти, начатый главным редактором польско-американской газеты Post Eagle, издаваемой в Клифтоне, штат Нью-Джерси. Газета обвинила меня в руководстве «еврейским греховным и преступным изнасилованием польского образа» и поклялась «отомстить» «зверю из Гарварда». Это была не первая подобная атака на меня. После того, как я написал статью с критикой музея Освенцима, редактор написал ректору Гарварда с требованием моего увольнения:

Этот профессор не имеет права вести занятия и должен быть отстранен от должности из-за его дискриминационных настроений по отношению к нашей этнической группе.

Мы доводим эту информацию до сведения наших польских организаций, клубов и других лиц, формирующих общественное мнение, чтобы они также могли высказать свое мнение о подобной ненависти по отношению к нашей этнической группе[148].

Когда я поинтересовался, кто редактор, Честер Грабовски, я не удивился, узнав, что он — отъявленный антисемит, а его газетёнка — «Дер Штюрмер» польско-американской общины. Он ведёт еженедельную колонку, в которой нападает на раввинов, сионистов и других евреев, называя их «животными» и «паразитами». Вот типичный пример:

НАСТУПАЕТ ДЕНЬ РАСПЛАТЫ, и тогда эти животные ответят за свои преступления против Польши и её народа. К сожалению, справедливые и праведные евреи также пострадают за ложь и извращения своих братьев…

В еврейской общине США есть животные, которые намеренно выгравировали номера на своих запястьях, чтобы получить средства из репарационных фондов[149].

В статье о судебном процессе в Израиле над Яном Демьянюком, осужденным за то, что он был «Иваном Грозным» из Треблинки, Грабовский призвал польских католиков никогда «не забывать и не прощать их за то, что они решили убить нашего Бога и своего Бога, которого они отказались признать»[150].

The Bergen Record, известная ежедневная газета из Нью-Джерси, опубликовала журналистское расследование о Грабовски под названием «Евангелие от Святого Честера: история ненависти», в котором его произведения были названы «яростными антисемитскими тирадами». Он публикует гневные письма от Ку-клукс-клана, нераскаявшихся нацистов и отрицателей Холокоста. По данным Антидиффамационной лиги, тираж Post Eagle составляет шестнадцать тысяч экземпляров в сорока штатах и пяти странах[151].

После того, как я объявил о своём иске против кардинала Глемпа, антисемитские письма и телефонные звонки начали приходить потоком. Это письмо пришло из Бостона:

Адольф, где ты, когда ты нам так нужен?

[147]20 января 1991 года в каждом польском костёле было зачитано пастырское послание. Осудив антисемитизм как «противоречащий духу Евангелия», оно также осудило как «ложное» «понятие польского антисемитизма» и открытое участие поляков в Холокосте. В послании не упоминались ни события в Кельце, ни другие случаи убийства евреев поляками. Оно носило на себе отпечаток компромисса между экуменическими силами, представленными кардиналом Махарским из Кракова, и антисемитскими силами, представленными кардиналом Глемпом.

[148]Честер Грабовски, письмо Дереку Боку от 8 октября 1987 г., Post Eagle, 21 октября 1987 г., стр. 2.

[149]Честер Грабовски, «Натиск на Польшу», Post Eagle, 17 февраля 1988 г., стр. 2.

[150]Честер Грабовски, «Каждый американский гражданин», Post Eagle, 4 мая 1988 г., стр. 2.

[151]Марк А. Стюарт, «Евангелие от Святого Честера: история ненависти», Bergen Record, 25 апреля 1984 г.

Это все, что я слышу в магазинах, на улицах, повсюду с тех пор, как вы пригрозили польскому кардиналу судебным иском.

Похоже, евреев не любят, если не ненавидят, везде и всюду.

Это не антисемитизм, это право, гарантированное нашей конституцией.

Другой защищал поляков как единственных, кто помогал евреям, но затем выразил сожаление, что «Гитлер совершил одну ошибку — не удосужился избавиться от вас, еврейских ублюдков. Неудивительно, что люди во всем мире ненавидят ваш народ — чума им! Поляки, и мы гордимся этим!»

В письме, опубликованном в листе ненависти Грабовски, его читателям сообщается:

Хорошо известно, что в «Солидарности» доминируют евреи …

Господин Дершовиц, почему во всем мире, где бы ни находились евреи, царит антисемитизм?

Господин Дершовиц, почему евреи навязали коммунизм России, Польше и многим другим странам?

Господин Дершовиц, когда польский народ и Польша увидят, как поляк из Израиля станет премьер-министром Израиля?[152]

(Конечно, практически каждый премьер-министр Израиля — от Давида Бен-Гуриона до Ицхака Шамира — имел польское происхождение.)

Читая «Post Eagle», я обнаружил, что, несмотря на ярую антисемитскую редакционную политику издания, многие конгрессмены, законодатели штатов и городские чиновники размещали рекламу на его страницах. Они, очевидно, не поддерживали антисемитизм Грабовски, а лишь использовали его публикации для привлечения польских избирателей. 28 ноября 1989 года я написал следующее письмо каждому государственному должностному лицу, чья реклама публиковалась в «Post Eagle»:

Вы были рекламодателем в последнем рождественском выпуске Post Eagle.

Когда вы отправляли свое объявление, я уверен, вы не осознавали, что оно появится рядом с рекламой Ку-клукс-клана, желающей «всей Польше счастливого Белого Рождества» и иллюстрирующей это расистское пожелание рисунком Санта-Клауса в капюшоне Ку-клукс-клана.

Редакционная политика Post Eagle является откровенно антиеврейской и глубоко оскорбительной для порядочных людей всех религиозных убеждений.

Ваша реклама поддерживает расизм и антисемитизм Честера Грабовски…

Теперь, когда вы знаете о его негативном посыле, я уверен, что вы не захотите поддерживать его своими рекламными долларами. Пожалуйста, переведите эти доллары в другую польскую или католическую газету по вашему выбору, которая отражает величие польских и католических традиций. Все политики, кроме одного, прекратили размещать рекламу в Post Eagle после получения моего письма. Этот ответ был обнадеживающим, поскольку реклама государственных служащих, как правило, легализует газетенку, которая должна оставаться на задворках американской политической и медийной жизни.

Одна из самых ярых антисемитских тирад, порождённых скандалом вокруг Освенцима, не пришла в анонимном конверте или расистской газете. Она появилась в сотне газет и была написана общенациональным обозревателем и бывшим чиновником Белого дома Патриком Бьюкененом, которого не воспринимают как маргинала,

[152]Джон Х. Капинос, «Профессор Дершовиц, еврей, клевещет на польского кардинала», Post Eagle, 13 сентября 1989 г., стр. 2.

находящегося на грани безумия в американской жизни.

В своей колонке Бьюкенен призывал к «католическому гневу» против евреев. Вместо того, чтобы призвать своих читателей понять боль, которую, должно быть, испытывают некоторые евреи, пережившие Освенцим, из-за польских усилий деиудаизировать гитлеровское «окончательное решение», Бьюкенен заявил, что «для ортодоксальных католиков требование быть более „чувствительными“ к еврейским проблемам становится шуткой». Затем, тоном, напоминающим подстрекательство к религиозному погрому девятнадцатого века, он предсказал, что «дремлющий гигант католицизма, возможно, вот-вот пробудится». Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно цели гнева этого гиганта, Бьюкенен указал на «тех, кто столь очевидно презирает нашу Церковь», а именно на «евреев»[153].

Бьюкенен далее предупредил евреев не полагаться на усилия американских кардиналов, таких как кардинал Джон О'Коннор и кардинал Бернард Лоу, которые поддержали перенос монастыря, по налаживанию мостов. Он назвал их примирительные заявления, явно благословлённые Ватиканом, «кудахтаньем умиротворения католического кардинала». Он призвал этих князей примирения «отойти в сторону» и освободить место для «епископов и священников, готовых взять на себя роль защитников веры»[154].

Я написал колонку в ответ на гневную тираду Бьюкенена. Я отметил, что Бьюкенен, вероятно, имел в виду на роль «защитника веры» отлучённого от церкви архиепископа Марселя Лефебра и других французских священников правого толка, которые помогали укрывать нераскаявшегося нацистского военного преступника Поля Тувье в различных монастырях, пока его недавно не арестовали и не судили за массовое убийство[155].

Я напомнил своим читателям, что сам Бьюкенен чуть не укрыл нацистских военных преступников. Он встал на защиту таких убийц-геноцидников, как Клаус Барбье, Карл Линнас и эсэсовцев, похороненных в Битбурге. Бьюкенен даже выразил сомнения в том, что евреев травили газом в Треблинке. Его «доказательством» стала следующая зарисовка: «В 1988 году 97 детей, оказавшихся в ловушке на глубине 400 футов под землей в вашингтонском туннеле, округ Колумбия, в то время как два локомотива извергали выхлопные газы дизельных двигателей в вагон, выбрались оттуда невредимыми через 45 минут»[156]. Я бросил вызов Бьюкенену, чтобы проверить свою гипотезу, заперевшись в герметичной камере, в которую закачиваются выхлопные газы дизельных двигателей[157].

Поддержка Бьюкенеоном нацистских военных преступников и упразднение правительственного учреждения, которое занимается расследованием их деятельности, побудили бывшего чиновника Министерства юстиции Алана Райана

[153]Патрик Бьюкенен, «Исцеление... или пробуждение в Освенциме», Washington Times, 25 сентября 1989 г.
[154]Там же.
[155]Алан М. Дершовиц, «Прекратите антисемитизм Бьюкенена», Union Leader (Манчестер, Нью-Гэмпшир), 9 октября 1990 г., стр. 24.
[156]Бьюкенен, «Исцеление». Бьюкенен, как обычно, неверно истолковал факты. Евреев Треблинки убивали различными способами, включая отравление выхлопными газами и газом «Циклон Б». «Факты» Бьюкенена о Холокосте обычно исходят от сумасшедших отрицателей Холокоста. См. примечание на странице 163.
[157]В статье в New Republic отмечается, что «большую часть материалов, на которых Бьюкенен основывает свои статьи о Холокосте, ему присылают пронацистские, антисемитские чудаки». На вопрос, откуда он взял информацию о Треблинке, он, как сообщается, ответил: «Кто-то мне её прислал». В статье делается вывод о том, что отрицатели Холокоста знают, что «они могут ожидать, что Бьюкенен их выслушает». Джейкоб Вайсберг, «Ереси Пэта Бьюкенена», New Republic, 22 октября 1990 г., стр. 22.

прокомментировать: «Многие люди задаются вопросом: почему Пэт Бьюкенен так влюблен в нацистских военных преступников?»[158]

Очевидную любовь Бьюкенена к нацистским преступникам, безусловно, нельзя объяснить какой-либо неизменной приверженностью правам обвиняемых. Во всех остальных случаях он поддерживает права жертв и критикует адвокатов. Невозможно также объяснить её и его возражениями против использования доказательств КГБ, поскольку в некоторых делах, в частности, в деле Клауса Барбье, не использовались никакие советские доказательства или помощь.

Самый правдоподобный ответ на вопрос, почему Бьюкенен, по-видимому, более чувствителен к нацистским убийцам, чем к еврейским жертвам, дал сам Бьюкенен, когда признался в интервью New York Times, что его «часто обвиняли в антисемитизме»[159]. Что ж, всё сходится.

Патрик Бьюкенен, конечно, не единственный писатель в Америке, выражающий антиеврейские взгляды. Но он самый читаемый и слушаемый со времен отца Кофлина в 1930-х годах. Он также единственный открыто антиеврейский деятель, занимавший высокий федеральный пост — должность директора по коммуникациям в Белом доме при Рейгане. Осенью 1990 года обозреватель New York Times Эйб Розенталь обвинил Бьюкенена в антисемитизме — обвинение, которое я выдвигал уже полдюжины лет. Колонка Розенталь вызвала серьёзные споры в СМИ и запятнала имидж Бьюкенена. Тем не менее, он остаётся представителем правых взглядов и потенциальным кандидатом в президенты[160].

Когда такие широко читаемые и почитаемые писатели, как Патрик Бьюкенен, начинают выражать сомнения относительно Холокоста, становится ясно, что наша неспособность привлечь нацистских преступников к ответственности посылает опасный сигнал о том, что если непосредственные виновники Холокоста не виновны настолько, чтобы быть наказанными, возможно, не было преступления, достаточно серьезного, чтобы оправдать наказание.

Но для того, чтобы настаивать на наказании виновных, необходимо иметь индивидуальные доказательства их вины. Было бы трагично, если бы в интересах наказания виновных мы позволили наказывать и невиновных. В целом, фактическая вина нацистских преступников, таких как Клаус Барбье, Адольф Эйхман и Йозеф Геббельс, не вызывала сомнений. Случай Джона Демьянюка был иным, поскольку он категорически отрицал любую причастность к Холокосту. Джон Демьянюк — украинский рабочий-автомеханик из Кливленда, штат Огайо, приговорённый к смертной казни в январе 1988 года израильским судом по обвинению в том, что он был Иваном Грозным из Треблинки, лагеря смерти в Польше, где погибло около 870 000 евреев.

Моя неформальная связь с делом Демьянюка началась ещё до суда, когда мне и моему брату, практикующему юристу в Нью-Йорке, позвонили из комитета защиты Демьянюка с предложением присоединиться к его команде юристов в Израиле. Это был один из тех звонков, которые мне снятся буквально в кошмарах. Но поскольку просьба заключалась в том, чтобы выступать адвокатом в иностранном суде, и поскольку было очевидно, что они выбрали нас из-за нашего еврейства, я без труда отклонил её. Однако я сказал им, что если ни один член израильской коллегии адвокатов не захочет представлять Демьянюка, им следует возобновить запрос. Несколько израильских адвокатов согласились представлять Демьянюка, и была быстро собрана международная

[158]Филип Шенон, «Вашингтонские разговоры: обострение Бьюкенена», New York Times, 19 февраля 1987 г., стр. 28.
[159]Там же.
[160]«Бьюкенен смотрит на Буша... и 1992 год?» Boston Globe, 20 января 1991 г., стр. 73.

команда юристов.

Одним из главных защитников Демьянюка в США был — сюрприз! — Патрик Бьюкенен, который в частном порядке лоббировал интересы Демьянюка и публично объявил его «жертвой американского дела Дрейфуса»[161]. Это сравнение возмутило меня, особенно потому, что я считаю, что если бы Бьюкенен был жив во время суда над Дрейфусом, он бы присоединился к тем консервативным французским католикам, которые возглавили антисемитскую кампанию против ложно обвиненного офицера-еврея.

В деле Демьянюка Бьюкенен не мог делать вид, как он пытался в других делах нацистов, что «эти люди не имеют права голоса». Комитеты защиты были созданы в Кливленде, Чикаго, Торонто и других городах со значительным украинским населением. Вице-президент главного комитета Питер Яцик предупредил, что евреи заплатят за осуждение Демьянюка так же, как они заплатили за «распятие Иисуса Христа»[162].

Бьюкенен также не мог утверждать, что все улики против Демьянюка были предоставлены Советским Союзом. Обвинение, начавшееся в США в 1986 году с денатурализации пенсионера-автомеханика из Кливленда, основывалось на трёх видах доказательств. Первым, и самым непосредственным, было опознание очевидцами нескольких выживших в Треблинке и одного бывшего эсэсовца, работавшего вместе с Иваном. Демьянюка первыми опознали выжившие, которым — независимо друг от друга — показали ряд фотографий, чтобы опознать другого охранника Треблинки. Каждый из них опознал охранника, а затем указал на фотографию Демьянюка и заявил, что это Иван Грозный, известный садист, участвовавший в казнях евреев. Другие подтвердили опознание.

Вторым видом доказательств было удостоверение личности с именем и фотографией Ивана Демьянюка. Поскольку удостоверение указывало на его место в лагере СС, где готовили охранников для службы в лагерях смерти, и изображало его в форме СС, защита была вынуждена заявить, что это изобличающее удостоверение было подделкой. Удостоверение было передано обвинению Советским Союзом, что вызвало жалобы со стороны представителей украинской общины на то, что оно было частью заговора КГБ с целью подставить украинца. Однако научные доказательства подтвердили его подлинность и доказали, что на фотографии был Демьянюк.

Третий вид доказательств исходил из действий самого обвиняемого. У него была удалена татуировка с левой руки, именно в том месте, где эсэсовцы нанесли татуировки с указанием группы крови, которые могли бы идентифицировать Демьянюка как охранника концлагеря. Много лет, борясь с экстрадицией в Израиль, он давал противоречивые и, по общему признанию, ложные алиби, варьируя места своего пребывания и роли, которые, по его словам, он играл во время Холокоста. А во время предварительного допроса он непреднамеренно раскрыл информацию, которая могла быть известна только тому, кто находился в районе Треблинки, хотя сам он отрицал, что когда-либо там был. Его собственные лжесвидетельствующие алиби в сочетании с этой информацией «почти равносильны признанию», заявил позже суд.

Хотя совокупность доказательств казалась совершенно убедительной – она, безусловно, убедила бы таких, как Бьюкенен, в обычном уголовном деле, где он всегда встаёт на сторону обвинения, – пронзительные голоса защитников Демьянюка посеяли сомнения в умах некоторых американцев и канадцев. Я решил поехать в Израиль, чтобы убедиться в этом лично. В течение нескольких дней, незадолго до окончания процесса, я

[161] Шенон, «Вашингтонские разговоры».
[162] Дороти Баст, «Убеждения осложняют отношения между украинцами и евреями-американцами», Associated Press, 19 апреля 1988 г.

присутствовал на судебных заседаниях, после чего взял интервью у нескольких участников. 18 апреля 1988 года я присутствовал в суде на оглашении приговора[163].

Зал суда был полон людей, переживших Холокост, потерявших родителей, детей и супругов от рук Ивана и его товарищей-палачей. Там также присутствовали украинские друзья и родственники Ивана Демьянюка.

В зал вошли трое судей: один – бородатый мужчина в религиозной ермолке, другая – женщина лет пятидесяти, а третий – судья Верховного суда несколько старше, который и будет председательствовать. Поскольку в Израиле (как и в большинстве западных демократий) нет суда присяжных, суд сам установил факты. После тщательного изучения всех доказательств – изучения, которое заняло сотни страниц и почти целый день, – суд постановил, что Демьянюк виновен «вне всяких сомнений».

Взвешенность, проявленная в решении суда, побудила даже бывшего адвоката Демьянюка, представлявшего его интересы во время пятилетнего процесса экстрадиции в США, признать судебный процесс справедливым. На основании представленных доказательств ни один беспристрастный суд или присяжные в любой точке мира не вынесли бы иного вердикта.

Неделю спустя суд вновь собрался для вынесения приговора. Я снова присутствовал на заседании. Прения начались с формальной ноты, и Демьянюк выглядел скучающим, чередуя широкие зевки с неуместными улыбками. Всякий раз, когда прокурор ссылался на факты дела – на такие чудовищные преступления, как отрезание женской груди, удары по голове младенцев и пытки дрожащих женщин по пути в газовые камеры, – Демьянюк качал головой, бормоча: «Не я», и крестился, нанося смелые, дерзкие удары.

Хотя меня и интересовали юридические аргументы, я не мог отвести взгляд от заключённого. Мне довелось побывать в обществе многих убийц, даже осуждённых за массовые убийства, но никогда я не оказывался так близко к столь жестокому и бесчеловечному человеку. Те, кто говорит, что зло можно увидеть по лицу или глазам, никогда не видели Ивана Демьянюка. В его внешности не было ничего особенного. Зло было не в его личности, а в его поступках.

Я продолжал смотреть на Демьянюка и по другой причине. Я представлял его своим убийцей. В то время, когда он убивал младенцев, мне было пять лет. Моя семья была родом из той части Польши, которая находилась под юрисдикцией его лагерей смерти. Если бы не Божья милость и не предусмотрительность моих бабушек и дедушек, покинувших Польшу задолго до Холокоста, я мог бы стать одним из тысяч безымянных и безликих младенцев, которых он выхватывал из рук кричащих матерей и бросал в газовые камеры. Я представлял, как он смеётся с садистским удовольствием, убивая целые семьи, навсегда обрывая их потомство, после того как без всякой причины издевался и пытал их.

Я сидел и размышлял, почему надеялся, что ему сохранят жизнь. Конечно, если кто-то и заслуживал смертной казни, так это Демьянюк. Но я знал, что если суд вынесет решение о его казни, это полностью изменит ход дела. Противники смертной казни со всего мира, к которым я отношусь, направят все силы на спасение жизни этого несчастного человека. С другой стороны, пожизненное заключение обречёт Демьянюка на безвестность тюремной камеры.

Собравшиеся, состоявшие из выживших и их детей, ждали решения суда. Атмосфера была напряженной, когда судья начал говорить. Он объявил о смертной

[163]Описание вынесения приговора основано на моих современных наблюдениях за событием, о которых я рассказал в статье «Иван Грозный пробует израильское правосудие», Boston Herald, 26 апреля 1988 года.

казни, отметив, что нет никаких смягчающих обстоятельств для ужасных преступлений Ивана Грозного.

В зале раздались рыдания облегчения. Одна женщина просто начала зачитывать имена членов семей, убитых в Треблинке. Другие пели религиозные гимны. Сын Демьянюка, Иван-младший, общался с прессой. «Этот приговор позорит Израиль, Соединённые Штаты и шесть миллионов убитых евреев», — без тени смущения заявил он. «Я бы назвал трёх судей преступниками», — добавил он, не в силах отличить вершителей правосудия от извращенцев.

Я покинул зал суда, опечаленный приговором, так как знал, что смерть одного человека, даже такого ужасного, как Иван, не смягчит памяти об убийстве миллионов.

К сожалению, мой прогноз сбылся. Как только приговор был вынесен, по всему миру вспыхнули протесты. Среди самых обличительных был протест лорда Деннинга из Великобритании, пожалуй, самого выдающегося из ныне живущих судей англо-американского мира. Вот отрывок из его высказываний в London Telegraph:

Во-первых, какой закон он нарушил? Не закон Израиля.

Преступления были совершены в 1942—1943 годах, до того, как Государство Израиль существовало и имело собственные законы. Оно было основано лишь в 1948 году. Преступления также не были направлены против законов Германии или Польши. Они были совершены в концентрационном лагере Треблинка и по приказу властей этих государств.

По моему мнению, договоренность Государства Израиль с Соединенными Штатами о депортации Демьянюка в Израиль для предания его там суду противоречила международному праву... Обвиняемый на протяжении всего процесса заявлял о своей невиновности.

Атмосферу, царившую на суде, можно оценить по отчету о том, что в переполненном зале «аплодировали, ликовали и танцевали», когда его приговорили к смертной казни. Когда я приговаривал заключенных к смертной казни, царила гробовая тишина и торжественное молчание[164]*.*

Несмотря на мое неприятие смертной казни, я счел необходимым отреагировать на ошибки лорда Деннинга следующим письмом, опубликованным в газете Telegraph:

Мне было больно читать письмо лорда Деннинга от 28 апреля 1988 года о судебном процессе в Израиле и осуждении Ивана Демьянюка. Я присутствовал при оглашении приговора и с сожалением вынужден сообщить, что лорд Деннинг просто ошибается как в своих фактах, так и в своих законах.

Он утверждает, что преступления Демьянюка не были «преступлениями, совершёнными против законов... Польши», поскольку они были совершены по «приказу начальства...». Во-первых, доказательства по делу Демьянюка свидетельствуют об обратном: «Иван Грозный» превышал приказы своих начальников из СС и без всякой причины пытал, убивал и совершал сексуальные преступления. Во-вторых, прошло уже много времени с тех пор, как какая-либо цивилизованная страна принимала «приказы начальства» в качестве оправдания тех чудовищных злодеяний, за которые был осуждён Демьянюк.

Деннинг обвиняет Израиль в «договорённости с Соединёнными Штатами о депортации Демьянюка в Израиль...». Однако этого не произошло. Соединённые Штаты начали расследование, и Демьянюк был экстрадирован, а не депортирован, в соответствии с законами США и Израиля.

К великому сожалению, лорд Деннинг просто не знаком с доказательствами. На

[164] Лорд Деннинг, письмо редактору, London Daily Telegraph, 28 апреля 1989 г.

самом деле, доказательства против Демьянюка были неопровержимыми и более чем удовлетворили бы стандартам доказывания любой цивилизованной страны, включая его собственную.

Я уверяю лорда Деннинга, что он и его коллеги-британские судьи приговорили обвиняемых к смертной казни на основании значительно менее убедительных доказательств, чем те, которые были представлены против Демьянюка.

Что касается «аплодисментов» «зала», то я присутствовал при оглашении приговора. Атмосфера была торжественной, когда судья выносил смертный приговор. Единственными звуками были приглушенные рыдания нескольких выживших. Лишь после того, как судьи покинули зал суда, небольшая группа людей объединилась в песнях и молитвах… Было мало аплодисментов и много слёз. Ханжеские сравнения Деннинга с его собственными смертными приговорами принижают Холокост. «Тишины» легче достичь, когда жалкого убийцу приговаривают к смерти за одно преступление, чем когда человек, ответственный за пытки и геноцид тысяч людей, наконец предстаёт перед судом. Заслуга израильской судебной системы в том, что она вынесла столь тщательное решение и выполнила свою работу настолько профессионально в контексте таких варварских преступлений против стольких жертв. Я рекомендую лорду Деннингу прочитать 400-страничное решение суда, прежде чем самодовольно бросаться на собственное неразумное суждение о других [165].

Вскоре после того, как лорд Деннинг написал свое письмо, в котором жаловался на то, что Израиль не может преследовать нацистских преступников, поскольку их преступления были совершены «до того, как возникло государство Израиль», он присоединился к большинству Палаты лордов, отклонив законопроект, одобренный Палатой общин, который бы уполномочил британское правительство — которое тогда существовало — преследовать нацистских преступников, проживающих в Великобритании[166].

Я продолжу выступать против применения смертной казни, как я это делал даже в деле Адольфа Эйхмана. (Оставив в стороне абстрактный вопрос о смертной казни, представьте себе потенциальную пользу заключённого Эйхмана в выявлении и содействии в розыске других нацистских преступников, проживших свою жизнь спокойно).

Высший суд Израиля ещё не вынес решения по апелляции Демьянюка. Но очевидно, что если правосудие – это справедливый процесс, то Иван Демьянюк добился справедливости. Если правосудие – это точный результат, то Демьянюк почти наверняка добился справедливости. Если правосудие – это соразмерное наказание, то Демьянюк добился справедливости, за исключением тех, кто морально против смертной казни для кого бы то ни было, независимо от тяжести преступления. Несомненно, по стандартам правосудия, которых придерживаются Патрик Бьюкенен и другие сторонники Демьянюка, Демьянюк получил нечто большее, чем простое правосудие. В целом, израильская правовая система заслуживает высокой оценки за то, что добилась справедливости в отношении того, кто лишил тысячи своих жертв даже самого минимального её подобия.

Но, похоже, от еврейской нации и еврейского народа всегда требуют большего, чем

[165]Алан М. Дершовиц, письмо редактору, London Daily Telegraph, май 1989 г.

[166]Деннинг заявил, что если бы нацистский военный преступник был бы сейчас осуждён, «судья был бы обязан отпустить [его] с освобождением или предупреждением после такого срока». Sunday Telegraph, 25 марта 1990 года. Деннинг также критиковал известного английского юриста, чьи родители были литовскими евреями, назвав его «немецким евреем, который учит нас, что делать с нашими английскими законами». The Independent, 26 августа 1990 года.

от других. Евреи, в отличие от других групп, должны быть в первых рядах, защищая права своих заклятых врагов. Этот вопрос достиг критической точки в 1977 году, когда группа американских нацистов запросила разрешение на проведение марша по Скоки, штат Иллинойс, родному городу многих евреев, переживших Холокост.

Практически каждый раз, когда я выступаю перед еврейской группой, меня спрашивают: «Какую позицию вы занимаете по вопросу Скоки?». Скоки словно стал своего рода лакмусовой бумажкой, демонстрирующей приверженность еврейского борца за гражданские права еврейским ценностям. Я считаю, что это ложная лакмусовая бумажка. Я не верю в существование реального конфликта между твёрдой приверженностью еврейским ценностям и столь же твёрдой приверженностью свободе слова. Более того, я убеждён, что те, кто — по вполне понятным историческим и психологическим причинам — пытался остановить нацистов, марширующих по Скоки, пренебрегали еврейскими ценностями.

Трагедия в том, что нацисты, хотя и отказались от запланированного марша, победили в Скоки. Они получили миллионы долларов бесплатной рекламы для своего гнусного дела именно потому, что некоторые еврейские лидеры пытались их цензурировать. Если бы еврейская община проигнорировала их жалкий марш, несмотря на его намеренно провокационный характер, история превратилась бы в однодневный локальный инцидент о том, как небольшая группа расистских неудачников попыталась спровоцировать переживших Холокост, но потерпела неудачу.

Вместо этого история стала международным событием, которое длилось годами, кульминацией которого стал широко распространённый телефильм с Дэнни Кеем в главной роли. В нём Американский союз защиты гражданских свобод и другие борцы за гражданские права, как еврейские, так и нееврейские, противостояли представителям организованной еврейской общины. Это привело к широкой огласке нацистской партии, включая появление в ток-шоу, где им ранее никогда не предоставлялось эфирного времени.

Аналогичный катастрофический результат был достигнут в Канаде в 1985 году, когда еврейское давление привело к уголовному преследованию двух гнусных отрицателей Холокоста, связанных с нацистами. До начала уголовного преследования памфлеты и речи этих неонацистов имели ограниченное воздействие. Но судебные процессы вытащили из-под земли всех профессиональных отрицателей Холокоста.

Дело возникло из-за памфлета, опубликованного самопровозглашённым нацистом Эрнстом Цунделем, в котором утверждалось, что Холокоста никогда не было. Взывая к имени своего «героя» Адольфа Гитлера, Цундель — антисемит немецкого происхождения, проживавший в Канаде с 1958 года — описал свою «арийскую» миссию как уничтожение «чудовищной лжи, именуемой Холокостом»[167].

Подход Первой поправки к подобным гнусным речам заключается в том, чтобы позволить им либо утонуть, либо выплыть на рынке идей. Сам факт того, что такая заведомая ложь допускается, по понятным причинам возмущает многих, особенно тех, кто лично пережил опустошение нацистского Холокоста. Для них диатриба Цунделя стала прямым нападением на одно из важнейших событий в их жизни. Трудно ожидать, что люди, ставшие свидетелями того, как их родителей, детей или супругов отбирали для газовой камеры, будут спорить о том, является ли Холокост историческим фактом, как утверждает каждый уважаемый историк, или «еврейской мистификацией», как утверждают эти чудаки.

Соответственно, группа людей, переживших Холокост, убедила канадские власти

[167]Алан М. Дершовиц, «Суд над Холокостом», Boston Herald, 29 апреля 1985 г., стр. 5.

возбудить уголовное дело против Цунделя за «умышленную публикацию новостей, которые, как он знает, являются ложными и которые наносят или могут нанести ущерб или вред общественным интересам» [168].

Неизбежно, уголовные обвинения такого рода приводят к тому, что сам Холокост предстаёт перед судом. И вот в 1985 году канадский суд стал площадкой для юридических «дебатов», которые никогда не должны были состояться, — дебатов о неоспоримом историческом факте. Обвинение вызвало многочисленных выживших, которые предоставили яркие свидетельства из первых уст о нацистских лагерях смерти. Как сказал один человек, проведший два года в Освенциме: «Я видел, как 1 765 000 человек вошли в это пространство прямо на моих глазах, зная, что это пространство абсолютно закрыто и выхода нет. И никто не вышел оттуда, разве что в виде дыма. Можно ли утверждать», — многозначительно спросил он адвоката Цунделя, — «что они всё ещё там?»[169].

Адвокат Цунделя, сам выражавший сомнения в Холокосте, назвал выживших свидетелей «лжецами» и спорил с ними об их воспоминаниях. Он также представил своих свидетелей – целую плеяду чудаков со всего мира, утверждавших, что у них есть доказательства того, что Холокоста никогда не было. Среди них был шведский пропагандист, осуждённый за разжигание расовой ненависти в родной стране, который клялся, что Освенцим – это место отдыха, оборудованное сауной, танцевальным залом и бассейном для развлечения посетителей.

Неудивительно, что присяжные единогласно вынесли решение против Цунделя, и судья приговорил его к пятнадцати месяцам тюремного заключения[170]. Но поклонник нацистов всё равно заявил о своей победе: «Это стоило мне 40 000 долларов потерянной работы, но я получил миллион долларов рекламы для своего дела. Оно того стоило»[171].

Думаю, я понимаю, насколько оскорбительно для пережившего Холокост наблюдать за маршем нацистов по его району или слушать ложь отрицателей Холокоста о самом ужасном опыте современной истории. Но зал суда — не место для суда над идеями — какими бы ложными или полными ненависти — ни были. Мне вспоминается встреча, на которой я однажды присутствовал, чтобы обсудить, должны ли крупные еврейские организации поддержать иски жителя Калифорнии, который подал в суд на «ревизионистскую» организацию, предлагавшую награду любому, кто сможет доказать, что Холокост действительно имел место. Присутствовало несколько известных еврейских юристов, и дебаты шли взад и вперед. Также присутствовал Эли Визель, который молча сидел во время дебатов. Наконец, кто-то спросил его мнение. Он тихо ответил: «Не судите меня. Мы знаем, что произошло. Нам не нужны судьи или присяжные, чтобы доказать, что нацисты сделали с нами. Если бы судья или присяжные — не дай Бог — не поверили нам, изменило бы это что-либо в том, что произошло на самом деле?» Оставим это нашей памяти, нашим историкам, нашим художникам — и их совести».

Но то, что нацистские фанатики имеют право проповедовать свою чушь, не означает, что порядочные люди должны придавать легитимность содержанию их пагубной лжи. Если бы меня попросили защитить право отрицателя Холокоста выражать

[168]Джон Ф. Бернс, «Канада снова подвергает неонацистские идеи суду», New York Times, 30 марта 1988 г., стр. 12. Действующее законодательство США не допускает такого преследования.
[169]Дершовиц, «Суд над Холокостом», стр. 5.
[170]Канадский апелляционный суд отменил приговор Цунделю, и было назначено новое судебное разбирательство. В глазах многих канадцев обвиняемый предстал жертвой, если не героем. На втором судебном процессе Цундел был вновь признан виновным и приговорён к девяти месяцам тюремного заключения. В апелляции его главный аргумент заключался в том, что судья первой инстанции допустил ошибку, приказав присяжным считать Холокост историческим фактом.
[171]Там же.

свои извращённые взгляды, я бы согласился защитить его право, но настоял бы на реализации своего права назвать его взгляды антисемитскими и ложными. И я бы никого не призывал читать или слушать подобную чушь. Напротив, я бы призвал всех категорически отвергнуть её на рынке идей, отказаться покровительствовать этой заражённой болезнью части рынка.

Я упоминаю о том, как я, как противник цензуры, отношусь к вопросу отрицания Холокоста, чтобы противопоставить это позорному способу, которым профессор Ноам Хомский взялся за дело печально известного неонациста и отрицателя Холокоста по имени Робер Фориссон.

В 1970-х годах Фориссон, малоизвестный преподаватель французской литературы в Лионском университете, начал увлекаться отрицанием Холокоста. Он написал книгу и выступал с лекциями, в которой высмеивал жертв Холокоста и выживших, называя их виновниками мистификации. Холокост, по словам Фориссона, «никогда не имел места». «Газовых камер Гитлера» никогда не существовало. «Евреи» несут «ответственность» за Вторую мировую войну. Гитлер действовал разумно и в целях самообороны, когда сгонял евреев и отправлял их в «трудовые лагеря», а не в лагеря смерти. «Массовая ложь» о геноциде была преднамеренной выдумкой, начатой «американскими сионистами» — в контексте он, очевидно, имеет в виду евреев. Главным бенефициаром этой мистификации является «Израиль», который поощрял это «огромное политическое и финансовое мошенничество». Главными жертвами этого «мошенничества» стали «немецкий народ» и «палестинский народ». Фориссон также назвал дневник Анны Франк «подделкой»[172].

Неудивительно, что как только безумный том Фориссона был опубликован, его сразу же подхватили евреененавистники по всему миру. В США скандально известная организация «Либерти Лобби», распространяющая «Протоколы сионских мудрецов» и другие антисемитские бестселлеры, перевела наиболее оскорбительные фрагменты произведения и широко распространила их по своей сети. Его видеозаписи речей распространялись на неонацистских собраниях.

Я заказал одно такое видео и с ужасом наблюдал, как Фориссон улыбался, описывая «предполагаемых жертв» «несуществующих» газовых камер. Его неонацистская аудитория смеялась, когда он высмеивал показания выживших очевидцев.

После публикации книги Фориссона преподаватель получил угрозы от разгневанных выживших. Лионский университет, заявив, что не может гарантировать его безопасность, отстранил его на семестр. Это решение, хоть и понятное, учитывая, насколько сильно Лион пострадал во время нацистской оккупации, было неправомерным и глупым. Преподаватель имеет право на защиту даже за идиотские взгляды.

Профессора Ноама Хомского из Массачусетского технологического института, известного лингвиста и фанатичного антисиониста, попросили присоединиться к протесту против отстранения Фориссона. Уверен, он был рад этой возможности, поскольку труды и речи Фориссона носят ярко выраженный антисионистский и антисемитский характер. Более того, сам профессор Хомский делал заявления об эксплуатации сионистами трагедии Второй мировой войны, которые, на мой взгляд, не так уж сильно отличаются от некоторых заявлений Фориссона.

Хомский немедленно выступил в защиту Фориссона, не только в вопросе свободы слова, но и в отношении достоинств его «учёности» и его «характера». Хомский подписал петицию, в которой фальсификации истории Фориссоном были охарактеризованы как

[172]Робер Фориссон, «Мемуары в защиту» (Париж: La Vieille Taupe, 1980).

«открытия» и утверждалось, что они основаны на «обширных исторических исследованиях»[173].

Если бы Хомский потрудился проверить «историческое исследование» Фориссона, он бы обнаружил его подделку. Например, Фориссон опирается на запись от 18 октября 1942 года из дневника врача СС Иоганна-Пауля Кремера, сделанную им в течение трёх месяцев, проведённых в Освенциме в 1942 году. Известный учёный проверил использование Фориссоном этой записи и доказал, что его «исследование» было полностью фальшивым. Запись в дневнике гласила: «Сегодня утром в холодное и влажное воскресенье я присутствовал на энной спецоперации (голландской). Ужасные сцены с тремя женщинами, умолявшими нас оставить их в живых»[174].

Фориссон заключает, что этот отрывок доказывает: (1) что «специальная акция» была не чем иным, как отделением врачами больных от здоровых во время эпидемии тифа; (2) что «ужасные сцены» были «казнями лиц, приговоренных к смерти, казнями, на которых врач был обязан присутствовать»; (3) что «среди приговоренных были три женщины, прибывшие в составе колонны из Голландии, которые были расстреляны»; (4) что не было никаких газовых камер, поскольку женщин расстреливали, а не травили газом[175].

Французский учёный по имени Жорж Веллерс проанализировал эту запись из дневника и сопутствующую документацию для газеты Le Monde. Он провёл настоящее историческое исследование, проверив архивы Освенцима на предмет даты записи в дневнике, что было несложно. Он обнаружил, что 18 октября 1942 года в Освенцим прибыли 1710 голландских евреев. Из них 1594 были немедленно отправлены в газовые камеры. Остальные 116 человек, все женщины, были доставлены в лагерь; три женщины, о которых ведётся дневник Кремера, должны были быть среди них. Эти три женщины были, по сути, расстреляны — как заключает Фориссон. Но этот факт нигде не упоминается в дневнике Кремера. Как же тогда Фориссон узнал об этом? Профессор Веллерс смог найти ответ, проведя простое исследование. Он проверил показания доктора Кремера на польском процессе по военным преступлениям. Вот что сказал Кремер на суде: «Три голландки не хотели идти в газовую камеру и умоляли сохранить им жизнь. Это были молодые женщины, здоровые, но, несмотря на это, их мольбы не были удовлетворены, и участвовавшие в акции эсэсовцы расстреляли их на месте»[176].

Фориссон, который заявил, что исследовал судебный процесс, знал, что его собственный источник, доктор Кремер, свидетельствовал о существовании газовых камер. Тем не менее, он намеренно опустил этот важный момент в своей книге, включив в неё факт расстрела женщин. Фориссон также знал, что три женщины были «здоровы». Тем не менее, он заставил своих читателей поверить, что доктор Кремер сказал, что они были отобраны по медицинским показаниям во время эпидемии. Наконец, Фориссон утверждает, что расстрелянные были «приговорены к смерти». Тем не менее, он знал, что их расстреляли СС за отказ войти в газовые камеры.

Это не «обширное историческое исследование». Это вообще не исследование. Это мошенническое создание ложной антиистории. Это тот вид обмана, за который профессоров справедливо увольняют: не потому, что их взгляды спорны, а потому, что они нарушают самые основные каноны исторической науки. Это типично для Фориссона в частности и для «исследований» отрицания Холокоста в целом. И всё же Хомский был

[173]Пол Л. Берман, «Игры в газовой камере: история безумцев и право лгать», Village Voice, 10–16 июня 1981 г., стр. 37.
[174]Там же, стр. 38.
[175]Там же, стр. 36.
[176]Там же, стр. 38.

готов предоставить свою академическую легитимность «обширному историческому исследованию» Фориссона.

Хомский пошёл ещё дальше. Подписав петицию, он написал эссе, которое разрешил использовать в качестве предисловия к следующей книге Фориссона, посвящённой его карьере отрицателя Холокоста! В этой книге Фориссон снова называет газовые камеры ложью и повторяет свои заявления о мистификации Холокоста. В предисловии Хомский притворяется, что не знаком с работами Фориссона — «Я не очень хорошо знаком с его работами», — но приходит к выводу, что аргументы Фориссона не являются антисемитскими, и что сам Фориссон не является ни антисемитом, ни нацистом, а скорее «своего рода относительно аполитичным либералом»[177].

Несколько лет спустя, после того как стало совершенно ясно, что Фориссон сознательно предоставлял свое имя разного рода антисемитским и неонацистским группам, Хомский повторил характеристику своего персонажа:

Я не вижу антисемитских намеков в отрицании существования газовых камер или даже Холокоста. Не было бы антисемитских намеков как таковых и в утверждении, что Холокост (независимо от того, верим ли мы в его существование или нет) злостно эксплуатируется апологетами израильских репрессий и насилия. Я не вижу и намёка на антисемитские намеки в работе Фориссона[178]...

Я наткнулся на это невероятно глупое утверждение примерно в то же время, когда в Boston Globe появилась хвалебная статья, восхваляющая Хомского как защитника аутсайдеров. Я написал следующее письмо редактору:

Хотя некоторые могут считать Хомского выдающимся лингвистом, он не понимает самого очевидного значения слов в контексте. Не видеть никакого «намёка на антисемитский подтекст» в коллективном осуждении Фориссоном еврейского народа как лжецов — значит быть либо глупцом, либо мошенником. Не осознавать антисемитский подтекст отрицания Холокоста — всё равно что утверждать, что нет расистского подтекста в утверждении, что чернокожие пользовались рабством, или сексистского подтекста в утверждении, что женщины хотят быть изнасилованными. Холокост — центральное историческое событие современной еврейской истории. Попытки отрицать или преуменьшать его значение — нынешний инструмент антисемитов и неонацистов. Неудивительно, что и Фориссон, и Хомский часто с одобрением цитируются этими разжигателями ненависти.

Действия Хомского по защите сути фанатичных высказываний Фориссона от обоснованных обвинений в антисемитизме — в отличие от защиты права Фориссона публиковать такую пагубную чушь — лишают Хомского права считаться достойным защитником «обделенных». Обделенными являются жертвы Холокоста, а не его защитники или отрицатели[179].

Хомский ответил, утверждая, что Фориссон был антисионистом, а не антисемитом, потому что он разоблачал «сионистскую ложь». Он заявил, что «легкий перевод Дершовица с «сионистского» на «еврейский» является незаконным», и что «на самом деле это стандартный ход антисемитов»[180]. Хомский не смог признать, что характеризовать ложь как «сионистскую», когда имеется в виду «еврей», также является стандартным ходом современных антисемитов.

[177]Брайан Мортон, «Культура терроризма», Nation, т. 246, № 15 (7 мая 1988 г.), стр. 651.
[178]У. Д. Рубинштейн, «Хомский и неонацисты», Quadrant (Австралия), октябрь 1981 г., стр. 12.
[179]Алан М. Дершовиц, «Хомский защищает гнусную ложь как свободу слова», Boston Globe, 13 июня 1989 г., стр. 14
[180]Ноам Хомский, «Право говорить выходит за рамки содержания речи», Boston Globe, 4 июля 1989 г., стр. 10

После этого обмена репликами я вызвал Хомского на публичные дебаты на тему, является ли отрицание Холокоста проявлением антисемитизма или антиеврейства. Вот его ответ: «Это настолько очевидно, что нет смысла обсуждать это, поскольку никто не верит в наличие антисемитского подтекста в отрицании Холокоста»[181]. Этот ответ, показывающий, в каком извращённом мире живёт Хомский, говорит сам за себя.

Остается только строить предположения о мотивах Хомского — политических и психологических, — побудивших его так активно ввязываться в защиту неонациста, отрицающего Холокост.

Аргументация «гражданские свободы — свобода слова» не работает для Хомского: защитники гражданских свобод, защищающие свободу слова неонацистов, не вступают с ними в тесную связь, легитимируя свои «выводы» как основанные на «обширных исторических исследованиях» и защищая их — по существу — от хорошо документированных обвинений в антисемитизме. Более того, написание предисловия к книге — это объединение усилий автора и издателя в стремлении продать книгу. Цель предисловия — не просто оставить рынок идей открытым. Цель предисловия — существенно повлиять на этот рынок в пользу идей автора.

У Хомского также нет убедительных репутаций нейтрального защитника свободы слова и академической свободы. Он выбирает среди ораторов, чьи права он защищает, в зависимости от того, насколько близко их взгляды совпадают с его левой и антисионистской политикой. Например, когда Генри Киссинджера выдвинули на должность преподавателя в Колумбийском университете, Хомский заявил тремстам людям на митинге в кампусе, что единственный отдел, на который следует назначить Киссинджера, это «Отдел смерти, или лжи и обмана», и назвал эссе Киссинджера «пародией на академический стиль»[182]. Полагаю, Хомский более склонен критиковать труды Киссинджера, чем «исследования» Фориссона. Также Хомский не был столь же активен в защите других правых американских ученых, чьи свободы оказались под угрозой из-за их поддержки войны во Вьетнаме, как он поддерживал Фориссона.

В конце концов Пол Л. Берман, написавший в Village Voice, выразился совершенно правильно:

Взгляды Хомского на антисемитизм совершенно дикие. Его определение настолько узкое, что ни «Протоколы сионских мудрецов», ни заблуждение об отсутствии Холокоста в него не вписываются… Боюсь, что его нынешние высказывания об антисемитизме и сионистской лжи лишат его права когда-либо восприниматься всерьёз в вопросах, касающихся евреев[183]*.*

Хомского с Фориссоном иллюстрирует некоторые важные вопросы, обсуждаемые в этой книге. Странное определение антисемитизма, данное Хомским, — определение, исключающее отрицание Холокоста и утверждение, что это сионистская мистификация, — напоминает нам, как антисионизм часто служит прикрытием для антисемитизма. Когда Фориссон говорит, что Холокост — это мистификация, совершённая «сионистами», он имеет в виду «евреев». Многие евреи-несионисты, как в Америке, так и за её пределами, участвовали в просвещении и увековечении памяти о Холокосте. Фориссон и Хомский защищают любое обвинение, выдвинутое против еврейского народа, при условии, что обвинитель использует правильное кодовое слово: «сионисты».

Другой важный вопрос, проиллюстрированный эпизодом Хомского-Фориссона, заключается в том, что единственное различие между попытками деиудаизации Холокоста, предпринимаемыми, например, некоторыми польскими властями, и

[181]Скотт Лихай, «Люди литературы», Бостон Феникс, 16–22 июня 1989 г., стр. 30.
[182]Уильям Клейборн, «Columbia Post против Киссинджера», Washington Post, 17 мая 1977 г., стр. A1.
[183]Пол Л. Берман, «Ответ Хомскому», Village Voice, 1–7 июля 1981 г., стр. 18.

попытками полного отрицания Холокоста заключается в степени. Сторонники Фориссона, в конце концов, не отрицают гибели множества евреев во Второй мировой войне. Они просто отрицают, что евреи пережили какую-либо особую или иную судьбу, чем поляки, украинцы, русские и другие народы. Общее утверждение как деиудаизаторов, так и отрицателей Холокоста заключается в том, что не было никакой попытки геноцида еврейского народа как таковой. Деиудаизация Холокоста неизбежно ведёт к отрицанию того, что он вообще когда-либо имел место. Именно поэтому обеспокоенные евреи так возмущены попытками «универсализации» убийств, совершённых гитлеровскими нацистами во время войны.

Разницу между тем, что случилось с любой другой группой, и тем, что случилось с евреями (и цыганами), можно выразить двумя словами: «дети» и «сборище». Только еврейские (и цыганские) дети — младенцы, малыши, дошкольники, ученики начальной школы — систематически убивались. Я никогда не смогу забыть этот образ. Каждый раз, когда я посещаю собрание еврейских детей — на семейном мероприятии, на бар-мицве, на Симхат Тора — я представляю, как охранники СС выстраивают этих детей в газовые камеры. Во время суда над Демьянюком я всё время думал о плачущих младенцах, которых он бросал о камни и в печи. Вот что было таким особенным в евреях — младенцы. Вот почему детский мемориал в Яд Вашем в Израиле так выразителен. Во всех остальных группах убивали только взрослых, как будто этого было недостаточно. Разница в том, что нацисты хотели уничтожить еврейское семя, еврейский ген, еврейский народ. Целью было генетическое вымирание. Поэтому было необходимо убить каждого человека — независимо от возраста — способного произвести на свет будущих евреев.

Второе слово, «собирание», столь же убедительно выражает эту мысль. Только евреев собирали со всего мира, контролируемого нацистами, для систематического геноцида. Что касается других народов, то уничтожали только тех взрослых, которые мешали, — опять же, как будто этого было недостаточно. Но план Гитлера состоял в том, чтобы выследить и убить каждого еврея на всей территории, находящейся под его контролем, чтобы уничтожить семя, ген, народ. Именно поэтому даже неполноценные евреи (полуевреи, четвертьевреи), крещеные евреи и другие носители еврейского гена были отмечены для включения в геноцид.

Это различие лучше всего иллюстрирует трагическая история Анны Франк, еврейской девочки немецкого происхождения, всю семью которой выследили в Амстердаме и отправили за сотни миль в лагеря смерти, где они погибли, за исключением отца, который чудом выжил. Среди польских жертв нееврейского происхождения не было Анны Франк. Не было целых семей, выслеженных и убитых только потому, что они были поляками (или бельгийцами, венграми или украинцами). Не было никакой попытки уничтожить семя польского народа. «Софи», которым приходилось выбирать, кому из их детей жить, а кому умереть, были еврейками, несмотря на «Выбор Софи» Уильяма Стайрона[184].

Не было никакого сбора других людей со всего мира для систематического уничтожения. Возможно, именно поэтому отрицатели Холокоста, такие как Робер Фориссон, так упорно пытаются «доказать», что дневник Анны Франк — подделка. Её история иллюстрирует уникальность еврейского Холокоста: убийство более миллиона детей, сбор миллионов евреев со всего мира, контролируемого нацистами, для

[184]Обсуждая главную героиню романа Стайрона, Эли Визель написал в New York Times: «Сталкивалась ли она, находясь в Освенциме, с еврейскими заключёнными? Мне кажется, её поместили туда, чтобы проиллюстрировать то, о чём „универсалисты“ постоянно заявляли, а именно, что „другие“ тоже были свидетелями мучений в Освенциме». «Находится ли Холокост за пределами досягаемости искусства? », New York Times, 17 апреля 1983 г., раздел 2, стр. 1.

систематического уничтожения.

Мир должен помнить (а в некоторых местах должен узнать это впервые), что евреев не убивали «вместе» с поляками, украинцами, русскими и другими. Дело было не только в степени или масштабе, как лгали кардинал Глемп и другие[185].

Моё поколение евреев и думающих неевреев понимает эту разницу. Мои друзья из Бруклина и я, которые в детстве никогда не обсуждали Холокост, теперь говорим о нём постоянно. Но недавние попытки деиудаизировать или даже отрицать Холокост направлены на будущие поколения — на приговор истории. Скоро не останется ни выживших, ни виновных. Следующее поколение прочтёт об этом в книгах, увидит ужасающие, но неоднозначные фильмы и услышит далёкие истории. Крайне важно сохранить правдивую историю, чтобы все понимали, что евреи были не просто ещё одной группой, понесшей потери в ходе ужасной войны. Если мир забудет или будет отрицать, что евреи — только потому, что они были евреями — стали жертвами тотального геноцида, это упростит повторение подобного ужаса.

[185]Даже в польском пастырском послании от 20 января 1991 года подчёркивается тот «факт», что «поляки как нация стали одной из первых жертв той же преступной расистской идеологии гитлеровского расизма». При этом не упоминаются огромные различия, обсуждавшиеся выше.

6. Посещение синагог по всему миру

Изучение различных значений еврейства

Холокост заставил многих евреев усомниться в теологических основах иудаизма, одновременно укрепив их еврейскую идентичность. Независимо от того, «погиб ли Бог в Освенциме», как считают некоторые, или человечество было «осквернено» там, как считают другие, мало кто может сомневаться в том, что Холокост изменил отношения между еврейским Богом и его «избранным народом». В конце концов, для чего же мы были «избраны»? Холокост заставил многих выживших — а все евреи являются выжившими — переосмыслить саму природу и определение иудаизма.

Определение еврейства, примененное Гитлером во время Холокоста, основанное на «расовых» и «генетических» факторах, очевидно, было навязано извне, врагами евреев. Его цель была разрушительной, даже смертоносной, а не позитивной. Сегодня никто, кроме фанатиков, не воспринял бы это определение всерьез, поскольку оно включало людей, которые открыто выбрали другие религии и на протяжении нескольких поколений не имели никакой связи с иудаизмом[186]. Но размышления о Холокосте заставляют каждого еврея задуматься о своем собственном определении еврейства.

Для ортодоксальных евреев — тех, кто следует Галахе, пути, определяемому неизменными религиозными правилами, уходящими корнями вглубь веков, — вопрос относительно прост: евреем считается любой человек, рожденный от еврейской матери или принявший иудаизм в соответствии со строгими процедурами Галахи. Это определение, которое в целом принимается и консервативными евреями, но отвергается реформистскими евреями, лежит в основе спора о том, «кто является евреем», который постоянно ведется в Израиле.

В эпоху массовой иммиграции в Израиль из Советского Союза, где смешанные браки на протяжении нескольких последних поколений были скорее правилом, чем исключением, ортодоксальное определение становится проблематичным в Израиле. Даже в Соединенных Штатах, где смешанные браки становятся все более распространенным явлением, существуют движения, предлагающие сделать иудаизм более инклюзивным, а не эксклюзивным. Раввин Александр М. Шиндлер, президент Реформистского союза американских еврейских общин, защитил решение реформистского движения включить детей, у которых отец-еврей, а мать-нееврейка, в число евреев: «Я посчитал это соответствующим нашему основополагающему принципу реформизма — не делать различий между правами мужчин и женщин в религиозной жизни… Меня также беспокоит то, что десятки тысяч детей имеют отцов-евреев и матерей-неевреек»[187].

Многие евреи, как внутри реформистского движения, так и за его пределами, задаются вопросом, хорошо ли для иудаизма исключать из него детей еврейских отцов, рожденных от нееврейских матерей. Эти критики ортодоксальных правил хотят

[186]Израильский закон о возвращении, который более подробно рассматривается в главе VII, был принят в ответ на определение, данное Гитлером. Закон о возвращении распространяет свою защиту на неевреев, которые, будучи родственниками евреев, могут нуждаться в убежище от дискриминации, подобной той, которую проводил Гитлер.

[187]«Патрилинейное происхождение» (интервью с раввином Александром Шиндлером), Keeping Posted, том 31, № 5 (март 1986 г.), стр. 11-12. Исторически, до 1971 года, среди евреев-мужчин было больше, чем среди еврейских женщин, вступавших в брак с неевреями. В последние годы, в нашу эпоху эгалитаризма, женщины догоняют его по количеству смешанных браков.

облегчить детям из смешанных браков возможность оставаться евреями. На мой взгляд, следующее поколение станет полигоном для проверки, а возможно, и полем битвы для этих противоречивых представлений об иудаизме и еврейской идентичности.

Но помимо чисто религиозного определения, существует экзистенциальное значение еврейства. Может ли человек, считающий себя «евреем», быть хорошим евреем, не обращая внимания на религиозные — особенно ритуальные — аспекты иудаизма? Предлагает ли сионизм альтернативный или дополнительный способ иудаизма? Может ли нерелигиозный, несионистский человек оставаться евреем, если он верит в «этику» иудаизма и практикует её? Если да, то что это за эти принципы? Меняются ли они из поколения в поколение? Существует ли неизменная «сущность» или «ядро» иудаизма? Как будущие поколения евреев будут задавать эти и связанные с ними вопросы? И как они на них ответят?

Великий еврейский философ Маймонид в XII веке сформулировал тринадцать «неизменных» принципов богословского иудаизма, которые включают единство, совершенство и вечность Бога. Хотя многие евреи не обязательно верят во все аспекты маймонидовского богословия, нет сомнений в том, что монотеизм — вера в единого Бога — является одним из его центральных догматов. Исповедание еврейской веры всегда было Шма Исраэль: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш, Господь един».

Евреи гордятся тем, что подарили миру монотеизм, считая его огромным шагом вперед по сравнению с поклонением множеству божеств. Но даже будучи ребенком, учившимся в ешиве, я сомневался в теологических основах иудаизма. Я никогда не понимал, почему монотеизм считается каким-то образом «лучше», «более развитым» или «более убедительным», чем политеизм. Если может быть один Бог, почему не может быть много? Действительно, в некоторых отношениях монотеизм — это регресс и приглашение к конфликту. Если есть только один истинный Бог, то все люди должны поклоняться Ему. Здесь нет места религиозной неоднородности или плюрализму. Религиозный империализм становится оправданным перед лицом этой единственной Истины. В лучшем случае монотеисты могут терпеть другие религии, подобно тому, как мы терпим честные ошибки других людей или ошибочные политические взгляды, не принимая их как полноправных равных.

Например, страдания, которые евреи испытывали от рук христиан на протяжении последних двух тысячелетий, в первую очередь проистекают из конфликта по поводу того, был ли Иисус истинным Мессией. Отвержение евреями этого религиозного исповедания веры означает для христиан, что евреи не являются истинными верующими. А принятие Иисуса христианами для евреев означает, что христиане приняли ложного Мессию. Разве не было бы (и до сих пор остается) лучше, если бы Иисус воспринимался как христианский Мессия, а не как еврейский Мессия? Почему у нас должен быть один истинный Мессия или один Бог?

Монотеизм может быть шагом вперед с точки зрения атеиста — в том смысле, что его можно рассматривать как часть прогрессии от множества богов к малому числу богов, к одному богу и, в конечном итоге, к отсутствию бога. Но для верующих людей он должен быть нейтральным — в том смысле, что не должно иметь значения, что другие верующие люди верят в другого бога или богов. Один Бог — возможно, хотя и не обязательно — более абстрактное понятие, чем множество богов. Но почему абстракция является особой добродетелью в религии[188]?

[188]Переход от единого Бога к «непознаваемой силе», а затем к «природе» на самом деле является частью истории религии. В колониальных Соединенных Штатах, например, религиозные скептики называли себя деистами. Сегодня тот же набор убеждений, неверий и неуверенности называется — более откровенно — агностицизмом, универсализмом, гуманизмом, этическим культуризмом или другими замысловатыми

Помню, как мы обсуждали этот вопрос со своими детьми, когда смотрели особенно фантасмологический эпизод «Звёздного пути». Мы уже видели, как капитан Кирк телепортировал мистера Спока с далёкой планеты, а Боунс Маккой вылечил члена экипажа с помощью своего лучевого аппарата. Но затем действие перенеслось на планету, которая поразительно напоминала Чикаго Аль Капоне. Внезапно мой сын Илон, которому тогда было около десяти лет, выпалил: «Этого просто не могло быть».

Я ответил: «Что ты имеешь в виду, что этого не могло произойти на самом деле? Ничего из этого не могло произойти на самом деле. Это всё футуристическая фантазия». Илон, конечно, это понял, но в его словах была доля правды. «Я знаю это, папа, но по крайней мере всё остальное логично — если принять основную футуристическую предпосылку. Но последний эпизод даже в рамках этой предпосылки не был логичен». (Неудивительно, что Илон вырос и стал кинорежиссёром в Голливуде.)

Если принять за основу монотеизм — да и вообще любой теизм — то, безусловно, не будет нелогичным заключить, что богов может быть больше одного. Даже монотеистические религии заигрывают с идеей существования более чем одной сверхъестественной силы, будь то Дьявол, Сын Божий или божественные пророки. Мне всегда казалось несколько семантически нелепым настаивать на том, что иудаизм, христианство и ислам являются монотеистическими религиями, а затем приписывать божественные силы множеству других важных фигур религиозного пантеона.

Я воспринял эпизод «Звездного пути» как возможность перевести дискуссию на религию. В частности, мы начали диалог, который продолжается до сих пор, о том, является ли теология неотъемлемой частью еврейства, или достаточно чувства исторической и эмоциональной связи. Я всегда был скептиком во всех аспектах жизни. Я никогда не помнил, чтобы верил — в смысле принимал на веру, без вопросов и сомнений — во что-либо значимое. То же самое относится и к моим детям. На моей любимой футболке, купленной мне детьми, изображен учитель, говорящий своим ученикам: «Сомневайтесь в авторитетах... Но сначала поднимите руку!» И все же, несмотря на мой скептицизм в отношении теологии, я чувствую тесную связь со своим религиозным наследием.

Даже мои родители, которые, безусловно, практиковали и почти наверняка верили в Бога, всегда поощряли вопросы, даже когда им не нравились наши неуверенные ответы. В нашей семье всегда больше баллов начислялось за проницательность, выраженную в вопросе, чем за убедительность ответа. Мы не только носим футболку с надписью «Сомневайтесь в авторитетах», мы живем по этим словам. (Но мы редко поднимаем руки).

Один из самых неловких — и одновременно самых гордых — моментов в моей отцовской жизни произошёл во время службы в Йом-Киппур в Гарвардском Хиллеле, когда моему младшему сыну, Джамину, было тринадцать с половиной лет. (Я воспитывал своих двух сыновей после развода с двенадцати и десяти лет). Каждый год во время службы раввин Бен Цион Голд, духовный лидер Хиллеля, предоставлял возможность задавать вопросы прихожанам. Зал всегда был полон сотнями студентов, профессоров и членов общины. После нескольких общих вопросов и ответов о молитвеннике Джамин поднял руку, и его спросили: «Раввин, — спросил он, — разве не правда, что в иудаизме,

названиями. (Атеизм отличается: это непоколебимая вера — уверенность или истина — неотличимая, как мне кажется, от религии. Действительно, если религии можно разделить на ортодоксальные, консервативные или реформистские; или фундаменталистские, умеренные или либеральные, то и атеизм можно разделить. Я знаю некоторых атеистов, на фоне которых Джерри Фолвелл показался бы Фомой Неверующим, благодаря их непоколебимой уверенности в отсутствии бога. Они напоминают мне остроумную шутку Вуди Аллена об атеистической паре — один был евреем, другой — католиком — которые поссорились из-за того, в какой религии не воспитывать своего ребенка.)

когда мальчику исполняется тринадцать лет, он сам становится ответственным за соблюдение религиозных обрядов?» Раввин Голд ответил: «Да, Джами, ты очень хорошо усвоил уроки бар-мицвы». «Тогда почему, — продолжил Джамин с самодовольным высокомерием в голосе, — мой отец имеет право заставлять меня ходить на богослужения, если я этого не хочу?»

Из толпы послышался ропот, люди перешептывались: «Это сын Дершовица». Мой другой сын, Илон, продолжал повторять: «Ну же, папа, признай, ты им гордишься. Жаль, что у тебя не хватило смелости сделать это с отцом».

Мне было одновременно стыдно и гордо, но я бы никогда не поступил так со своим отцом по двум причинам. Во-первых, отец был бы больше смущен и меньше гордился бы мной в контексте того сообщества, в котором я вырос. Во-вторых, несмотря на мой скептицизм в отношении вероисповедания, в юности я любил ходить на богослужения. В общине Боро-Парка это было важной частью нашей социальной и культурной жизни. Было просто немыслимо не ходить на службы каждую субботу и каждый праздник. Если тебя там не было, значит, ты болел дома или уехал на праздник, чтобы посетить службы в другом месте.

Наше сообщество в Кембридже было совсем другим. Там было гораздо сложнее провести приемлемую грань между убеждениями и действиями. Если вы не могли оправдать свои действия ссылками на свои убеждения, вас считали лицемером. Религиозная практика была личной, а не коллективной. Не было причин практиковать что-либо, если это не вытекало из набора религиозных принципов. Но в Кембридже концепция религиозных принципов была более инклюзивной, чем в Боро-Парке. Она распространялась и на те виды нетеологических убеждений, которые я разделял.

Я помню карикатуру в одном еврейском издании, где отец тянет сына в синагогу. Подпись гласила: «Атеист, не атеист, это не повод не ходить в синагогу и молиться». Такой аргумент не сработал бы с поколением моих детей.

Как и отец в карикатуре, я хотел, чтобы мои сыновья хотя бы иногда ходили в синагогу и участвовали в других праздничных обрядах. Но я знал, что им это не доставляло такого удовольствия, как мне. Конечно, они не руководствовались какими-либо твердыми богословскими убеждениями. И их не привлекало, как меня, чувство традиции или ностальгия.

Отчасти их поездка была связана с необходимостью сохранения еврейского населения и этнической солидарностью. Мы с сыновьями посетили синагоги по всему миру, которые были заброшены почти всеми, кроме немногих оставшихся представителей прежнего населения. Эти визиты оказали сильное влияние на наше понимание необходимости преемственности. Синагога многое говорит о положении еврейской общины в конкретном городе или стране, поскольку религия и политика никогда не были полностью разделены, когда речь шла о евреях.

До наступления гласности и перестройки советские евреи по субботам и еврейским праздникам собирались у синагог в Москве, Ленинграде и других городах с большим еврейским населением. Они встречались там — единственном месте, где им разрешалось собираться по закону, — чтобы обсудить эмиграцию, еврейскую культуру и положение узников совести. Очень немногие евреи, в основном пожилые, посещали контролируемые КГБ службы внутри синагог. КГБ находился как внутри, так и снаружи, время от времени разгоняя толпы и следя за тем, чтобы улица Аркапова в Москве и подобные улицы в других городах не стали местом сбора отказников и диссидентов. Теперь больше евреев заходят в синагоги, чтобы помолиться, и КГБ больше не присутствует на улицах, хотя евреям иногда требуется защита от головорезов из «Памяти», которые собираются у синагог, чтобы дразнить их.

В Кракове вокруг главной синагоги видны только останки умерших. Примечательно, что краковская синагога расположена посреди кладбища. Это символизирует положение евреев по всей Польше. Их миллионы, но почти все они находятся в могилах, в основном безымянных, некоторые с надгробиями, другие осквернены.

В Риге небольшая синагога плотно прижата к двум другим зданиям, служа опорой для их стен. Именно поэтому эта синагога, единственная из более чем сорока, процветавших в довоенной Риге, пережила гитлеровскую оккупацию. Ее нельзя было взорвать, как другие, не поставив под угрозу ценные латышские здания. Евреи Риги видят в своей синагоге символ. Как сказал мне один из выживших: «Как и наша синагога, еврейская община Риги имеет право на выживание, потому что мы оказываем определенную поддержку латышской общине, особенно в ее борьбе против русского господства».

В Праге главная еврейская синагога, построенная в XIII веке и до сих пор действующая, является важной туристической достопримечательностью для всех посетителей этого прекрасного города. Прага, сегодня гордящаяся своими евреями и их вкладом в чешскую культуру, имела и свою темную сторону. Например, во время гуситских восстаний XIV века часто происходили погромы, и евреи были изгнаны из коронных городов Моравии, изгнание продолжалось до XIX века. Сейчас еврейский квартал является одним из наиболее хорошо сохранившихся и красивых районов старого города.

В Бухаресте синагога расположена в самом центре квартала, снесенного покойным румынским диктатором Николае Чаушеску в преддверии масштабного проекта реконструкции города, который еще не завершен. Она находится в неудобном положении между тиранического миром прошлого Чаушеску и неопределенным миром будущего его преемников. Ее многолетний раввин, Моше Розен, также находится в неудобном положении между этими двумя мирами, поддерживая Чаушеску ради защиты своей уязвимой общины, а теперь поддерживая нынешнее правительство по той же самой причине.

В Будапеште величественное здание, в котором расположены главная синагога и еврейские общинные постройки, отличается строгостью и напоминает церковь. Его выразительный кантор — чьи записи и компакт-диски продаются в вестибюле — мог бы сойти за баритона в реквиеме Моцарта. Несмотря на ассимиляцию значительной части еврейской общины этого космополитичного города до Второй мировой войны, его еврейские граждане сильно пострадали не только от рук Эйхмана, но и от действий венгерских фашистов, которые продолжали убивать евреев даже во время отступления немцев из города в последние месяцы войны.

В Италии, Франции и Испании на входах в синагоги установлены металлодетекторы. Однажды, когда я собирался в Париж, моя мать умоляла меня держаться подальше от опасных мест. Я подумал, что она имеет в виду площадь Пигаль. Но она быстро объяснила, что имела в виду синагоги, которые недавно подверглись бомбардировке террористами.

У входа в каирскую синагогу обычно десятки мужчин ожидают начала богослужения. Но все они — египетские охранники, которым поручено защищать синагогу и ее прихожан. До недавнего времени в здании напротив располагался офис ООП. А поскольку массивная синагога на улице Адли является самым значительным и доступным еврейским сооружением в Каире, власти, очевидно, обеспокоены тем, что она может стать мишенью для террористических актов.

Поездка моей семьи в американскую синагогу в еврейский праздник — это

одновременно и политическое, и религиозное заявление, демонстрация того, что нацисты потерпели неудачу. Когда я иду в синагогу, я часто чувствую, что исполняю 614-ю заповедь богослова Эмиля Факенхайма: «Подлинному еврею сегодня запрещено даровать Гитлеру еще одну посмертную победу»[189]. Я не соблюдаю все первоначальные 613 мицвот — библейские заповеди, — но дополнение Факенхайма очень сильно отзывается во мне и моей семье.

Каждый год на Рош ха-Шана моя семья возвращается в Боро-Парк. Мы любим прогуляться до большой хасидской синагоги, где находится движение «Бубовер». Всякий раз, когда я вижу тысячи хасидских мужчин, женщин и детей в европейской одежде, мне снова приходит в голову мысль, что именно так, должно быть, было в Восточной Европе до Гитлера. Гитлер и Третий рейх мертвы, а иудаизм — даже в своей самой примитивной форме, так презираемой нацистами, — продолжает жить, несмотря на такую огромную потерю.

Мне вспомнилась история, которую рассказал мне Герман Вук, когда мы вместе были в Израиле в 1988 году в качестве приглашенных ученых, проживавших в Мишканот Шананим, иерусалимской академической и художественной резиденции. Вук, ортодоксальный еврей, работал в Кракове над телевизионной версией своей книги «Война и память». Однажды утром, после того как он надел талит и тфилин и помолился — что он делал каждый день — он забрел в небольшой еврейский музей в старом районе Казимирова в Кракове. Он увидел пару тфилин. Они были выставлены под стеклом и имели следующее описание: «Это тфилин, которые раньше носили евреи во время молитвы». Герман сказал мне, что эта история произвела на него особое впечатление именно потому, что он только что закончил молиться с тфилинами. Я ответил, что эта история произвела на меня еще большее впечатление, потому что я был одним из тех евреев, которые носили тфилин во время молитвы каждый день.

Я был — и остаюсь — одним из тех евреев, как и мои дети, которые воплощают в жизнь идею о музейном деле. Если бы что-то и могло вернуть меня к ношению тфилин, это была бы не религиозная убежденность, а политическое желание бороться с теми, кто хочет, чтобы иудаизм и евреи были низведены до уровня интересных музейных экспонатов и трогательных мемориалов.

Иудаизм пережил эти тысячелетия по целому ряду сложных причин, политических, культурных и религиозных. Мой иудаизм, как и иудаизм моего поколения и моих друзей, безусловно, в равной степени политический и религиозный. Вопрос, над которым я часто размышляю — и размышлял во время своих посещений синагог, — это есть ли место для такого рода политического иудаизма. Если иудаизм по своей сути является религией, как можно быть политическим евреем?

Для моего поколения евреев политический иудаизм не только возможен, но, возможно, является наиболее логичным прототипом. Еврейские события, сформировавшие мое поколение, были политическими, а не религиозными. Холокост был не о религии, а об этнической принадлежности (Гитлер называл это расой). Совершенно не имело значения, во что верили жертвы. Имело значение только то, кем были они — и их предки. Их статус евреев был неизменным[190].

Антисемитизм на протяжении всей истории, безусловно, был важным фактором как в изгнании одних евреев из иудаизма, так и в удержании других евреев в еврейском

[189]Цитата приведена в книге Фейна «Где мы?», стр. 69.

[190]Число евреев, убитых нацистами, конечно, зависит от определения понятия «еврей». Шесть миллионов — это наиболее полная цифра, отражающая тех, кого Гитлер убил, потому что считал их евреями. Это число было бы лишь немного меньше, если бы использовалось галахское определение; в то время было меньше смешанных браков, чем сейчас.

народе. Я уже цитировал весьма светского советского литератора Илью Эренбурга, который после Холокоста заявил: «Пока в мире есть хоть один антисемит, я буду с гордостью заявлять, что я еврей». Теодор Герцль, нерелигиозный основатель современного политического сионизма, признавал, что «точно так же, как антисемитизм толкает трусливых евреев к христианству, антисемитизм сильно обострил мою еврейскую идентичность». И Альберт Эйнштейн высказал аналогичную мысль: «Возможно, даже больше, чем на основе собственной традиции, еврейская группа процветала за счет угнетения и антагонизма, с которым она всегда сталкивалась в мире. В этом, несомненно, кроется одна из главных причин ее существования на протяжении многих тысяч лет»[191].

Создание еврейского государства светскими евреями на руинах Освенцима придало политическому иудаизму более утвердительное и конкретное выражение. Если ранние сионисты, такие как Теодор Герцль, Хаим Вейцман, Давид Бен-Гурион и атеисты-кибуцники, смогли определить для себя политический иудаизм, то, безусловно, и наше поколение сможет это сделать.

Но определения поколений — это именно то, что они собой представляют. Они не сохраняются после событий, которые их породили. Поколение моих детей и поколение моих студентов сформировались под влиянием разных событий. Вместо Холокоста были судебные процессы над старыми, глупыми людьми, обвиняемыми в садистском вращении винтиков в механизме, созданном не ими. Вместо осажденной страны, превращающей болота в сады, собирающей бедных евреев из арабских стран и сражающейся против превосходящих арабских армий, был могущественный Израиль, проводящий превентивные военные операции, изгоняющий арабских смутьянов и участвующий — наряду с большинством других стран — в торговле с Южной Африкой.

Если нет единого ядра неизменных религиозных убеждений, которые мы с детьми разделяем, как я могу ожидать, что они будут разделять мои политические взгляды на иудаизм, если в наших политических воспоминаниях так мало общего? В этом заключается проблема иудаизма без галахи или с «избирательной» галахой. С этой проблемой пытаются справиться многие представители моего поколения, в то время как другие надеются на лучшее. Именно этот вопрос мои старые друзья из Бруклина обсуждают чаще всего, когда мы собираемся на наши периодические встречи, посвященные ностальгии. Мы знаем, что наше поколение понимает трагическую историю, из которой развились Израиль и современный иудаизм. Но мы знаем, что поколение наших детей пережило нечто совершенно иное, и нас беспокоит основа их иудаизма. Если их поколение, которое никогда не сталкивалось с внешней угрозой самому существованию иудаизма, не осознает необходимости его сохранения, как мы можем убедить их не вступать в смешанные браки и — если это мужчины — не прерывать еврейскую родословную своих семей, по крайней мере, согласно еврейской галахе? Что именно в их опыте убедит их в том, что иудаизм должен пережить внутренние угрозы, как он пережил внешние?

Я не только бесконечно обсуждал эти неразрешимые дилеммы в кругу своих бруклинских друзей, но и публично дебатировал их с видными сторонниками партикуляристских взглядов на иудаизм.

Во все времена существовали лжепророки, утверждавшие, что знают единственный истинный путь к еврейской праведности. Они представляют иудаизм как одномерный подход к жизни (и смерти) и осуждают всех, кто отклоняется от их пути.

[191]Альберт Эйнштейн, «Почему они ненавидят евреев?» в книге Карла Силига (ред.), «Идеи и мнения» (Нью-Йорк: Bonanza Book, 1954), с. 196.

Поскольку иудаизм — мессианская религия с традицией пророчеств, у этих лжепророков всегда были свои преданные последователи.

В современной еврейской жизни немало прорицателей. Среди них — раввин Меир Кахане, основатель Еврейской лиги защиты, который видел истинный еврейский путь в воинственном фундаментализме. До своего убийства в Нью-Йорке в ноябре 1990 года Кахане угрожал неверующим евреям гибелью и уничтожением, если они не последуют за ним в настоящую битву. На другом полюсе находятся такие люди, как профессор Ноам Хомский, пророк крайне левых евреев. Он тоже угрожает, что если мы все не присоединимся к его неомарксистской революции и не будем неукоснительно следовать за ним к его видению еврейского социализма, характерному для стран третьего мира, нас растопчет ход истории. Ближе к еврейскому центру, но на его светском правом крыле, находятся еврейские неоконсерваторы, такие как Норман Подхорец, редактор влиятельного еврейского ежемесячного журнала «Комментарий», который проповедует евангелие американского консерватизма и угрожает, что если американские евреи не поймут, что их «дом» находится в Республиканской партии, наряду с другими консервативными американцами, добившимися успеха, мы не будем служить своим собственным экономическим и политическим интересам.

Я участвовал в дискуссиях с Кахане, Хомским и Подхорецем на публичных собраниях и критиковал их подходы. Я считаю их слишком партикуляристскими. Каждый из них использует — или злоупотребляет — избранными еврейскими источниками для поддержки своих светских целей. Ни одному из них нечего сказать моим детям, моим ученикам, моим друзьям и другим людям, которые не разделяют его ценности и программы. Они обесценивают богатство и многообразие иудаизма, пытаясь втиснуть тысячи лет опыта — отражающего практически все политические взгляды — в узкий путь, по которому они стремятся идти.

Главная опасность, исходящая от этих однобоких пророков, заключается в том, что определение иудаизма или еврейских ценностей в партикуляристском ключе может отпугнуть многих добропорядочных евреев, которые не согласны с их узколобым видением.

Мои дебаты с Меиром Кахане — это отдельная история. Долгие годы ни один видный еврей — уж точно ни один представитель еврейской элиты — не решался дебатировать с Кахане или выступать с ним на одной сцене. Из-за его ультраправых взглядов и призывов к насилию для очищения Израиля от арабов, основные еврейские организации фактически наложили на него завесу цензуры. Дома Хиллеля (названные в честь выдающегося еврейского ученого I века) запретили ему появляться в университетских кампусах под своей эгидой. Это, конечно, не остановило Кахане. Он просто появлялся на пороге местного Дома Хиллеля и произносил там свою речь. В результате получались новости — обычно это была комбинация его жалоб на цензуру и его содержательного послания — которые широко освещались в основном из-за попыток запретить ему выступать.

Я давно выступал против этих попыток цензуры. Осуждая идеи Кахане по существу, я защищал его право высказывать их. Меня особенно ужасал двойной стандарт, применяемый некоторыми еврейскими организациями и лидерами к свободе выражения мнений Кахане. Защищая права расистских фанатиков, таких как Луис Фаррахан и Ванесса Редгрейв, изливать свою злобу, эти смущенные евреи проводили черту на Кахане, потому что — как сказал мне один из них — «он один из нас, и мы не хотим выставлять напоказ свои грязные секреты». Моя бабушка назвала бы его «шанда фур де гоим» (негодник для гоев).

Но Кахане не был «одним из нас», как будто это должно иметь какое-либо

значение, когда речь идёт о свободе слова и цензуре. Кахане не был частью того, за что я выступаю или с чем себя отождествляю. Это верно, несмотря на то, что у нас было общее личное происхождение. Наши бабушка и дедушка знали друг друга в Уильямсбурге. Мы оба учились в средней школе при университете Ешива и, действительно, оба были капитанами команды по дебатам, хотя наши годы обучения не совпадали. Моя мать говорит мне, что наша семья, возможно, частично ответственна за само существование Меира Кахане, поскольку мой дед продал родителям Меира Кахане кольцо, с которым они поженились.

Я познакомился с Кахане в 1973 году, когда представлял интересы члена Еврейской лиги защиты (JDL) в деле о взрыве бомбы в офисе Columbia Artists, организованном Солом Хуроком. Взрыв бомбы в манхэттенском офисе Хурока привел к трагической гибели бухгалтера, молодой еврейки по имени Ирис Конес[192].

В ходе этого дела я время от времени обедал с Меиром Кахане в гастрономическом магазине Шмулки Бернштейна, где он постоянно твердил мне о важности вооруженной самообороны для евреев: «Каждый еврей — это 22 калибр» — это был не только его лозунг, но и реальность для его небольшой группы террористов, которые в начале 1970-х годов почти преуспели в своих попытках покушения на высокопоставленных советских дипломатов, включая послов в Вашингтоне и Организации Объединенных Наций.

После этих встреч у меня осталось чувство признательности к проницательности Кахане и презрение к его безудержному применению насилия.

В течение нескольких лет после дела об убийстве, совершенном JDL (которое мы выиграли), Кахане звонил мне всякий раз, когда нарушались его права на свободу слова. Я решил, что не буду применять двойные стандарты к правам еврейского расиста (он предпочитал термин «религиозный деятель», поскольку считал евреев «превосходящими» независимо от их расы) в отличие от других фанатиков. Какие бы права ни имели расисты, сексисты или другие «-исты», Кахане и его аудитория также должны иметь такие же права.

В 1984 году раввин Вайс из Ривердейла, штат Нью-Йорк, позвонил мне и сказал, что Меир Кахане бросает мне вызов на «большие дебаты» по «фундаментальным еврейским вопросам нашего времени». Я подумал об этом и решил принять вызов.

Мое согласие вызвало в еврейской общине настоящую «большую дискуссию». Мне звонили и писали несколько еврейских лидеров, призывая отменить свое участие. Я якобы придавал Кахане «легитимность», участвуя в дебатах с ним. Два местных раввина из Ривердейла приказали членам своих общин бойкотировать дебаты, потому что, как выразился один из раввинов, «Кахане — извращенец, демагог и подстрекатель к убийствам и терроризму»[193]. Даже моя мать уговаривала меня отказаться, но причина была другая: она беспокоилась за мою безопасность, поскольку участникам поступали угрозы убийством.

Дебаты состоялись, как и было запланировано, 10 ноября 1984 года, холодной дождливой ночью. Внутри и снаружи синагоги дежурили сотрудники службы безопасности, а двенадцать сотен человек со всего города выстроились в очередь, чтобы занять одно из восьмисот мест. Люди сидели в проходах и слушали через окна, когда началось мероприятие.

Эта встреча получила широкое освещение в прессе. Один журналист высказал предположение о значении усиленных мер безопасности — два десятка полицейских, двойной обыск, детективы под прикрытием и частные охранники — в контексте дебатов

[192]История этого дела изложена в моей книге «Лучшая защита» (Нью-Йорк: Random House, 1982).
[193]Мириам Бенсман, «Толпа заполнила синагогу, чтобы послушать дебаты Кахане», Riverdale Press, 15 ноября 1984 г., стр. 1.

между двумя евреями[194].

Газета New York Times сообщила:

Они учились в одной и той же иешиве в Бруклине и выросли, хорошо зная священные еврейские тексты, но жизни Меира Кахане и Алана Дершовица пошли совершенно разными путями.

Раввин Кахане, основатель Еврейской лиги защиты, был избран в июле в израильский парламент на основе программы, призывающей к изгнанию всех арабов из страны.

Г-н Дершовиц, профессор права в Гарвардском университете, защищал еврейских активистов в Советском Союзе и работал над налаживанием связей между евреями и неевреями в Соединенных Штатах и Израиле.

…Встреча сопровождалась ожесточенными перепалками, цитатами из Библии и наставлениями в адрес аудитории[195].

Сами дебаты оказались на удивление содержательными. В своем вступительном слове я сосредоточился на том, почему я стал первым еврейским общественным деятелем, готовым к дебатам с Кахане, — почему я отверг советы своих соратников:

«Я спорю с раввином Меиром Кахане, — сказал я, — потому что слишком мало чернокожих спорили и отвечали на вопросы преподобного Джесси Джексона и Луиса Фаррахана[196]. Я спорю с раввином Кахане, потому что практически никто из арабов не хочет спорить с Ясиром Арафатом. Я считаю крайне важным, чтобы мир понял не только то, что подавляющее большинство евреев отвергают взгляды раввина Кахане, но и почему мы отвергаем эти взгляды».

Раввин Кахане не оценил мою защиту его права на свободу слова: «Величайшая трагедия заключается в том, что есть те, кто предоставляет мне право говорить, потому что они также предоставляют право говорить Ясиру Арафату. Это величайшая трагедия — что евреи не способны понять разницу между Фарраханом и Арафатом, с одной стороны, и раввином Меиром Кахане, с другой».

Кахане начал содержательную дискуссию с вопроса:

«Предположим, арабы станут святыми — и они демократическим путем соберутся за стол переговоров и будут воспроизводить святых, — я не хочу жить под властью большинства арабских святых. Поэтому вопрос, который я задаю людям, недовольным моими высказываниями, звучит так: каков ваш ответ на вопрос о голосовании? Имеют ли арабы право стать большинством демократическим путем, мирным путем, в государстве Израиль?»

Я постарался ответить в соответствии как с моими еврейскими, так и с демократическими ценностями.

«Раввин Кахане машет руками и говорит, что демократии нет места, что в демократии нет ничего еврейского. Я с этим не согласен. Подавляющее большинство евреев в мире поддерживают как сионизм, так и демократию. Ложная дихотомия, которую раввин Кахане пытается нам навязать, неверна, и конечным следствием его

[194]«Рецензия» обозревателя на дебаты была следующей: «Дебаты были лучше всех, которые американцы недавно видели по национальному телевидению. В течение двух с половиной часов оппоненты отвечали на заданные им вопросы честно, напористо, убедительно, но при этом тактично, не прибегая к клевете». Эли Ка фон, «Дебаты Кахане-Дершовица о демократии», «Перспективы» (ежемесячный еврейский студенческий журнал Колумбийского университета), октябрь 1984 г., стр. 1.

[195]Ари И. Голдман, «Профессор обсуждает с Кахане вопрос об Израиле», New York Times, 13 ноября 1984 г., стр. 3. Текст дебатов, приведенный на следующих нескольких страницах, взят из статьи «Дебаты: Алан Дершовиц против Меира Кахане», Midstream, ноябрь 1984 г., стр. 17—22.

[196]Я, конечно же, имел в виду бестактные высказывания Джексона в адрес евреев во время президентской кампании 1984 года и грубый антисемитизм Фаррахана.

опасной точки зрения является то, что после изгнания арабов из Израиля будут изгнаны и евреи, которые не соответствуют партикуляристскому определению раввина Кахане своего рода евреев».

Я также задал Меиру Кахане следующий вопрос: «Подавляющее большинство евреев в Израиле сегодня не являются ортодоксальными евреями, и тем не менее Израиль — еврейское государство. Что бы вы сделали, руководствуясь своими принципами, с подавляющим большинством евреев, которые оспаривают ваш подход?»

«Конечно, — ответил раввин Кахане, — было бы лучше учить людей. Но Тора предписывает принуждение».

Он продолжил: «Конечно, в данный момент возможность создания такого еврейского государства, то есть настоящего еврейского государства, в отличие от нынешнего Израиля, который является государством, где живут евреи, кажется маловероятной. Но нашей конечной целью должно быть создание государства, основанного на Торе».

«Если Израиль не будет государством, основанным на Торе, то, не дай Бог, Всемогущий обрушит на нас наказание, о котором Он предупреждал в Библии, которая актуальна так же и в 1984 году».

Я утверждал, что сионизм и иудаизм в целом — это варианты, расширяющие выбор, а не обязательства, принуждающие к приверженности. «Раввин Кахане, — продолжил я, — рассматривает сионизм как принцип принуждения, сепаратизма, исключения. Невозможно спорить или препираться с тем, кто считает, что все правильное на его стороне, и говорит от имени Бога. Пока Бог не начнет говорить с нами гораздо яснее, нам, как людям, придется разрешать эти споры между собой».

Дискуссия завершилась вопросом, в котором упоминалось наше схожее происхождение, а затем — о разных путях, которые мы прошли. «Сегодня вы олицетворяете различные взгляды в еврейском обществе. Что вас мотивировало, и кто больше всего вдохновил вас на выбор именно этого пути?»

Я ответил, рассказав о своей семье и еврейских ценностях, которые они мне передали. «Я вырос в семье, где мой отец, благословенной памяти, всегда говорил о защите слабых, всегда говорил о том, чтобы встать на защиту тех, кто меньше всего способен постоять за себя. Он всегда опирался на самые глубокие еврейские ценности. Мои бабушка и дедушка до него, моя мать, которая присутствует здесь сегодня вечером, всегда видели мир гораздо яснее и обладали гораздо более глубоким еврейским видением, чем раввин Кахане».

«Главная задача — стараться быть хорошим американцем и хорошим евреем. И я никогда не позволю раввину Кахане определять мою еврейскую идентичность, так же как я не позволю Рональду Рейгану определять мою американскую идентичность».

«В конце концов, ценности, за которые мы, как народ, боролись тысячи и тысячи лет, не будут решены в одночасье лжепророком. Вы решите их, народ Израиля решит их».

Последнее слово осталось за раввином Кахане:

«Я говорю вам, что иудаизм — это не то, из чего вы можете выбирать и что можете решать, это не иудаизм. Это дершовицизм».

«Мой оппонент — продукт Америки, в нем есть немного еврейских корней. Я говорю вам, я призываю вас — время для вашей жизни здесь, в Америке, истекает — возвращайтесь домой, возвращайтесь домой в Израиль».

«Будьте хорошими евреями, соблюдайте религиозные предписания, примите иго небесное, следуйте религиозному пути»[197].

[197]Через несколько лет после этих дебатов Кахане вызвал меня на реванш в Бостоне. На этот раз дебаты

Я не могу — и, конечно же, мои дети не могут — быть «евреями Кахане». В наших дебатах — а их было целых три — он придерживался одномерного взгляда на иудаизм, который для нас просто неприемлем по моральным соображениям. Если я не буду следовать его пути, я не буду истинным евреем. Я могу быть, по его словам, «евреем из Гарварда», или «либеральным евреем», или «ассимилированным евреем», или «евреем из гастронома», или «эллинизированным евреем», но моя еврейская идентичность «расовая», а не религиозная — случайность рождения, а не вопрос принципиальной приверженности. Для Кахане и некоторых моих менее разговорчивых родственников существовал лишь один еврейский путь. Он подробно описан Галахой, буквально «путь» — в единственном числе — иудаизма.

Но даже Галаха имеет разные пути развития. С самых ранних времен существовали совершенно разные школы — Бейт-Хиллель и Бейт-Шаммай, представляющие — если упростить — несколько более либеральный или открытый подход по сравнению с несколько более консервативным или закрытым подходом к религиозной доктрине, толкованию и практике. Позже произошел разрыв между хасидами и миснагдимами, представляющий — опять же, если упростить — несколько менее педантичный и более экзистенциальный подход к иудаизму по сравнению с более академическим и интеллектуальным подходом. Затем, конечно, появились региональные различия, представленные ашкеназами, сефардами и другими вариантами. Сейчас, конечно, у нас есть ультраортодоксальное, современное ортодоксальное, консервативное, реформистское, реконструкционистское и вариации на каждую из этих тем. Даже внутри израильской ортодоксальной церкви существует мирное движение, приверженное возвращению земель в обмен на мир на галахических основаниях, а также движение Кахане, которое не только считает, что передача земли запрещена религией, но и что галаха требует изгнания израильских арабов со всей территории Израиля.

Когда я спорил с Кахане, он всегда приходил с одной-единственной книгой — Торой. Тора, со своими авторитетными комментариями, содержала ответы на все возможные вопросы.

В некотором смысле Кахане напомнил мне отклоненного кандидата в Верховный суд Роберта Борка, который, похоже, тоже считал, что все конституционные ответы на наши современные проблемы можно найти в загадочных словах документа XVIII века, написанного белыми протестантами-землевладельцами.

Легенда, рассказанная в Талмуде, проливает интересный свет на современные американские дебаты о первоначальном замысле создателей нашей Конституции. Раввин Элиэзер спорил с другими мудрецами по поводу малоизвестного правового вопроса. Элиэзер был уверен в правильности своей интерпретации и «приводил всевозможные аргументы, но они их не принимали». Наконец, в отчаянии, он сослался на первоначальный замысел автора Торы. Элиэзер умолял: «Если Галаха» — авторитетное толкование закона — «согласуется со мной, пусть это будет доказано с небес». Тогда небесный голос воззвал к остальным: «Зачем вы спорите с раввином Элиэзером, если… Галаха согласуется с ним?» (Довольно авторитетное доказательство первоначального замысла!) Но другой раввин, Иисус Навин, встал и упрекнул Бога за вмешательство: «Ты давно написал Тору, а мы не обращаем внимания на Небесный Голос». Послание было

должны были состояться в Бостонском университете. Но университетские власти — под давлением как еврейских, так и неевреев — придумали отговорку «безопасность» для отмены дебатов. К их чести, церковь Old South Meeting House, где проходили одни из самых острых дебатов в американской истории, согласилась принять мероприятие. Призраки брахманов этой древней церкви, должно быть, с трудом понимали двух бруклинских участников дебатов с их отсылками к идишу и ивриту. Но дебаты состоялись без проблем с безопасностью и с небольшим количеством договоренностей.

ясным: дети Божьи говорили своему Отцу: «Наша задача, как раввинов, — дать смысл Торе, которую Ты нам дал. Ты дал нам документ для толкования и методологию для его толкования. Теперь оставь нас выполнять свою работу». Бог согласился, радостно смеясь: «Мои дети победили меня в споре»[198].

Я рассказал эту легенду, когда участвовал в дебатах по конституционному толкованию, в которых принимали участие несколько федеральных судей, включая главного судью Уильяма Ренквиста. Я напомнил судьям, что ни один человек, божественный или иной, не составлял американскую Конституцию, Билль о правах или поправки, принятые после Гражданской войны (которые вместе составляют нашу нынешнюю Конституцию). Наши современные раввины в рясах не могут призывать небесный — или даже земной — голос для подтверждения правильности своих толкований таких фраз, как надлежащая правовая процедура, равная защита, свобода слова или жестокое и необычное наказание. Но я задавался вопросом, не ответили бы Джефферсон, Мэдисон, Гамильтон и другие наши дальновидные создатели Конституции на призыв современного Элиэзера к авторитетному толкованию, отказавшись вмешиваться и сказав: «Это конституция, которую вы должны истолковать. Мы написали её формулировки давным-давно, в другую эпоху. Не обращайте чрезмерного внимания на тех, кто призывает голоса из могилы или с небес».

В религии, конечно, нельзя полностью игнорировать священные тексты, так же как судья не может полностью игнорировать Конституцию или соответствующий закон. Но слова древних, авторитетных писаний всегда открыты для интерпретации. И интерпретация редко бывает нейтральной; она часто наполнена ценностными суждениями. Задача каждого общества — наполнить старые тексты новыми смыслами, соответствующими времени. Поэтому необходимо признать, что ни одна интерпретация не исключает других, так же как ни один набор ценностей не исключает других. Как говорил раввин Мордехай Каплан, один из великих еврейских мыслителей XX века: «Евреи не занимаются антиквариатом». «То, что что-то старое, — добавлял он, — не делает это „подлинным“». Он признавал, что «прошлое имеет право голоса», но настаивал на том, что оно не имеет «вето»[199].

Традиционные еврейские писания и опыт являются очень важным источником моей морали — возможно, одним из самых важных источников, как в сознательном, так и в бессознательном плане. Но они не являются и не могут быть единственным источником. Живя в разнообразном и неоднородном мире, я должен быть эклектичным. Я должен выбирать из лучших моральных взглядов и отдавать предпочтение тем, которые наиболее точно соответствуют моим убеждениям и выражают мои ценности. Ни одна группа не обладает монополией на мораль. Действительно, то, что мы стали называть еврейской моралью, конечно же, представляет собой сплав традиций из многих источников. Первоначальный иудаизм отражал культуру и верования соседнего Египта и других обществ.

Наши мудрецы не были равнодушны к конкурирующим и взаимодополняющим моральным устоям, окружавшим их, и не были от них застрахованы. Маймонид учил и учился у своих арабских соседей. Великие религиозные мудрецы Восточной Европы понимали западную философию и даже христианство и не могли не находиться под влиянием современного им мира. Еврейская музыка, еврейская еда, еврейская одежда, архитектура еврейских синагог, еврейские языки — все это находилось под влиянием мира, в котором они развивались. Было бы удивительно, если бы еврейская теология и

[198]Вавилонский Талмуд, Баба Меция, 59Б.
[199]Фейн, «Где мы?», стр. 31, 196.

философия не подверглись подобному влиянию.

Мы живем в мире разнообразных ценностей. Поскольку наш мир сузился до размеров телевизора, нас постоянно бомбардируют множеством конкурирующих моральных и философских взглядов. Возможно, хасиды — или, по крайней мере, те секты, которые не позволяют своим последователям смотреть телевизор, читать газеты, посещать светские школы или общаться с посторонними — не сталкиваются с этим столкновением идеологий. Но все мы, и особенно наши дети, безусловно, сталкиваемся.

Следовательно, у нас есть ценности, которые приходят извне иудаизма. Они могут проникать в наше сознание через призму нашего иудаизма, но становятся частью мировоззрения, которое включает в себя все, что нас окружает. У нас есть взгляды на расизм, сексизм, окружающую среду, разоружение, сексуальность, аборты, наркотики, правосудие, смертную казнь, свободу слова, ядерную энергетику и на множество других важных современных проблем.

Мы не должны требовать от наших детей — как требовал от нас Кахане — чтобы они выбирали между своими современными моральными ценностями и ценностями традиционного иудаизма. Кахане говорил нам, что мы не можем одновременно верить в демократию и в иудаизм. Я верю, и большинство моих друзей-евреев верят. Если бы нам пришлось выбирать между иудаизмом Кахане и американской демократией, большинство из нас приняли бы американскую демократию — именно потому, что она позволила бы нам включить и выразить свой иудаизм. Слава Богу, нам не нужно делать такой выбор. Мы адаптируем свой иудаизм к своей демократии, а свою демократию — к своему иудаизму. Иудаизм, и демократия достаточно плюралистичны, чтобы допустить такой союз, и каждая из них обогащается влиянием другой.

Аналогично, если мы требуем от наших детей выбора между нашим иудаизмом (как бы он ни определялся) и их собственными ценностями, мы слишком усложняем им жизнь в соответствии с иудаизмом. Мои дети, друзья и ученики просто никогда не примут жестокий и исключающий подход Кахане к жизни — даже если бы небесный голос сказал им, что он истинный пророк[200].

Мои дети, друзья и студенты также не могут принять пророков левых взглядов, которые готовы пожертвовать еврейскими ценностями и еврейским государством ради марксистского мировоззрения. Самым популярным лжепророком левых — по крайней мере, в университетских кампусах — был Ноам Хомский, с которым я несколько раз дебатировал.

Мои первые дебаты с Хомским состоялись в 1973 году, через несколько недель после войны Судного дня, в ходе которой арабские государства безуспешно пытались вытеснить израильские войска с территорий, захваченных шестью годами ранее в Шестидневной войне. Дебаты проходили в большой бостонской церкви перед преимущественно «мирной» аудиторией и были организованы Американским комитетом службы друзей. Предложение Хомского в то время соответствовало партийной линии ООП. Он хотел упразднить государство Израиль в его тогдашнем виде и заменить его «светским, двунациональным государством». Его светское, двунациональное государство должно было основываться на модели двунационального «братства», которая тогда преобладала в Ливане. Хомский неоднократно указывал на Ливан, где христиане и мусульмане «жили бок о бок», разделяя власть в мире и

[200]Мой последний контакт с раввином Кахане состоялся незадолго до его убийства. Он позвонил и попросил меня представлять его интересы на переговорах с университетом Брандейса, который отказывался разрешить ему выступить перед студенческой группой, если он не оплатит усиленную охрану. Мне удалось добиться от университета Брандейса отмены этого условия, и Кахане спокойно выступил перед аудиторией. Через несколько дней он был мертв.

согласии[201].

Вот что я сказал о безумной заячьей схеме Хомского в наших дебатах 1973 года: *«Если отбросить мотивы, стоящие за таким предложением, выдвинутым палестинскими организациями, почему соображения самоопределения и общинного контроля не склоняются к созданию двух отдельных государств: одного еврейского и одного арабского? Разве не лучше, чтобы люди общего происхождения контролировали свою жизнь, культуру и судьбу (если они того пожелают), чем искусственно объединять людей, которые не продемонстрировали способности жить в мире в единстве? Признаюсь, я не понимаю логики этого предложения, даже если предположить, что оно было сделано из благих намерений».*

Оставшаяся часть первых дебатов была посвящена тому, какие ценности «мирного движения» поддерживают израильскую или арабскую позицию. Поскольку я представлял интересы многих членов мирного движения во время войны во Вьетнаме, я считал, что мы разделяем схожие ценности. Я подчеркнул наше общее предпочтение мира перед собственностью и наше общее неприятие применения силы для возвращения земель.

«Я не пацифист — в отличие от некоторых из вас; я считаю, что убийство ради спасения жизни иногда уместно; я также считаю, что в редких случаях вооруженное насилие для обеспечения свободы тоже уместно. Но я никогда — ни при каких обстоятельствах — не могу оправдать убийство ради защиты собственности, даже если эта собственность — место рождения, родина… Мне казалось бы, это должно быть абсолютным принципом мирного движения и квакерской религии. И именно поэтому мне так трудно понять, как многие из вас видят что-то хорошее в палестинской позиции, которая выступает за применение насилия для возвращения земель».

Затем я перешел к своему контрпредложению к требованию Хомского о создании единого двунационального государства по образцу Ливана. «Израиль должен в принципе заявить о своей готовности отказаться от захваченных территорий в обмен на твердые гарантии прочного мира. Сделав это, он ясно покажет то, во что, как мне кажется, верит подавляющее большинство израильтян: он не заинтересован в сохранении этих территорий ни по какой другой причине, кроме защиты от нападения».

Хомский категорически отверг мое предложение. Он охарактеризовал его как простое возвращение к «колониальному статус-кво». Только демонтаж колониального еврейского государства удовлетворил бы ООП, и только создание светской, двунациональной Палестины на «всей территории Палестины» удовлетворило бы Хомского. Это был «еврейский путь», утверждал Хомский, ссылаясь на некоторых еврейских антисионистов. И это было предвестником антиколониального будущего, заверил Хомский свою аудиторию, ссылаясь на своих европейских неомарксистских гуру.

Двенадцать лет спустя мы встретились снова, на этот раз в Гарвардской медицинской школе. Вторая дискуссия была гораздо более личной и ожесточенной. Большая ее часть была посвящена его авторитету. Сначала он отрицал, что выступал за создание двунационального государства по ливанскому образцу для Израиля, но был вынужден отступить, столкнувшись с доказательствами. Он также пытался оспорить тот факт, что разрешил использовать эссе, написанное им в защиту Роберта Фориссона, в качестве предисловия к книге Фориссона об отрицании Холокоста, но снова был вынужден отступить. Он занял позицию, что до того, как Фориссон написал свою книгу, он — Хомский — не интересовался «ревизионистской» литературой. Когда к нему

[201]Дебаты с Ноамом Хомским в 1973 году проходили в церкви в центре Бостона. Приведенный здесь текст дебатов взят из моих заметок.

подошел уважаемый профессор, вспомнивший, что обсуждал с ним ревизионистскую литературу задолго до выхода книги Фориссона, Хомский сначала отчитал профессора за разглашение частной беседы, а затем презрительно толкнул его.

Ноам Хомский по-прежнему пользуется популярностью среди ораторов в университетах. Его антиамериканское, антиизраильское, антизападное и несколько параноидальное мировоззрение всегда будет оказывать поверхностное влияние на студентов второго курса. Но это притяжение редко сохраняется на третьем курсе.

К старшим курсам, а тем более к аспирантуре или профессиональному училищу, большинство студентов, похоже, больше тяготеют к неоконсерватизму Нормана Подхореца и его окружения. Популярность неоконсервативных взглядов, кажется, растет с возрастом и финансовым успехом. Однако, если судить по особенностям голосования, евреи, похоже, голосуют в большей степени в соответствии со своими традиционными моральными принципами в поддержку угнетенных, чем с финансовыми принципами поддержки «номера один». Таким образом, хотя евреи составляют интеллектуальное руководство неоконсервативного движения, «неоконсерваторы» пока мало повлияли на то, чтобы переманить еврейских избирателей из числа рядовых сторонников с либеральных позиций на консервативные. Действительно, преобладающий сдвиг среди евреев от Демократической партии к Республиканской произошел среди ультраортодоксов, которые не читают такие светские журналы, как «Комментарий». Но влияние неоконсерваторов растет, по крайней мере, двумя способами. Во-первых, по мере того, как евреи становятся богаче и влиятельнее, некоторые ищут обоснования для голосования в свою пользу, и неоконсерваторы предоставляют такое обоснование. Во-вторых, поскольку влияние неоконсерваторов, по их мнению, значительно превышает их реальное влияние, всю еврейскую общину часто «обвиняют» в том, что отстаивает это громкое меньшинство.

В 1987 году меня пригласили на дебаты с Норманом Подхорезцем по вопросу о том, что лучше для евреев: либерализм или консерватизм[202]. Местом проведения стала Центральная синагога в Нью-Йорке, которая была настолько переполнена, что раввин начал мероприятие со слов о том, что, по его мнению, это вечерняя служба Йом-Киппура. Подхорец начал с резкой критики левых и защиты правых.

«В то время как в последние пятнадцать лет наблюдается тенденция к большей неприязни к евреям со стороны левых, тенденция справа движется в противоположном направлении... Мы видим сильные произраильские настроения и сильные антикварные настроения. Тенденция слева движется в противоположном направлении. Поэтому я говорю, что независимо от того, чувствуют ли евреи себя комфортно справа, мне кажется, нет никаких сомнений в том, что евреям больше нет места слева».

Я начал с более лёгкого вступления, вспомнив 1951 год, «когда Бобби Томсон вышел на биту против «Бруклин Доджерс» и выбил тот злополучный хоум-ран, и все мы в семье выглядели такими грустными, а моя бабушка повернулась к нам и спросила: «Ну, это было хорошо или плохо для евреев?» И ответ был: это было хорошо для евреев. Не хоум-ран Бобби Томсона, который превратил многих бруклинских верующих в скептиков накануне Йом Киппура, а осознание того, что в Америке евреям не нужно оценивать каждое событие с точки зрения собственного выживания. То, что было хорошо для Америки, в целом было хорошо и для американских евреев».

Затем я попытался связать эту историю с нынешним положением американских евреев.

[202]Дебаты с Норманом Подхорезцем, 15 ноября 1987 года, в Центральной синагоге, Нью-Йорк. Приведенный здесь текст дебатов основан на расшифровке аудиозаписи.

«Наша собственная судьба не связана с успехом какой-либо конкретной партии или узкой философии, так же как и с «Доджерс» или «Джайентс». Она связана с успехом системы. Действительно, было бы ужасной ошибкой для американских евреев связывать свою судьбу, даже если бы кто-либо был способен связать её за нас, с какой-либо партией или какой-либо философией. Мы не должны отождествляться с народом, придерживающимся каких-либо крайностей или даже какой-либо конкретной доктрины…»

«Гиллель, конечно, говорил: „Если я не за себя, то кто будет за меня?“Консерваторы склонны помнить именно эту часть слов Гиллеля. Но следует помнить и вторую: „Если я только за себя, то кто я такой?“ Задача, стоящая перед американским обществом в эти переменчивые времена, состоит в том, чтобы не пренебрегать ни одной из сторон этого хрупкого баланса. Не отказываться ни от самозащиты, ни от сострадания к тем, кому повезло меньше, чем нам, по мере того, как мы переходим от общества неимущих к обществу имущих — по крайней мере, на данный момент».

После этих общих вводных слов мы перешли к обсуждению конкретных вопросов.

Я оспорил следующее утверждение о СПИДе в колонке Подхореца: «Любопытно, что в эпоху повсеместной порнографии и прямолинейности трудно сказать простым языком, что СПИД — это почти исключительно болезнь, которой заражаются мужчины, которые занимаются анальным сексом или подвергаются анальному сексу со стороны десятков или даже сотен других мужчин каждый год». Я утверждал, что «Когда Норман Подхорец пишет это, он не говорит от моего имени, он не говорит от имени еврейской общины. Когда нацисты преследовали геев в нацистской Германии, права геев были неразрывно связаны с интересами евреев. Дискриминация в отношении геев сегодня — это дискриминация в отношении евреев завтра».

Подхорец с гневом ответил: «Предложение, которое Алан Дершовиц процитировал из моей колонки об СПИДе и которое он высмеял своим тоном, было фактически верным, и я бросаю вызов ему или кому-либо еще оспаривать истинность этого утверждения. Моя позиция по правам геев связана с моим страхом перед ростом и распространением в этом обществе и в этой культуре тенденций, которые очень резко подрывают возможность сохранения семьи как ключевого института нашего общества и воспитания наших детей и внуков в условиях, которые позволят им жить и занять свое место в естественной цепи поколений».

Его ответ меня не удовлетворил. «Нельзя спорить об использовании языка, который использовал Норман Подхорец... Это не тот язык, который следует использовать против угнетенного меньшинства в этой стране. Это модное словечко, это ругательство. Норман Подхорец не писал это как еврей, но многие геи и лесбиянки читают это так, как будто он писал это как еврей».

Я возражал против того, чтобы правое крыло могло присваивать себе термин «семейные ценности», настаивая на том, что в либеральной программе нет ничего, что противоречило бы семье. Я указывал, что большая часть этой программы — помощь детям-иждивенцам, медицинское страхование, планирование семьи и доступное жилье — направлена на защиту семей от последствий бедности, болезней и бездомности. Я выбрал традиционную семейную жизнь, объяснил я, но «я здесь, чтобы защитить право других выбирать иначе, чем я, потому что сегодня, если вы дадите Норману Подхорецу право говорить вам, что у вас нет выбора, кроме как принять его концепцию семейных ценностей, завтра это будут преподобный Фолвелл и преподобный Робертсон,[203]

[203]Преподобный Джерри Фолвелл, священник-баптист-фундаменталист и основатель организации «Моральное большинство» (ныне «Фонд свободы»); преподобный Пэт Робертсон, телепроповедник и кандидат в президенты в 1988 году.

которые будут говорить вам, какие у вас есть варианты. Сегодня Норман Подхорец скажет нам не читать порнографию. Завтра преподобный Фолвелл скажет нам не читать Нормана Подхореца».

В ходе сессии вопросов и ответов Подхорецу задали вопрос, подтверждает ли он свое утверждение о том, что он не испытывает особой страсти к молитве в государственных школах. Его ответ: «Я не испытываю особой страсти к молитве в школах. Одна из причин заключается в том, что я помню, откуда я родом, а именно, из государственной школы в Бруклине, где каждый день мы ходили на собрание и пели: «Свят, свят, свят, Господь Бог Всемогущий, Христос в Трех Лицах, Пресвятая Троица». Большинство еврейских детей в той школе были из ортодоксальных семей, говорящих на идише, и только когда мне было около тридцати лет, я осознал, что именно я в детстве читал молитвы в школе. С учетом этого опыта мне очень трудно испытывать какие-либо чувства по поводу молитвы в школах. Но я хочу отметить один момент, касающийся молитвы в школах. Я считаю это проблемой, связанной с экраном, а не чем-то гораздо более глубоким. А именно, дискуссией, которая ведется в нашей стране, о том, можем ли мы что-либо сделать с потоком порнографии, легкой распущенностью, подростковой беременностью и всеми сопутствующими социальными патологиями. Это очень, очень серьезный вопрос, возможно, самый серьезный из всех, что стоят перед нами.

Как и следовало ожидать, меня ужаснуло, как Подхорец преуменьшил значение движения за молитву в государственных школах и заявил, что противодействие ему является прикрытием для «порнографии» и других зол.

«Вопрос молитвы в государственных школах сегодня, — сказал я, — уже не тот, что был в 1920-х годах… Сегодня это часть осознанного двухэтапного процесса христианизации Америки. Это часть программы по искоренению образа Анны Франк из школ, по внедрению креационизма в школьную жизнь, по превращению Библии в основополагающий инструмент американской литературной и политической жизни. Это ширма. Но это не ширма для… порнографии. Это ширма для следующего шага — утверждения, что религия должна быть предпочтительнее нерелигии. А если религия должна быть предпочтительнее, мы должны решить, какая именно религия…»

«Мы неизбежно окажемся в положении второсортных граждан, если примем первый шаг — молитву в школе, второй — религиозность, а третий — христианизацию Америки».

В заключительной речи я осудил антисионизм и антисемитизм левых и призвал Подхореца «безоговорочно осудить те элементы правых, которые являются антиеврейскими», такие как Пэт Бьюкенен. Я настоятельно призвал его «использовать ту же энергию против правых фанатиков, которую я буду последовательно использовать против левых. И я буду продолжать борьбу против них на каждом шагу, потому что я верю, что в этой Америке все еще существует господствующий либерализм. Я убежден, что если мы будем придерживаться своих позиций и наших традиций вершить правосудие в самом широком смысле этого слова, мы продолжим великую традицию... защиты себя, а также защиты угнетенных».

Подхорец отклонил мое предложение осудить антисемитизм правых. Вместо этого он завершил свою речь новой атакой на левых:

«Я утверждаю, что Алан Дершовиц, будучи благородным человеком и занимая многие позиции, с которыми я согласен, и хотя я также желаю ему всяческих успехов в его борьбе на левом фланге, уклонился от моих доводов. Он сказал, что выступает против этих изменений на левом фланге и намерен бороться с ними, пока у него есть силы и дыхание. Удачи ему. Я думаю, он проиграет. Я думаю, он уже проиграл. Но я восхищаюсь людьми, которые хотят бороться за проигрышные дела…»

«Левые не только вредны для евреев, я считаю, что они вредны для социальной справедливости, для моральных ценностей, для безопасности западной цивилизации, для будущего демократических институтов в этой стране и на земле в целом. Теперь я считаю их сообществом, приверженным плохим и аморальным ценностям; я считаю это как американец».

«Говоря строго как еврей, я бы сказал, что для евреев практически самоубийственно продолжать притворяться, будто их безопасность основана на постоянном и прочном союзе с либеральным сообществом, его характерными представителями и институтами».

Главная опасность подхода Подхореца — подхода всех лжепророков партикуляризма — заключается в том, что если слушатель отвергает политику, от еврейского послания ничего не остаётся. Если либерализм является постоянной величиной в жизни конкретного еврейского слушателя — как это происходит со многими — то главный посыл Подхореца и Кахане состоит в том, что такие люди не могут быть хорошими евреями и должны отказаться от всех попыток интегрировать свои религиозные и светские философии. Если же постоянной величиной является консерватизм, то послание Хомского по сути то же самое: они не могут быть одновременно хорошими евреями и убеждёнными консерваторами.

Моё понимание еврейства достаточно широко, чтобы охватывать весь спектр политических взглядов, даже те его части, с которыми я принципиально не согласен. Я признаю, что можно быть хорошим евреем и одновременно соглашаться с политическими взглядами тех, кто со мной не согласен. Пока Кахане, Хомские и Подхорецы не начнут понимать и признавать, что их противники тоже могут быть хорошими евреями, они оттолкнут слишком многих евреев от любой идентификации со своей религией и традицией.

В частности, если мои ученики или дети придут к убеждению, что хороший еврей не может поддерживать права геев, права чернокожих, права окружающей среды, права женщин и другие светские дела, то многие перестанут быть хорошими евреями, а не откажутся от поддержки этих важных дел. То же самое относится и к другим спорным политическим взглядам, провозглашаемым пророками партикуляризма. Мы должны признать, что еврейский путь — это не единая дорога, а почти бесконечная череда взаимосвязанных путей с общим происхождением и неопределенным и непознаваемым пунктом назначения — или пунктами назначения.

Моё личное мнение таково: американские евреи никогда не будут — и никогда не должны быть — загнаны в угол, приручены и переданы в руки одной или другой крайности, или даже той или иной политической элиты. Евреи всегда будут — и всегда должны быть — эклектичными и независимыми, по крайней мере, по большинству вопросов. Мы узнаём врага, когда видим его, но наши враги не все принадлежат к той или иной стороне.

Евреи, как правило, процветают в открытых, плюралистических, умеренных, ненационалистических, светских обществах. Это не означает, что каждый еврей будет выступать за такие общества. Ни одна группа не знала всегда, что для нее лучше, и то, что может быть лучшим для группы в целом, может быть не лучшим для каждого из ее членов или подгрупп.

Это особенно актуально, учитывая переход многих американских евреев из иммигрантского низшего класса в состав высшего большинства, которое теперь участвует в предполагаемом «угнетении» других. Теперь мы видим себя жертвами преступлений, нуждающимися в защите — даже в смертной казни — от «них», которые теперь ссылаются на Билль о правах. Мы забываем, что когда Билль о правах нарушается

в чьих-либо интересах, появляется прецедент, который можно использовать против всех. Когда я говорю о Конституции, критики часто напоминают мне, что «консерватор — это либерал, которого ограбили». Но я напоминаю критику, что защитник гражданских свобод — это консерватор, которого обвинили, проверили или подвергли тесту на наркотики. Я рассказываю аудитории о трагическом деле, в котором я участвовал против полиции Де-Мойна. Они арестовали студента первого курса юридического факультета за то, что он находился не в том разделе библиотеки. Когда они узнали, что он еврей, они начали издеваться над ним, избили его и решили преподать ему урок. Двое полицейских отвезли его в больницу в наручниках. После того как они несколько минут провели наедине в комнате, раздались выстрелы. Студент юридического факультета был смертельно ранен. Полиция заявила, что худощавый молодой человек, никогда в жизни не державший в руках оружие, пытался схватить один из полицейских пистолетов. Как бы нелепо ни звучала эта история, она была принята на веру жюри присяжных в Де-Мойне. Мы тоже являемся жертвами злоупотреблений со стороны полиции и предвзятости присяжных в некоторых частях страны.

Мы хотим, чтобы наши границы были защищены от наплыва иммигрантов из Мексики и Азии, ищущих лучшей жизни для себя и своих детей. (Русско-еврейский комик Яков Смирнов рассказывает о странном чувстве, которое охватило его в тот момент, когда он принимал присягу гражданина у Статуи Свободы: «Чувство, что мы должны что-то сделать, чтобы не пускать этих проклятых иммигрантов в нашу страну»).

Мы хотим быть уверены, что наши дети не потеряют (наши?) с трудом заработанные места в университетах Лиги плюща из-за особых преференций, предоставляемых меньшинствам.

Мы не против присутствия религии в общественной жизни — если это «иудео-христианская» разновидность основной американской религии.

Мы понимаем, что профсоюзное движение и социальное обеспечение когда-то играли важную роль в обеспечении справедливой доли доходов для трудящихся, но теперь «они перегибают палку», и получателей пособий — даже матерей-одиночек — безусловно, следует принуждать к работе. В конце концов, мы справились и без помощи государства.

Все это – упрощенное изложение сложных и постоянно меняющихся проблем, но они свидетельствуют о явном изменении взглядов и статуса многих членов еврейской общины.

Изменение взглядов грозит расколоть евреев на уровне поколений, социально-экономического положения, политического спектра и по другим причинам. Главная задача, стоящая перед следующим поколением еврейских лидеров, — определить новое общее ядро еврейских ценностей, способное охватить все более разнообразные взгляды и условия жизни евреев. Проблемы ассимиляции, смешанных браков, растущего фундаментализма и секуляризма, возрастающей чувствительности к правам еврейских женщин и еврейских геев — все это стоит на повестке дня грядущего столетия еврейской жизни в Америке.

Но все эти проблемы относятся к категории «роскоши», по крайней мере, по сравнению с необходимостью физического выживания евреев. Вопрос, который мне чаще всего задают о будущем еврейского народа — слушатели, студенты, семья и друзья — по-прежнему звучит так: «Может ли это повториться?» «Это», конечно, неявно подразумевает невыразимое — Холокост. Когда я рос, о самом Холокосте не упоминали, а после имени Гитлера всегда следовали еврейские слова «йемах шемо» — да будет стерто его имя, — как будто искоренение злого имени из истории могло каким-то образом заставить это зло исчезнуть из нашей памяти.

Ни имя Гитлера, ни его злодеяния не стерлись из нашей памяти, и именно поэтому «это» вряд ли когда-либо повторится, по крайней мере, в том же виде. Но есть и другие ужасные злодеяния, которых следует бояться и которые следует предотвращать. Действительно, самые опасные злодеяния — это те, которые мы не можем предвидеть или даже представить, как наши бабушки и дедушки не могли представить себе уничтожение европейского еврейства.

Сегодня наиболее серьезные угрозы физическому выживанию евреев направлены против Израиля, где проживает более трех миллионов евреев. Израиль, ставший светской религией для миллионов других евреев по всему миру, представляет собой одновременно и величайшую надежду, и самый серьезный вызов будущему еврейской общины.

7. Израиль

Американский еврейский активист, борец за гражданские свободы, посетил Израиль

Если современный сионизм стал для многих евреев новым и более позитивным смыслом существования их иудаизма — для некоторых политической или светской формой иудаизма, — то быть евреем по-прежнему нелегко. Особенно для сиониста, который не вернулся в Сион, а предпочел исповедовать свой сионизм на безопасном расстоянии от находящегося в состоянии конфликта государства Израиль, существует множество напряженностей и конфликтов. Это не было столь очевидно в первые годы существования еврейского государства, когда израильская политика не подвергалась той критической оценке, которая стала сейчас обычным явлением.

Для таких евреев, как я, для которых Израиль представляет собой позитивный ответ еврейства на многовековой антисемитизм в целом и на попытку геноцида, предпринятую Гитлером, в частности, эти противоречия и конфликты являются эмоционально тяжелыми.

Израиль был нашим ответом на второсортный (в лучшем случае) статус, навязываемый евреям в большинстве стран мира на протяжении тысячелетий. Израиль был нашим ответом на непростительное решение мира — включая нашу собственную страну — закрыть свои двери для миллионов евреев, которые могли бы избежать газовых камер, если бы существовала страна, которая их приняла. Израиль был нашим ответом на еврейское бессилие — нашу неспособность защитить себя от крестовых походов, погромов и Холокоста — и нашу зависимость от щедрости других, которые обладали властью (но которые слишком часто отказывались использовать её в наших интересах). Израиль был нашим ответом тем, кто говорит, что евреи не могут управлять собой, а всегда должны быть меньшинством на чужой земле. Израиль был нашим ответом тем, кто утверждает, что евреи не будут обрабатывать землю и всегда будут эксплуатировать тех, кто это делает. Израиль был нашим ответом на ложное обвинение в том, что евреи отличаются от других народов и никогда не смогут достичь «нормальности».

Большинство напряженностей и конфликтов вокруг Израиля, по сути, являются следствием того, что Израиль доказал ложность этого последнего обвинения. За последние сорок с лишним лет Израиль показал, что евреи не так уж сильно отличаются от других народов и что они достигли определенной степени «нормальности». А нормальность означает наличие обычных качеств — как хороших, так и плохих — других народов и наций. Тем не менее, от евреев, похоже, требуют большего — как сами евреи, так и остальной мир.

Невозможно понять, почему Израиль получает такое внимание — и особенно такую критику, — не признавая, что Израиль является «евреем» среди народов. Будучи одной из самых маленьких стран мира, Израиль получает непропорционально много внимания, ненависти и зависти, точно так же, как и крошечное еврейское население мира получает непропорционально много внимания, ненависти и зависти. Как недавно выразился лауреат Пулитцеровской премии, журналист Томас Л. Фридман:

Проще говоря, Запад очарован и озабочен историей Израиля, испытывает к ней любопытство, влечение и даже отвращение, несоизмеримое с размерами этой страны. И в то же время Израиль обладает удивительной способностью проникать в новостные

сводки, как никакая другая страна с населением в четыре миллиона человек [204].

К Израилю страны мира относятся так же, как и к евреям другие народы мира. Большая часть необоснованной международной критики — например, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, приравнивающая сионизм к расизму, — является просто проявлением международного антисемитизма. Другая критика отражает более высокие стандарты, которым часто подвергаются евреи, как отдельные личности, так и как нация. Часть — но лишь небольшая часть — чрезмерного внимания обусловлена печальной реальностью того, что соседние враги Израиля включают в себя богатые нефтью и стратегически важные страны.

Один из самых сложных вопросов, стоящих перед галут-сионистами — евреями, которые в целом поддерживают Израиль, но не выбрали его местом жительства, — это как реагировать, когда израильское правительство предпринимает действия, противоречащие более высоким ожиданиям мира — и нашим собственным — от еврейского государства.

На протяжении многих лет, будучи защитником гражданских свобод и сторонником либеральных идей, меня часто обвиняли в непоследовательности, лицемерии или еще хуже из-за моей поддержки Израиля. Хотя я критиковал конкретные израильские политические решения и действия — действительно, гораздо более критически, чем любой арабский ученый в отношении ООП, — меня обвиняли такие люди, как Ноам Хомский, Уильям Кунстлер и Эндрю Кокберн (радикальный антисионист, пишущий для журнала Nation), в том, что я являюсь «протекционистом», «строгим приверженцем партийной линии», «марионеткой» и апологетом Израиля. Другие критики обвиняли меня в лицемерии, вызванном произраильской предвзятостью, или в том, что я «либерал, который занимает несколько более консервативную позицию, когда дело касается Израиля», или в том, что я «ясноглазый защитник гражданских свобод, который может немного затуманиться, когда дело касается Израиля». А некоторые утверждали, что я применяю один стандарт критики ко всем остальным, с одной стороны, и другой стандарт к Израилю, с другой.

Ни одно из этих критических замечаний не соответствует действительности, как я подробно покажу. Я применяю к Израилю точно такие же стандарты, как и к другим промышленно развитым западным странам. Но я отказываюсь изо всех сил стараться выделить Израиль — или что-либо еще, связанное с еврейством, — для пристального изучения. Я отказываюсь злорадствовать, как это делают многие в академических кругах и СМИ, по поводу недостатков Израиля. Я не могу получать удовольствие от неудач Израиля, как будто говорю: «Я же говорил». Я не буду защищать Израиль или свою еврейскую идентичность. Я отказываюсь использовать критику Израиля как лакмусовую бумажку для проверки моего патриотизма, моей приверженности гражданским свободам или моей готовности раствориться в американском мейнстриме.

Примечательно, что эти ложные обвинения продолжают выдвигаться, несмотря на неопровержимые публичные доказательства, которые их опровергают. Сохраняется убеждение, что ни один принципиальный борец за гражданские свободы и либерал не может поддерживать Израиль. «Мы понимаем, почему либеральные политики пресмыкаются перед израильским лобби, — говорили мне. — Им нужно переизбраться. Но у вас, — упрекали меня, — нет оправдания».

Они правы. У меня не было бы оправдания для применения двойных стандартов к Израилю и другим странам. Но мне и не нужно оправдание, потому что я просто так не поступаю. Более того, мне иногда приходится сдерживаться, чтобы не следовать за

[204]Томас Л. Фридман, «В центре внимания – Израиль», New York Times, 1 февраля 1987 г., стр. 15.

толпой и не требовать от Израиля того, чего никогда не требовали от других. Время от времени мне приходится доказывать, что я по-прежнему имею право на свои либеральные и правозащитные права, несмотря на мою поддержку Израиля. Израиль заслуживает поддержки либералов и защитников гражданских свобод — не за каждое свое действие за более чем сорок лет существования как нации, а потому что в целом он действовал в большей степени в соответствии с принципами гражданских свобод и либерализма, чем почти любая другая страна, и уж точно больше, чем любая страна, столкнувшаяся с сопоставимыми внешними и внутренними угрозами своему существованию.

Критики Израиля, которые, как правило, не проявляют интереса к правам человека и гражданским свободам — сразу приходят на ум такие правые обозреватели, как Роуленд Эванс и Роберт Новак, Джорджи Энн Гейер, Джозеф Собран и Патрик Бьюкенен, — должны объяснить, почему они выделяют Израиль для особого осуждения. То же самое, конечно, относится и к странам с ужасающей репутацией в области прав человека, которые поучают и поучают Израиль за его несовершенство в этих областях.

Даже многие из знакомых мне израильтян часто забывают о главном, спеша осудить ту или иную политику (особенно если она проводится партией, против которой они выступают).

Аргументы в пользу Израиля можно и нужно отстаивать не путем компромисса с принципами справедливости, эгалитаризма, гражданских свобод и либерализма, а, скорее, опираясь на эти высокие принципы. Я не уклоняюсь от отстаивания этой позиции, даже если это требует периодической критики конкретных израильских практик — так же, как я не уклоняюсь от отстаивания позиции Америки, полностью осознавая и признавая наши недостатки на практике.

Когда закончилась моя пятница, и я рос в нашем ортодоксальном штетле в Бруклине, проблема противоречия действий Израиля моей личной философии возникала почти исключительно в контексте религии: светское государство Израиль было для нас просто недостаточно религиозным.

Наши семьи и учителя не разделяли экстремистских взглядов, связанных с такими организациями, как Neturai. Карте утверждал, что создание еврейского государства до прихода Мессии было ошибочной ересью. Мы были слишком практичны для этого. Десятки тысяч перемещенных лиц, переживших Холокост, были вынуждены покинуть свои дома и им некуда было идти. Какими бы ни были религиозные взгляды — а мы бесконечно спорили на эту тему — Холокост сделал Израиль практической необходимостью. Но это не означало, что он должен быть настолько светским!

Пока проблемы оставались на этом уровне, конфликт между нашим сионизмом и нашей критикой не создавал никаких трудностей. Никого, кроме евреев, не волновали наши мелкие внутренние споры! Это была борьба внутри семьи.

Всё изменилось после Шестидневной войны 1967 года, когда статус Израиля, казалось, трансформировался из аутсайдера в победоносного воина. Теперь, похоже, всем в мире не всё равно — и у всех есть своё мнение — о том, что делает Израиль, как американские евреи оценивают действия Израиля и что мы говорим или не говорим об Израиле. Это понятно, в определённых пределах, поскольку теперь эти вопросы затрагивают и других, прежде всего палестинцев как внутри, так и за пределами Израиля. Споры больше не внутри семьи.

Для Израиля ставки сейчас гораздо выше, чем были, когда мы критиковали его в детстве. Любая нынешняя критика Израиля — будь то со стороны израильтян, американских евреев или других — используется его врагами как часть открытой международной кампании по дискредитации Израиля. Наиболее ярким примером

является печально известная резолюция «Сионизм — это форма расизма». И это еще не конец, о чем свидетельствуют неоднократные попытки отозвать полномочия Израиля в Генеральной Ассамблее ООН и постоянные сравнения между Израилем и Южной Африкой, которая была дискредитирована мировым сообществом.

Я активно борюсь с этой дилеммой с 1967 года. До этого я не видел — и до сих пор не вижу — никакого конфликта между моим сионизмом и моими моральными принципами. Израиль был почти полностью прав. Израильско-арабский конфликт был таким же простым столкновением добра и зла, какое только существовало в нашем несовершенном мире. Важно вспомнить ситуацию до 1967 года, чтобы дать контекст критике после 1967 года.

Евреи заслужили право на родину. Они поселились и обрабатывали в основном бесплодные районы британского мандата в Палестине, которые они выкупили — с помощью пожертвований из наших сине-белых ящиков Еврейского национального фонда — в основном у отсутствующих землевладельцев. Они построили больницы, школы и кибуцы, а также создали инфраструктуру государства. Они в буквальном смысле превратили болота в сады и заставили пустыню расцвести. Что еще важнее, из-за действий всего мира по отношению к евреям — их второсортного положения и препятствий для их иммиграции — стало ясно, что евреям необходимо государство.

Они были готовы пойти на компромисс со своими библейскими и историческими претензиями и признать часть Палестины своей собственностью. Но после решения Организации Объединенных Наций 1947 года о роспуске британского мандата и разделе Палестины на два государства, одно для евреев, другое для арабов, арабы отказались согласиться на еврейский суверенитет над хоть одним дюймом Палестины, даже над землей, на которой не жил ни один араб. Всего через три года после окончания Холокоста арабские лидеры, многие из которых поддерживали геноцид Гитлера, призывали к войне на истребление евреев — «знаменательной резне, о которой будут говорить так же, как о монгольских массовых убийствах и крестовых походах». Великий муфтий Иерусалима, проведший военные годы в Берлине с Гитлером, выразил «величайшую радость и глубочайшее удовлетворение» достижениями нацистов и объявил «священную войну», целью которой было «убить евреев! Убить их всех!»[205]

Война 1948 года была целиком виной арабских государств (при небольшой поддержке со стороны Великобритании), которые были полны решимости сорвать создание нового государства Израиль еще до его рождения. Израиль выстоял, понеся большие потери, в том числе и среди тех, кто пережил гитлеровские печи. Когда наконец было объявлено перемирие, Иордания осталась под контролем еврейского квартала Иерусалима, который на протяжении веков непрерывно населяли ортодоксальные евреи, и разрушила еврейские святыни, включая исторически значимые синагоги и ешивы. Могилы и артефакты были осквернены. Евреям был запрещен доступ к Западной стене, которая долгое время служила местом молитвы и оплакивания. (Она не была разрушена, потому что является подпорной стеной Храмовой горы, на которой была построена одна из самых святых мечетей ислама).

Со стороны международного сообщества — и со стороны религиозных кругов — протестов почти не было. Израиль и еврейский народ смирились с потерей еврейского квартала и продолжили строительство государства. Арабы же продолжали борьбу, как

[205]Леон Вайзельтье, «Палестинское искажение Холокоста», New York Times, 12 июня 1988 г., стр. 27; Леонард Дж. Дэвис, «Мифы и факты 1989: Краткая летопись арабо-израильского конфликта» (Near East Research, 1988), стр. 273. Мало что изменилось в отношении занимающего этот пост. 26 июля 1989 года нынешний муфтий опубликовал следующее заявление: «Убивайте евреев, пока камень не возопиет: „О, мусульманин, этот еврей прячется за мной, иди и убей его…“»

дипломатическую, так и террористическую[206].

По мнению арабов, весь Израиль был оккупированной территорией. Компромиссов не было. Как заявил король Саудовской Аравии в 1954 году: «Арабские страны должны пожертвовать до 10 миллионов из своих 50 миллионов человек, если это необходимо для уничтожения Израиля… Израиль для арабского мира — это как рак для человеческого тела, и единственный способ лечения — искоренить его, как рак». В 1959 году президент Египта Гамаль Абдель Насер заявил «от имени народа Объединенной Арабской Республики, что на этот раз мы истребим Израиль». Насер повторил это обещание всего за девять дней до начала Шестидневной войны 1967 года. Четыре дня спустя президент Ирака Ареф заявил: «Существование Израиля — это ошибка, которую необходимо исправить. Это наш шанс стереть позор, который преследовал нас с 1948 года. Наша цель ясна — стереть Израиль с карты»[207].

Главной проблемой в период с 1948 по 1967 год были арабские «беженцы», покинувшие Израиль и переселившиеся в районы, контролируемые арабами. Как внутри Израиля, так и за его пределами разгорелись ожесточенные споры о том, были ли эти арабские беженцы вытеснены Израилем или же уехали по указанию арабских лидеров, получив обещание славного возвращения. Очевидно, что в обеих версиях есть доля правды. Безусловно, многих арабов отпугнули израильские солдаты; некоторые, очевидно, уехали, услышав о «массовых убийствах» мирного населения. (Правдивы ли эти сообщения, ложны ли они, преувеличены или замалчиваются, не так важно, как то, поверили ли им уехавшие арабы).

Как борец за гражданские свободы и правозащитник, я никогда особо не сочувствовал заявлениям этих беженцев. Политические решения часто требуют перемещения людей, и такое перемещение не всегда является добровольным. Переселение арабских семей — в полном составе — из одной арабской деревни или города в другой может представлять собой нарушение прав человека. Но во всем спектре вопросов прав человека — особенно с учетом событий в Европе в 1940-х годах — это вопрос пятого сорта, во многом аналогичный масштабным проектам по реконструкции городов или другим проектам, требующим крупномасштабного перемещения людей. Например, строительство Асуанской плотины в Египте потребовало переселения 100 000 арабов и разрушения многочисленных арабских деревень[208]. Безусловно, существовало множество прецедентов после обеих мировых войн, а также других недавних событий, повлекших за собой перемещения, — включая создание новых государств. В послевоенном мире было так много групп беженцев, и в гораздо худшем состоянии, что трудно понять, почему это конкретное перемещение приобрело такие международные масштабы.

Например, после окончания Второй мировой войны около пятнадцати миллионов этнических немцев были насильно высланы из своих домов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и других регионах Центральной и Восточной Европы, где

[206]Помните, это было до оккупации или аннексии Западного берега, сектора Газа или Восточного Иерусалима. По крайней мере, до оккупации евреями! Вся эта «палестинская» земля, конечно же, была оккупирована Иорданией и Египтом, но без каких-либо протестов со стороны международного сообщества.

[207]Мортимер Б. Цукерман, «ООП как создатель имиджа», US News & World Report, 22 января 1990 г., стр. 75.

[208]Майкл Чернеа, «Принудительное переселение в рамках проектов развития», «Руководящие принципы политики в отношении финансовых проектов Всемирного банка», Технический документ Всемирного банка № 80, 1988 г. Оценки числа людей, ежегодно «перемещаемых исключительно в результате строительства новых плотин», составляют от 1,2 до 2,1 миллиона человек. Майкл Чернеа, «Внутренние беженцы и перемещение населения, вызванное развитием», Гарвардский институт международного развития, июнь 1990 г.

их семьи жили на протяжении веков. Два миллиона человек погибли во время этого насильственного выселения. Только в Чехословакии было выслано почти три миллиона судетских немцев, превратившихся в перемещенных лиц. Соединенные Штаты, Великобритания и международное сообщество в целом одобрили эти высылки как необходимые для обеспечения более прочного мира. Присутствие «нелояльных меньшинств», или так называемых «пятых колонн», способствовало дестабилизации Европы накануне Второй мировой войны. Повышение стабильности могло бы быть достигнуто, если бы «перемещение населения» позволило создать новую Европу, где немцы проживали бы только в двух Германиях, а население других стран отражало бы их собственное этническое и языковое происхождение. Помощник президента Франклина Рузвельта, Гарри Хопкинс, увековечил мнение своего начальника о том, что, хотя переселение этнических немцев «является сложной процедурой, это единственный способ сохранить мир». А виконт Крэнборн заявил в британской Палате лордов:

Гуманитарный аспект следует рассматривать в контексте причин войны. Думаю, можно с уверенностью сказать, что страдания, причиненные недельной войной, будут больше, чем страдания, причиненные эффективным переселением этих групп населения, чье нынешнее положение может поставить под угрозу будущий мир[209].

В этническом немецком населении этих европейских стран проживали отдельные предатели, диверсанты и представители «пятой колонны». Но среди них также было значительное число простых крестьян, фабричных рабочих и аполитичных людей, которые просто говорили по-немецки и жили в немецких анклавах. Однако, поскольку «их народ» начал войну, а затем проиграл, было сочтено целесообразным возложить бремя переселения на целые этнические немецкие общины, чтобы уменьшить вероятность будущих войн. В масштабах нарушений прав человека принудительное перемещение этнических меньшинств для повышения стабильности региона не представляло собой серьезной проблемы в послевоенный период.

Сравнимые перемещения населения, хотя и гораздо менее систематизированные, происходили на Ближнем Востоке примерно в то же время. Сотни тысяч сефардских евреев, которые веками жили в арабских и исламских странах, были официально призваны к эмиграции. Некоторые хотели уехать. Других же отпугнула перспектива исламской священной войны, направленной против них, или опасность того, что их могут взять в заложники (как это произошло с остатками сирийских евреев).

Аналогичным образом, многие арабские жители нового еврейского государства Израиль были вынуждены эмигрировать в исламские страны под влиянием сочетания факторов, включая страх, желание жить под исламским правлением и политические соображения[210].

Обмен населением на Ближнем Востоке преследовал те же цели, что и гораздо более масштабный, смертоносный и систематический обмен, происходивший в Европе. Он должен был устранить потенциальные «пятые колонны», стабилизировать регион и улучшить перспективы мира.

Но арабские лидеры не хотели мира. Они использовали проблему беженцев для разжигания дальнейшей агрессии. Это стало предлогом для отказа от мира — для

[209]Альфред М. Де Заяс, «Немезида в Потсдаме: англо-американцы и изгнание немцев» (Лондон: Routledge & K. Paul, 1977), с. 9.

[210] При оценке моральной стороны этих перемещений необходимо также помнить, что многие палестинские лидеры поддерживали Гитлера во время Второй мировой войны. Они также активно и успешно противодействовали открытию границ Палестины для еврейской иммиграции во время Холокоста. Они не были — как иногда утверждается — совершенно невинными свидетелями Холокоста. На них лежит определенная моральная ответственность.

непринятия реальности, согласно которой древняя земля Израиля и Палестины может быть населена двумя народами и разделена на две нации. Следует напомнить, что в период с 1948 по 1967 год Израиль не препятствовал созданию палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа. Палестинского государства не существовало, потому что арабские лидеры не хотели палестинского государства рядом с еврейским. Их общей целью было полное уничтожение еврейского государства. Палестинские беженцы лучше бы способствовали достижению этой цели, если бы их содержали в лагерях как бездомных, чем если бы им разрешили покинуть лагеря и создать собственное государство.

Я тогда считал, и считаю сейчас, что те, кто выделял «тяжелое положение» арабских беженцев, больше интересовались теми, кто якобы стал причиной проблемы — а именно евреями, — чем помощью тем, кто стал ее жертвой. Возведение проблемы арабских беженцев выше гораздо более острой проблемы других групп было формой косвенного международного антисемитизма, приемлемой в мире, слишком близком к Холокосту, чтобы легитимизировать прямую антиеврейскую нетерпимость[211].

Любая объективная оценка проблемы арабских беженцев ясно показывает, что в основе своей это не столько вопрос прав человека. Аспект прав человека в этой проблеме мог быть легко решен арабскими государствами при содействии Организации Объединенных Наций. Несколько арабских государств остро нуждались и до сих пор остро нуждаются в беженцах. Если бы эти государства были готовы принять арабских беженцев — как Израиль принял еврейских беженцев из арабских стран — аспект прав человека исчез бы. Беженцы перестали бы быть лицами без гражданства. Они стали бы гражданами арабской страны со всеми «правами», которые влечет за собой такое гражданство. Но были предприняты целенаправленные и скоординированные усилия, чтобы остановить — активно предотвратить — расселение арабских беженцев в других государствах. Их привозили как рабочих без гражданства, но им отказывали в гражданстве или постоянном проживании. Было принято решение держать многих беженцев в ужасных лагерях именно для того, чтобы разжечь накопившуюся обиду и показать миру, что только возвращение всех беженцев и их детей в крошечный Израиль решит проблему.

Лицемерие отказа разрешить палестинским беженцам стать гражданами других арабских стран было продемонстрировано заявлениями панарабизма. Арабские лидеры, такие как Насер, громко заявляли, что арабский народ на самом деле является единой нацией. (Еще 1 сентября 1990 года Георгий Хабаш, глава Народного фронта освобождения Палестины, объяснял свою поддержку вторжения Ирака в Кувейт «панарабскими» соображениями). В той мере, в какой арабская нация едина — в теории или на практике — сила утверждения о том, что все палестинские беженцы должны вернуться в свои дома в Израиле, значительно ослабевает (как и аргумент в пользу необходимости создания частного палестинского государства).

Если бы арабских беженцев расселили в арабских государствах, результатом стало бы перемещение населения, характерное для создания новых политических образований: еврейские беженцы из арабских стран были бы расселены в еврейском

[211]В статье New York Times от 12 августа 1990 года описывалось бедственное положение «пятнадцати миллионов мужчин, женщин и детей», которые были «международно признаны беженцами». После Второй мировой войны их число составляло от тридцати трех до сорока трех миллионов, а на момент начала палестинской проблемы беженцев — от 600 000 до 750 000 человек — общее число беженцев во всем мире составляло от шестнадцати до восемнадцати миллионов. Многие из нынешней группы — беженцы из исламских стран. Тем не менее, мир мало знает об их положении. Только палестинские беженцы получили широкую международную поддержку. Вполне справедливо задать вопрос: почему?

государстве, а арабские беженцы из еврейского государства — в арабских странах. Не идеально, но и не так уж ужасно с точки зрения прав человека.

В качестве альтернативы, беженцам могли бы передать — или они могли бы забрать — Западный берег у Иордании и создать собственное государство, как это предусмотрено резолюцией ООН о разделе подмандатной Палестины. При этом оставались бы претензии на заброшенные земли и строения. Но споры о недвижимости урегулировать проще, чем споры о правах человека, и они заслуживают гораздо более низкого статуса в иерархии международных интересов.

Истинная причина отказа арабских лидеров принять беженцев была исключительно политической и религиозной. Этим лидерам было все равно, живут ли в Умм-эль-Халифе конкретные арабские семьи. Фахм (который находится в Израиле) или Анин (который находился в нескольких километрах от него на Западном берегу). Они хотели использовать проблему беженцев — и самих плохо питающихся и плохо обеспеченных жильем беженцев — для уничтожения еврейского государства. Они никогда не были бы удовлетворены, даже если бы Израиль принял обратно «каждого арабского беженца, изгнанного в 1948 году», — если бы их число не было достаточно большим, чтобы превратить еврейское государство в арабское. Арабские лидеры, готовые «пожертвовать до 10 миллионами» своих людей, чтобы «уничтожить Израиль», безусловно, не стали бы уклоняться от содержания нескольких сотен тысяч палестинцев в ужасных лагерях для достижения той же цели.

Всё это ни в коем случае не умаляет страданий палестинского народа в период с 1948 по 1967 год, а лишь подчеркивает, насколько эти страдания были преднамеренно спланированы лидерами тех арабских стран, которые были полны решимости не урегулировать палестинский вопрос таким образом, чтобы это позволило еврейскому государству продолжать существовать.

Проблема беженцев, с её затаённой обидой, представляла собой безудержное лицемерие. Американцы, которые до войны 1967 года встали на сторону арабов и против Израиля из-за беженцев, делились на несколько категорий: те, кто имел личную финансовую (или иную) заинтересованность в сохранении хороших отношений с арабами, например, представители нефтяной промышленности; церковные организации, такие как Американский комитет друзей службы, имевшие влияние в арабском, но не в еврейском мире; политические аморалисты, такие как некоторые чиновники Госдепартамента, которые считали, что стратегические интересы Америки благоприятствуют арабскому правлению, независимо от моральной правоты или неправоты; антисионисты, как евреи, так и неевреи; и антисемиты[212].

Как моралист, считавший, что добро и зло – это всё, я не испытывал конфликта. Я даже не считал необходимым отвечать на аргументы антиизраильского лобби. Меня беспокоило их влияние, так же как и влияние любых иррациональных антисемитов или других негодяев. Аргументы были тактическими, а не моральными. С аморальными людьми не спорят о морали.

Однако тот факт, что так много влиятельных лиц, правительственных чиновников и стран в целом встали на сторону арабов, несмотря на их относительно слабые моральные аргументы и непростительное использование терроризма для их

[212]Недавно я наткнулся на статью в университетской газете от 24 октября 1958 года, которая показывает, насколько мало изменилась антиизраильская риторика. Заголовок гласит: «Араб обвиняет евреев в применении гитлеровской тактики к беженцам». В статье рассказывалось о том, как представитель арабских стран жаловался на «несправедливое разделение земли, особенно когда оно противоречит воле законных владельцев». Это, конечно, было до Шестидневной войны; Западный берег, Газа, Голанские высоты и Восточный Иерусалим находились под арабским контролем.

обоснования, заставлял сомневаться в том, что израильско-арабский конфликт когда-либо будет рассмотрен мировым сообществом по существу. Когда моральные аргументы склонялись в пользу Израиля, эти вечные антиизраильтяне утверждали, что следует игнорировать моральные вопросы и сосредоточиться на прагматике арабской власти и богатства. Когда некоторые моральные аргументы начали склоняться в пользу арабов, эти же лицемеры внезапно превратились в неоморалистов.

Легитимизация палестинского терроризма как приемлемого ответа на бедственное положение беженцев — как это делает большая часть мира — демонстрирует двойные стандарты по отношению к евреям и еврейскому народу. Люди, имеющие самые высокие права на совесть мира, как правило, не прибегали к случайному терроризму. Например, жертвы Холокоста Гитлера и геноцида Пол Пота в Камбодже не убивали мирных жителей без разбора. И дело было не только в слабости, которая заставила этих — и других — морально пострадавших воздержаться от легкого обращения к случайному насилию. Это был отказ опуститься до аморальных методов, используемых их угнетателями.

Напротив, палестинский терроризм начался еще до израильской оккупации Западного берега и сектора Газа. Недовольство арабских террористов до 1967 года было в первую очередь связано со спорными землями. Даже после оккупации недовольство касалось государственности, а не жизни или свободы. Это не умаляет претензий палестинцев — или лиц без гражданства, таких как курды, армяне, татары и многие другие — на политическую государственность. Это лишь демонстрирует, что по шкале моральных требований претензии палестинцев занимают сравнительно низкое место. Они также не занимают высокого места с точки зрения необходимости сосредоточения внимания. Непропорционально больше внимания со стороны мирового сообщества, судя по поддержке со стороны Организации Объединенных Наций и отдельных стран, уделяется палестинцам по сравнению с другими лицами без гражданства и обиженными народами.

Однако, несмотря на относительную слабость их моральных принципов, различные палестинские группировки — начиная с ФАТХ Ясира Арафата и ООП — прибегают к самым жестоким формам терроризма против невинных мирных жителей, включая детей.

Миру, возможно, приходится иметь дело с террористами, чтобы спасать жизни. Но моральный скандал заключается в том, что помимо простого противодействия этим террористам, большая часть мира оказывала им почести. Овации, которыми многие представители ООН в Женеве в 1988 году приветствовали Ясира Арафата — архитектора международного терроризма, — навсегда останутся в памяти как позор. Готовность мировых государственных деятелей — включая папу римского и других моральных лидеров — относиться к Арафату как к человеку, заслуживающему уважения, выходит за рамки морального понимания.

В ответ часто утверждается, что израильские премьер-министры Менахем Бегин и Ицхак Шамир также были террористами в годы британского мандата. Это ложная аналогия. Характер терроризма Бегина и Шамира — каким бы неоправданным он ни был, на мой взгляд, — сильно отличался от терроризма Арафата. Он был направлен, прежде всего, против британских и арабских военных целей, а не против семей, путешествующих гражданскими авиалиниями. Ни Бегин, ни Шамир не были вознаграждены за свой терроризм; напротив, они заплатили высокую цену, будучи на десятилетия оттеснены на второй план в израильской политической системе. И даже сегодня им не устраивают оваций в Организации Объединенных Наций.

* * *

Несмотря на лицемерную оппозицию Израилю со стороны некоторых влиятельных чиновников, поддержка осажденного еврейского государства на низовом уровне была широко распространена в Америке и во всем западном мире. Многое изменилось после победы Израиля над объединенными арабскими армиями в 1967 году. Израиль захватил Синай у Египта, Голанские высоты у Сирии и Западный берег (включая Восточный Иерусалим и Старый город) у Иордании. Шестидневная война с точки зрения Израиля носила явно оборонительный характер. Хотя Израиль нанес первый военный удар, нанеся превентивный удар по египетским ВВС, нет сомнений в том, что Египет начал войну, закрыв Тиранский пролив для израильского судоходства; закрытие международного водного пути признается актом войны, оправдывающим военный ответ. Израиль ясно предупреждал, что закрытие пролива будет воспринято именно так.

Более того, президент Египта Насер публично заявил о существовании войны между Египтом и Израилем и о том, что он выберет подходящий момент для развертывания своей грозной военной машины — а также машин своих сирийских, иорданских и других арабских союзников — чтобы «изгнать евреев в море». Международное право признает, что ни одно государство не обязано ждать, пока оно окажется в обороне в результате военного вторжения, прежде чем нанести ответный удар. Превентивный удар, направленный на предотвращение неминуемого вторжения, повсеместно считается правильным и законным. Например, если бы Соединенные Штаты получили достоверную разведывательную информацию 1 декабря 1941 года о неминуемом вторжении в Перл-Харбор, никто бы не оспаривал их законное — и моральное — право уничтожить японские ВВС до того, как они достигнут Гавайев.

Захват Западного берега носил еще более оборонительный характер, чем захват Синая. Израиль не стал немедленно вводить свои войска на Западный берег, несмотря на то, что Иордания, как того требовали условия ее военного союза с Египтом, начала боевые действия в Иерусалиме и его окрестностях, нанося там тяжелые потери евреям. Вместо этого израильское правительство направило иорданскому правительству недвусмысленный сигнал, заверив его, что израильская армия не будет продвигаться на Западный берег или даже в еврейский квартал Старого города, если иорданцы прекратят боевые действия. Но Иордания продолжала свою агрессию, и израильская армия ответила захватом Западного берега и установлением своей военной границы по реке Иордан.

История Голанских высот несколько иная. Как известно любому, кто побывал на вершинах, тот, кто контролирует крутые склоны, контролирует и долины, и озеро внизу. А под Голанскими высотами находится сердце Израиля с его многочисленными сельскохозяйственными кибуцами. В то время как Голанские высоты контролировались сирийцами, детям кибуцев приходилось жить — в буквальном смысле — в подземных бункерах. Ночные ракетные обстрелы с вершин высот наносили неоднократные потери. Каждый такой обстрел, конечно же, был актом войны, оправдывающим вторжение в район, откуда запускались ракеты. Во время Шестидневной войны израильская армия наконец захватила Голанские высоты, понеся огромные потери среди израильтян.

Синайский полуостров с тех пор был возвращен Египту, так что эта проблема теперь в прошлом. Голанские высоты по-прежнему находятся в руках Израиля; эта территория в значительной степени необитаема, и ее стратегическое значение намного перевешивает неудобства для ее небольшого коренного населения. В любом случае, именно сирийцы первоначально превратили высоты в военную зону — по сути, в линкор — и ни от одной страны никогда не ожидалось бы возвращения такой территории врагу, который, несомненно, продолжит использовать ее в качестве плацдарма для ракетных обстрелов уязвимого гражданского населения. Действительно, нет ни одного

исторического прецедента, когда какая-либо победившая страна когда-либо возвращала бы участок земли, столь стратегически расположенный, как Голанские высоты, стране-агрессору, которая все еще считает себя находящейся в состоянии войны. Поэтому на Израиль практически не оказывается давления с целью возвращения Голанских высот Сирии вне контекста общего мирного урегулирования.

Нереалистично ожидать, что Израиль вернет еврейский квартал Старого Иерусалима. Эта восстановленная часть обнесенного стенами города была населена ортодоксальными евреями со времен разрушения Второго Храма до тех пор, пока иорданцы не захватили ее в 1948 году, не изгнали евреев и не разрушили еврейские постройки, построенные несколько веков назад. Если когда-либо и было оправданное возвращение и повторное занятие Иерусалима, то это возвращение Рова- Йегуди — еврейского квартала Иерусалима.

Обоснование сохранения израильского контроля над оставшимися тремя кварталами Старого города — армянским, христианским и мусульманским — несколько иное. Когда Старый город контролировали иорданцы, он был полностью закрыт для евреев и других лиц, нежелательных для властей. Мир молча наблюдал за этим, не возражая. Под израильским контролем Иерусалим открыт для всех (по крайней мере, для всех, кто может свободно посещать Израиль). Небольшое число армянских и христианских жителей Старого города, похоже, не жалуются на израильский контроль над их кварталами, пока соблюдаются их религиозные права — и контроль над их святыми местами. Иногда израильские власти совершают бестактные действия, например, поощряют присутствие вооруженных израильских поселенцев-ортодоксов в заброшенном комплексе, принадлежащем греческой ортодоксальной церкви в христианском квартале Иерусалима.

Мусульманский квартал, а также густонаселенный Восточный Иерусалим, поднимают гораздо более сложные вопросы. Практически все израильтяне согласны с мэром Иерусалима в том, что город никогда больше не должен быть разделен и должен оставаться под израильским контролем как столица Израиля. Но это не обязательно означает, и не должно означать, что арабские жители Восточного Иерусалима не должны осуществлять существенный контроль над своей повседневной политической и экономической жизнью. Они должны это делать, в соответствии с определенной степенью объединения Иерусалима. Существует множество идей о том, как этого можно достичь в рамках общего мирного урегулирования. Но тем временем Израиль официально аннексировал весь Иерусалим и предложил его жителям полное израильское гражданство. Немногие арабы приняли это предложение. Почти все сохраняют свое иорданское гражданство и считают себя оккупированными иностранной державой[213]. Однако предложение гражданства ставит Иерусалим в иное положение по сравнению с остальной частью Западного берега и сектором Газа.

Наиболее сложные вопросы, касающиеся гражданских свобод и прав человека, затрагивают населенные пункты Западного берега — прежде всего города Хеврон, Наблус и Рамалла, — а также густонаселенный сектор Газа. Жителям этих районов не было предложено израильское гражданство, и они не обладают гражданскими или политическими правами, сопоставимыми с правами израильских граждан — ни евреев, ни арабов[214].

[213]Ситуация на Голанских высотах несколько схожа. Большинство друзов, проживающих на Голанских высотах, отказались от израильского гражданства и сохраняют верность Сирии.

[214]Хотя теоретически израильские евреи и арабы обладают одинаковыми политическими и гражданскими правами, если они являются гражданами Израиля, на практике все обстоит совершенно иначе. Израильские арабы, по большей части, не служат в армии (и, следовательно, лишены различных

Хотя экономическое, образовательное, медицинское положение и уровень свободы большинства арабов Западного берега и сектора Газа улучшились после того, как Израиль сменил Иорданию и Египет в качестве оккупационной державы, неудивительно, что эта почти четвертьвековая израильская оккупация породила горькое недовольство среди многих арабов. Напряженность усугубилась строительством еврейских поселений в непосредственной близости от арабских деревень, а иногда и на их месте. Это недовольство, несомненно, было использовано арабскими националистами и фундаменталистами, а также Организацией освобождения Палестины (ООП).

Опыт показывает, что люди гораздо больше возмущаются, когда их права нарушаются посторонними — будь то по религиозным, расовым, этническим или национальным признакам, — чем своими. Говоря более цинично, люди должны иметь право на репрессии со стороны тиранов своей расы, религии, национальности и этнической принадлежности. Мир также реагирует гораздо более критически, когда источником репрессий являются посторонние. Опыт также показывает, что мир, похоже, проявляет значительно меньшую терпимость, когда именно израильские евреи воспринимаются как нарушители прав, чем когда это любая другая группа.

Причины этого остаются предметом дискуссий. Однако сам факт этого, по-видимому, не вызывает сомнений. Частично это объясняется очевидным распространением антисемитизма от евреев к еврейскому государству. Это наиболее заметно, когда крайне правые антисемиты — такие как Liberty Lobby, Post Eagle или Патрик Бьюкенен — берутся за дело ООП, организации, чей левоамериканский антиамериканизм они должны презирать. Но они ненавидят евреев, а значит, и еврейское государство, ещё больше.

Израиль, как еврейское государство, впитывает в себя значительную часть сохраняющихся в мире антиеврейских настроений, которые многим легче выразить как антисионизм, чем как антисемитизм. Ещё одна причина, по которой он является объектом такой ненависти, связана с тем, что Израиль служит олицетворением сублимированной ненависти, направленной на других. Израиль, как самый верный союзник США на Ближнем Востоке, является центром антиамериканизма. Израиль, как индустриально развитая и развивающаяся страна в преимущественно неразвитом регионе мира, олицетворяет многие недовольства стран третьего мира тем, что они остались вне благ индустриализации.

Подобные настроения проявились во многих дискриминационных действиях против Израиля, прежде всего в Организации Объединенных Наций. Несмотря на десятилетия арабского терроризма против гражданских целей, осуждение было односторонним и направлено против Израиля. (Осуждение Ирака Советом Безопасности в 1990 году за его откровенную агрессию против Кувейта стало первым случаем за последнее время, когда Организация Объединенных Наций осудила арабскую агрессию. Даже в эту новую эпоху международного сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом сомнительно, можно ли было бы достичь международного консенсуса, если бы Ирак напал на Израиль, как это в конечном итоге произошло после начала войны в Персидском заливе). Бывший министр иностранных дел Израиля Абба Эбан — критик нынешней израильской политики — однажды сказал: «Если бы Алжир внес резолюцию, объявляющую Землю плоской и что Израиль ее сплющил, она была бы принята 164 голосами против 13 при 26 воздержавшихся». Действительно, на

льгот для ветеранов); они не имеют права покупать или использовать землю, принадлежащую Еврейскому национальному фонду; и они не имеют права на некоторые займы и помощь, предоставляемые их государством через Еврейское агентство. На мой взгляд, ничто из этого не оправдано.

конференции ООН по правам женщин в 1980 году резолюция, осуждающая сексизм, провалилась (потому что во многих странах третьего мира практикуется столь откровенный сексизм), но резолюция, осуждающая сионизм как оскорбление женщин, была принята обычным большинством голосов. Хотя Соединенные Штаты, как правило, голосуют против абсурдно односторонних осуждений Израиля, они часто присоединяются к осуждениям ООН, когда считают их оправданными. Как американский правозащитник, приверженный единому стандарту оценки соблюдения прав человека, я последовательно выступал против участия Америки в этих оргиях осуждения.

Мой аргумент против голосования Америки за осуждение Израиля в Организации Объединенных Наций основан на аналогии с расистскими судами 1950-х годов. Я прошу своих коллег по правительству представить себя на месте уважаемого судьи в судебной системе, состоящей исключительно из белых, скажем, в Миссисипи, в разгар расизма. Суд обязан рассматривать неоднократные столкновения между группой чернокожих борцов за гражданские права и белыми членами Ку-клукс-клана. Каждый раз, когда ККК нападает на чернокожих, присяжные оправдывают их, хотя судья считает доказательства достаточными для вынесения обвинительного приговора. В конце концов, некоторые чернокожие из группы борцов за гражданские права — из-за разочарования, мести или чрезмерной защиты права на самооборону — нападают на членов ККК. Их признают виновными, причем несколько голосов отдали присяжные, связанные с ККК. По мнению уважаемого судьи, действия чернокожих были преступлением, и обвинительный приговор был оправдан.

Однако, если он назначит тюремный срок, которого требует абсолютно беспристрастный взгляд на правосудие, он считает, что в итоге произойдет несправедливость из-за двойных стандартов, применяемых к белым и чернокожим обвиняемым. В этом случае у судьи будут веские основания отказаться от назначения тюремных сроков чернокожим, которые в других обстоятельствах заслуживали бы тюремного заключения.

Этот сценарий сравним с нынешней ситуацией с голосованиями в ООН по поводу Израиля. Практически невозможно добиться от Организации Объединенных Наций осуждения какой-либо арабской террористической группы или государства за любое нападение на Израиль или еврейские институты. Тем не менее, существует стремление осудить Израиль, независимо от того, прав Израиль или нет. Соединенные Штаты голосуют за осуждение арабского терроризма, а также за осуждение Израиля, но только тогда, когда считают, что Израиль неправ. Они действуют по одному стандарту в организации, которая действует по двойным стандартам. Без голосования Соединенных Штатов по одному стандарту двойные стандарты организации потерпели бы крах. Должны ли Соединенные Штаты позволять использовать себя для увековечивания такого возмутительного — даже расистского — двойного стандарта в Организации Объединенных Наций? Я считаю, что аргументы против голосования Америки за осуждение Израиля в Организации Объединенных Наций — даже когда Израиль заслуживает осуждения по американским стандартам — весьма убедительны.

Но как быть с друзьями Израиля — американским правительством, американскими евреями и другими, — которые критикуют Израиль на других площадках, когда израильское правительство нарушает основные нормы прав человека? Этот вопрос широко обсуждается среди моего поколения евреев и среди моих друзей из Бруклина.

На мой взгляд, американскому еврею должно быть комфортнее критиковать методы, применяемые оккупационными властями, чем геополитические решения, касающиеся безопасности Израиля. Те из нас, кто давно выражает возмущение

применением чрезмерной силы во всем мире, не должны молчать перед лицом столь же чрезмерной силы, применяемой израильскими солдатами. Критика Израиля должна отражать, как и в отношении любого другого правительства, понимание ситуации, в которой находятся те, кто применяет силу, а также менее летальных альтернатив, которые могут быть им доступны или недоступны.

Например, когда израильским солдатам в качестве альтернативы свинцовым пулям выдали пластиковые или резиновые пули и приказали использовать их более свободно, чем обычно используют более смертоносные свинцовые пули, это вызвало немедленный протест. В политической реакции на это изменение тактики затерялось понимание того, что в правоохранительных органах и кругах защитников гражданских свобод давно ведутся дебаты о том, что снижение летальности оружия, как правило, увеличивает частоту его применения. Многие защитники гражданских свобод, ошибочно осознавая, что сотрудники правоохранительных органов будут менее ограничены в применении менее летального оружия, выступают за его введение именно потому, что оно менее смертоносно. Некоторые придерживаются противоположной точки зрения, аргументируя это аналогией с ядерным оружием: чем смертоноснее оружие, тем лучше, поскольку смертоносное оружие на самом деле применяется реже. Каждый опытный сотрудник правоохранительных органов, конечно же, понимает, что не существует абсолютно нелетального оружия; любое эффективное оружие несет в себе определенный риск смерти для определенных потенциальных целей.

Суть в том, что когда Израиль подвергается критике, большая часть этой критики, кажется, лишена контекста, сравнительного или иного.

Еще один контекстуальный фактор, который часто игнорируется при критике реакции Израиля на метание камней и все формы насильственных протестов, заключается в том, что одна из важнейших целей насилия состоит именно в том, чтобы спровоцировать чрезмерную реакцию со стороны Израиля. А чрезмерную реакцию со стороны демократического государства, столкнувшегося с насилием, довольно легко спровоцировать, как показали чрезмерная реакция Великобритании в Северной Ирландии, чрезмерная реакция Канады на действия Фронта освобождения Квебека в начале 1970-х годов или чрезмерная реакция Америки в Кентском государственном университете. Чрезмерная реакция Израиля, особенно в условиях относительно свободного и открытого общества, играет на руку протестующим; это часть их сценария.

Меньше всего на свете многие арабские провокаторы и их сторонники хотят, чтобы Израиль в ответ на насилие соблюдал самые строгие стандарты гражданских свобод. Это приглушило бы силу их недовольства. Рассмотрим, например, инцидент, свидетелем которого я стал во время визита в Израиль в 1988 году. Произошло столкновение между группой израильских детей, совершавших пешую прогулку по Западному берегу, и местными арабами. Началось все с метания камней арабами и закончилось случайным выстрелом из винтовки израильского охранника, случайно убившего еврейскую девочку. Известные журналисты сообщили американцам, что ответные действия израильских военных были беззаконными. Например, Энтони Льюис из New York Times сообщил, что после случайного выстрела израильская армия депортировала шестерых арабов без соблюдения надлежащих процессуальных норм: «Как всегда в таких случаях, не было ни обвинений, ни суда, просто быстрая отправка мужчин в Ливан»[215]. Другие газеты публиковали аналогичные сообщения.

Эти сообщения были просто неточными. На самом деле, была подана апелляция на решение о депортации. Шестерых мужчин представляли отличные адвокаты, в том числе

[215]Энтони Льюис, «На пути к крайности», New York Times, 24 апреля 1988 г., стр. 25.

члены Ассоциации за гражданские права в Израиле. Слушание проходило для обвиняемых очень успешно, и казалось, что они выиграют. В этот момент все обвиняемые решили отозвать свои апелляции. Их адвокаты заверили их, что у них есть хорошие шансы на победу, но обвиняемые, по-видимому, не хотели ослаблять политическое влияние своих депортаций, добиваясь их отмены израильскими властями. Только после отзыва апелляции их доставили в Ливан. Я видел это и подтвердил своими глазами и ушами. Американская пресса просто исказила информацию, утверждая, что депортированные палестинцы не получили никакого юридического разбирательства. Даже после того, как я предоставил документы, подтверждающие обратное, никаких опровержений опубликовано не было.

Реакция мира на гибель мирных жителей, особенно женщин и детей, также игнорирует очевидный факт, что число таких смертей в значительной степени, хотя и не полностью, зависит от тех, кто решает, отправлять ли женщин и детей в уязвимые ситуации. Как откровенно признался один из лидеров Западного берега американскому телерепортеру, который спросил его, действительно ли гибель такого количества детей стоит усилий: «Нам бы потребовались миллионы долларов, чтобы получить подобную огласку на европейском и американском телевидении». Практика интифады, заключающаяся в преднамеренном отправлении женщин и детей в опасные зоны боевых действий, является логическим продолжением хорошо задокументированной политики ООП по размещению женщин и детей в лагерях для террористов, чтобы Израиль не мог бомбить террористов, не рискуя причинить жертвы среди «мирного населения».

Другой пример обоснованной критики, выраженной необоснованно (то есть, импульсивно), связан со свободой слова и цензурой. На оккупированных территориях арабы сталкиваются с большей цензурой и большей свободой слова, чем во многих демократических странах. В Японии, Швеции, Коста-Рике, а также во многих небольших однородных городах Америки, фактическое инакомыслие выражено гораздо меньше, чем на оккупированных территориях. Несмотря на существование формальной военной цензуры, которая недопустима и не должна допускаться даже в самых свободных демократиях, и несмотря на необоснованные административные задержания некоторых из самых ярых противников Израиля, на оккупированных территориях допускается значительная свобода выражения мнений против Израиля. Арабы на этих территориях чувствуют себя более свободно, осуждая Израиль, чем критикуя ООП или поддерживая Израиль. Резкое осуждение Израиля может привести к временному закрытию газеты или временному задержанию политического лидера, но несогласие с позицией ООП может привести к тому, что Джордж Бернард Шоу назвал высшей формой цензуры, а именно к убийству. Например, в ответ на предложение мэра Вифлеема о прекращении огня в интифаде Ясир Арафат пригрозил: «Кто задумает остановить интифаду до того, как она достигнет своих целей, тому я пущу десять пуль в грудь»[216]. Если перефразировать старую шутку о Советском Союзе, применимую к оккупированным территориям: арабы в Хевроне обладают той же свободой, что и евреи в Тель-Авиве — и те, и другие могут критиковать Израиль и восхвалять ООП.

Действительно, справедливо будет сказать, что самая свободная пресса во всем арабском мире — это чрезмерно подвергающаяся цензуре палестинская пресса на Западном берегу. Также справедливо будет сказать, что если бы выборы состоялись на Западном берегу, это были бы самые свободные выборы в истории арабского мира. И бесспорно, что самая независимая судебная система, к которой арабы имеют доступ где-

[216]Чарльз Краутхаммер, «Проклятие легализма: международное право? Оно носит исключительно рекомендательный характер», New Republic, 6 ноября 1989 г., стр. 44.

либо на Ближнем Востоке, — это израильская судебная система. Все это не означает, что пресса, выборы или судебная система на оккупированных территориях достаточно свободны. Но это, безусловно, лучше, чем все, что сейчас доступно в арабском мире.

Существует несколько возможных критериев, по которым можно обоснованно оценивать действия Израиля на оккупированных территориях. Во-первых, как это общепринято в международном праве, существует стандарт соблюдения прав человека, применяемый предыдущим правительством. Никто не может отрицать, что Израиль предоставляет оккупированному населению гораздо большую правовую защиту и гораздо более широкие права человека, чем это делали предыдущие правительства. При правлении Иордании, Сирии и Египта царили тотальная цензура и тирания.

Второй, и связанный с первым, критерий — сравнение прав, доступных населению оккупированных территорий, с правами, доступными гражданам других арабских и исламских государств региона, не находящихся на оккупированных территориях. И снова Израиль демонстрирует значительно лучшие результаты по сравнению с ними. Правительства соседних государств, таких как Ирак, Сирия и Саудовская Аравия, практически не предоставляют своим жителям никаких прав человека. Как правило, они занимают самые репрессивные позиции в любом объективном рейтинге нарушителей прав человека. Египет и Иордания показывают несколько лучшие результаты, но средний араб на территориях, оккупированных Израилем, обладает как минимум такой же свободой, как и средний гражданин Египта и Иордании, а в некоторых отношениях — даже большей[217].

Третий критерий для сравнения — это то, как другие страны мира сегодня обращаются со своими гражданами или гражданами на оккупированных территориях, и как сообщество наций реагирует на такое обращение. Вкратце, несколько демократических стран предоставляют своим гражданам больше прав, чем те, которые Израиль предоставляет населению оккупированных территорий. Подавляющее большинство стран относятся к своим гражданам не лучше и не хуже. Оккупационные державы на протяжении всей истории жестоко подавляли тех, кто находился под их контролем, особенно когда продолжалось активное сопротивление, как, например, во время интифады. Обычно в ответ на насильственные восстания применялась смертная казнь в больших масштабах.

Наконец, следует упомянуть стандарты прав человека, применяемые Израилем к израильским гражданам. Именно этим очень высоким стандартам — одним из самых высоких в цивилизованном мире — израильские оккупационные власти не соответствуют в своем обращении с оккупированным населением. Израильские граждане, как арабы, так и евреи, обладают гораздо большими правами на свободу выражения мнений, политические собрания, судебный надзор и другие основополагающие гарантии, чем оккупированное население. Но, с другой стороны, израильские граждане обладают гораздо большими правами, чем граждане подавляющего большинства стран мира сегодня. Никогда прежде в истории от оккупационной державы не ожидалось распространения на оккупированных ею граждан всех прав, которыми пользуются ее собственные граждане. По своей природе оккупация подразумевает, что многие права, которыми пользуются граждане, недоступны оккупированному населению. Это, безусловно, было верно, когда Соединенные Штаты оккупировали Германию и Японию после Второй мировой войны. Эти оккупации не длились почти четверть века, как израильская оккупация. Но немецкая и японская

[217]Рэймонд Д. Гастил, «Свобода в мире: политические права и гражданские свободы, 1984—1985» (Уэстпорт, Коннектикут: Greenwood Press, 1985).

оккупации закончились не только мирным договором, но и реальным миром. Ни одно арабское государство, за исключением Египта, не предложило Израилю ни мирного договора, ни реального мира.

Израильская оккупация должна быстро закончиться как на благо оккупированных палестинцев, так и на благо израильских оккупантов. Но она должна завершиться в контексте всеобщего мира, а не просто временного разрешения спора между Израилем и его оккупированным населением. Использование Саддамом Хусейном ракет «Скад» и его угрозы применения химического оружия против израильского гражданского населения подчеркивают необходимость буферной зоны между вооруженными арабскими странами и населенными пунктами Израиля. Уступка Израилем этой буферной зоны врагу, поклявшемуся ее уничтожить, не будет отвечать интересам мира. Трагично, что оккупация, возможно, с увеличением местной автономии, почти наверняка будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнут всеобъемлющий мир между Израилем и его соседями на востоке и севере. До тех пор, пока оккупация не закончится, Израиль будет подвергаться суровой критике со стороны мирового сообщества за реакцию на интифаду примерно так же, как Соединенные Штаты, Англия, Канада и Франция реагировали — и отреагировали бы сегодня — на аналогичные угрозы своей безопасности.

Как еврей и сторонник Израиля, я считаю уместным призвать Израиль к соблюдению самых высоких стандартов гражданских свобод: это было бы полезно как для прав человека, так и для самого Израиля. Это также помогло бы положить конец насилию, чрезмерной реакции и смертям, которые тогда перестали бы служить их политическим и пиар-целям.

Любая разумная критика методов Израиля — от чрезмерного применения силы до чрезмерной цензуры и чрезмерного количества задержаний — допустима, на мой взгляд, если она контекстуальна и сравнительна. Для того чтобы высказывать подобную критику, не обязательно быть гражданином государства. Действительно, международные правозащитные организации, такие как Amnesty International, делают это постоянно. Но совершенно иная проблема возникает при внешней критике геополитических вариантов, выбранных правительством Израиля, хотя иногда грань между вопросами прав человека и геополитическими вопросами скорее является вопросом акцентов, чем сути.

Палестинцы усвоили политическую ценность использования риторики о правах человека. Действительно, бывший сотрудник Госдепартамента США Алан Киз утверждал, что, изменив условия ближневосточной дискуссии с политического вопроса между Израилем и арабскими государствами на жалобу оккупированных палестинцев на нарушение прав человека, ООП получила незаслуженное политическое и дипломатическое преимущество. Палестинские политические организации теперь позиционируют себя как организации, занимающиеся «правами человека», и СМИ на это ведутся.

В 1989 году бывший президент Джимми Картер наградил «Аль- Хак» премией Картера-Менила за ее работу в качестве палестинской правозащитной организации. Энтони Льюис всегда называет «Аль-Хак» «палестинской правозащитной организацией». Льюис критикует евреев, которые пишут ему и утверждают, что палестинцы на самом деле не «работают во имя прав человека».

Но на самом деле палестинских правозащитных организаций не существует. Есть палестинские правозащитные организации, единственная цель которых — максимальное продвижение прав и целей палестинцев. Нет ничего плохого в том, чтобы группа продвигала свои собственные узкие интересы, но ни одна такая корыстная группа

не должна иметь права притворяться правозащитной организацией. Права человека означают универсальные права всех людей. И мне ничего не известно о каких-либо палестинских группах, работающих в защиту угнетенных евреев в Сирии, курдов без гражданства в Ираке или еврейских жертв терроризма ООП. Напротив, некоторые призывали Советский Союз прекратить эмиграцию советских евреев, опасаясь, что советские евреи приедут в Израиль и поселятся на оккупированных территориях. С другой стороны, существуют подлинные еврейские правозащитные организации, которые действительно работают на благо палестинцев и против действий их собственных правительств и народа. Я не помню, чтобы Льюис или другие, называющие «Аль-Хак» правозащитной организацией, когда-либо называли Антидиффамационную лигу правозащитной организацией, хотя мандат ADL намного шире, чем у «Аль-Хак». Пока палестинские «правозащитные» группы не расширят сферу своей деятельности за пределы корыстной защиты собственных прав и интересов, они не заслуживают благородного звания правозащитных организаций.

То же самое можно сказать о многих странах и группах, которые выступают против лишь отдельных нарушений прав человека. Чернокожий южноафриканский активист Нельсон Мандела вызвал значительные споры в 1990 году, когда заявил, что Муаммар Каддафи, Фидель Кастро и Ясир Арафат являются большими сторонниками прав человека. Под давлением он объяснил, что считает любого, кто поддерживает его борьбу против апартеида, защитником прав человека, независимо от того, насколько репрессивными они могут быть по отношению к своим гражданам или другим. Это просто неправильное использование термина «права человека».

Одна из важных причин успеха таких организаций, как Amnesty International и Американский союз гражданских свобод, заключается именно в том, что в лучшие свои моменты они не критикуют геополитические варианты, даже такие неоправданные, как советское вторжение в Афганистан, британское нападение на Аргентину или американская «спасательная операция» на Гренаде. Они сосредоточиваются на нарушениях прав человека и гражданских свобод. Действительно, в тех немногих случаях, когда такие организации размывали границы между гражданскими свободами и политикой, они теряли доверие.

Это не значит, что американский еврей не имеет права не соглашаться с геополитической политикой Израиля. Я думаю — хотя и не уверен — что Израиль совершает ошибку, продолжая оккупировать густонаселенные арабские районы на Западном берегу и в секторе Газа. Но решение об обмене законно захваченной территории (даже густонаселенной) на обещание мира (даже если такое обещание будет дано) настолько сложное, настолько рискованное, настолько беспрецедентное в мировой истории, настолько связанное с внутриполитическими соображениями и последствиями, что я, лично, не хочу участвовать в какофоническом хоре всезнающей критики, которая сейчас направлена против Израиля за его бездействие. Я также опасаюсь критиковать Израиль за нежелание рисковать, поскольку моя жизнь и жизни моих детей не находятся под непосредственной угрозой из-за геополитических решений Израиля, которые напрямую связаны с его выживанием как еврейского государства.

Евреи — одни из самых открыто самокритичных людей на земле. Масштабы и интенсивность публичных дебатов, разногласий и раскола внутри еврейской общины по поводу некоторых аспектов израильской политики не находят отражения в большинстве других групп. Действительно, ничего сравнимого с уровнем публичной критики никогда не допускалось в Соединенных Штатах ни во время одной войны, за исключением, возможно, Вьетнама — и даже во время Вьетнамской войны у нас были Кентский университет, суд над Споком, мстительная мобилизация противников войны и

атмосфера политических репрессий. Безусловно, в арабском мире нет сопоставимого уровня инакомыслия, отчасти потому, что оно просто не было бы терпимо, а также потому, что практически вся публичная критика направлена против еврейского государства, еврейской общины в Америке и всемирного «сионистского заговора». Конечно, в арабском мире существуют глубокие разногласия, но они, как правило, не находят отражения в публичных дебатах, диалоге и дискуссиях — хотя, безусловно, некоторая критика присутствует среди ученых и интеллектуалов, живущих на безопасном расстоянии от полей сражений. Скорее, арабские разногласия, как правило, проявляются в убийствах, междоусобных войнах и массовых расправах.

Критика Израиля со стороны американских евреев пользуется особым статусом в средствах массовой информации. Этот особый статус не может быть проигнорирован теми, кто стремится реализовать свое право на публичную критику. Пример из моего собственного опыта проиллюстрирует это явление. Я посвящаю значительную часть своей профессиональной жизни критике нарушений прав человека во всем мире. Я подписывал петиции против южноафриканского апартеида, советских репрессий, греческих полковников, чилийской армии, аргентинских «исчезновений», эксплуатации Маркоса, злоупотреблений шаха и аятолл, и это лишь некоторые примеры. В большинстве случаев эти петиции либо не освещаются в СМИ, либо отходят на второй план. Но в 1979 году я присоединился к нескольким другим «видным еврейским деятелям», критикующим решение Израиля построить религиозное поселение под названием Элон Морех на конфискованной арабской земле на Западном берегу. Я чувствовал себя комфортно, занимая эту позицию, потому что решение о строительстве Элон Морех на конфискованной арабской земле было явно не основано на соображениях безопасности. Именно поэтому мы и критиковали это решение. Решение о создании нестратегических еврейских поселений на арабских землях по религиозным соображениям, на мой взгляд, неправильно и заслуживает публичной критики.

Внезапно весь мир меня услышал! История нашей петиции появилась на третьей странице «Нью-Йорк Таймс» и получила освещение в других СМИ. Почему? Было ли нарушение Израилем прав арабской собственности настолько вопиющим по сравнению с другими продолжающимися нарушениями прав человека во всем мире? Конечно, нет. В сравнительном контексте, случай с Элоном Морехом был шестым по степени нарушения прав человека. Была ли наша петиция так блестяще написана? Вовсе нет; она была довольно громоздкой и неэлегантной. Был ли список имен настолько впечатляющим, чтобы оправдать подобное освещение? Нет; он состоял в основном из ученых и писателей, таких как я, которые уже неоднократно поддерживали другие петиции и инициативы, не получая при этом сопоставимого внимания.

Единственная причина, по которой эта петиция привлекла такое внимание, заключалась в том, что её подписали видные еврейские деятели в Соединенных Штатах, выражавшие критику одного из аспектов израильской политики. Наша еврейская идентичность стала рупором, через который усилился звук наших критических голосов. Наша еврейская идентичность также стала подтверждением точности и обоснованности нашей критики: «Видите, даже евреи согласны с тем, что...».

В субботу после публикации истории о нашей петиции раввин моей матери в Бруклине разразился яростной атакой на «еврейских предателей», осмелившихся публично протестовать против израильской политики. Это был унизительный опыт для моей матери и тревожный для меня. Но это не убедило меня воздерживаться от публичной критики. На самом деле, публичная похвала, которую я получил за «смелость» критиковать Израиль, оказала на меня более глубокое — и явно негативное — воздействие, чем раввинское осуждение с кафедры моей старой синагоги. Слишком

многие, казалось, были слишком довольны публичным зрелищем еврейской критики Израиля.

Мое беспокойство по поводу моей роли публичного критика Израиля усилилось несколько месяцев спустя, когда Верховный суд Израиля постановил, что захват арабских земель для религиозного поселения Элон Морех был незаконным. Это решение заставило меня осознать, что в Израиле существуют институты, необходимые для разрешения конфликтов между чрезмерным вмешательством правительства и правами человека. Эти конфликты не всегда разрешаются в пользу защитников прав человека. Верховный суд Израиля не всегда принимает правильное решение с точки зрения защиты гражданских свобод. (Как, конечно, и наша судебная система.) Но израильская система хорошо работает на институциональном уровне, и это важный фактор при принятии решения о том, стоит ли заниматься внешней публичной критикой.

Единственное решение, которое я принял после дела Элона Мореха, — это то, что я больше не буду критиковать Израиль как еврей. Я не буду подписывать исключительно еврейские петиции против израильской политики. Я продолжу — надеюсь, на принципиальной основе — критиковать конкретные нарушения гражданских свобод и прав человека как частное лицо, как юрист, как борец за гражданские свободы, даже как сторонник Израиля. Но я больше не буду критиковать как еврей. Это может показаться наивным и формалистичным, поскольку как частное лицо я всегда публично идентифицируюсь как еврей. Но это различие для меня важно.

Важность этого явления была продемонстрирована во время недавней, продолжающейся интифады. Многие евреи, ранее не имевшие никаких связей с Израилем или другими еврейскими движениями, внезапно решили выступить против Израиля, будучи евреями. Большинство из этих людей — некоторые из них мои коллеги — пришли бы в ярость, если бы их попросили протестовать против войны во Вьетнаме или других достойных протеста действий, будучи евреями. (Некоторые даже выражали гнев, когда их просили жертвовать еврейским благотворительным организациям, будучи евреями). Почему же тогда они были готовы присоединиться к уникальному еврейскому протесту — и в некоторых случаях впервые публично заявить о своей принадлежности к еврейской общине — против израильской политики? Я задал этот вопрос некоторым из них. Их ответ был ужасающим. Действия Израиля на Западном берегу ставили их в неловкое положение как евреев. Они никогда бы не использовали идишское выражение «шанда фур де гоим», но они высказывали точно ту же мысль, которой руководствовалось поколение моей бабушки. Я был шокирован, услышав это от представителей моего поколения, а некоторые даже и от более молодого поколения. Присоединяясь к еврейским протестам против Израиля, эти современные «гости» стремились дистанцироваться от предполагаемых злоупотреблений еврейского государства. Они хотели, чтобы их «хозяева» — «настоящие» американцы — поняли, что они — хорошие евреи, а не такие, как те, кто в Израиле совершал эти позорные поступки. Они идентифицировали себя как евреи именно для того, чтобы отделиться от других евреев. Это было похоже на публичное заявление своим нееврейским коллегам: «Не вините нас за то, что вы видите по телевизору. Они — израильтяне. Мы — американские евреи. Мы не несем за них ответственности. Мы не являемся их частью. Мы — часть вас. Мы — хорошие парни. Мы — хорошие гости в вашем доме».

Многие из тех, кто присоединился к этим протестам, выражающим смущение и отчуждение, не следят за событиями на Ближнем Востоке, никогда не посещали Израиль или Западный берег и не собирались этого делать.

После скандала с Элоном Морехом я долго обсуждал со своими друзьями из Бруклина и другими представителями моего поколения критерии, по которым следует

решать, когда и стоит ли критиковать Израиль. Некоторые из моих друзей считают, что присоединяться к одностороннему хору лицемерной критики неправильно. Другие говорят, что лицемерие остального мира не должно заставлять нас самих становиться лицемерами. Согласно этой точке зрения, мы должны игнорировать остальной мир и критиковать Израиль — а также другие страны — всякий раз, когда он делает что-либо, заслуживающее критики. Я пытался разобраться в этом вопросе для себя в течение последних нескольких лет и пришел к промежуточной позиции.

Теперь я редко критикую израильскую политику, не посетив Израиль лично. В рамках этого конструктивного процесса критики я много раз бывал в Израиле, как до инцидента с Элоном Морехом, так и еще чаще после него. Я посещал тюрьмы, лагеря для задержанных, залы суда, Министерство юстиции, оккупированные территории, границы, военные объекты, дома арабов и друзов, школы, кофейни. Я присутствовал на демонстрациях «Мир сейчас», митингах «Кахане», протестных собраниях арабских студентов и политических выступлениях основных кандидатов. Я встречался с премьер-министрами Израиля и со сторонниками интифады.

Чтобы проиллюстрировать тот вид контекстуальной, сравнительной и конструктивной критики, который, как мне кажется, уместен для американского еврея, я расскажу несколько коротких историй, основанных на некоторых из этих поездок (дело Демьянюка я уже обсуждал в главе V).

В 1970 году я отправился в Израиль по гранту Фонда Форда, чтобы изучить израильскую практику «административного задержания» предполагаемых террористов.

Я изучил более десятка случаев, некоторые из них очень подробно, а затем подготовил отчет о своих выводах, в котором изложил следующее заключение:

В результате моего расследования я пришел к выводу, что практически все задержанные были причастны к террористической деятельности; что подавляющее большинство из них не могут быть привлечены к суду по израильскому законодательству; и что значительное число, вероятно, будет заниматься терроризмом в будущем, если их освободят. Некоторые из задержанных сами не были подрывниками; они были вербовщиками, сборщиками денег и... командирами. Ни один из них не был простым политиком или писателем, не имеющим отношения к террористической деятельности[218].

Несмотря на этот вывод, я написал, что

в целом, я выступаю за отмену Положений о чрезвычайной обороне. Если Израиль считает, что не может мириться с обычными правилами доказательств в делах о подозреваемых в терроризме, то Кнессет должен принять специальные правила доказательств для узкой категории дел в течение тщательно определенных периодов чрезвычайного положения. Все остальные гарантии должны быть обеспечены, как и в обычных случаях. В конечном счете, такая система может привести к освобождению некоторых из тех, кто сейчас находится под стражей. По своей природе любая судебная система такова, что для предотвращения заключения невиновных под стражу ей иногда приходится освобождать виновных. А освобожденные могут совершать акты терроризма. Но риски для безопасности всегда были ценой, которую общество должно платить за свою свободу. Израиль это хорошо знает. Задерживая всего два десятка из своих 300 000 арабских граждан, Израиль сегодня идет на значительный риск[219]*. Действительно, я не знаю ни одной страны — включая нашу собственную — которая*

[218]Алан М. Дершовиц, «Превентивное задержание граждан во время чрезвычайного положения в стране — сравнение между Израилем и Соединенными Штатами», Ежегодник по правам человека Израиля (Тель-Авив: Юридический факультет Тель-Авивского университета), том 1 (1971), стр. 317.

[219]Разумеется, во время интифады их число резко возросло, как и моя критика этой практики.

когда-либо подвергала бы свое население в военное время такому риску в интересах гражданских свобод[220].

В подтверждение своего заключительного предложения я проанализировал действия Америки во время наших войн, включая приостановку действия принципа хабеас корпус и гражданских судебных процессов, задержание более ста тысяч американцев японского происхождения, объявление военного положения и фактическую отмену Первой поправки. Я провел эти сравнения не для того, чтобы оправдать действия Израиля, а чтобы создать контекст для критики со стороны Америки.

В 1978 году мы с другим профессором права отправились в Израиль по просьбе группы юристов-правозащитников, чтобы расследовать заявления о пытках, выдвинутые сторонниками арабо-американца Сами Эсмаила, которого судили в Израиле за прохождение террористической подготовки в Ливии Народным фронтом освобождения Палестины. Мы поговорили с г-ном Эсмаилом, его адвокатами и израильскими властями. Мы тщательно изучили каждое из заявлений и пришли к выводу, что доказательства противоречат большинству из них. Вместо того чтобы содержаться в полной изоляции, как он утверждал, Эсмаила посещали его брат и несколько американских консульских чиновников как до, так и после того, как он признался в своих преступлениях. Не было никаких доказательств лишения сна или физических пыток. Более того, американский генеральный консул «с трудом поверил по его внешнему виду, что он не спал. Он был на удивление бодр. Его глаза были ясными, в них не было покраснения, мешков под глазами, отечности или чего-либо подобного»[221].

Однако мы критиковали Израиль за то, что он не исключил признание Эсмаила из числа доказательств на суде. В статье, опубликованной в New York Times, мы заявили:

Как защитники гражданских свобод, давно обеспокоенные гарантиями, связанными с процессом допроса и признания, мы хотели бы, чтобы суд, тем не менее, признал признание недопустимым. На наш взгляд, признание следует исключать из доказательств, если обвиняемому не предоставляется доступ к адвокату до признания, как того требует в Соединенных Штатах правило Миранды[222].

Мы попытались поместить нашу критику в сравнительный контекст:

Мы не хотим сказать, что в Израиле никогда не было злоупотреблений. В любой стране среди тех, кто выбирает работу в полиции, есть определенный процент людей, склонных к жестокости. Критерием оценки общества является не то, происходят ли нарушения прав человека время от времени, а то, как с ними справляются власти. В Израиле полицейских отстраняли от должности и сажали в тюрьму за жестокое обращение с заключенными. К сожалению, даже в Соединенных Штатах сегодня есть города, где ситуация с нарушениями не столь благоприятна[223].

Судебное преследование Сами Эсмаила Израилем в 1978 году стало предметом обсуждения в американском суде в 1989 году. Палестинец по имени Махмуд Абед Атта был обвинен израильским правительством в обстреле из пулемета гражданского автобуса, следовавшего из Тель-Авива в Иерусалим; в результате погиб водитель и несколько пассажиров получили ранения. Атта был арестован в Соединенных Штатах, и Израиль запросил его экстрадицию. Он сопротивлялся, ссылаясь на то, что в Израиле его будут пытать и избивать, как утверждал Сами Эсмаил. Сами Эсмаил, освобожденный Израилем после отбытия короткого срока тюремного заключения, был ключевым

[220]Там же, с. 321.
[221]Генеральный консул Джеймс Керр, цитируется в статье Монро Х. Фридмана и Алана М. Дершовица «Израильские пытки, как они говорили», New York Times, 2 июня 1978 г.
[222]Фридман и Дершовиц, «Израильские пытки».
[223]Там же.

свидетелем по делу Атты. Меня вызвали в качестве эксперта-свидетеля по просьбе правительства США, которое поддержало запрос Израиля об экстрадиции.

Адвокатом Атты был мой старый друг Рамзи Кларк, бывший генеральный прокурор Соединенных Штатов и юрист, с которым я работал над несколькими делами и проектами. Соединенные Штаты представлял мой бывший студент Джек Семмельман. Судьей на процессе был Джек Вайнштейн, один из самых уважаемых судей в стране.

Меня спросили, применялись ли пытки в отношении подозреваемых в терроризме в Израиле. Вот мой ответ, зафиксированный в протоколе судебного заседания[224]:

Все мои источники информации категорически отрицают, что для получения признания применялись реальные пытки в смысле прямого применения физической силы. Однако угрозы и страх перед пытками используются, часто завуалированно, для получения признания.

Затем меня попросили объяснить, «почему заключенный будет утверждать, что его пытали, если это не так». Я ответил:

В частности, это касается заключенных, состоящих в таких организациях, как ООП, НФОП или Абу Нидаль… Эти организации запрещают своим членам сотрудничать с израильскими властями под угрозой смертной казни. Поэтому, если член такой организации сотрудничал с ввластям, крайне важно, чтобы он мог публично заявить… что у него не было иного выбора, кроме как подвергнуться физическим пыткам, чтобы добиться признания.

…У обеих сторон есть основания желать, чтобы считалось, что допрашиваемые подвергаются пыткам; израильские службы безопасности хотят, чтобы в это верили, чтобы их психологическая стратегия получения признаний и показаний без пыток была эффективной, а допрашиваемые хотят, чтобы в них верили, что их физически пытали, чтобы заставить признаться, и таким образом сохранить доверие к своим организациям.

Наконец, меня спросили, будет ли Атта подвергаться пыткам, если его отправят обратно в Израиль для суда. Мое мнение было однозначным:

К таким случаям относятся ситуации, когда ведется террористическая деятельность, о которой этому человеку известно, когда имеющаяся у него информация актуальна, и когда этот человек не имеет имени и лица.

В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда этот человек практически не выходил на связь ни с какой деятельностью в течение нескольких лет.

…Учитывая, что это дело получило широкую огласку, и Госдепартамент сделал определенные заявления, я был бы очень удивлен, если бы Израиль подверг его тем жестким допросам, которые описаны в докладе комиссии Ландау[225].

Меня также спросили о том, «как израильские тюрьмы соотносятся с тюрьмами в других странах мира». Основываясь на моем довольно обширном опыте посещения тюрем — мои дети знают, что два места, которые мы чаще всего посещаем во время любой зарубежной поездки, это синагога и тюрьма — я засвидетельствовал, что, хотя израильские тюрьмы и не выгодно отличаются от скандинавских, они не хуже, а то и лучше, чем тюрьмы в большинстве других частей мира.

Через несколько недель после моих показаний судья Вайнштейн вынес свое заключение. Опираясь на мои показания, судья пришел к выводу, что представленные на слушании по делу об экстрадиции доказательства свидетельствуют о маловероятности пыток Атты. Судья Вайнштейн также установил, что условия содержания в израильских

[224]Стенограмма судебного заседания, Ахмад против Вигена, 726 F. Supp. 389, 418 (1989).

[225]Комиссия Ландау была создана правительством Израиля в 1987 году для расследования обвинений в том, что израильские службы безопасности применяли физическое давление, а затем лгали о своих действиях.

тюрьмах сопоставимы с условиями в большинстве тюрем этой страны и западного мира. Было принято решение об экстрадиции Атты в Израиль для суда[226].

В 1988 году я провел месяц в Израиле, читая лекции и преподавая по вопросам гражданских свобод. Я публично критиковал чрезмерную реакцию Израиля на интифаду и отказ в предоставлении юридической помощи большому числу лиц, задержанных административными органами на Западном берегу и в секторе Газа. Я также написал статью, критикующую определенные действия израильской службы безопасности, использующей методы давления, включая физическое давление, для получения информации от подозреваемых в терроризме. Комиссия решила не преследовать этих сотрудников службы безопасности в судебном порядке на том основании, что их действия подпадают под юридическую защиту «необходимости». Я считал, что комиссия ошиблась, и заявил в своей статье:

Защита по принципу необходимости по своей природе является экстренной мерой и не подходит для ситуаций, повторяющихся в течение длительного времени. Это особенно актуально, когда претендентом на получение выгоды от этой защиты является государственное учреждение (или его сотрудники).

Государственное учреждение, сталкивающееся с системными проблемами в течение длительного периода времени, имеет в своем распоряжении иные варианты, помимо гражданского неповиновения — помимо преднамеренного решения неоднократно нарушать закон[227].

Я с осторожностью относился к действиям службы безопасности, ответственной за защиту уязвимого гражданского населения от терроризма:

У меня нет информации, необходимой для окончательной оценки того, следует ли разрешать израильской службе безопасности применять физическое давление при допросе некоторых подозреваемых в терроризме при определенных обстоятельствах. (Я лично убежден, что существуют некоторые обстоятельства — по крайней мере, теоретически — при которых чрезвычайные меры, включая физическое давление, могут быть правомерно разрешены; я также убежден, что такие обстоятельства встречаются гораздо реже, чем утверждают сотрудники правоохранительных органов). Моя критика ограничивается исключительно опасностями, присущими злоупотреблению, на мой взгляд, — неограниченной «необходимостью» в качестве оправдания действий службы ббезопасности[228].

Я не утверждаю, что критерии публичной критики, указанные в этих сообщениях, являются единственно верными. Я лишь предполагаю, что прежде чем американский еврей публично присоединится к хору зачастую беспринципной и избирательной мировой критики, он или она должны хотя бы обдумать последствия своего действия и принять осознанное, принципиальное решение. Теория критики — правильная она или нет — безусловно, предпочтительнее эмоционального вынесения грязного белья и защитной реакции в духе «шанда фур де гоим», которые до сих пор слишком часто характеризовали публичную еврейскую критику Израиля.

Один из наиболее спорных вопросов, часто возникающих сегодня, — является ли израильский Закон о возвращении, который фактически автоматически предоставляет

[226]Ахмад против Вигена, 726 F. Supp. 389, 418 (1989). После убийства раввина Меира Кахане у обвиняемого в убийстве был обнаружен список, содержащий имена судьи, прокурора и других лиц, связанных с экстрадицией Атты.

[227]Алан М. Дершовиц, «Необходимо ли применять „физическое давление“ на террористов — и лгать об этом? », Israel Law Review (Иерусалим: Israel Law Review Association), том 23, №№ 2-3 (1989), стр. 197.

[228]Там же, стр. 198-199

евреям гражданство, «расистским» или противоречащим принципам равенства[229]. Эта критика может отражать более общие противоречия между некоторыми лидерами стран третьего мира и евреями по поводу самого существования Израиля как еврейского государства.

В последние несколько лет различные афроамериканские и чернокожие африканские лидеры — от Джесси Джексона до Нельсона Манделы — критиковали саму теорию сионизма, указывая, в частности, на Закон о возвращении. Я быстро отреагировал на эти обвинения, утверждая, что мир, закрывший свои двери для евреев, искавших спасения от гитлеровских печей, не имеет морального права жаловаться на то, что Израиль предоставляет евреям преференции. Особенно возмутительно слышать, как те, кто требует позитивной дискриминации и особых преференций для чернокожих из-за прошлой дискриминации, требуют, чтобы Израиль не предоставлял евреям особых иммиграционных преференций из-за прошлой дискриминации со стороны всего мира.

Например, во время президентской кампании 1984 года я участвовал в публичных дебатах с преподобным Джесси Джексоном, которые затронули эти вопросы[230]. Дебаты состоялись во Фреймингеме, штат Массачусетс, вскоре после того, как Джексон сделал печально известное замечание, назвав Нью-Йорк «Хаймитауном», но до того, как он признал свою вину и извинился за это. В ходе дебатов я задал тогдашнему кандидату в президенты следующий вопрос: «Преподобный Джексон, какой совет вы бы дали идеалистически настроенному молодому чернокожему избирателю, который спросил бы вас, следует ли ему голосовать за красноречивого и страстного белого кандидата, с чьими взглядами он в целом согласен по многим внутренним и международным вопросам, но который, кажется, нечувствителен к проблемам чернокожих в Южной Африке, который использовал расистские оскорбления в адрес чернокожих, который сказал, что он достаточно наслушался о рабстве чернокожих, и который назвал самоопределение чернокожих «отравленным сорняком» черных устремлений?» Каждая из этих резких отсылок, разумеется, была моей упрощенной попыткой провести параллели с бесчувственностью Джексона к Израилю, использованием им термина «Хайми», его заявлением о том, что он уже достаточно наслушался о Холокосте, и его характеристикой сионизма как «отравленного сорняка иудаизма».

Преподобный мистер Джексон сделал довольно долгую паузу, прежде чем ответить. Наконец он сказал: «Я бы посоветовал этому молодому, идеалистически настроенному чернокожему избирателю внимательно наблюдать за этим белым кандидатом и внимательно прислушиваться к его словам, чтобы определить, извлек ли кандидат уроки из своих ошибок и вырос ли он благодаря этому опыту. Я бы призвал его сохранять непредвзятость и дать кандидату возможность заслужить его голос в будущем».

[229]Сейчас я говорю не о более конкретных разногласиях внутри еврейской общины по поводу определения того, кто является евреем. Хотя этот в значительной степени символический вопрос возникает в контексте Закона о возвращении, на самом деле он имеет мало практического значения в рамках этого закона, поскольку любой близкий родственник еврея — независимо от того, является ли этот родственник евреем или нет — имеет право на гражданство в соответствии с Законом о возвращении. Соответствующий текст закона гласит: «Права еврея в соответствии с настоящим законом, а также права елея в соответствии с любым другим законодательным актом, также принадлежат ребенку и внуку еврея, супругу еврея, супругу ребенка еврея и супругу внука еврея, за исключением лица, которое было евреем и добровольно сменило свою религию... Не имеет значения, жив ли еще еврей, на основании права, предусмотренного подпунктом A, и иммигрировал ли он в Израиль». Закон о возвращении, 5710-1950, §4 A (с поправками).

[230]Отрывки из текста дебатов были опубликованы в статье Билла Петерсона «Разговор Джексона с евреями перерастает в конфронтацию», Washington Post, 5 марта 1984 г., стр. A6.

Как только дебаты закончились, Джексон подошел ко мне и сказал, что, по его мнению, это был самый сложный вопрос, который ему задали, и что он действительно заставил его задуматься. Он пригласил меня провести с ним остаток дня, чтобы мы могли «начать диалог по этим вопросам».

Я согласился, и мы вместе ездили по округе весь день и вечер, занимаясь предвыборной кампанией. Джексон знал, что я не поддерживаю его кандидатуру, но он очень хотел заверить меня, что он — кандидат, способный учиться на своих ошибках и извлекать уроки из своего опыта. Возможно, он надеялся заручиться моей поддержкой на выборах 1988 или 1992 года. Мы долго говорили об Израиле, Законе о возвращении, позитивной дискриминации, Холокосте, движении за гражданские права, напряженности между чернокожими и евреями, Южной Африке и Советском Союзе.

После нескольких часов препирательств Джексон сделал примечательное заявление: «Алан, ты один из первых евреев, которых я встречал, кто так же твердо привержен расовой справедливости, как и сионизму. Большинство других евреев, которых я знаю и которые действительно привержены расовому равенству и прогрессивным идеям, являются антисионистами или, по крайней мере, скептически относятся к израильскому делу. И большинство других евреев, которых я знаю и которые страстно преданы сионизму и Израилю, похоже, не заботятся о проблемах чернокожих. Ты — исключение».

Я с недоумением посмотрел на Джексона. Внезапно меня осенило, и я ответил: «Преподобный Джексон, некоторые считают вас антисемитом. Теперь я понимаю, что такая характеристика не соответствует действительности. Вы просто ничего не знаете о еврейской общине. Вы просто не понимаете, что мы собой представляем. Вы не понимаете нашей сложности. И поэтому вы склонны к стереотипам, точно так же, как многие белые — включая евреев — которые не знают чернокожего сообщества, склонны стереотипизировать ваш народ». Я сказал ему, как сильно он ошибается, как много евреев, подобных мне, твердо верят как в прогрессивные идеи, так и в дело Израиля.

Я напомнил Джексону, что наиболее видные политические сторонники программы защиты гражданских прав, как евреи, так и неевреи, были убежденными сторонниками Израиля. Действительно, одним из самых ярых сторонников Израиля был Мартин Лютер Кинг-младший, который не боялся критиковать американскую внешнюю политику или американских союзников, о чем свидетельствует его позиция по войне во Вьетнаме. Кинг гордился своей поддержкой Израиля и осуждением «иррациональных» антиизраильских позиций новых левых. Через десять месяцев после израильской оккупации Западного берега и всего за десять дней до своей смерти Кинг так кратко изложил свои взгляды на безопасность Израиля:

Мир для Израиля означает безопасность, и мы должны всеми силами защищать его право на существование, его территориальную целостность и право использовать любые необходимые ему морские пути. Израиль — один из величайших форпостов демократии в мире и замечательный пример того, чего можно достичь, как пустынная земля может превратиться в оазис братства и демократии. Мир для Израиля означает безопасность, и эта безопасность должна стать реальностью[231].

Я также напомнил Джексону, что еврейские общественные деятели, от Артура Голдберга до Говарда Метценбаума, от Джейкоба Джавитса до Абрахама Рибикоффа, от Элизабет Хольцман до Роберта Абрамса и Барни Франка, были лидерами как в борьбе за гражданские права, так и в деле обеспечения безопасности Израиля. Среди нееврейских сторонников Израиля были такие активисты движения за гражданские права, как

[231]Мартин Лютер Кинг-младший, Раввинская конференция, Нью-Йорк, 25 марта 1968 года.

Хьюберт Хамфри, Джордж Мини, Эдвард Кеннеди, Уолтер Мондейл, Алан Крэнстон и Байард Растин. Даже в Южной Африке некоторые из ведущих белых противников апартеида, такие как Хелен Сассман и Сидней Кентридж, долгое время поддерживали Израиль.

Я сказал Джексону, что его общение с евреями, очевидно, ограничивалось лишь радикальными экстремистами, которые поддались его антиизраильской риторике, характерной для стран третьего мира. Он возразил, что все мои примеры касались сторонников старого Израиля, Израиля, который находился в обороне от арабских нападений. Он сказал мне, что его интерес к Ближнему Востоку окреп после того, как Израиль стал оккупантом арабских земель и торговым партнером Южной Африки[232]. Он заверил меня, что его мнение — что прогрессивные евреи не поддерживают Израиль — справедливо для поколения евреев, достигших политической зрелости после 1967 года.

Я знал, что он ошибается. Но он, безусловно, уловил опасную тенденцию. Поддержка Израиля, как со стороны евреев, так и неевреев, наиболее резко возрастала среди представителей правого политического крыла (за исключением безумных крайне правых, которые продолжали быть антисемитскими и антиизраильскими) и наиболее резко снижалась среди представителей левого политического крыла (включая безумных крайне левых, которые были яростно антиизраильскими и — хотя и отрицали это — все более антиеврейскими).

Поколению, родившемуся после 1967 года, не хватало памяти о корнях Израиля после Холокоста и о постоянных неспровоцированных нападениях арабских соседей на Израиль с момента его основания. Эта группа также не помнила расистских, геноцидных угроз, направленных против самого существования Израиля до войны 1967 года, и упущенных арабскими лидерами возможностей для самоопределения палестинцев в их стремлении лишить этот регион еврейского суверенитета. Мои беседы с Джесси Джексоном напомнили мне, насколько важно продолжать отстаивать либеральные, прогрессивные взгляды в защиту Израиля и не оставлять поддержку Израиля в руках правых милитаристов и фундаменталистов.

Еще один важный вопрос, стоящий перед американскими евреями, поддерживающими Израиль, и связанный с Законом о возвращении, — это обвинение в «двойной лояльности». Закон о возвращении здесь уместен, поскольку многие, кто заявляет о двойной лояльности, делают это, исходя из того, что все американские евреи являются потенциальными гражданами Израиля. (Этот нелепый аргумент недавно был доведен до абсурдного предела, когда федеральный прокурор попытался добиться от судьи отказа в залоге американскому еврею на том основании, что он «является гражданином Израиля»). Обвинение в двойной лояльности не является ни новым, ни исключительно израильским.

С тех пор как евреи стали меньшинством на «чужих» землях, их обвиняли в двойной лояльности. Еще до создания государства Израиль это обвинение выражалось в лояльности к еврейскому народу, а не к принимающей стране. Такие обвинения приводили к дискриминации, и даже к худшим последствиям, в Польше, Франции, Англии, России, Германии и во всем арабском мире.

Действительно, первые зафиксированные обвинения в двойной лояльности относятся к истории Эсфири. (Ещё более ранние намёки встречаются в истории Иосифа в

[232]К основным торговым партнерам Южной Африки относятся Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Германия, Япония и Советский Союз. На долю Израиля приходится менее одного процента от общего объема торговли Претории. Саудовская Аравия, Оман, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт являются основными поставщиками нефти для южноафриканской армии. С 1970 года Южная Африка импортировала из этих стран нефть на сумму более десяти миллиардов долларов.

Египте и евреев, порабощённых фараонами). Молодая еврейская царица Персии и её дядя Мордехай сговорились спасти еврейский народ от запланированной резни, устроенной персидским премьер-министром Аманом. Перенаправляя убийства с намеченных целей — евреев — на Амана и его семью, ставили ли Эсфирь и Мордехай свою верность единоверцам выше верности своему премьер-министру и принимающей стране?

Конечно, нет! Они действовали как из вполне похвальной личной выгоды, так и из принципа. Было бы морально неправильно допустить убийство невинного еврейского населения Персии только потому, что премьер-министр ненавидел евреев. Мордехай и Эстер имели полное право считать, что убийство евреев не отвечает интересам Персии, что, собственно, и подтвердилось.

Аналогично, те немецкие евреи, которые противостояли антисемитизму Гитлера, не были виновны в том, что ставили свою преданность единоверцам выше преданности Германии. Это Гитлер поставил свою преданность разрушительной идеологии выше преданности немецкому народу и нации. Те, кто противостоял Гитлеру, как евреи, так и неевреи, были истинными немецкими патриотами. Они были верны не только лучшим немецким традициям и ценностям, но и универсальным принципам справедливости.

Тем не менее, обвинения в двойной лояльности сохранялись на протяжении всей истории и во всем мире. Пока евреев считали неассимилированными (и даже в Германии, где многие были полностью ассимилированы), существовал ложный тезис о том, что они в первую очередь преданы какому-то еврейскому делу, будь то сионизм, социализм, капитализм, идишизм или хасидизм, или какому-то мифическому заговору, например, так называемым мудрецам Сиона.

С образованием государства Израиль в 1948 году обвинение в двойной лояльности стало более целенаправленным и распространенным. Сейчас я слышу его в самых высоких кругах Соединенных Штатов — в политике, СМИ, академических кругах и промышленности. Оно стало неотъемлемой частью ток-шоу и важным компонентом как антиеврейской, так и антиизраильской пропаганды.

На это обвинение необходимо ответить прямо, честно и без защитной реакции. Правда в том, что большинство американских евреев — да и вообще большинство евреев во всем мире — поддерживают Израиль. Мы поддерживаем Израиль финансово, политически и эмоционально. Мы поддерживаем Израиль, потому что это правильная моральная позиция в современном мире. Если бы это было не так, поддержка Израиля со стороны евреев значительно бы снизилась. Действительно, по мере того как Израиль начал терять моральное превосходство в отношении некоторых конкретных политических решений — например, чрезмерной реакции на интифаду — он потерял поддержку среди американских евреев. Справедливо будет сказать, хотя об этом редко говорят в СМИ, что американские евреи более чувствительны к моральным оправданиям действий Израиля, чем другие этнические группы американцев к моральным оправданиям действий стран и групп, которые они поддерживают.

Американские евреи не питают двойной лояльности к Америке и Израилю. Большинство из них верны принципам морали и демократии, принципам, которые, как правило, лежат в основе политики как Америки, так и Израиля. Мы одни из первых, кто критикует отклонения от принципов со стороны любой страны, включая Америку и Израиль.

Как и большинство католиков, протестантов, мусульман и других американцев, большинство евреев черпают свою мораль из бессознательного сочетания опыта, доктрин, симпатий и других источников. В природе многообразного и неоднородного общества, подобного нашему, заложено множество привязанностей: к политической партии, к семье, к религии, к расе, к этническому или национальному происхождению, к

региону, к друзьям, к колледжу, к полу.

Эти многочисленные привязанности помогают формировать выбор каждого человека по конкретным вопросам, касающимся американской повестки дня. То, что хорошо для Америки, для процветающей демократии, не является статичным понятием, определяемым какой-либо конкретной группой американцев. Это динамичный и изменчивый результат, результат многообразия мнений всех американцев. Ни одна группа или человек не уполномочены определять, что лучше для Америки — ни General Motors, ни Оливер Норт, ни «Дочери американской революции», ни Джесси Джексон, ни одна ветвь нашего правительства. Решение принимается — после полного учета мнений всех американцев — посредством сочетания законодательного, исполнительного и судебного процессов.

Никто не должен обвинять религиозного католика в двойной лояльности, если он или она обращается в Ватикан за советом о том, как Америка должна решать проблемы абортов или СПИДа. Никто не должен обвинять чернокожего американца в двойной лояльности, если он или она приходит к выводу, что для Америки хорошо противостоять апартеиду в Южной Африке. Никто не должен критиковать американца ирландского происхождения за призыв к стране поддержать ирландские устремления в Северной Ирландии. И никто не должен обвинять американского мусульманина в двойной лояльности за призыв к Соединенным Штатам защищать Саудовскую Аравию от иракской агрессии. В плюралистическом и неоднородном обществе, подобном нашему, каждая группа — и даже каждый человек — должен иметь право голоса при принятии решений о том, что хорошо, а что плохо для Америки. Американские евреи должны продолжать — без смущения или страха перед ложными обвинениями в двойной лояльности — утверждать, что поддержка Израиля со стороны Америки — это хорошо для Америки.

Меня часто спрашивают, кого бы я поддержал, если бы Америка когда-нибудь вступила в войну с Израилем. Мой первый ответ обычно состоит в том, чтобы привести старую историю о первом заседании кабинета министров, на котором премьер-министр Бен-Гурион попросил высказать предложения о том, как Израилю избежать банкротства. Министр финансов призвал Израиль последовать примеру Японии и Германии, объявив войну Соединенным Штатам, проиграв, а затем восстановившись в великолепии. Бен-Гурион ответил: «Но с нашей шлимазль (неудачей) мы можем победить! Тогда что мы будем делать?»

Мой второй ответ, хотя и более серьёзный, также можно проиллюстрировать старой поговоркой, на этот раз из Галиции: «Если еврей ест курицу не в Шаббат, то либо еврей, либо курица больны». Если бы Америка и Израиль когда-либо воевали друг с другом, одна из стран должна была бы быть действительно очень больна. Америка, которую я знаю и люблю, никогда не смогла бы воевать с Израилем, который я знаю и люблю. Если бы когда-нибудь произошла — не дай Бог — война, одна из этих стран должна была бы кардинально измениться. И если бы это случилось, я бы поддержал правильную сторону, справедливую сторону, моральную сторону, как я и ожидаю от других американцев всех вероисповеданий.

Нынешняя поддержка Израиля со стороны Америки выгодна ей не только потому, что основана на здравых стратегических соображениях, но и потому, что она правильна с моральной и исторической точки зрения. Если американские евреи не чувствуют себя комфортно, отстаивая эти аргументы как лояльные американцы, никто другой не будет делать это за нас.

Безопасность Израиля не гарантирована. Израиль — единственная страна в мире, само существование которой находится под угрозой со стороны врагов, как внешних, так

и внутренних, поддерживаемых большинством членов Организации Объединенных Наций. Это единственная страна в мире, чье национальное движение, сионизм, было объявлено Организацией Объединенных Наций «формой расизма». Это единственная страна в мире, которой угрожает геноцидная война, целью которой является не только военная победа, но и истребление.

Геноцид еврейского населения Израиля — населения, примерно равного численности польских евреев в начале Второй мировой войны, — не является нереалистичным кошмаром. Сегодня ничто не препятствует этому, кроме военного превосходства Израиля над объединенными арабскими армиями и террористическими организациями[233]. Если бы арабские армии и террористы были способны победить Израиль, уничтожить его еврейское население и «вернуть» себе всю территорию современного Израиля, вряд ли кто-то стал бы пытаться это сделать. Действительно, если бы какой-либо арабский лидер был способен уничтожить Израиль в военном отношении, но воздержался от этого, его бы заменил тот, кто хотя бы попытался бы это сделать.

Недавний экспоненциальный рост исламского фундаментализма увеличивает вероятность того, что военная победа арабов над Израилем может иметь апокалиптические, если не геноцидные, последствия. Хотя в палестинском и арабском движениях есть умеренные голоса, к ним прислушиваются только потому, что Израиль сегодня слишком силен, чтобы его можно было полностью победить. Если бы Израиль ослаб в военном отношении, воинственность арабов возросла бы. Умеренность в арабском мире, похоже, растет прямо пропорционально силе Израиля, то есть неспособности арабов достичь радикальных целей, которые, по-видимому, желает подавляющее большинство арабов. Таким образом, военная мощь Израиля является стимулом к умеренности в арабском мире. Слабость Израиля, в свою очередь, станет стимулом к усилению радикализма и милитаризма в арабском мире.

Конечно, есть предел, за которым это перестанет быть правдой. Если Израиль станет более непримиримым перед лицом растущей арабской умеренности, это тоже может укрепить позиции радикалов. Поэтому избранным должностным лицам, которым израильское население доверило свое будущее, необходимо соблюдать тонкий баланс. Израиль должен оставаться настолько сильным — относительно арабской армии — насколько это возможно. Но в то же время он не должен действовать исключительно на основе этого военного превосходства. Он должен быть достаточно сильным в военном отношении, чтобы позволить себе идти на политические риски ради мира, которые не ставят под угрозу его базовую безопасность. Но мир никогда не должен забывать, что одна-единственная стратегическая ошибка Израиля может означать не только военное поражение, но и геноцид, который мир не сможет, даже если захочет, остановить.

Каждое решение Израиля должно оцениваться в контексте этой ужасной реальности. Слишком мало критиков Израиля, похоже, понимают решимость евреев избежать еще одного Холокоста, на этот раз в Израиле. Слишком мало понимают, почему Израиль не может и не должен доверять свое выживание странам, которые бездействовали, пока уничтожались миллионы невинных евреев. Слишком многие страны, похоже, готовы позволить Израилю рисковать ради неопределенного регионального мира, на который они сами не готовы пойти ради более важного – мира во всем мире.

[233]Однажды моя мать спросила меня — когда я безуспешно пыталась уговорить её пойти на компромисс по одному из её религиозных требований — в чём разница между террористкой и еврейской матерью. Затем, не дав мне возможности ответить, она сама ответила на этот вопрос: «С террористкой иногда можно договориться».

Всё это вовсе не означает, что каждое израильское решение правильно или застраховано от обоснованной критики. Однако это означает, что критика нежелания Израиля доверять другим в вопросе обеспечения своей безопасности должна учитывать историю отношения мира к страданиям евреев.

Будущее Израиля остается неопределенным перед лицом сохраняющейся конечной цели арабов — политического убийства, если не геноцида. Стремление Израиля к выживанию, в сочетании с понятным недоверием к реакции мира на еврейскую трагедию, вполне могло подтолкнуть Израиль к ядерной эпохе. И кто может его за это винить, особенно в свете угрозы Ирака летом 1990 года уничтожить половину Израиля с помощью газа и химикатов? Конечно, не те страны, которые бездействовали, пока Германия уничтожала почти половину евреев мира с помощью газа, оружия и химикатов. Конечно, не те страны, которые игнорировали еврейские мольбы к союзникам бомбить Освенцим или снабжать жителей Варшавского гетто пистолетами и винтовками, чтобы они могли попытаться защитить своих детей — и будущее иудаизма.

Мне бы хотелось, чтобы Израилю не требовалось оборонительное оружие массового поражения или самые мощные в регионе вооруженные силы. Мне бы хотелось, чтобы мир не заставил еврейское государство перенаправить свои ограниченные ресурсы с университетов на армию. Но выживание должно быть на первом месте, и военная мощь Израиля — ключ к его выживанию. Любой, кто считает, что выживание может быть обеспечено одним лишь моральным превосходством, должен помнить о Варшавском гетто и газовых камерах в Треблинке.

Действительно, потребовались ракетные обстрелы Тель-Авива со стороны Ирака — в сочетании с угрозой химической и газовой войны — чтобы мир осознал трагическую реальность того, что еврейское население Израиля по-прежнему находится под угрозой повторения Холокоста. Хотя Израиль в то время не был непосредственно вовлечен в войну в Персидском заливе, Саддам Хусейн проницательно понимал, что миллионы арабов и мусульман будут приветствовать его, если ему удастся убить невинных еврейских женщин, детей и мужчин. Можно ли сомневаться в том, что среди арабских и исламских масс возникнет широкий энтузиазм по поводу популистского лидера, поклявшегося сделать Ближний Восток свободным от еврейского государства? Можно ли сомневаться в этом, даже если Израиль выполнит все требования Организации Объединенных Наций, движения «Мир сейчас» и американских левых? Печальная правда заключается в том, что ничто, что сделает Израиль — за исключением политического самоубийства — не сможет полностью искоренить широко распространенную (насколько широко распространенную, невозможно оценить в недемократических образованиях) арабскую и исламскую поддержку уничтожения еврейского государства. Это не означает, что Израиль должен отказываться делать то, что правильно. Но не стоит питать иллюзий, что одних лишь правильных поступков будет достаточно для обеспечения мира и безопасности. Израиль не выживет, опираясь на превосходство в морали без превосходства в силе. Поскольку это еврейский народ — и еврей среди народов — ему потребуется как высокая мораль, так и непобедимая военная мощь.

8. В Советском Союзе

Должны ли мы быть хранителями своих братьев и сестер?

Со времен Холокоста, когда бессильная американская еврейская община беспомощно наблюдала за происходящим, мировое еврейство уделяло пристальное внимание положению евреев, находящихся в особенно уязвимом положении, таких как евреи Советского Союза, Сирии, Аргентины и Эфиопии. Международные усилия по спасению советских отказников — евреев, желавших уехать из-за антисемитизма, но которым было отказано в праве на эмиграцию, — стали образцом правозащитной деятельности. Мне посчастливилось с самого начала играть юридическую роль в этом процессе[234]. Кульминацией моих усилий — и усилий тех, с кем я работал, — стало освобождение из советской тюрьмы самого известного в мире еврейского отказника Натана Щаранского в феврале 1986 года. Я знал, что Щаранский — которого я представлял с момента его ареста в 1977 году — вышел невредимым из девятилетнего заключения в ГУЛАГе.

За годы его заключения я очень сблизился с Анатолием Щаранским, как его сначала называли, когда я стал его адвокатом, несмотря на то, что мы никогда лично не встречались. Со дня ареста Щаранский содержался в изоляции. Его жене, Авиталь, не разрешалось с ним разговаривать. Его адвокатам, Ирвину Котлеру из Канады и мне, неоднократно отказывали во встречах. Наша юридическая переписка так и не дошла до него. Тем не менее, я следил за каждым его шагом — из тюрьмы в лагерь, в больницу, в одиночную камеру. Я знал, что ему давали, а что не давали. Я следил за его состоянием здоровья (у него были головные боли, проблемы со зрением и боли в груди) и организовал диагностику американскими врачами на основе имеющейся у нас неполной информации.

Наиболее достоверную информацию предоставляли редкие визиты его матери. К ним добавлялись отрывочные рассказы бывших заключенных, которые видели его или обменивались с ним несколькими словами — а в ряде случаев и невербальными сообщениями. Его сильно цензурированные письма также давали некоторые подсказки о его положении. Наконец, были официальные отчеты, передаваемые мне через Государственный департамент и неправительственные организации. В одном случае бывший студент, ставший высокопоставленным юристом в одной из стран Восточной Европы, был использован для передачи информации о здоровье Натана.

В течение девяти лет заключения Натана его представителем перед миром была его жена Авиталь. Она путешествовала по миру, привлекая внимание к его шаткому положению. Именно она и мать Натана, Ида Милгрим, попросили меня и Ирвина Котлера стать адвокатами Натана. Мы встречались с Авиталь в Израиле, в Нью-Йорке, в Вашингтоне, в Мадриде, в Лондоне, в Париже и в Кембридже. Она была сердцем и душой коллективных усилий по спасению Натана — усилий, к которым присоединились миллионы евреев и неевреев по всему миру.

Но начиналось все не так. История начала наших усилий по оказанию помощи Натану никогда не рассказывалась, и, по сути, не могла быть рассказана до его освобождения. Но сейчас, несмотря на некоторые болезненные откровения, ее необходимо рассказать, потому что она передает важный и часто неправильно понимаемый момент о порой непростых отношениях между государством Израиль и

[234]См. Дершовиц, «Лучшая защита», глава 7.

еврейским народом, между Мединат Исраэль и Кляль Исраэль[235]. Суть этого момента выходит за рамки дела Щаранского и советского еврейства. Она затрагивает саму суть роли еврейского народа в отличие от еврейского государства и приобретает особое значение для американских евреев сегодня.

Когда Щаранского впервые арестовали по обвинению в шпионаже, мы с Ирвином Котлером отправились в Израиль, чтобы опросить недавних советских эмигрантов, обладавших необходимой информацией. Ирвин — ведущий канадский юрист по правам человека, один из самых выдающихся специалистов по конституционному праву и профессоров. Мы работаем вместе над вопросами прав человека почти двадцать лет, часто преподаем курсы и участвуем в дискуссиях. Наши взгляды на еврейские юридические проблемы настолько схожи, что меня часто называют «американским Ирвином Котлером», а его — «канадским Аланом Дершовицем». Не знаю, как насчет Ирвина, но мне льстит такое сравнение.

Таким образом, мы бы узнали, какие «доказательства» у них есть против нашего клиента, и смогли бы попытаться им противостоять.

Моя попытка вернуться в Советский Союз — я был там, представляя организацию «Узники Сиона»,[236] еще в 1974 году — чтобы опросить свидетелей, была отклонена, но Ирвину удалось добраться до Москвы и поговорить с несколькими отказниками, которых допрашивали в КГБ. Я также опросил американских эмигрантов и журналиста Los Angeles Times Роберта Тота, которого КГБ задержал и допросил по поводу его контактов со Щаранским.

Мы с Котлером отправились в Израиль с намерением встретиться с советскими эмигрантами, которые там проживали. Я уже делал это раньше, когда вместе с профессором Телфордом Тейлором, бывшим главным американским прокурором в Нюрнберге, представлял интересы первых «Узников Сиона», включая семерых евреев и двух нееврев, пытавшихся бежать из Советского Союза, захватив небольшой самолет. Заговор провалился, и виновные были приговорены к длительным тюремным срокам. Мы встречались с советскими чиновниками в Москве и подавали документы от их имени, предварительно опросив многочисленных свидетелей в Израиле и других странах. Интервью в Израиле оказались полезными для обеспечения досрочного освобождения нескольких из этих заключенных.

Израильские власти оказывали нам содействие в проведении допроса свидетелей по ряду дел, и мы вполне ожидали аналогичного сотрудничества и в деле Щаранского.

Но сотрудничества не последовало. Более того, израильтяне, отвечавшие за дела советских евреев, настоятельно советовали нам «прекратить дело Щаранского». Когда мы спросили почему, нам ответили: «Анатолий Щаранский — не узник Сиона, он не из наших». Нам сказали, что Щаранский — правозащитник, тесно связанный с видным ученым и диссидентом Андреем Сахаровым. Мы напомнили им, что Сахаров и его жена-еврейка Елена Боннер стояли у здания суда во время процесса над Щаранским и подпевали израильскому национальному гимну. Именно Сахаров пытался утешить мать Натана, когда она услышала варварский приговор — тринадцать лет каторжных работ — и расплакалась. Когда сотрудники КГБ разняли Сахарова с скорбящей женщиной, именно Сахаров, рискуя собственным арестом, крикнул сотрудникам КГБ: «Вы не люди.

[235] Мединат Исраэль — это государство Израиль в политическом смысле, а Кляль Исраэль — это народ или община Израиля в религиозном, этническом и историческом смысле.

[236] «Узники Сиона» — так называлась эта фраза, используемая израильским правительством, — включала всех, кто был осужден за попытку эмиграции в Израиль или за исповедание или преподавание еврейской культуры или религии. Это обозначение также получили несколько нееврев, которые сотрудничали с евреями.

Послушайте меня, члена Советской академии наук, вы фашисты!»

Израильтяне остались непреклонны. «У нас есть свои опасения, и у группы Сахарова тоже. Мы не осуждаем Сахарова, Щаранского или Хельсинкских наблюдателей». (Хельсинкские наблюдатели — это группа советских граждан — диссидентов, отказников и других, — которые следили за соблюдением Советским Союзом положений Хельсинкских соглашений 1975 года, касающихся прав человека). «Действительно, мы знаем, что они — мужественные защитники прав человека. Но это не входит в сферу наших интересов как правительства Израиля. Нас заботят исключительно евреи, которые хотят эмигрировать в Израиль и которым препятствуют в этом или наказывают за их сионизм». Он пояснил далее, что это было неявной договоренностью между правительствами Израиля и Советского Союза, согласно которой Израиль будет заниматься только отказниками и узниками Сиона.

Израильские чиновники заявили нам, что Щаранский, присоединившись к Хельсинкским мониторам, которые помогали не только евреям, но и другим группам, и поддержав попытки Сахарова изменить советское общество, исключил себя из числа отказников или узников Сиона. Израильское правительство не могло иметь никакого отношения к защите прав человека в деле, подобном делу Щаранского.

Наши попытки доказать, что Щаранский был одновременно и узником Сиона, и правозащитником, не увенчались успехом. Израильтяне прекрасно знали, что Щаранский стал правозащитником только после того, как его просьбу воссоединиться с женой в Израиле отклонили. Они знали, что он был отказником и ярым сионистом, человеком, выучившим иврит и мечтавшим лишь об одном — воссоединиться с Авиталь в Иерусалиме. Но его более широкая правозащитная деятельность лишила его защиты Израиля.

Мы спросили, смогут ли они помочь нам конфиденциально, без публичного разглашения информации, но один из чиновников быстро ответил: «В отношении Советского Союза секретов нет», подразумевая, что среди тысяч советских эмигрантов в Израиле наверняка есть шпионы КГБ и если мы не откажемся от дела Щаранского, то не сможем рассчитывать на сотрудничество со стороны израильского правительства по любым вопросам, касающимся советских евреев. Израильское правительство могло иметь дело только с юристами, которые ограничивались делами, находящимися в сфере интересов Израиля.

Нашей первой реакцией был шок. Как смеет израильское правительство диктовать нам, кого мы должны представлять? Разве советский еврей, попавший в серьезные неприятности, не имел права на защиту со стороны еврейских адвокатов? Почему соответствие сиониста второму наставлению Гиллеля — «Если я за себя, то кто я?» — должно лишать его защиты Израиля? На более личном уровне и Ирвин, и я разделяли универсализм Щаранского в области прав человека. Хотя мы оба были убежденными евреями, ставившим еврейские вопросы во главу угла нашей правозащитной деятельности, мы не уклонялись и от других правозащитных движений. Мы участвовали в защите диссидентов из многих стран мира, включая наши собственные, Южную Африку, Китай, Румынию, Польшу, Кубу, Чили, Иран и Израиль. Мы задавались вопросом, как к нам отнесется Израиль, если мы попадем в неприятности из-за защиты прав человека как евреев, так и неевреев.

Но когда мы начали задумываться о позиции Израиля, мы осознали более глубокую проблему. У нас, как у галут-евреев — евреев, не являющихся частью политического государства Израиль, — порой были другие цели. Государство Израиль должно было в первую очередь защищать интересы своих граждан. К их интересам относились будущие отношения Израиля с советской сверхдержавой. К их интересам

также относилось увеличение иммиграции в Израиль.

Государство Израиль, по всей видимости, приняло взвешенное решение, что наилучшим образом будет служить его национальным интересам, ограничив свое участие узкой категорией советских евреев. Это решение могло быть правильным или неправильным[237] — с тактической и моральной точки зрения — но оно, по крайней мере, было понятным и находилось в пределах полномочий Израиля как суверенной демократии.

Но решения, принимаемые государством Израиль, не могли связывать нас — ни юридически, ни морально — как евреев, как членов Кляль Исраэль, более широкой общины Израиля. Будучи частными гражданами других стран, мы могли предпринимать определенные действия в интересах находящихся под угрозой евреев, на которые государству Израиль было бы неразумно соглашаться. Мы, конечно, понимали свои ограничения. Частные лица не обладают и близко таким влиянием, как государства; но и на них нет некоторых ограничений.

В данном случае мы не стали бы бросать своего соплеменника-еврея и правозащитника только потому, что он сделал то, на что, как мы надеялись, у нас хватило бы смелости, если бы он столкнулся с тем же, с чем столкнулся: а именно, расширил сферу своих интересов за пределы круга своих единоверцев.

Котлер и я решили вежливо сообщить израильским чиновникам, что продолжим наши усилия в интересах Щаранского независимо от их помощи. С неохотой они сказали нам, что нам придется отказать в доступе к обширным файлам, хранящимся в израильском ведомстве, отвечающем за дела советских евреев. Разрыв отношений был дружелюбным. Нас поблагодарили за оказанную ранее помощь и пожелали удачи в наших будущих начинаниях.

Через несколько лет после нашей «конфронтации» израильское правительство организовало генеральную конференцию по вопросам советского еврейства и пригласило американских юристов, активно участвовавших в этом деле. Когда был опубликован список приглашенных, мы оба получили множество телефонных звонков и писем, в которых отмечалось наше явное отсутствие. Я написал председателю конференции, и он ответил короткой запиской: «Либо вы идете с нами в ногу, либо вообще не идете с нами»[238]. Мы продолжали идти в ритме немного другого барабанщика, хотя лежащая в основе нигун — мелодия — оставалась той же.

Крупнейшая в США организация советских евреев, Национальная конференция по делам советских евреев, придерживалась аналогичной позиции по отношению к Щаранскому. Один из лидеров этой организации пытался убедить меня, что Щаранский на самом деле был шпионом, и нам следует держаться подальше от его дела.

[237]Некоторым американским евреям трудно поверить, что Израиль может совершить что-то плохое. История, которая лучше всего иллюстрирует это слепое доверие, — это история о паре из Нью-Йорка, отправившейся в Израиль со своей «миссией» в поддержку Объединенного еврейского фонда помощи. Их отвели в ночной клуб в Тель-Авиве, где они наслаждались выступлениями певцов и танцоров. Затем вышел комик и начал рассказывать анекдоты на иврите. Их израильский гид был обеспокоен, потому что нью-йоркская пара не знала иврита. Но они, как и израильская публика, громко смеялись над каждой шуткой. Гид был озадачен: «Я думал, вы не понимаете наш язык. Откуда вы знаете, о чем говорит израильский?» Американка ответила: «Мы его не понимаем, но мы ему доверяем».
Однако факты ясно показывают, что Израиль неоднократно совершал ошибки. Одна из недавних ошибок заключалась в попытке предотвратить публикацию в США книги, написанной бывшим сотрудником Моссада, в духе «убить и рассказать». Если бы израильтяне проконсультировались с опытным американским юристом-конституционалистом, им бы сказали, что, подав иск, они гарантируют, что книга станет бестселлером, и что они проиграют в суде.

[238]Письмо председателя Международной конференции по советскому еврейству (Иерусалим, 15-17 марта 1983 г.) Алану М. Дершовицу.

Но американские евреи всегда создают дублирующие организации, которые часто оказываются вовсе не дублирующими. Это подтвердилось и в случае с советскими еврейскими организациями. Низовые группы — более независимые от крупных еврейских организаций и Израиля — начали заниматься делом Щаранского. В конце концов, даже Израиль не смог противостоять давлению снизу, и Щаранский был официально объявлен узником Сиона[239].

Когда Щаранского наконец освободили и доставили в Израиль, его встретили как национального героя. Среди тех, кто встречал его в аэропорту Бен-Гуриона, был по меньшей мере один израильский чиновник, который упорно игнорировал его дело и старался не вмешиваться в него.

На протяжении всего периода заключения Натана мы применяли многогранную стратегию: юридическую, политическую, пиар- и дипломатическую. Мы подали множество заявлений, показаний под присягой и аргументов, прекрасно понимая, что одной лишь юридической защиты недостаточно, чтобы добиться чего-либо большего, чем просто создать для Кремля возможность получить результат, достигнутый другими средствами.

Вскоре после ареста Щаранского я отправился в Белый дом, чтобы попытаться убедить президента Картера выступить с заявлением, прямо опровергающим обвинение Советского Союза в том, что Щаранский был агентом ЦРУ. Несмотря на давление со стороны ЦРУ, требовавшего продолжения американской политики никогда не подтверждать и не опровергать предполагаемую связь кого-либо с агентством, президент Картер все же выступил со следующим заявлением:

Я тщательно расспросил Госдепартамент и ЦРУ о том, были ли у г-на Щаранского когда-либо какие-либо известные связи с ЦРУ, в том числе и в подрывной или иной форме. Ответ — «нет». Мы это перепроверили, и я долго колебался, прежде чем сделать это публичное заявление, но теперь я полностью убежден[240].

Вскоре после этого заявления Советский Союз перестал ссылаться на это обвинение.

Во время его судебного процесса я отправил в суд телеграмму с краткой изложением дела, отрывки из которой были опубликованы в журнале Newsweek. А еще я работал с Котлером над масштабным апелляционным ходатайством, которое Котлер подал в Советском Союзе.

В годы заключения Щаранского мы с Котлером появлялись в десятках телевизионных программ, а также на сотнях митингов, показательных судебных процессах и слушаниях по делу. Мы изо всех сил старались сохранить память о

[239]Национальная конференция по делам советского еврейства была не единственной организацией, отказавшейся взяться за дело Щаранского. Я написал в Национальную гильдию юристов, левую юридическую организацию, и попросил их предоставить мне статус наблюдателя на процессе над Щаранским в 1978 году. Они категорически отказали мне, основываясь на следующей запутанной аргументации:
«Проблема, — сказали мне, — в том, что мы подходим к таким вопросам не только с точки зрения прав человека. Мы рассматриваем их также с позиции важности сосредоточения внимания на нарушениях прав человека в конкретной стране. Что касается СССР, мы не обсуждали и не принимали никаких решений относительно целесообразности сосредоточения внимания на вопросах прав человека там».
Они также утверждали, что предполагаемая причастность Щаранского к «ЦРУ» — абсолютная ложь — беспокоила некоторых из их членов, а другие члены «одобряют советскую систему правосудия» и «не хотели бы ее критиковать». Национальная гильдия юристов не испытывала подобных опасений по поводу отправки наблюдателей на израильские судебные процессы и резкой критики израильской правовой системы. Этот двойной стандарт со стороны организации, заявляющей о поддержке прав человека, привел к значительной потере доверия к ней как среди евреев, так и среди неевреев.

[240]13 июня 1977 г. Цитата приведена в книге Дершовица «Лучшая защита», стр. 267.

Щаранском. Он должен был оставаться в центре внимания СМИ. Нас уверяли, что это лучшая страховка жизни, которую мы могли купить, гарантирующая его здоровье и благополучие. Советы рассчитывали на то, что один советский чиновник назвал «очень короткой памятью американского народа». Этот чиновник заверил меня, что «через несколько месяцев после суда над Щаранским никто даже не вспомнит его имени. Он станет просто еще одним безликим заключенным». Мы были полны решимости держать Щаранского в новостях.

27 января 1986 года, незадолго до его неожиданного освобождения, я опубликовал следующую статью, распространяемую по синдикации, одну из многих, которые я написал о Щаранском, под названием «Еще один день рождения в тюрьме»:

Помните Анатолия Щаранского? В 1978 году его улыбающееся лицо красовалось на обложках журналов Time и Newsweek, а его история была на первых полосах газет по всему миру. Сегодня он томится в советском ГУЛАГе, отбывая девятый год из 13-летнего тюремного срока...

Как сказал корреспондент Newsweek, знавший Щаранского в Москве: «Его единственное преступление заключалось в том, что он говорил правду, а худшее — в том, что он говорил её на английском языке». Правда, которую он говорил, касалась отказа Советского Союза в предоставлении самых основных прав человека христианам, мусульманам, евреям, украинцам, крымчанам, этническим немцам и даже русским коммунистам, отклоняющимся от партийной линии.

На прошлой неделе Анатолию исполнилось 38 лет. Он провел этот день в одиночестве, как и последние 8 своих дней рождения. Недавние попытки его матери навестить его были отклонены.

Тем временем жена Анатолия, Авиталь, ждет воссоединения со своим любимым мужем, которого она не видела и с которым не разговаривала более восьми лет. Когда его приговорили в 1978 году, ее первой реакцией было: «Через тринадцать лет я больше не смогу рожать детей».

Единственное различие между советскими захватчиками заложников и шиитами, удерживающими американцев в Бейруте, заключается в том, что Советы используют видимость правовой системы — с помощью фиктивных законов и фиктивных судов — чтобы оправдать задержание заложников.

Все свободные люди должны продолжать выступать в защиту Анатолия Щаранского — и миллионов других политических заключенных в Советском Союзе, Южной Африке, на Филиппинах, в Китае, Иране и по всему миру — до тех пор, пока они не обретут свободу говорить за себя.

Пока велась эта публичная кампания, мы постоянно пытались за кулисами организовать обмен пленниками. Сначала ближайшие к Натану люди неохотно соглашались на его участие в каком-либо «обмене шпионами», опасаясь, что такой шаг может быть истолкован как признание того, что он действительно шпион. В конце концов нам удалось убедить их, что лучше иметь свободного Натана, способного говорить правду, чем заключенного Натана, чье молчание не могло бы ответить на советскую ложь.

Получив разрешение на тайные переговоры, я тайно встретился с загадочным восточногерманским гражданином по имени Вольфганг Фогель. Несколькими неделями ранее в Бостоне был арестован восточногерманский профессор по обвинению в шпионаже против Соединенных Штатов. Фогель находился в этой стране, пытаясь найти ему американского адвоката. Я сказал ему, что не возьмусь за это дело, потому что являюсь американским адвокатом Анатолия Щаранского. Фогель посмотрел на меня как на наивного человека. «Конечно, я знаю, что вы адвокат Щаранского. Поэтому я и

разговариваю с вами». Его послание, хотя и уклончивое, было достаточно ясным.

Причина, по которой я не мог взяться за дело восточногерманского профессора, заключалась в конфликте интересов: будучи адвокатом Щаранского, я хотел бы добиться осуждения восточногерманского профессора, чтобы стать разменной монетой в сделке с Щаранским. Однако я порекомендовал адвоката, который в итоге заключил сделку для восточногерманского профессора, не включавшую Щаранского.

Эта встреча — и последующие события — послужили моим знакомством с теневым миром обмена заключенными, который в конечном итоге привел к освобождению Натана в 1986 году. Многие другие люди — среди них видный раввин Ронни Гринвальд из Монси, штат Нью-Йорк, который много лет работал с Фогелем — сыграли важную роль в этой драме. Но когда Анатолий Щаранский перешел по Глиникеевскому мосту после почти девяти лет в ГУЛАГе, именно Вольфганг Фогель перевез его туда. Окончательные решения, приведшие к обмену восемью людьми — одним советским диссидентом и тремя западными шпионами на четырех восточных — принимались в глубине Кремля и Белого дома, но обмен никогда бы не состоялся, если бы не частные инициативы. Сложная договоренность, подобная той, что завершилась на Глиникеевском мосту, требует, чтобы множество элементов сошлись в нужное время.

Гениальность Фогеля заключается в том, что он понимает, как максимально использовать преимущества каждого из участников. Он может оценить денежную ценность каждого заключенного для каждого международного игрока и стремится заключить справедливую сделку. И он знает, с кем иметь дело в каждой стране, как в частном, так и в государственном секторах.

Одним из главных камней преткновения с нашей стороны был тот факт, что Анатолий Щаранский не был шпионом. Он был правозащитником. Советы настаивали на том, чтобы относиться к нему как к шпиону, в то время как Соединенные Штаты требовали, чтобы его считали диссидентом.

Фогель пошел на символический компромисс: он согласился сначала отвезти Щаранского на середину моста на своем золотистом «Мерседесе», чтобы тот не шел вместе со пионами, тем самым позволив каждой стороне истолковать обмен так, как она сочтет нужным. Это был типичный Фогель[241].

Конечно, любой обмен диссидентами на шпионов сопряжен с определенными опасностями. Советский Союз (или другие страны) могут начать арестовывать диссидентов именно для того, чтобы использовать их в качестве разменной монеты при обмене на захваченных шпионов. Но опасно также настаивать на том, чтобы наши обмены ограничивались обменом шпионов. Слишком легко подставить диссидента, обвинив его в шпионаже, как это сделало КГБ со Щаранским.

Очевидно, где-то нужно провести черту. В целом, было бы неправильно обменивать диссидентов на террористов. Терроризм сам по себе является злом, и все цивилизованные нации должны делать все возможное, чтобы его предотвратить. Но шпионаж неправилен только тогда, когда он совершается против собственной страны. У каждой цивилизованной нации есть свои шпионы. Действительно, шпионаж называют

[241]Выполнение роли посредника в обмене шпионами сопряжено с определенными рисками. После свержения восточногерманского коммунистического режима в 1989 году Фогель был арестован по обвинению в «уголовном шантаже», связанном с тем, что он представлял интересы известной фигуры из старого восточногерманского режима. Несколько из нас, работавших с ним над обменом заключенными, предложили ему помощь в трудную минуту, но он сам выбрался из своих юридических проблем без посторонней помощи. Мы не удивились, что этот мастер обмена заключенными смог помочь себе сам. (Позже Фогель защищал Эриха Хонекера — свергнутого коммунистического главу государства Восточной Германии.)

второй древнейшей профессией. А торговля шпионами так же почтена, как и сама история.

В конечном итоге от обмена Щаранским и шпионами выиграли все. Поскольку права человека являются важной частью американской внешней политики, и поскольку наша национальная честь была поставлена под сомнение осуждением Щаранского после публичных заверений президента Картера о том, что он не был американским шпионом, мы одержали важную победу. Советы вернули своих несколько подпорченных шпионов. Но главными победителями стали Натан и Авиталь, которые воссоединились после десятилетия ужасной разлуки.

Моя первая личная встреча с Натаном состоялась в Нью-Йорке вскоре после обмена. Хотя меня и пригласили присутствовать на его встрече в аэропорту Бен-Гуриона, мой преподавательский график не позволил мне этого сделать. Но я встретился с ним в первые часы его пребывания в Нью-Йорке. Мы обнялись и тихо плакали. Он рассказал мне о благословении, которое он произнес у Стены плача, когда впервые приехал в Израиль: «Барух мамир» (Благословение смерти), «Асирим» — благословение на освобождение из тюрьмы. Я никогда не был уверен, что увижу его живым, поскольку шансы на выживание советского заключенного, отбывающего длительный срок на каторжных работах, были не особенно высоки. Но вот он, свободный, счастливый, относительно здоровый и благодарный. Это была первая из многих наших встреч, в ходе которых мы продолжали работать вместе на благо советских евреев.

Он, конечно, знал обо мне гораздо меньше, чем я о нём. Изоляция не позволяла ему узнать о предпринимаемых усилиях, хотя некоторые крупицы информации чудесным образом до него доходили. Он не хотел говорить о прошлом. Его заботило то, чтобы вопрос о советском еврействе оставался в центре внимания, несмотря на обнародование его самого заметного символа. Но прошлое ещё не осталось позади. Я видел признаки его страданий в небольших жестах. Например, когда мы сели за стол, я заметил, как он неосознанно клал в рот кусочки масла, словно пытаясь компенсировать огромную нехватку питательных веществ, которую он перенёс.

Несмотря на эти лишения, подробно описанные в необыкновенных мемуарах Щаранского «Не убоюсь зла», Натан и Авиталь вскоре объявили, что их мечта вот-вот сбудется: Авиталь была беременна их первенцем. Через десять месяцев после того, как Натан пересёк Глинике-Бридж, Авиталь родила в Иерусалиме Рахиль. В 1988 году у них родилась вторая дочь, Ханна.

Когда я впервые навестил Натана, Авиталь и Рахиль в их иерусалимском доме — Авиталь тогда была беременна Ханной — мы размышляли о том, насколько невероятной казалась нам картина всего несколько лет назад. Мы обсуждали будущее советского еврейства в эпоху гласности, перестройки и Горбачёва. Мы знали, что эти перемены были хороши для большинства советских граждан, но мы имели право задать более специфический вопрос моей бабушки: «Хорошо это или плохо для евреев»

Первые признаки были неоднозначными. Михаил Горбачёв был прагматиком, понимавшим, что заключение диссидентов в тюрьму и отказ в выдаче разрешений на выезд наиболее активным отказникам саморазрушительны. Инакомыслие любой группы становится заразным. Соответственно, одной из первых инициатив Горбачёва после вступления в должность генерального секретаря было подкупить самых настойчивых, предоставив выездные визы некоторым из самых активных еврейских активистов. Но большинство советских евреев по-прежнему крайне скептически относятся к тому, смогут ли реформы поднять евреев — особенно убеждённых евреев и сионистов — до статуса полноправных граждан Советского Союза. Нет никаких исторических оснований полагать, что многовековой антисемитизм при царях,

комиссарах и коммунистах — с кратким перерывом во времена Ленина — внезапно закончится благодаря новой прагматичной программе реформ.

Действительно, прагматические соображения могут указывать в другую сторону. Антисемитизм очень популярен во многих частях Советского Союза, и для его подавления потребуются огромные ресурсы. Более того, новая свобода, если она должна быть подлинной, должна включать свободу выражения своего мнения. И, возможно, это предзнаменование грядущих событий, что одной из первых публичных демонстраций, разрешенных в рамках новой политики свободы, стал антисемитский митинг, проведенный в Москве ультранационалистической организацией под названием Память». Эта отсылка к царскому антисемитизму недавно выпустила «прокламацию», в которой содержалось следующее:

Мы призываем весь советский народ: мобилизуйте все свои силы на борьбу против угрозы сионизма в нашей стране! Остановите козни тех, кто готов продать свою страну за тридцать сребреников!

Сионизм запустил

Незамаскированное наступление

Против

Патриотического фронта!

Русские перережут друг другу глотки, а тем временем сионисты замышляют захват России.

Нацизм зародился в иудаизме!!!

Нацизм словно вырвался из Талмуда: «...Убивайте лучших из язычников!!!»[242]

Они также распространили еще более провокационную литературу, например, следующую листовку:

Как долго мы можем терпеть этих мерзких евреев, которые нагло проникли в наше общество, в частности, заняв привилегированные позиции! Почему мы позволили этим отбросам превратить нашу прекрасную страну в еврейский беспорядок?!

Почему мы, великие, прекрасные, мудрые славяне, считаем евреев среди нас нормальным явлением?!

Почему еврейский скот различными способами умудряется получить русские фамилии, а в разделе «национальность» пишет «русский»? Как эти грязные, вонючие евреи могут скрываться и выдавать себя за героических и гордых русских [243]*?*

После протеста членов «Памяти» 6 мая 1987 года московский популистский политик Борис Ельцин, ныне президент Российской Республики, встретился с представителями «Памяти» на несколько часов. Это был первый случай с 1920-х годов, когда протестующих принял чиновник такого высокого ранга.

Спустя несколько недель после этого широко разрекламированного митинга мне довелось поговорить с советским юристом. Я упомянул антисемитский митинг. Он согласился, что это ужасно и что антисемитизм — великое зло, но спросил меня, действительно ли я хотел бы, чтобы КГБ подвергал цензуре эту новую свободу.

Мне вспомнилась дискуссия, которую я когда-то вел с советским профессором права в Мадриде на тему антисемитизма. Я показал ему серию антисемитских периодических изданий и карикатур, опубликованных в Советском Союзе, и спросил, как он, во имя Ленина — который выступал против антисемитизма, — может оправдывать распространение этой расистской чепухи в своей стране. Мой оппонент полез в свой портфель и вытащил свою собственную коллекцию антисемитских листовок и

[242]Лаура Кам, редактор, Память : Ненависть в условиях гласности (Нью-Йорк: Антидиффамационная лига Бней-Брит, 1989), стр. 20-21.
[243]Там же, с. 22

карикатур, опубликованных в Соединенных Штатах. Он показал их мне и спросил, какие из них хуже. Я посмотрел на американские материалы, и он был абсолютно прав. Наши были намного хуже. В них призывали травить евреев газом и сжигать их заживо. Но я повернулся к нему, держа в одной руке пример советского мусора, а в другой — американского, и задал вопрос: «Посмотрите внимательно и скажите, не видите ли вы существенной разницы, которая делает советские материалы — пусть они и немного мягче — более опасными».

Он сразу понял, что я имею в виду: в правом нижнем углу советских материалов стояла официальная печать Главлита, советского государственного цензурного органа. На американских материалах не было никакой печати, кроме «опубликовано Американской нацистской партией». Советский антисемитизм был официально одобрен правительством, в то время как американские материалы не имели такого одобрения. Это был просто продукт нашей конституционной политики против цензуры. В этом заключалось различие, и это было различие существенное.

Несмотря на гласность и перестройку, в Советском Союзе мало важных политических решений было реализовано без одобрения Коммунистической партии и государственного аппарата. Пока рано говорить о том, закроется ли или хотя бы замедлится ли деятельность советской антисионистской — а точнее, антисемитской — издательской фабрики. Но на момент написания этой статьи антиеврейские книги и брошюры все еще доступны, хотя теперь они больше исходят из частного, чем из государственного сектора. Понятно, почему многие евреи продолжают свои попытки эмигрировать в Израиль и другие страны. Даже в первые недели кризиса в Персидском заливе — когда Ирак угрожал химическим опустошением Израиля — советские евреи продолжали иммигрировать в Израиль в рекордных количествах. Как сообщала газета New York Times 3 сентября 1990 года: «В течение месяца многие советские евреи, опрошенные в Израиле и в Советском Союзе, говорили, что их больше беспокоит растущий антисемитизм на родине, чем перспектива конфликта в Израиле». Когда я спросил советского отказника, почему он готов рисковать подвергнуться воздействию газа в Израиле, он ответил: «В Израиле правительство нас защитит. Здесь же правительство поощряет тех, кто хочет на нас напасть».

История, рассказанная мне Идой Нудель, давней отказницей, когда я встречался с ней в Москве в 1974 году, иллюстрирует, почему многие евреи не видят будущего в Советском Союзе. Она рассказала о том, как однажды объявили о прибытии в Москву поезда со свежими апельсинами из Украины; все желающие должны были прийти на вокзал. Тысячи людей пришли и ждали всю морозную ночь этого редкого деликатеса. На рассвете комиссар объявил, что будет только грузовик, а не поезд, и поэтому апельсинов не хватило евреям. Евреи пожаловались, но их отправили домой. Остальные ждали всю ночь на автовокзале. На рассвете — ещё одно объявление: «Это всего лишь вагон с апельсинами, а не грузовик; ждать могут только члены Коммунистической партии, не члены — домой». И снова долгое ожидание, за которым последовало краткое объявление: «Нет вагона, только один ящик апельсинов; получить его могут только члены Центрального комитета». Снова ожидание и сообщение: всё это была ошибка, апельсинов вообще нет. В этот момент один расстроенный член Центрального комитета повернулся к другому и с горечью заявил: «Видите, евреям всегда достаются преимущества; их первыми отправили домой».

«Евреев, — сказала мне Ида Нудель, — обвиняют во всем». Даже в нынешнем контексте реформ в Советском Союзе и по всей Восточной Европе обвинения выдвигаются в адрес «евреев и сионистов». От старых козлов отпущения трудно избавиться. Действительно, обозреватель New York Times Уильям Сафайр недавно

повторил «новую» шутку, которую сейчас рассказывают в Москве. Это была та же старая шутка, только теперь дефицитным товаром стало мясо, а не апельсины. Евреи остались прежними.

Натан Щаранский стал представителем нынешнего поколения советских евреев, и я продолжаю регулярно общаться с ним об изменяющихся условиях. В 1986 году мне позвонил Натан, охваченный паникой. Знал ли я о решении Американской ассоциации юристов официально признать Ассоциацию советских юристов и заключить с ней официальное соглашение?

Я не знал о решении Американской ассоциации юристов, но я, безусловно, много знал об Ассоциации советских юристов. Она была юридическим прикрытием для советской системы репрессий. Она выполняла поручения и грязную работу КГБ. Например, она следила за тем, чтобы те немногие юристы, которые проявляли готовность защищать диссидентов или отказников, были исключены из местных коллегий адвокатов. Она предоставляла «приемлемых» юристов, которые настаивали на том, чтобы их клиенты признавали себя виновными по всем пунктам обвинения. Среди ее наиболее презренных действий было совместное спонсирование так называемой «Белой книги», антисионистской и антисемитской обличительной речи, широко распространявшейся как внутри, так и за пределами Советского Союза. На момент заключения соглашения с Американской ассоциации юристов в Ассоциации советских юристов не произошло никаких изменений к лучшему. Она по-прежнему отражала худшие проявления советских репрессий[244]. Советские отказники, узники Сиона и диссиденты были единодушны в своем презрении к этой организации — как и порядочные советские юристы и ученые нееврейского происхождения.

Те, кто пережил советские репрессии, хотели, чтобы мир знал, что в Ассоциации советских юристов не было настоящих юристов и что советское правосудие по-прежнему во многом является оксюмороном. Натан напомнил мне анекдот, который диссиденты рассказывали о том, как чешская коммунистическая партия обратилась в Кремль с просьбой разрешить создать Министерство военно-морского флота. Кремль насмехался над тем, что у Чехословакии, не имеющей выхода к морю, даже нет военно-морского флота. Чехи ответили: «А у Советского Союза есть Министерство юстиции!»

Натан попросил меня, как своего адвоката, выступить против соглашения Американской ассоциации адвокатов с Ассоциацией советских адвокатов. Это свело бы на нет многолетние усилия советских отказников убедить мир в том, что «АСО работает против правосудия, а не на него». «По крайней мере, — сказал он, — мы должны получить что-то взамен за то, что предоставим Советскому Союзу то, чего он безуспешно пытался добиться годами — международную легитимность для своей правовой системы». Натан сказал мне, что есть несколько смелых и независимых советских адвокатов, и что эти адвокаты пытаются создать независимую коллегию адвокатов, которая не будет контролироваться правительством или партией. Если Американская ассоциация адвокатов решит признать только контролируемую КГБ Ассоциацию советских адвокатов, это важное признание значительно затруднит независимым адвокатам достижение какого-либо статуса в Советском Союзе.

Я позвонил на Национальную конференцию по делам советских евреев, но её руководство уже решило, без консультаций с противниками предложения, поддержать инициативу Американской ассоциации юристов. Другие крупные организации советских евреев, после консультаций со своими членами и клиентами, решили попытаться сорвать

[244]По состоянию на сентябрь 1990 года Ассоциация советских юристов оставалась организацией, спонсируемой государством и не обладавшей реальной независимостью.

эту инициативу или, по крайней мере, обусловить её некоторыми улучшениями в советском правосудии, такими как предоставление американским наблюдателям права проводить политические процессы. Еврейская община, чьи рядовые члены были категорически против предложения Американской ассоциации юристов, предстанет перед Американской ассоциацией юристов расколотой стороной.

Американская ассоциация юристов разрешила мне выступить на ежегодном съезде, и я выступил против одностороннего соглашения, сравнив его с соглашением с «официальной» Ассоциацией адвокатов Южной Африки времен апартеида. Но наш раскол дал Американской ассоциации юристов основание для дальнейшего продвижения соглашения, и оно было подписано.

В течение первого года действия соглашения в вопросе защиты прав граждан в Советском Союзе был достигнут незначительный прогресс. Мы призвали Американскую ассоциацию юристов пересмотреть свое решение. Однако Моррис Абрам, председатель Национальной конференции по делам советских евреев, в статье в New York Times призвал к возобновлению соглашения, утверждая, что «без контактов у нас нет надежды повлиять на действия Советского Союза». Я ответил на аргументы Абрама в письме в редакцию, в котором провел различие «между разговором со своим врагом и предоставлением ему признания и легитимности, которых он хочет, но не заслуживает». Я призвал нас «относиться к Ассоциации советских юристов и к ООП одинаково: разговаривать с обеими, но не признавать ни одну из них, пока они не покажут, что заслуживают такой легитимации, или пока мы не получим что-то взамен»[245].

По мере того как проходило всё больше времени без какого-либо прогресса, даже Абрам, казалось, признавал свою неправоту. Мы обсуждали этот вопрос в 1987 году, и я жаловался: «Следует было провести более широкие консультации между еврейскими организациями заранее. Мы были бы гораздо эффективнее, если бы начали наши споры раньше и в частном порядке, и если бы мы пришли в Американскую ассоциацию афроамериканцев единым фронтом».

Абрам признал, что он «очень разочарован тем, как американцы ведут» этот обмен, и предсказал, что советское еврейство «не будет освобождено внезапной переменой взглядов и изменением курса советского государства»[246].

Во время нашей дискуссии никто не мог представить себе, какие перемены в направлении развития претерпит Советский Союз, во многом без внешнего давления, за столь короткий период времени. Эти изменения привели к некоторым улучшениям в официальном статусе советских евреев и резкому увеличению эмиграции. Но, как ни парадоксально, в советской правовой системе практически не наблюдается улучшений, а в Ассоциации советских юристов — вообще никаких. Возможно, есть незначительные позитивные изменения, которые проявятся со временем, но их нельзя будет отнести к заслугам Американской ассоциации юристов, которая отказывалась — по крайней мере, до недавнего времени — использовать свои значительные рычаги влияния для эффективного продвижения правовой реформы.

Например, когда в 1986 году в Москве был арестован американский журналист Николас Данилофф, многие из нас обращались в Американскую ассоциацию юристов с требованием предоставить ему доступ к американскому адвокату. Но ничего не было сделано. В конце концов, был организован обмен, в результате которого Данилофф был

[245]Моррис Абрам, «О связях с советскими юристами», New York Times, 26 августа 1986 г., стр. 17; Алан М. Дершовиц, «Равное обращение с советскими юристами и ООП», New York Times, 10 сентября 1986 г., стр. 34.

[246]Моррис Абрам и Алан М. Дершовиц, «Американская коллегия адвокатов и советский медведь: обмен мнениями», Moment, январь/февраль 1987 г., стр. 54, 58.

освобожден из советской тюрьмы, а вместо него был предоставлен советский шпион по имени Геннадий Захаров, который был освобожден из американской тюрьмы. Когда Данилофф вернулся в Соединенные Штаты, он пришел ко мне по поводу своего дела. Он был так же расстроен признанием Американской ассоциацией адвокатов Ассоциации советских юристов, как и советские диссиденты и отказники. Односторонний характер этого моста был очевиден для него, особенно в свете отказа Американской ассоциации адвокатов проявлять свою силу, даже когда гражданин США содержался под стражей по сфабрикованным обвинениям.

Через несколько лет после освобождения Ника мы оказались вместе на ужине. Почетным гостем был Уильям Вебстер, директор ЦРУ и бывший глава ФБР. Мы с Ником разговаривали с Вебстером, когда нас сфотографировал фотограф. Ник улыбнулся и сказал: «Теперь у них есть эта фотография». Мы спросили, что он имеет в виду, и он ответил: «Представьте, что КГБ может сделать с этой фотографией. Они бы задним числом датировали её и использовали как доказательство того, что я действительно был агентом ЦРУ». Я повернулся к Нику и напомнил ему, что его волосы немного поседели с момента ареста, и что КГБ будет трудно задним числом датировать фотографию. Он рассмеялся и сказал: «Ретуширование фотографий — одна из их специализаций». Вебстер добавил: «Но я даже не работал в ЦРУ во время ареста Ника». Ник ответил: «Конечно, работал. КГБ скажет, что работа в ЦРУ была всего лишь прикрытием».

Этот эпизод приходит мне на ум всякий раз, когда я думаю об использовании советских доказательств в делах нацистских военных преступников. Поскольку КГБ не испытывал никаких угрызений совести по поводу фальсификации доказательств, у них всегда есть возможность обмануть экспертов. Поэтому важно настаивать — даже в случаях с участием презренных нацистов — на независимом подтверждении каждого советского доказательства. Это было сделано израильским судом в деле Демьянюка, и это было сделано американскими судами в различных делах о депортации и экстрадиции. Наш опыт в деле Щаранского и других подобных ему требует, чтобы мы оставались скептически настроены ко всем советским доказательствам. Но скептицизм в отношении одного источника доказательств не означает критики благородного дела привлечения нацистских военных преступников к ответственности.

Между делом Щаранского и делом Демьянюка была еще одна связь. Пока я был в Израиле на процессе над Демьянюком, Натан посещал израильские тюрьмы. Во время своего визита полный мужчина с большой лысой головой окликнул Натана по-украински. Этим мужчиной был Иван Демьянюк. Для Натана это было дежавю, потому что он сидел в советской тюрьме со многими украинцами, осужденными за нацистские военные преступления. Демьянюк назвал Натана своим «братом» и заявил, что у них много общего, поскольку оба были «жертвами» доказательств КГБ. Натан сказал, что изучит дело Демьянюка. Его спросили, не согласен ли он с тем, что ему повезло оказаться в израильской тюрьме и в израильской правовой системе, а не в советском ГУЛАГе. Демьянюк согласился.

После возвращения из поездки по тюрьмам Натан позвонил мне и попросил рассказать о доказательствах по делу Демьянюка. Я подробно всё объяснил, заверив его, что доказательства, полученные не из советских источников, неопровержимо доказывают, что Демьянюк действительно был тем самым кровожадным и садистским тюремным надзирателем, каким он себя отрицал.

Недавние кардинальные изменения в Советском Союзе в частности и в Восточной и Центральной Европе в целом застали еврейскую общину, как и весь остальной мир, врасплох. Для еврейских общин в Советском Союзе и соседних странах возросли как возможности, так и риски. Я с большим интересом следил за этими изменениями, сначала

из сообщений СМИ и международных телефонных разговоров, а затем и изнутри этих стран.

В мае 1990 года я отправился в Советский Союз из-за угроз, направленных против еврейской общины Ленинграда со стороны организации «Память». В сентябре 1990 года я побывал в Риге и Москве в составе американской юридической делегации на конференции по правовому и экономическому сотрудничеству между нашими странами.

Мой старший сын, Илон, и я прибыли в Ленинград в тот день, когда члены «Памяти» поклялись, что это станет началом нового окончательного решения «еврейского вопроса» в России. Угроза заключалась в славянской версии Хрустальной ночи. Сначала евреев нужно было «наказать» за их грехи и преступления против русских христиан. Затем их нужно было изгнать из России, чтобы она могла «очиститься» от их чужеземного влияния.

Памятная книга обещала исполнить царское пророчество XIX века: треть евреев должна быть уничтожена, треть — ассимилирована, а треть — изгнана. Гитлер и Сталин уже достигли первой из этих целей. Три четверти века коммунизма позволили достичь второй. Но, несмотря на эмиграцию из Советского Союза в 1970-х и 1980-х годах, в Советском Союзе по-прежнему проживало более миллиона евреев, большинство из них — в собственно России.

Теперь некоторых из них будут избивать и убивать, чтобы другие ушли. Даже ассимиляция не была решением для расовых пуристов из «Памяти». Подобно Гитлеру, они считали, что ассимилированных евреев не существует. Еврейство было расовой характеристикой, которая не исчезает и не сливается с остальным миром. Единственным решением был геноцид или массовый исход. Некоторые члены «Памяти» выступали за первое, другие — за второе. Один видный лидер утверждал, что евреев следует сначала наказать за их «коллективную вину», а затем изгнать. Это был скорее тактический, чем идеологический спор.

Угрозу 5 мая игнорировать было невозможно. Мне показали недавно изданное издание «Памяти» печально известных «Протоколов сионских мудрецов» с новым предисловием одного из «интеллектуальных» лидеров[247] «Памяти». (В отличие от Ку-клукс-клана, «Память» — это не просто организация отбросов общества. В её состав входят видные писатели, преподаватели и профессионалы). Мне также показали листовки и статьи, которые могли быть целиком скопированы из «Der Sturmer». Были также несколько грубо напечатанных брошюр, созданных отдельными фанатиками из «Памяти», в которых прямо призывалось к массовому убийству евреев.

Еврейские лидеры опасались, что даже если «Память» блефует, отдельные фанатики, вдохновленные призывом к кровопролитию, нападут на евреев. И было только одно место, где собирались евреи, — единственная синагога Ленинграда. В Ленинграде нет еврейских кварталов, ресторанов или клубов. Евреев также нелегко опознать на вид. Если вы хотите найти евреев, собравшихся вместе в Ленинграде — независимо от ваших мотивов, добрых или злых — вам нужно идти в синагогу.

Вот почему мы с Илоном решили провести 5 мая 1990 года в Ленинграде в синагоге. Мы надеялись, что погрома не будет. Но мы были полны решимости: если головорезы из «Памяти» собирались нападать на евреев в Ленинграде в тот день, им придётся нападать на американских евреев наряду с российскими. У них не было бы возможности ограничить свои нападения политически уязвимыми российскими евреями. Им пришлось бы заплатить гораздо более высокую политическую цену, которая

[247]В январе 1991 года было объявлено, что официальный журнал министерства обороны СССР планирует опубликовать «Протоколы».

сопутствовала нападению на американцев, осуществляющих свои права человека на свободу ассоциаций и свободу вероисповедания. Мы публично заявили о своём визите в синагогу в надежде, что это предотвратит нападение. И мы призвали других американцев ясно дать понять, что они будут в синагоге вместе со своими братьями и сёстрами. Благодаря современным средствам связи и транспорта, евреи, находящиеся в опасности в любой точке мира, никогда больше не должны сталкиваться с этими рисками в одиночку, без поддержки и присутствия соплеменников-евреев из Америки или других стран, где на евреев нельзя нападать безнаказанно.

Мы прибыли в синагогу в десять утра. Хотя там было всего несколько человек, пришедших помолиться, они разделились на две общины, или миньяна. Одна группа собиралась в большой хоровой синагоге. Службу вел кантор с прекрасным баритоном. Нам сказали, что в будние дни он оперный певец. Другой миньян находился в гораздо меньшей соседней синагоге. Служба там проводилась в хасидской традиции, без кантора и с большим участием всех присутствующих. Видя, что эта небольшая община может похвастаться двумя отдельными группами, я вспомнил старую шутку о еврейском Робинзоне Крузо, которого наконец спасли после почти десяти лет на необитаемом острове. Спасатели заметили, что он построил две синагоги, и спросили, почему. Он ответил, указывая на первую: «В этой я молюсь». Затем он указал на вторую и сказал: «В той я раньше молился, но перестал, потому что поссорился из-за ее правил»[248].

В Ленинграде меньший миньян образовался после того, как его прихожане поссорились из-за политики большего миньяна. Но пятого мая два миньяна объединил общий страх. Лидеры еврейской общины решили провести всю субботу вместе. После отдельных молитв все собрались вместе на киддуш, собрание после молитвы. Началось все с небольшого бокала вина и медового пирога. Затем меня представили и попросили рассказать о политической ситуации с американской точки зрения.

Я начал с цитирования традиционной еврейской молитвы «Хинай Ма Тов ума, наим, шевет Ахим гам яхад», что я приблизительно перевел как «Как чудесно, когда братья и сестры молятся вместе и в радости, и в опасности». В тот день мы все испытывали сочетание радости и опасности. Радость была вызвана тем, что мы могли быть вместе в русской синагоге, не опасаясь репрессий со стороны правительства. Опасность заключалась в том, что сама политика гласности, которая позволила нам молиться вместе, также дала «Памяти» право преследовать нас. Это был парадокс демократии. С демократией приходит свобода открыто выражать свои предрассудки. При тоталитаризме все твердо отстаиваемые взгляды — за исключением тех, которые партия хотела, чтобы были открыто выражены, — должны были подавляться. Эти взгляды, будь то позитивный иудаизм или негативный антисемитизм, никуда не исчезли. Они просто сдерживались в течение многих лет. Теперь же давление было снято, и эти подавленные взгляды выплеснулись наружу.

Я говорил о страхе, который мы все испытывали. Было раннее послеполуденное время, и ничего не произошло. Но впереди нас ждал еще долгий день. Шаббат в Ленинграде в мае заканчивается примерно в 22:30, и синагога будет работать до этого времени.

Насколько мне известно, никаких планов на случай нападения разработано не было. Полиции или КГБ не было, как это было раньше, когда их задачей было отговаривать людей от посещения синагоги. Никакой системы связи не было создано. Когда я узнал об этом, я не знал, испытывать ли облегчение или беспокойство:

[248]В этой классической истории есть несколько неожиданных развязок, каждая из которых немного отличается по смыслу: «В этом я молюсь; к тому я бы не подошел». Или «Тот я построил на случай, если с этим у меня возникнет спор».

облегчение от возможности того, что руководители не сочли угрозу достаточно серьезной, чтобы принимать меры предосторожности; или беспокойство от возможности того, что они либо пренебрегли мерами предосторожности, либо — что еще хуже — решили, что меры предосторожности не принесут пользы, поскольку властям будет все равно, если несколько евреев во время молитвы будут избиты, а их синагоги осквернены.

День прошел без происшествий, к явному облегчению собравшихся евреев. Наконец, когда казалось, что опасность миновала, мы ушли, и мой сын потащил меня на рок-концерт. Это была его месть, сказал он, за то, что я заставил его высидеть канторское выступление. Я заткнул уши салфетками и писал этот отчет, пока мой сын, вместе с несколькими тысячами русских детей, прыгал от радости под оглушительный шум двадцати местных групп, изо всех сил старавшихся перекричать своих американских коллег.

Глядя на море русских лиц, я задавался вопросом, сколько из этих детей питают антисемитские настроения. Трудно было бы вырасти русским в Ленинграде, не подвергшись сначала влиянию антисионистской пропаганды Коммунистической партии, а теперь и еще более грубому антисемитизму ультранационалистов. Действительно, новоиспеченные антисемиты довольно ловко присвоили себе термин «антисионист». Они просто расширили его обиходное значение, включив в него не только ненависть к Израилю, но и ненависть ко всем евреям. Но все же именно «сионисты» «принесли коммунизм в Россию». Именно сионисты стали причиной Чернобыльской катастрофы, экономического спада, закрытия церквей и «морального разложения» русской души. Именно сионисты получили все преимущества — их первыми отправили домой, когда не хватало апельсинов или мяса.

Глядя на этих детей, я задумался, прав ли был наш новый друг Владимир — двенадцатилетний отказник, пытавшийся воссоединиться со своей женой и дочерью в Стэмфорде, штат Коннектикут, — когда он категорично заявил: «У евреев в России просто нет будущего. Нас преследовали при царях и комиссарах. Теперь нас будут преследовать при новом порядке, потому что те, кто у власти, понимают, что должны помириться с националистами, а не с евреями».

Он объяснил, что антисемитизм — это умная политика в России. Она позволяет власть имущим перекладывать вину с себя на вечного козла отпущения. Она побуждает тех, кто стремится к власти, создавать широкие популистские коалиции, в которые, естественно, входят антисемиты и исключаются евреи. «Антисемитов гораздо больше, чем евреев, — сказал он, — и никто никогда не терял популярность за отказ защищать евреев. На самом деле, вы теряете влияние, если вас воспринимают как друга евреев. Быть другом антисемитов — это более выгодная политика».

Владимир настаивал, что единственным решением является эмиграция всех евреев. Он не понимал религиозных евреев, желавших остаться в Ленинграде, чтобы сохранить там еврейское присутствие. Он восхищался их рвением, но считал их стремление безнадежным. «Дон Кихоты-неудачники», — называл он их, имея в виду их ультраортодоксальные пейсы. После нашего возвращения из Советского Союза даже «Правда» признала, что антисемитизм в Советском Союзе быстро растет и что «он затрагивает все советское общество и его усилия по политическим, экономическим и социальным реформам»[249]. (Также после нашего возвращения я неоднократно звонил от имени Владимира и позже, во время нашего сентябрьского визита в Москву, узнал, что Владимиру в начале сентября выдали выездную визу, и он направлялся в Коннектикут).

[249]Майкл Паркс, «Антисемитская волна опасна, — пишет «Правда»», Los Angeles Times, 23 июля 1990 г., стр. 1.

Из Ленинграда мы с Илоном отправились в Бухарест, Румыния, где из нашего гостиничного номера открывался вид на студенческие демонстрации на Университетской площади. В Румынии почти не осталось евреев, но и там возникла проблема еврейского вопроса. Я встретился с одним из лидеров Фронта национального спасения, профессором Сильвиу Брукан. Брукан противостоял Чаушеску и был арестован диктатором. Теперь, после казни Чаушеску, Брукан баллотировался в парламент. Один из его противников, вице-президент Национальной христианской крестьянской партии, был членом нацистской «Железной гвардии» во время Второй мировой войны. Его партия «разоблачила» еврейское происхождение Брукана, расклеив плакаты со звездами Давида, наложенными на его цитаты. В конце концов, Брукану пришлось уйти в отставку с поста члена исполнительного комитета своей партии, чтобы не навредить партии на выборах. Бывший нацист с гордостью сохраняет свой пост вице-президента партии. В пост-чаушесковской Румынии, по-видимому, политически выгоднее иметь нацистское прошлое, чем еврейское.

Из Бухареста мы полетели в Прагу, где президент Вацлав Гавел неоднократно осуждал антисемитизм. В чешской части его страны (где он когда-то был широко распространен) антисемитизма практически нет, но он остается широко распространенным в Словакии, где националистические партии восхваляют Гитлера за создание «независимого» словацкого правительства во время нацистской оккупации.

Затем мы поехали в Польшу, где всего годом ранее рабочее движение «Солидарность» получило контроль над правительством. В Польше я узнал, что один видный профессор правого толка недавно выразил обеспокоенность тем, что «в настоящее время евреи начинают доминировать в польской политической элите и в редакционных коллективах многих газет», несмотря на то, что средний возраст немногих оставшихся польских евреев превышает семьдесят лет. Другой правый активист поднял призрак крематориев Освенцима, заявив, что «каждый из нас с радостью зажарил бы одного Мичника на гриле». Адам Мичник — ассимилированный еврей — бывший диссидент, попавший в тюрьму за смелое противостояние лидеру Коммунистической партии Войцеху Ярузельскому и долгое время бывший советником Леха Валенсы. Я встречался с Мичником в 1987 году, когда он пытался заручиться поддержкой Валенсы в его деятельности в поддержку «Солидарности». Теперь даже Валенса начал нападать на Мичника и другого своего давнего советника еврейского происхождения, называя их «плюралистами и интеллектуалами» — кодовые слова в Польше для обозначения евреев. Недавно Валенса сказал, что «иногда именно евреи создают антисемитскую атмосферу, чтобы оказаться в центре внимания», но он отрицал наличие «какого-либо антисемитизма здесь, в Польше»[250]. Думаю, это завуалированный комплимент оставшимся евреям Польши: они в последнее время не стремились к публичности.

Один из самых поразительных аспектов визита в новую Восточную Европу — это то, насколько сильно люди, кажется, озабочены положением евреев. Учитывая тот факт, что в Польше, Чехословакии и Румынии осталось менее двадцати пяти тысяч евреев — из почти пяти миллионов, проживавших до войны, — удивительно, что им уделяется столько внимания. Как недавно заметил один советский комментатор, «есть только один вопрос: вы за или против евреев?»[251]

Спустя почти полвека после Холокоста, как можно объяснить эту непрекращающуюся одержимость евреями, особенно в тех частях мира, где они были истреблены почти до полного исчезновения? Антисемитизм существует и на Западе, о

[250]Цитата приведена в колонке «The Intelligencer», Нью-Йорк, 21 мая 1990 г., стр. II.
[251]Советский поэт Андрей Вознесенский, цитируется в статье «Длинная тень», Newsweek, 7 мая 1990 г., стр. 35.

чем свидетельствует осквернение кладбищ во Франции и других странах. Разница в том, что президент Франции Франсуа Миттеран немедленно осудил эти осквернения. В Польше кардинал Глемп и Лех Валенса (избранный президентом в декабре 1990 года) хранили не просто греховное молчание[252]; они присоединились к хору жалоб на «евреев», как и лидеры Румынии и Венгрии. Даже президент Горбачев, по крайней мере до недавнего времени, ограничивал свою критику одним расплывчатым замечанием против антисемитизма «и всех других -измов». Только в Чехословакии президент Гавел поступил правильно.

Именно неспособность президента Горбачева решительно и публично осудить антисемитизм послужила толчком к моей второй поездке в Советский Союз в 1990 году. Я принял приглашение выступить с докладом на крупной конференции в Москве, посвященной правовому и экономическому сотрудничеству между нашими двумя странами. Меня попросили рассказать о юридических правах обвиняемых в уголовных преступлениях, и я согласился на эту тему при условии, что мне также будет разрешено выступить с докладом о надлежащих мерах реагирования правительства на антисемитизм. Разрешение было получено, и я выступил перед аудиторией, состоящей из советских и американских юристов.

Конференция проходила в неделю Рош ха-Шана, и перед моим выступлением мой сын Джамин, который сопровождал меня в этой поездке, и я встретились в Москве с еврейскими отказниками и активистами, которые все сказали нам, что самым важным шагом для защиты еврейской общины было бы осуждение президентом Горбачевым антисемитизма и организаций, которые его проповедуют. Такое осуждение ясно показало бы, чего до сих пор не было, что советское и партийное руководство не поддерживают взгляды и действия частных антисемитов.

Учитывая это, я направил президенту Горбачёву следующее приглашение в своей речи и в опубликованном открытом письме:

Я приглашаю президента Горбачёва присоединиться ко мне в Московской синагоге во время богослужения в честь Рош ха-Шана. Я призываю его подняться на кафедру этого почтенного старого храма и воспользоваться случаем, чтобы самым недвусмысленным образом осудить антисемитизм. Подобно тому, как Папа Павел II посетил Римскую синагогу, чтобы заявить, что он «осуждает ненависть, преследования и проявления антисемитизма, направленные против евреев в любое время и кем бы то ни было», президент Горбачёв должен заявить, что антисемитизму нет места в советской политике или советской жизни.

Придите в синагогу, президент Горбачёв, и осудите антисемитизм, тем самым продемонстрировав своему народу, что советские евреи являются полноправными советскими гражданами в новом мире перестройки[253].

Я, конечно, понимал, что Горбачёв, который никогда даже не посещал русскую православную церковь, вряд ли пойдёт в синагогу. Но я подумал, что моё приглашение поднимет на конференции вопрос о его осуждении антисемитизма. После моего выступления американский юрист из зала спросил, сколько советских юристов готовы подписать письмо Горбачёву с призывом осудить антисемитизм. Большинство советских юристов в зале подняли руки. Мы немедленно распространили письмо и получили их подписи.

Затем я попытался убедить организаторов конференции разрешить мне

[252] Пастырское послание от 20 января 1991 года одной рукой отняло у прихожан практически всё, что отдало другой. См. сноску на странице 160.

[253] Алан М. Дершовиц, «Президент Горбачев, используйте свою „трибуну для тирад “», Boston Herald, 17 сентября 1990 г., стр. 29.

попросить делегатов либо проголосовать за резолюцию, призывающую президента Горбачева осудить антисемитизм, либо объявить о сборе подписей под письмом от большинства делегатов. Но организаторы неохотно пошли на что-либо, что могло бы поставить в неловкое положение принимающую сторону.

Я уже почти отчаялся донести наше послание до Горбачёва, когда произошло неожиданное событие. Президент Горбачёв неожиданно появился на заключительном ужине конференции накануне нашего отъезда из Москвы. Из-за сильной простуды я чуть было не остался в номере отеля вместо того, чтобы идти на, как мне казалось, скучный официальный ужин в Кремлёвском дворце. Но Джамин уговорил меня пойти. Когда мы уже собирались начать ужин, вошёл президент Горбачёв и произнёс двадцатиминутную речь перед двумя тысячами делегатов о необходимости экономического и правового сотрудничества между нашими странами. Когда он закончил, все ожидали, что он уйдёт так же быстро и тихо, как и вошёл, потому что он был вовлечён в продолжающийся спор с Верховным Советом по поводу экономических реформ. Но вместо того, чтобы уйти, Горбачёв сел и начал есть. Я заметил, что никто из присутствующих на трибуне с ним не разговаривает, и поэтому, собрав всю свою наглость, я встал из-за стола в задней части Дворцового зала, подошел к Горбачеву и спросил, могу ли я уделить ему несколько минут своего времени. Я ожидал, что меня остановят охранники, прежде чем я подойду к президенту, но охранников там не было.

Президент Горбачев сказал, что будет рад поговорить со мной, и протянул руку, когда я представился. Американский председатель конференции — бывший госсекретарь и генеральный прокурор Уильям Роджерс — выглядел смущенным моей напористостью, но Горбачев, казалось, приветствовал ее. Я сказал президенту Горбачеву, что все американцы на конференции выступают за расширение сотрудничества, но есть одна вещь, которую он мог бы сказать, и которая сделала бы для расширения сотрудничества больше, чем любая конференция. Он, казалось, заинтересовался и спросил меня, что он мог бы сказать, чтобы добиться такого эффекта.

Я сказал ему, что он должен выступить с решительным публичным осуждением антисемитизма и таких организаций, как «Память», которые его пропагандируют. Он ответил, что считает это хорошей идеей, и пообещал сделать такое заявление в ближайшем будущем.

Затем Горбачёв добавил, что существуют проблемы напряжённости между многими этническими группами, составляющими Советский Союз. Я сказал ему, что понимаю это, но проблема антисемитизма иная, поскольку она на протяжении многих лет поддерживалась государством. Я сказал господину Горбачёву, в личном плане, что если бы не царский антисемитизм, многие американские юристы, присутствовавшие на конференции, сегодня могли бы быть советскими юристами, поскольку их бабушки и дедушки, возможно, не эмигрировали бы в Америку.

Горбачёв улыбнулся и спросил, не хотели бы некоторые из этих юристов вернуться, чтобы помочь восстановить Советский Союз. Я ответил, что для него уже слишком поздно вернуть нас, но что ему не следует совершать ту же ошибку с нынешними поколениями еврейских врачей, учёных, юристов и других продуктивных советских граждан, которые хотели бы остаться в СССР и жить наравне с русскими.

Я сказал, что надеюсь на возможность положить конец напряженности между советским правительством и американской еврейской общиной, наконец-то положив конец антисемитизму в Советском Союзе. Горбачев согласился, что это было бы хорошо. Он попросил мою визитку. Я дал ей и поблагодарил за беседу. Как только я вернулся в Соединенные Штаты, я написал президенту Горбачеву письмо, напомнив ему о его обещании и попросив прислать мне копию любого его заявления.

Во время моего пребывания в Москве еврейские активисты обсуждали со мной сложный и вызывающий разногласия вопрос эмиграции советских евреев. До недавнего изменения политики США более 90 процентов советских эмигрантов приезжали в Соединенные Штаты, а не в Израиль. Это вызывало большую озабоченность у израильского правительства, поскольку Израилю нужны новые иммигранты, особенно образованные, покидающие Советский Союз.

В связи с этим Израиль оказывал давление на Соединенные Штаты, требуя принять меры по предотвращению переезда советских эмигрантов в Израиль. Многие израильтяне считают, что им необходимо приехать в Израиль из принципа. Многие американские сторонники советского еврейства придерживаются мнения, что им должна быть предоставлена свобода передвижения по своему выбору.

В очередной раз это различие в точках зрения демонстрирует, что государство Израиль и еврейский народ могут иметь противоречащие интересы по тому или иному вопросу, представляющему взаимный интерес. В данном случае большинство евреев — как израильтян, так и не израильтян — вероятно, предпочли бы, чтобы большинство советских эмигрантов выбрали Израиль. Разногласия касаются того, уместно ли применять какое-либо государственное принуждение для достижения этой цели. Каждый советский активист, с которым я беседовал, выступает за свободный выбор для эмигрантов, хотя и надеется, что большинство из них выберут Израиль.

Существует компромиссное решение, которое, на мой взгляд, способно значительно сузить круг разногласий. Для понимания этого компромисса необходимы некоторые предварительные сведения.

В Соединенных Штатах действует правило, позволяющее «политическим беженцам» эмигрировать непосредственно в США, не дожидаясь долгих лет, которые приходится ждать другим, не являющимся беженцами. Это правило имеет смысл, поскольку политические беженцы — те, кто спасается от репрессивных режимов — не могут позволить себе роскошь ждать своей очереди. Эмигранты из Советского Союза в США долгое время считались политическими беженцами, хотя недавно это правило было изменено. Эмигранты из Израиля в США, очевидно, не считались политическими беженцами, поскольку Израиль не является репрессивным обществом.

В результате действия этих правил, если советский эмигрант первым прибывает в Израиль, он теряет свой статус политического беженца и не может повторно эмигрировать в Соединенные Штаты, не оказавшись в конце длинной очереди. Если же тот же советский эмигрант сначала прибыл в Соединенные Штаты, а затем передумал и решил повторно эмигрировать в Израиль, он мог сделать это немедленно в соответствии с израильским Законом о возвращении.

Это означало, что любой расчетливый советский эмигрант, не имевший абсолютной уверенности в том, где он хочет оказаться, выбирал Соединенные Штаты в качестве первой остановки. Это решение расширяло его возможности, поскольку он всегда мог позже отправиться в Израиль. Противоположное решение, отправиться сначала в Израиль, сужало его возможности, поскольку он не мог затем передумать и обратиться за статусом беженца в Соединенных Штатах.

Учитывая эту реальность и преднамеренно создаваемый советскими властями ложный негативный образ Израиля, неудивительно, что так мало советских эмигрантов отправилось непосредственно в Израиль.

Сейчас ситуация значительно ухудшилась. Хотя Горбачёв разрешает рекордное количество евреев покидать Советский Союз, наше правительство прекратило въезд в страну. В сентябре 1988 года Госдепартамент отказался от давнего предположения, что советские евреи являются беженцами, что затруднило им въезд в нашу страну. Осенью

1989 года Госдепартамент объявил о закрытии специального маршрута для советских евреев через Рим или Вену. Количество советских евреев, которым разрешен въезд в Соединенные Штаты, сократилось до минимума.

Причина изменения политики США так и не была четко сформулирована. Возможно, Соединенные Штаты были встревожены огромным количеством еврейских граждан, эмигрирующих из России, и не хотели принимать их здесь. Возможно, США ожидают или желают принять беженцев из других репрессивных стран, таких как Центральная или Южная Америка или Восточная Азия. Это может быть знаком доброй воли по отношению к Советскому Союзу в эпоху гласности. Наконец, возможно, что Соединенные Штаты объединяют усилия с Израилем, чтобы Израиль мог получить желаемый поток иммигрантов.

Какова бы ни была причина, отказ советским евреям в статусе политических беженцев неверен как минимум по трем причинам. Во-первых, вряд ли можно сомневаться в том, что в результате долгой истории антисемитских нападок и риторики — со стороны царей, комиссаров, а теперь и националистов — евреи сегодня находятся в опасности в Советском Союзе. Они соответствуют критериям политических беженцев.

Во-вторых, тот факт, что у них есть возможность иммигрировать в Израиль, не должен лишать их статуса политических беженцев. Закон о возвращении — это выбор, а не обязанность. Лишение советских евреев выбора между Америкой и Израилем вынуждает их ехать в Израиль. И ни один еврей никогда не должен быть принужден к поездке куда-либо, так же как его никогда не следует исключать ниоткуда. Память о черте преткновения и гетто еще слишком свежа в еврейском опыте, чтобы позволять другим — даже правительству США — указывать нам, где мы должны жить, а где не можем.

Наконец, проводить различие между еврейскими беженцами и другими беженцами на том основании, что евреи могут поехать в Израиль, представляет собой религиозную дискриминацию. Это также потребовало бы от Соединенных Штатов участия в споре о том, кто является евреем! По меньшей мере, нашему правительству пришлось бы принять израильское определение того, кто является евреем (или родственником еврея) в соответствии с израильским Законом о возвращении, чтобы определить, имеет ли заявитель на получение статуса беженца возможность поехать в Израиль. Согласно израильскому законодательству — в Израиле нет писаной конституции — допустимо спрашивать: «Кто является евреем». Однако согласно нашей Конституции, правительство не имеет права задавать такой вопрос.

Я поддерживаю компромиссный вариант, который одновременно расширяет выбор и обещает увеличение эмиграции в Израиль. Он потребует от Соединенных Штатов незначительного изменения своего законодательства, позволяющего политическим беженцам сохранять этот статус в течение года после отъезда из своей репрессивной страны. Он также потребует от Соединенных Штатов заявить, что до тех пор, пока уровень антисемитизма в Советском Союзе не будет значительно снижен, советские евреи будут считаться политическими беженцами, как и должно быть. Таким образом, советские еврейские эмигранты могли бы свободно начать жизнь в Израиле, посмотреть, как им там понравится, в течение года, а затем принять решение. Это предложение окажет давление на Израиль с целью улучшения условий жизни советских эмигрантов в Израиле. Но, по крайней мере, Израиль получит шанс убедить советских эмигрантов остаться — шанс, который он получал слишком редко при предыдущих правилах, которые вынуждали большинство эмигрантов выбирать Соединенные Штаты.

Повседневная жизнь в Израиле может быть непростой для российских иммигрантов. Из-за огромного притока советской иммиграции за первые семь месяцев

1990 года в Израиль иммигрировало больше евреев, чем за любой год с 1951 года. Отчасти из-за этого всплеска уровень безработицы в Израиле вырос до 10 процентов. Цены на жилье выросли, чему способствовало огромное количество советских евреев, получавших государственные субсидии на жилье. Даже с учетом этих субсидий дефицит жилья становился все более серьезным, а решения застревали в болоте бюрократии.

Когда я думаю об этих русских иммигрантах, мне вспоминаются мои прабабушка и прадедушка, совершившие одинокое путешествие в поисках новой жизни, и то разочарование, которое они, должно быть, испытали. Но, по крайней мере, они были свободны. Свобода — это условие, возможность, а не гарантия. Даже те немногие советские эмигранты, которые попробовали жить в Америке или Израиле и решили вернуться в Советский Союз, пользовались свободой, недоступной большинству советских граждан. Мы должны продолжать борьбу за свободу всех евреев — и, по сути, всех людей — чтобы они могли выбирать, где и как они будут жить. Мои представления о сионизме и иудаизме подразумевают выбор и возможности, а не принуждение и регламентацию. Право на эмиграцию — одна из самых основных свобод, известных человечеству. Мы не можем успокоиться, пока оно не станет доступно всем.

Моя работа в интересах советского еврейства заставила меня осознать ответственность, которую несут американские евреи — самая влиятельная еврейская община за пределами Израиля — перед мировым еврейством. Во многих частях мира евреи находятся в глубоком кризисе. Их положение в таких странах, как Сирия, Ливан, Эфиопия и некоторые части Восточной Европы, немногим лучше, чем в прошлые столетия. В других частях мира к ним относятся как к гражданам второго сорта, обладающим многими правами, но малой властью. В Соединенных Штатах у нас есть равные права и значительная власть. Мы можем и действительно влияем на исход выборов, как благодаря нашей избирательной системе — победитель получает всё, коллегия выборщиков, представительство по округам — так и потому, что мы голосуем и вносим пожертвования в большей пропорции к нашей численности, чем многие другие группы. Мы хорошо усвоили урок Марка Твена и организовались по американскому образцу.

Как американские евреи, мы несем моральную ответственность за использование нашей силы в интересах морали и прав человека, и мы не должны исключать наших братьев и сестер по всему миру. Мы должны сотрудничать с нашим правительством и правительством Израиля, где это возможно, но мы должны действовать независимо, когда это необходимо, как мы делали в деле Щаранского и в других зонах конфликта.

Всякий раз, когда я думаю о своей ответственности как американского еврея, я вспоминаю трагическую встречу Яна Карского и судьи Феликса Франкфуртера в 1943 году. Карский, польский католик, недавно окончивший Львовский юридический факультет, был членом польского подполья и рисковал жизнью, чтобы рассказать миру об ужасах, которые нацисты творили с польскими евреями. Карский добровольно проник в Варшавское гетто, переодевшись евреем, чтобы рассказать о своих наблюдениях скептически настроенному миру. Он также согласился на тайную переправку в еврейский лагерь смерти в Бельзеце, переодевшись в форму эстонского охранника. То, что он видел, слышал и чувствовал, было невообразимо. Но он записал каждую деталь в своей адвокатской памяти: цифры, места, методы. Вот некоторые из записей, сделанных им в Бельзеце:

Полицейские, поочередно размахивая оружием и стреляя из винтовок, запихивали все больше людей в два и без того переполненных вагона. Выстрелы продолжали раздаваться сзади, и толпа, бежавшая вперед, оказывала непреодолимое давление на тех, кто находился ближе всего к поезду…

Они были беспомощны, поскольку на них давила вся наступающая толпа, и отвечали лишь воплями отчаяния на тех, кто, цепляясь за волосы и одежду в поисках опоры, топтал шеи, лица и плечи, ломал кости и кричал с бесчувственной яростью, пытался перелезть через них. После того как вагоны были заполнены сверх нормы, таким образом проникло еще более двадцати человек — мужчин, женщин и детей. Затем полицейские захлопнули двери, закрывая наспех торчащие конечности, и закрепили железные прутья [254].

Всё это время весь лагерь сотрясался от оглушительного шума, в котором ужасные стоны и крики странным образом смешивались с выстрелами, ругательствами и выкриками приказов.

Пол автомобиля был покрыт толстым слоем белого порошка.

Это была негашеная известь.

Влажная плоть, соприкасаясь с известью, быстро обезвоживается и сгорает. Пассажиры автомобилей в буквальном смысле сгорели бы заживо в ближайшее время, а плоть была бы съедена с костей. Во-вторых, известь предотвратила бы распространение болезней через разлагающиеся тела.

Когда сорок шесть (я их посчитал) вагонов были заполнены, уже стемнело. От одного конца до другого поезд, с его дрожащим грузом плоти, словно заколдованным, пульсировал, вибрировал, качался и подпрыгивал. Внутри лагеря оставалось несколько десятков мертвых тел, а некоторые находились в предсмертной агонии. Немецкие полицейские неторопливо расхаживали с дымящимися пистолетами, стреляя во все, что издавало стоны или движения, выдавая избыток жизненных сил. Вскоре в живых не осталось ни одного человека[255].

После своих чрезвычайно рискованных поездок в еврейское гетто и лагерь смерти Карский снова рисковал жизнью и тайно проехал через оккупированную Европу в Америку, чтобы попытаться убедить наше правительство спасти евреев от надвигающегося Холокоста. Посол польского правительства в изгнании организовал встречу между Карским и судьей Франкфуртером, одним из самых доверенных приближенных президента Рузвельта. Целью встречи было убедить Франкфуртера в том, что сообщения о геноциде, поступающие из оккупированной Восточной Европы, правдивы, и что он должен сообщить эту правду президенту.

Недавно я встретился с Карским, который сейчас преподает в Джорджтаунском университете, и он вспомнил свою встречу с Франкфуртером: «Такую встречу не забудешь. Каждое слово запечатлелось в моей памяти». Карский рассказал Франкфуртеру в точности то, что видел своими глазами. После того как Карский говорил без перерыва сорок пять минут, подробно описывая Варшавское гетто и лагерь смерти в Бельзеце, Франкфуртер встал и начал расхаживать взад-вперед. Карский вспоминал, что «он, казалось, выносил суждение о том, говорю ли я правду». Карского предупреждали, что Франкфуртер — «чрезвычайно высокомерный человек, требующий уважения, если не покорности». Карский ждал, пока «судья» расхаживает взад-вперед. Затем Франкфуртер остановился, посмотрел Карскому прямо в глаза и сказал: «Человек вроде меня, разговаривающий с человеком вроде вас, должен быть абсолютно честен. Так и есть. Поэтому я говорю: я не могу вам поверить».

Польский посол был ошеломлен: «Феликс, как вы можете говорить такое? Вы же знаете, что он говорит правду. Его проверяли и перепроверяли в Лондоне и здесь. Феликс, что вы имеете в виду?»

[254]Это описание очевидца резко контрастирует с предвзятым высказыванием Владислава Силы - Новицкого, в котором он говорит: «Побег не представлял проблемы». См. главу V.

[255]Ян Карски, «История тайного государства» (Бостон: Houghton Mifflin Company, 1944), стр. 349-350.

Франкфуртер ответил: «Я не говорил, что он лжет. Я сказал, что не могу ему поверить. Это разные вещи. Мой разум, мое сердце устроены так, что я не могу этого понять».

Карский сказал мне, что до сих пор — спустя почти пятьдесят лет — он не понимает, в чем заключается заявленное Франкфуртером различие. Он подозревает, что в глубине души Франкфуртер, вероятно, понимал, что слышит правдивый рассказ об ужасах, с которыми сталкивалось польское еврейство. Зачем, риторически спросил Карский, польскому католику преувеличивать происходящее с евреями?

Однако Карски считает, что Франкфуртер боялся признать свои убеждения, потому что для этого ему пришлось бы убеждать других в правдивости непостижимого образа ада на земле, который представлял Карски. Советник по вопросам юстиции и президентский советник опасался, что другие не поверят в его убеждения, что подорвет его авторитет по другим вопросам и в других областях.

Франкфуртер не хотел, чтобы его считали одним из тех мягкосердечных евреев, которые ставят еврейские жизни выше американских военных усилий. Он не хотел рисковать своим ценным авторитетом в глазах президента из-за вопроса еврейских чувств. И поэтому он ничего не говорил и ничего не делал, пока миллионы его братьев и сестер — и их детей — были убиты.

В своем монументальном труде «Оставление евреев» Дэвид С. Уайман выразил это так:

Во время войны судья Верховного суда Феликс Франкфуртер имел регулярный доступ к Рузвельту и оказывал тихое, но сильное влияние на многие сферы администрации. Хотя он использовал свои связи для продвижения многочисленных политических решений и планов, спасение евреев в их число не входило[256].

Историк Джерольд Ауэрбах не слишком лестно отзывается о франкфуртском пироге:

Он занимался делами в Индии, Австралии и Виши, Франция. Однако Франкфуртер не использовал свое положение и связи, а также свою неуемную энергию на благо еврейских нужд в самые отчаянные годы еврейской истории. Среди различных дел, которыми он занимался внесудебным порядком, спасение евреев от Холокоста не входило в их число… Ничто не было более характерно для американских евреев (таких как Франкфуртер и других, находящихся в центре власти), чем их попустительство «оставлению евреев» Рузвельтом в Европе. Близость к власти… практически заставила их замолчать перед лицом еврейской трагедии[257].

То же самое можно сказать о большинстве других еврейских политических лидеров и приближенных к президенту, таких как Герберт Леман, Сэмюэл Розенман, Дэвид Найлз и Бернард Барух. Только Генри Моргентау можно отнести к числу высокопоставленных друзей европейского еврейства, готовых рисковать своей репутацией из-за еврейского вопроса. Это позорная история бездействия, которая никогда не должна повториться.

Сегодня ни один американский еврей не хочет, чтобы на его или её эпитафии было написано — как это всегда должно быть написано на эпитафии Феликса Франкфуртера в еврейской истории: «Он мог помочь, но не сделал этого. Он мог поверить, но не стал. Он поставил свои собственные интересы выше интересов своих собратьев-евреев».

Мое поколение американских евреев живет с опасением, что мы можем стать Феликсом Франкфуртером следующего поколения — что мы можем отрицать реальность

[256]Дэвид С. Уайман, «Отказ от евреев: Америка и Холокост, 1941—1945» (Нью-Йорк: Pantheon Books, 1984), с. 316.
[257]Ауэрбах, Раввины и юристы, стр. 163—165.

возникающих угроз безопасности и, по сути, выживанию значительной части еврейства в Израиле и других частях мира. Возможно, именно поэтому мы так агрессивно защищали советских, эфиопских, сирийских и других евреев, находящихся под угрозой. Возможно, именно поэтому мы так единодушны в своей поддержке безопасности Израиля, хотя и расходимся во мнениях по другим аспектам ближневосточной политики. Мы предпочитаем действовать осторожно, а не бездействовать. Феликс Франкфуртер сохранил свою репутацию осторожного еврейского лидера, который никогда не кричал «Волк!» — даже когда волк убивал его братьев и сестер. Хотя мое поколение не хочет ослаблять доверие к нашим призывам о помощи, мы бьём тревогу, как только видим или чувствуем запах дыма. Мы готовы кричать «Пожар!» в переполненном театре, если считаем, что существует значительная вероятность того, что театр действительно начинает гореть. Мы понимаем опасность чрезмерной обидчивости, но также знаем и об опасности чрезмерной апатии. Как народ, который едва не лишился будущего, мы оберегаем его так, словно это настоящее.

9. В тюрьме Марион

Дело Полларда и кризис в американском еврейском лидерстве

В ноябре 1985 года разоблачение того, что американский еврей-аналитик разведки Джонатан Джей Поллард был пойман на шпионаже в пользу Израиля, вызвало шок в еврейской общине Америки. Это был настоящий шанд фур де гоим (нападение на евреев). Официальная реакция еврейской общины была чрезмерной попыткой дистанцировать «лояльных» американских евреев от этого «нелояльного предателя», который предал не только Америку в целом, но и евреев Америки в частности. Представители еврейской общины атаковали Полларда гораздо резче, чем неевреев, пойманных на шпионаже в пользу врагов, таких как Советский Союз. Казалось, они могли доказать свою собственную лояльность — и лояльность своих избирателей — возглавив самосуд над своим предателем. Некоторые из лидеров, казалось, кричали: «Видите, я настоящий патриот. Я ненавижу еврейских шпионов даже больше, чем вы, неевреи».

Еврейское сообщество отреагировало на произошедшее с противоречивыми и сложными чувствами. Некоторые были напуганы. Они помнили, что происходило в другие времена и в других местах, когда евреев обвиняли в шпионаже, измене или предательстве по отношению к принимающим странам. Они вспоминали антисемитскую реакцию на дело Дрейфуса и, что гораздо ближе к дому, на дело Розенберга об атомном шпионаже. Они помнили, что произошло, когда молодой еврей по имени Гершель Грюншпан убил сотрудника немецкого посольства в Париже, дав нацистам повод для проведения печально известной Хрустальной ночи в 1938 году.

Но некоторые евреи также с пониманием, если не с сочувствием, относились к еврейскому фанатику, который ставил выживание Израиля — по крайней мере, в его понимании — выше бюрократических тонкостей системы классификации. В конце концов, Израиль был доверенным союзником Соединенных Штатов. Две страны обменивались самой деликатной разведывательной информацией. Что такого особенного, думали некоторые евреи, в том, чтобы дать Израилю немного больше информации, чем он мог получить по официальным каналам? Они помнили первые дни борьбы Израиля за выживание, когда многие еврейские солдаты, возвращаясь с боевых действий в Европе, тайно переправляли американское оружие сионистской военной организации «Хагана», формально нарушая наше законодательство. Правительство закрывало глаза на такое гражданское неповиновение, как, по-видимому, закрывало глаза и на еще более серьезные случайные нарушения, которые помогли Израилю стать ядерной державой.

Арест Полларда, попавший на первые полосы газет, вызвал бурные дебаты, в основном внутри еврейской общины, о природе сионизма, двойной лояльности и положении евреев в Америке. Он также спровоцировал продолжающуюся дискуссию о еврейском руководстве в этой стране и о том, насколько точно оно отражает взгляды и служит интересам еврейского населения Америки — как членов еврейских общин, так и тех, кто к ним не принадлежит.

Именно на этом фоне в 1988 году я отправился в отдаленную федеральную тюрьму в Марион, штат Иллинойс. Тюрьма Марион — самая строгая из американских тюрем — настолько безопасна, что скоба, вбитая в подошву моей обуви, вызвала срабатывание чувствительного металлодетектора. После посещения тюрьмы А.М. Розенталь из «Нью-Йорк Таймс» описал ее следующим образом:

Мужчин отправляют в тюрьму Мэрион не за преступления, совершенные за пределами тюрьмы, а за преступления, совершенные в других тюрьмах: побеги, нападения

или убийства других заключенных или охранников.

Цель миссии состоит не в реабилитации, а в обеспечении безопасности и контроле над заключенными.

Еду доставляют через решетки... Если заключенных нужно куда-то перевести, их ведут под охраной и в наручниках по пустым коридорам[258]*.*

Заключенный, с которым я должен был поговорить, не был ни убийцей, ни насильником. Он никого не избивал, находясь в тюрьме. Более того, охранник, который провел меня через лабиринт решеток и стен, сказал, что это был «самый легкий заключенный, которого я помню».

Когда я вошел в комнату с тройным контролем — в присутствии охранника — я увидел невысокого мужчину с теплой улыбкой, в очках и с редеющими волосами. Что больше всего отличало его от других заключенных, за которыми я наблюдал, так это отсутствие «тюремной постройки» или «тюремной походки».

Большинство заключенных, даже в тюрьмах строгого режима, стараются заниматься спортом и поддерживать себя в форме. Будь то для защиты от агрессивных сокамерников или просто потому, что больше делать нечего, наращивание мышечной массы — это образ жизни в тюрьме. Большинство мускулистых заключенных также используют особую походку и осанку — вызывающую походку, призванную демонстрировать презрение и скрывать страх. Мой клиент, с сутулыми плечами и сутулой осанкой, больше походил на университетского профессора или бухгалтера, чем на опасного преступника.

Первое, что я увидел, совершенно не соответствовало тюремной обстановке. Он неуклюже держал в одной руке электрический вентилятор, а в другой пытался удержать чашку кофе. Для меня это были и то, и другое. В городе Марион, на юге Иллинойса, сухо и жарко, особенно летом, когда я там был, из-за засухи.

Как только Поллард увидел, что я вошел в небольшую комнату, он подошел и обнял меня. Его поступок меня удивил, поскольку я не из тех, кто любит обниматься и прикасаться друг к другу, и обычно не завожу дружеских отношений со своими клиентами.

Но объятия Полларда показались мне очень приятными, возможно, потому что они были искренними или потому что, казалось, он в них так нуждался. Наша личная встреча долгожданная. Обвинители Полларда создали на её пути значительные препятствия. Они не хотели, чтобы я стал одним из адвокатов Джонатана Полларда. Поллард видел внутреннюю служебную записку, в которой меня характеризовали как «еврейского смутьяна». (Думаю, они, вероятно, хотели этим оскорбить; я был бы рад увидеть это в качестве эпитафии.) До моего участия в деле всё велось деликатно и тихо. Его предыдущие адвокаты заключили сделку о признании вины, согласно которой дело должно было быть закрыто аккуратно, без необходимости в сложном судебном процессе. А полномасштабный судебный процесс был бы действительно сложным. Правительству пришлось бы рассекретить большую часть своих секретных доказательств, и обвиняемый смог бы свободно привлечь правительство к ответственности за его двуличие в отказе Израилю в предоставлении разведывательной информации, на которую оно имело право в соответствии с исполнительным соглашением, а также за его невероятную небрежность в сохранении секретности. Это могло бы привести к снятию по крайней мере части обвинений, как в случае с фигурантом дела Иран-контрас Оливером Нортом, или к отсутствию каких-либо уголовных обвинений, как в случае с дипломатом Феликсом Блохом.

[258]А.М. Розенталь, «В моих мыслях: в тюрьме Марион», New York Times, 23 августа 1988 г., стр. 21.

Действительно, мне кажется маловероятным, что Полларда осудили бы за шпионаж, если бы он воспользовался своим конституционным правом хранить молчание, поскольку единственные реальные доказательства против него должны были бы исходить от его израильских «кураторов», а Израиль никогда бы не позволил им давать показания в открытом суде под перекрестным допросом. Но его адвокаты в то время, по-видимому, придерживались иного мнения и пришли к выводу, что в его интересах заключить сделку о признании вины.

«Сделка» выглядела примерно так: правительство избежало необходимости проведения судебного разбирательства; ему гарантировался обвинительный приговор; оно получило полное сотрудничество от подсудимого в оценке ущерба и выявлении других виновных; оно добилось от подсудимого соглашения о неразглашении дальнейшей секретной информации; и оно получило все права на публикации подсудимого, связанные с событиями, произошедшими в ходе дела.

В обмен на эти ценные условия подсудимый получил обещание, что при вынесении приговора правительство порекомендует суду назначить наказание в виде «значительного срока лишения свободы и денежного штрафа»; это подразумевало наказание, не предусматривающее пожизненное заключение. Правительство также согласилось заключить соглашение о признании вины с его женой, Энн Хендерсон Поллард.

Максимально возможное наказание за шпионаж — пожизненное заключение, наказание, которое редко назначалось даже тем, кто шпионит в пользу наших врагов, и никогда не назначалось тем, кто шпионит в пользу наших друзей. Действительно, в то время средний срок тюремного заключения, назначаемый в соотношении 0:1 обвиняемому, осужденному за шпионаж в пользу союзника США, например, Израиля, составлял менее пяти лет. Но поскольку всегда существовала теоретическая возможность того, что мстительный судья мог назначить пожизненное заключение, и поскольку было понятно, что «значительный срок заключения» означает нечто меньшее, чем пожизненное заключение, правительство фактически что-то давало в обмен на то, что получало.

Другим важным фактором было обещание заключить сделку со следствием с женой Джонатана, Энн. Все, и особенно адвокаты защиты, заключившие сделку, рассчитывали на то, что Энн получит условный срок. Это было важно, поскольку Энн была очень больна и её заболевание обострилось за время пребывания в тюрьме в период между арестом и освобождением под залог.

В конце концов, даже эти незначительные соображения оказались пустыми, поскольку судья отклонил официальную рекомендацию правительства — «значительный срок» — и принял его реальную, хотя и неявную, рекомендацию о пожизненном заключении для Джонатана. Этот приговор не только превысил любой тюремный срок, когда-либо назначенный за шпионаж в пользу союзника, но и был намного строже, чем средний срок, назначаемый за шпионаж в пользу Советского Союза и других врагов. Ожидания Анны также рухнули, когда судья назначил ей два одновременных пятилетних срока за пособничество после совершения преступления.

Правительство также пообещало сообщить судье, выносящему приговор, что информация, предоставленная обвиняемым в рамках соглашения о сотрудничестве, «имеет значительную ценность для анализа оценки ущерба, расследования этого уголовного дела и обеспечения соблюдения законов о шпионаже»[259]. Это обещание — по

[259]Соглашение о признании вины по делу Полларда, письмо прокурора США Джозефа Э. ДиДженова, 3 марта 1987 г., стр. 3.

сути, рассказать правду о ценности информации Джонатана — не кажется чем-то, что следовало бы обсуждать. Но в игре под названием «сделка о признании вины» всё — включая правду — находится под угрозой. Даже это минимальное обещание правительство просто нарушило, как по сути, так и по букве.

После того как Поллард подвергся сотням часов допросов и проверкам на полиграфе, проведенным правительством, прокуроры заявили, что его сотрудничество «было предложено обвиняемым с опозданием и без раскаяния в совершенном им преступлении». Выступая против смягчения наказания для Полларда на том основании, что он шпионил в пользу Израиля, прокуроры заявили судье, что «умеренное наказание не удержит, а может даже спровоцировать, аналогичные противоправные действия со стороны других». Они утверждали, что если будет проявлено какое-либо смягчение наказания «потому что участвующее иностранное государство является союзником США, это может послужить потенциально опасным сигналом для отдельных лиц или иностранных государств, рассматривающих возможность шпионской деятельности в Соединенных Штатах»[260].

Этот аргумент был воспринят многими как попытка донести до судьи мысль о том, что, поскольку Израиль является популярным союзником Америки и имеет множество американских сторонников, наказание за шпионаж в пользу Израиля должно быть как минимум таким же суровым, как и за шпионаж в пользу Советского Союза. В последующей публичной дискуссии со мной по делу Полларда главный прокурор выразил личное мнение о том, что шпионаж в пользу Израиля, возможно, должен наказываться даже строже, чем шпионаж в пользу Советского Союза, поскольку у Израиля много друзей в Соединенных Штатах, в то время как у Советского Союза их нет.

В марте 1987 года, в день вынесения приговора, тогдашний министр обороны Каспар Вайнбергер представил суду показания под присягой, в которых он сделал следующее заявление: «Мне трудно представить, даже в так называемый год шпионажа, больший вред национальной безопасности, чем тот, который причинил Поллард». Он утверждал, что «только срок заключения, соизмеримый с долговечностью информации, которую Поллард еще может передать, обеспечит определенную защиту от дальнейшего ущерба национальной безопасности»[261]. Не нужно читать между строк, чтобы понять, что Вайнбергер настаивал на максимальном наказании в виде пожизненного заключения — единственном наказании, которое было бы «соизмеримо» с наибольшим возможным вредом для нашей национальной безопасности и которое позволило бы правительству держать Полларда под стражей до тех пор, пока информация, которой он обладал, имела бы какую-либо «долгосрочную ценность».

Когда история с Поллардом впервые получила огласку, меня поразила крайняя защитная реакция еврейской общественности. Я помню, как смотрел передачу Леона Вайзельтьера из журнала «Нью-Республика» под названием «Найтлайн». Он сказал: «Я не нахожу абсолютно ничего понятного в сочувствии к Поллардам. Этот человек — американский предатель». Он также сказал: «Даже беглый взгляд на собственные заявления г-на Полларда... показывает, что у него довольно извращенное представление о том, что такое еврейская идентичность, израильско-еврейская идентичность, американская еврейская идентичность. Он представляет собой лишь собственные заблуждения»[262].

Даже после того, как судья вынес Джонатану Полларду максимальный приговор — пожизненное заключение, а его жене Анне — беспрецедентный пятилетний срок, в

[260]Правительственный меморандум о вынесении приговора.
[261]Дополнительное заявление Каспара Вайнбергера, министра обороны, 3 марта 1987 г., стр. 4
[262]Леон Вайзельтье, в программе «Nightline», 6 августа 1990 года, выпуск № 2401.

еврейской общине воцарилось оглушительное молчание. Я помню, как услышал приговор и был потрясен. В конце концов, Полларда сотрудничал со следствием; он признал себя виновным; он предоставил информацию только близкому соратнику, с которым мы делились — и были юридически обязаны делиться — самой секретной информацией. Из своего опыта работы адвокатом по уголовным делам я знал, что Полларды не получили равного правосудия по сравнению с приговорами, вынесенными другим лицам, совершившим аналогичные действия. Еще больше меня потрясло не столько несоразмерно суровые приговоры, сколько оглушительное молчание общины, которая так громко выступает против несправедливости, совершаемой по отношению к другим.

Я знал, что многие евреи, даже отдельные еврейские лидеры, были возмущены чрезмерностью приговора. Но еврейская община, казалось, застыла в молчании от страха. Страх был реальным для тех, с кем я разговаривал. «Они подумают, что мы все потенциальные шпионы Израиля», — беспокоился один лидер. Другой задавался вопросом, будет ли вопрос о двойной лояльности поднят снова, если не публично, то хотя бы в умах некоторых правительственных чиновников.

Вокруг радикальных заявлений министра обороны Вайнбергера ходило множество домыслов, включая немало диванных психологических рассуждений. Он заявил журналистам, что Поллард «заслуживает повешения».

Не слишком ли остро реагировал Вайнбергер, чей отец родился евреем, на шпионаж, совершенный евреем в интересах еврейского государства? Был бы он так же резок, если бы ирландский американец передавал информацию Ирландской республиканской армии, или если бы чернокожий американец шпионил в пользу Африканского национального конгресса? Сомневаюсь, несмотря на то, что ни ИРА, ни АНК не являются военными союзниками Соединенных Штатов.

Известный юрист, хорошо знакомый с Вайнбергером, сказал мне, что у него нет сомнений в том, что «если бы Вайнбергер не чувствовал себя обремененным своим именем и религией своего деда», он никогда бы не занял ту позицию, которую изложил в своем заявлении под присягой. Он объяснил, что на протяжении всей своей жизни Вайнбергер «старался изо всех сил показать, что в нем нет абсолютно ничего еврейского».

Пока ходили слухи о публично молчащей еврейской общине, меня осенило важное осознание. Меня совсем не пугали обвинения в двойной лояльности или отсутствии еврейского патриотизма. Для меня это просто не было проблемой, или — как я подозревал — для моего поколения евреев. Я обсуждал дело Полларда со своими бруклинскими друзьями, особенно с Карлом, который работает в областях, требующих допуска к секретной информации. Все мои друзья были возмущены приговорами и совершенно не боялись высказываться. Страх исходил от евреев старшего поколения. Размышляя об этих различиях между поколениями, я решил действовать.

Я написал статью для New York Times, в которой критиковал как пожизненный приговор, вынесенный Полларду, так и повсеместное молчание официальной еврейской общины. Вот часть того, что я написал:

Даже если отбросить преувеличения, оценка госсекретаря Вайнбергера звучит безответственно завышенной. Легко представить себе гораздо больший ущерб нашей национальной безопасности. Во-первых, информация могла быть продана врагу, а не союзнику, с которым мы, по сути, делимся наиболее конфиденциальной разведывательной информацией. Во-вторых, материалы, переданные Израилю, по-видимому, носили преимущественно региональный и тактический, а не глобальный и стратегический характер. Согласно сообщениям прессы, наиболее драматичная информация касалась

координат и радиолокационной защиты штаб-квартиры ООП в Тунисе. Другие данные относились к ядерным возможностям Ирака и Пакистана, а также к другим угрозам безопасности Израиля. Некоторые из этих данных, вероятно, могли быть получены Израилем по надлежащим каналам, в то время как другие, вероятно, следовало передать нашему важнейшему военному союзнику на Ближнем Востоке.

Все страны шпионят за друзьями и врагами. Безусловно, США шпионят за Израилем с помощью спутников, электронного прослушивания и агентурных источников. И Израиль шпионит за нами. Главная новость в деле Полларда заключается в том, что израильтян поймали.

Это, безусловно, не оправдывает преступления, совершенные Поллардом. Но их преступления следует рассматривать в реалистичной перспективе. Вместо этого, похоже, наблюдается чрезмерная реакция со стороны всех заинтересованных сторон.

Одна из причин такой чрезмерной реакции заключается в том, что все, кажется, боятся высказаться в защиту осужденного шпиона. Это особенно характерно для еврейского руководства в Америке. Полларды — евреи... Полларды также являются сионистами, которые — из-за ошибочного чувства «расового императива» (цитируя Джонатана Полларда) — похоже, ставят свою приверженность выживанию Израиля выше законов своей собственной страны... Американские еврейские лидеры, всегда чувствительные к ложному обвинению в двойной лояльности, стараются не привлекать к себе внимания в деле Поллардов. Многие американские евреи на местах возмущены тем, что они считают чрезмерной реакцией на преступления Поллардов и необычно долгий срок, назначенный Джонатану Полларду.

Любой американец, независимо от своей религии или этнической принадлежности, имеет право — и даже обязанность — высказаться перед лицом предполагаемой несправедливости. Как американец и как еврей, я выражаю своё возмущение пожизненным заключением Джонатана Полларда за преступление, в котором он признал себя виновным. Я уверен, что когда страсти утихнут и вернётся чувство меры, многие американцы сочтут приговор Джонатана Полларда чрезмерным[263]*.*

Реакция на мою статью была незамедлительной и бурной. Я получил сотни писем, телефонных звонков и личных сообщений. Конечно, были и обычные письма с угрозами. Но на этот раз я получил и другое сообщение: «Слава Богу, у вас хватило смелости высказаться», как будто потребовалась особая смелость, чтобы сказать о приговоре Полларду то, о чем я говорил почти четверть века по поводу чрезмерно суровых приговоров, выносимых чернокожим и другим преступникам из числа меньшинств.

Звонки тоже поступали — звонки, а не письма, чтобы избежать бумажных следов, — от некоторых молчаливых еврейских лидеров (и даже от некоторых правительственных чиновников, тихо недовольных чрезмерностью приговора). Звонки от еврейских лидеров были наиболее интересными.

«Было важно, — сказал один из них, — чтобы такой человек, как вы, — кто давно занимается вопросами справедливости и равенства при вынесении приговоров, — узаконил чувства, которые испытывают многие из нас. Мы, не являясь экспертами в вопросах вынесения приговоров, не можем быть уверены, является ли наш гнев по поводу приговора этноцентрическим — проистекает ли он из чувства рахмона к соплеменнику-еврею — или же его можно обобщить. А если его нельзя обобщить, у нас нет права его выражать. Вы показали нам, что его можно и нужно обобщить, и что у нас есть право быть возмущенными».

«Право на возмущение»! Так может думать только общество, чрезмерно

[263]Алан М. Дершовиц, «Полларды и Розенберги », New York Times, 18 марта 1987 г., стр. A23.

чувствительное к шаткости своего положения в обществе. Это не значит, что размышления о праве испытывать эмоции обязательно плохи. Они отражают определенный уровень морали — потребность быть правым, а не просто чувствовать себя правым, — который заслуживает похвалы. Но они также отражают чрезмерную озабоченность тем, что подумают «они».

То, что «они» — неевреи, истеблишмент, наши начальники, наши друзья-неевреи, те, кто коллективно оценивает нашу приемлемость в «их» обществе, — то, что они подумают, по-прежнему доминирует в публичных действиях и высказываниях наших еврейских организаций. Возможно, именно поэтому еврейские организации добились такого успеха в этом неоднородном обществе, в котором евреи составляют всего 2,5 процента. Однако этот необычайный организационный успех не обошелся без последствий.

Чтобы подняться по лестнице еврейского лидерства, нужно, по крайней мере, быть приемлемым для «них». Нужно выглядеть приемлемо, говорить приемлемо, думать приемлемо и действовать приемлемо. (Действительно, до недавнего времени у большинства еврейских лидеров даже, казалось, были приемлемые имена — такие как Стивен Уайз, Луис Маршалл, Оскар Штраус, Сайрус Адлер, Джулиан Мак, Бальфур Брикнер и Филип Коуэн, которые даже не звучали по-еврейски. Никаких -бергов, -штейнов или -витцев, вызывающих стереотипы)[264].

«Обряды посвящения» в еврейские лидеры породили определенный тип еврейского представителя (гендерная специфика намеренна). Он умерен в своих политических взглядах, успешен в бизнесе или профессии, проявляет значительную сдержанность в критике власть имущих, не распознает антисемитизм в каждом незначительном проявлении, тщательно выбирает мишени, изо всех сил критикует еврейскую нетерпимость, осторожен в поддержании доверия у «них», расчетлив в использовании языка, избегает наживать врагов (даже своих и наших врагов), если только они не находятся за пределами соответствующей «них», и — что наиболее важно — мало рискует. Как характерно выразился первый важный американский еврейский лидер Луис Маршалл: «Величайшая мудрость состоит в том, чтобы знать, когда нужно молчать»[265]. (Как правило, еврейские лидеры также очень богаты, как будто еврейская элита иногда забывает, что молочник Тевье из «Скрипача на крыше» насмехается над своими горожанами, когда поет: «Если ты богат, они думают, что ты действительно все знаешь!»)

Еврейские организации — такие как Американский еврейский конгресс, Американский еврейский комитет, Антидиффамационная лига Бнай Брит — работают сверху вниз, а не снизу вверх. Они не демократичны в том смысле, что демократические лидеры должны понимать и учитывать взгляды и чувства своих рядовых избирателей. Напротив, правильные взгляды и чувства должны формироваться на высшем уровне

[264]Льюис Вайнштейн, выдающийся бостонский юрист и еврейский рассказчик, написал следующий текст для своего шоу еще в 1934 году:
Целью Братства является следующее:
Раввин с англосаксонским именем.
Чью заявку нам придётся отклонить,
Если его имя заканчивается на -vich, -sky или -stein.
Помимо того, что он ариец,
Он, должно быть, парламентарий.
Кто сможет внести предложение и уладить шумиху, и кто будет представлять Храм на Ротари-клубе?
— Льюис Вайнштейн, «Маса: Одиссея американского еврея»
(Бостон: Quinlin Press, 1989), стр. 305-306.
[265]Ауэрбах, «Раввины и юристы», стр. III

после консультаций среди элиты, а затем передаваться верующим. Очевидно, что чувства рядовых избирателей важны для элиты — лидеры никогда не могут быть слишком далеки от своих избирателей — но это лишь один из многих факторов, учитываемых при формировании «официальной» позиции общины.

Еврейское руководство в галуте — за пределами Израиля — всегда занимало элитарную позицию по отношению к низовым слоям населения и соответствующим «им», будь то египтяне, вавилоняне, испанцы, англичане, арабы, поляки или даже нацисты. Действительно, Американский еврейский комитет — первая крупная еврейская организация — был создан именно как «комитет» «ведущих» евреев, а не как представительный конгресс, именно для того, чтобы избежать впечатления, что это низовая политическая организация. Его президент, Луис Маршалл, управлял организацией — и, по сути, всей еврейской общиной — с такой элитарной автократией, что говорили, будто «американское еврейство практически управлялось „военным законом“»[266]. Влияние масс по отношению к элите было вопросом степени, зависящим от характера принимающей общины, уровня образования масс, опасностей, с которыми община сталкивалась в конкретный момент времени, и многих других факторов. Американская еврейская община в конце двадцатого века, возможно, является самой демократичной в истории галута в относительном смысле, но она далека от демократии в абсолютном смысле.

Теория осторожного американского еврейского руководства, руководства, которое больше заботится о том, что подумают «они», чем о том, что правильно делать, была проверена лишь однажды в нашей истории? Эта проверка состоялась в период правления Гитлера, и теория, наряду с лидерами, которые её практиковали, потерпела сокрушительный провал. Феликс Франкфуртер был не одинок в своём молчании о зверствах Гитлера. Другие крупные американские еврейские лидеры — даже те, кто занимал официальные руководящие должности — продолжали придерживаться осторожного подхода.

Раввин Стивен С. Уайз был признанным лидером среди еврейских раввинов. А Джозеф М. Проскауэр, бывший судья и видный юрист, был самым важным светским лидером, возглавлявшим Американский еврейский комитет. Ни один из них не желал противостоять молчаливому и, по-видимому, безразличному Франклину Д. Рузвельту по поводу продолжающейся еврейской трагедии в Европе. Они опасались, что, подняв этот «еврейский вопрос» в разгар великого «национального» кризиса, они могут столкнуть еврейские интересы с американскими, тем самым породив ужасный призрак двойной лояльности.

Судья Луис Брандейс, который в целом был довольно напорист в вопросах, касающихся евреев, посоветовал Уайзу, что «это произведет плохое впечатление на Рузвельта, в разгар его огромной ответственности... беспокоить его нашими, в некотором смысле, менее значительными проблемами». Феликс Франкфуртер согласился с этой точкой зрения. Даже когда Уайз в конце концов получил авторитетные документы о нацистском плане истребления евреев Европы, он согласился с просьбой Государственного департамента не разглашать информацию до тех пор, пока она не будет подтверждена. К тому времени, когда информация была подтверждена и еврейские лидеры высказались, для большинства евреев Европы было уже слишком поздно.

Уайз понимал, что его осторожный подход был рискованным. В начале нацистского кризиса он задавался вопросом: «Насколько мы выиграли, действуя осторожно, боясь быть самими собой, постоянно оглядываясь через плечо, чтобы

[266]Там же, стр. 94, III

увидеть, какое впечатление мы производим на других?»[267]. Однако он продолжал беспокоиться о том, чтобы его поддержка спасения евреев не произвела плохого впечатления на Рузвельта и других «настоящих» американцев, которые, как он полагал, не будут заботиться о евреях Европы[268].

Проскауэр из Американского еврейского комитета был еще хуже. Он даже отказался присоединиться к еврейским демонстрациям против нацизма. «Для евреев в Америке, как таковых, требовать каких-либо политических действий — это отрицание основополагающих принципов американской свободы и равенства», — утверждал он, совершенно не понимая плюралистического характера американской свободы и равенства. Как метко заметил один историк: «Проскауэр просил евреев смириться со статусом граждан второго сорта, чтобы заслужить одобрение как американцев первого сорта»[269].

Для того поколения американских еврейских лидеров первостепенной задачей было избежать конфликта между их статусом «хороших евреев» и «хороших американцев». Они считали, что спасение европейских евреев полезно для евреев, но при этом принимали заключение Государственного департамента о том, что это не полезно для Америки — что это не должно быть приоритетом для Америки. Эти еврейские лидеры считали, что им — как самопровозглашенным гражданам второго сорта — было бы неуместно оспаривать решение Государственного департамента США и президента США относительно того, что хорошо для Америки. Не оспаривая американские приоритеты, они демонстрировали свое непонимание американской демократии, которая представляет собой процесс, в ходе которого все группы пытаются убедить лиц, принимающих решения, в том, что то, что хорошо для них, хорошо и для Америки. Спасение европейских евреев должно было быть приоритетом для Америки, и американские еврейские лидеры не должны были стесняться бороться за этот приоритет, используя все имеющиеся в их распоряжении ресурсы.

Уайз, Франкфуртер и другие евреи, не желавшие произвести «плохое впечатление» на Рузвельта, не только подвели евреев, но и подвели президента Рузвельта. История никогда не простит Рузвельту его предательство евреев. Его в остальном безупречная репутация навсегда останется запятнанной из-за того, что он мог сделать, но не сделал. Не было бы проявлением «двойной лояльности», если бы еврейские советники Рузвельта убеждали его спасти евреев Европы. Такой курс действий был бы хорош для евреев, хорош для Америки и хорош для президента Рузвельта.

Эли Визель понимал концепцию верности стране и президенту гораздо яснее, чем Франкфуртер, Проскауэр и Уайз. Когда президент Рейган собирался поехать в Битбург, чтобы почтить память нацистских штурмовиков, Визель воспользовался церемонией награждения в Белом доме, чтобы убедить президента не ехать: «Это место, господин президент, не ваше. Ваше место — среди жертв СС». Визеля не беспокоило, что, «говоря правду власти», он произведет «плохое впечатление» на президента[270]. Он сказал президенту то, чего тот не хотел слышать, но президент уважал Визеля — и тех, от имени кого он говорил, — за его честность. Президент также понимал, что Визель говорил из верности своей стране и своему президенту, а также своему народу. Визель пытался, и безуспешно, убедить президента, что он совершит ужасную ошибку — ошибку как для

[267]Там же, с. 177
[268]Там же, стр. 175, 190. См. также Рафаэль Медофф, «Оглушительная тишина» (Нью-Йорк: Шапольский, 1987).
[269]Там же, с. 105
[270]Джеймс М. Маркхэм, «Эли Визель получает Нобелевскую премию мира как «Посланник»», New York Times, 15 октября 1986 г., стр. 1.

Америки, так и для евреев — если поедет в Битбург. Настоящий американец имеет право и обязанность попытаться предотвратить ошибку, которую совершит его президент.

Несколько лет назад Эли Визель польстил мне, публично заявив, что «если бы в 1930-х и 1940-х годах было несколько человек, подобных Алану Дершовицу, история европейского еврейства могла бы сложиться иначе»[271]. Хотя эта оценка и звучит великодушно, она явно преувеличена. Ни один частный гражданин в одиночку не смог бы изменить ход нацизма. Но заявление Визеля заставило меня задуматься о том, что бы я мог сделать, если бы был «еврейским лидером» в 1930-х и 1940-х годах.

Когда я путешествую по местам Холокоста — Освенциму, Риге, Будапешту, Бухаресту, Франкфурту-на-Майне, Пшемыслю, Кракову, Варшаве, Лодзи — у меня возникает ощущение, будто я пытаюсь вернуться в прошлое. Я часто задаюсь вопросом, что так сильно меня привлекает в этих еврейских кладбищах. Во время недавней поездки в Польшу я наконец понял: я пытаюсь — на подсознательном уровне — вернуться в прошлое, чтобы оказаться там, когда убивают мой народ. Хотя на интеллектуальном уровне я прекрасно понимаю, что ничего не мог сделать, чтобы помочь, я стремлюсь к любой возможности спасти хотя бы одну еврейскую жизнь. Это фантазия, порожденная разочарованием, но для меня она очень реальна.

Даже с учетом ретроспективы, трудно предложить определенную стратегию, которая гарантировала бы более активное участие Америки в спасении евреев. Но молчание, безусловно, было худшим подходом. Следует предпринять усилия, чтобы привлечь очевидцев — таких как Ян Карский и некоторые евреи, которым удалось бежать из гетто и лагерей, — и попросить их рассказать свои истории американской общественности. Еврейская община, обладающая столь богатыми коммуникативными навыками, безусловно, могла бы лучше повлиять на американское сознание. Американские евреи должны были сделать для европейских евреев то, что они помогли сделать американским чернокожим лишь десять лет спустя: доказать моральную правоту посредством драматических актов самоотречения и гражданского неповиновения. Еврейские лидеры не боялись попасть в тюрьму за гражданские права чернокожих. Но они боялись — не физически, а боялись того, что подумают другие, — попасть в тюрьму, приковать себя цепями к воротам Белого дома и кричать во весь голос, когда на кону стояли жизни их соплеменников-евреев. В то время как еврейские лидеры в Польше и по всей Европе совершали самоубийства в тщетной попытке передать всю глубину еврейской трагедии, ни один американский еврей в правительстве — а их было много на высоких должностях — даже не подал в отставку в знак протеста против отказа Америки снять иммиграционные барьеры, бомбить железнодорожные пути в Освенцим или предпринять другие шаги, которые могли бы спасти еврейские жизни. Еврейские лидеры настаивали на сохранении своего достойного молчания, осторожности и верности морально предосудительной американской политике, опасаясь, что иные действия произведут плохое впечатление на их «хозяев». Они не хотели тратить накопленный ими за поколениями образцовый капитал — или добрую волю. Они не понимали, что сейчас самое время использовать этот резерв, и даже взять кредит, превышающий лимит их кредитоспособности. Это было окончательным доказательством того, что американские еврейские лидеры не считали американских евреев первоклассными гражданами Америки, имеющими право требовать действий в защиту своих братьев и сестер, находящихся в смертельной опасности.

В своем монументальном труде «Оставление евреев» историк Дэвид Уайман

[271]«Алан Дершовиц получил награду ADL за защиту Первой поправки к Конституции США». Jewish Advocate (Бостон), 3 ноября 1983 г., стр. 3.

изложил двенадцать шагов, которые можно было предпринять для спасения сотен тысяч евреев. Каждый из этих шагов фактически предлагался во время Холокоста. Некоторые из них были столь же простыми, как информирование евреев Европы о судьбе, ожидающей их в Освенциме и других лагерях смерти. Как позже сказал один из немногих евреев, сбежавших из Освенцима, Рудольф Врба: «Кто-нибудь отвез бы меня живым в Освенцим, если бы у меня была эта информация? Тысячи и тысячи трудоспособных еврейских мужчин отправили бы своих детей, жен и матерей в Освенцим со всей Европы, если бы знали?» Ключевым моментом успеха нацистского плана геноцида было обмануть жертв, заставив их поверить, что их перевозят в трудовые лагеря. Если бы им сообщили правду — по радио, листовкам или даже специально обученным еврейским агентам, которых в конечном итоге десантировали за линию фронта, — многих можно было бы спасти[272].

Ещё одно простое предложение заключалось в том, чтобы хотя бы немного открыть двери для еврейской иммиграции в Соединённые Штаты, Палестину, Северную Африку, Виргинские острова или любое другое место, где беженцы могли бы находиться в безопасности. Но никто не хотел видеть евреев, даже еврейских детей, в большом количестве.

Другие предложения были более сложными, например, бомбардировка железнодорожных путей к лагерям и даже самих газовых камер. Джон Макклой, тогдашний советник президента, сыграл важную роль в предотвращении любых гуманитарных бомбардировок, направленных на спасение еврейских жизней, на том основании, что все решения о бомбардировках должны приниматься исключительно по военным соображениям. Однако он наложил вето на бомбардировку важного промышленного города в Германии на том основании, что в нем сохранилась прекрасная средневековая архитектура!

Среди других предложений, которые так и не были реализованы, были секретные переговоры с нацистскими союзниками, такими как Румыния, Венгрия, Болгария и Словакия. в попытке убедить их в том, что в их интересах — особенно в случае поражения Германии — позволить их евреям бежать.

Вайман, после кропотливых исторических исследований, приходит к выводу, что «вероятно, сотни тысяч» евреев могли бы быть спасены этими и другими методами, если бы они были опробованы[273].

Но эти меры не были приняты по двум основным причинам. Во-первых, многие английские и американские чиновники просто не хотели, чтобы большое количество еврейских беженцев пережило войну. Они опасались, что сотни тысяч бездомных евреев осложнят их послевоенные планы, оттолкнут арабов в Палестине и усилят давление с целью разрешить евреям иммигрировать в их страны. Как выразился один из таких чиновников, если бы даже небольшое количество евреев было спасено, это могло бы «привести к предложению выгрузить на нас еще большее количество евреев». Это опасение разделяли Энтони Иден и другие антисемиты на высоких постах[274].

Другая главная, и связанная с первой, причина, по которой предложения, которые могли бы спасти евреев, не были реализованы, заключается в том, что американские еврейские лидеры просто недостаточно старались привлечь внимание всего мира к трагедии Холокоста. Как с горечью сообщает Уайман: «Американские еврейские лидеры не смогли вырваться из привычного ритма работы. Слишком мало графиков было изменено. Призвания редко приносились в жертву. Слишком мало проектов меньшей

[272]Уайман, «Оставленность», с. 325
[273]Там же, с. 331
[274]Там же, с. 99

значимости было отложено»[275].

Яна Карского предупреждали о безразличии американских евреев еще до его отъезда из Европы. Ему говорили, что американские еврейские лидеры «не заинтересуются». «В 11 утра вы начнете рассказывать им о страданиях евреев в Польше, но к часу они попросят вас прервать повествование, чтобы они могли пообедать». Именно так отреагировали Феликс Франкфуртер и другие американские еврейские лидеры — не все, но слишком многие — на доклад Карского и на последующие подтверждения масштабов Холокоста[276].

Я знаю, что я и мое поколение евреев не стали бы — и никогда не будем — продолжать жить как обычно, когда жизни евреев находятся под угрозой. Мы будем кричать, может быть, не на небеса, но, безусловно, к высшим человеческим властям. И мы не будем беспокоиться о том, чтобы произвести плохое «впечатление» на других, даже на президентов, пап и премьер-министров. Мы усвоили смертельный урок молчания перед лицом зла. Слишком много невинных, беззащитных людей погибло из-за молчания слишком многих виновных, влиятельных людей, чтобы тактика уважительного молчания когда-либо была снова применена.

После трагедии Второй мировой войны еврейское руководство стало несколько более напористым, переняв дерзость израильского руководства, которое почти никогда не проявляет снисходительности перед нееврейским миром. Но в последние годы в адрес так называемого еврейского руководства в Америке обрушилась мощная волна критики. Многие из неизбранных лидеров, кажется, слишком стремятся угодить нашим «хозяевам», слишком охотно критикуют Израиль, слишком извиняются в своей защите евреев и еврейских ценностей. Недавно произошел «бунт» внутри Американского еврейского конгресса, который заявляет, что является крупнейшей еврейской оборонной организацией в Соединенных Штатах. (Такая характеристика крайне неверна, поскольку для того, чтобы воспользоваться популярными и выгодными пакетными турами в Израиль и другие места, представляющие интерес для еврейской общины, необходимо стать членом организации). Одно из отделений Американского еврейского конгресса распустилось, опубликовав заявление, в котором говорилось: «Мы устали видеть, как представители СМИ, выступающие против Израиля, цитируют нашего исполнительного директора Генри Зигмана…». Зигман — назначенный, а не избранный на эту влиятельную должность — часто критиковал Израиль и защищал левых врагов Израиля и евреев. Он не представляет значительную часть американской еврейской общины. Тем не менее, занимая должность, которая создает впечатление, будто он выступает от имени важного представительного голоса. В недавней редакционной статье Jerusalem Post критиковались «пагубные» еврейские «лидеры», которые демонстрируют «наглость» в «обратной зависимости» от своей значимости и которые присоединились к «модной толпе, критикующей Израиль». Как я упоминал в главе V, The Post назвала это явление «синдромом Зигмана»[277].

Но проблема выходит за рамки Израиля и, по сути, любого конкретного вопроса. Она отражает сохраняющуюся потребность некоторых американских еврейских лидеров угодить своим американским хозяевам — продемонстрировать, что они прежде всего хорошие американцы. Лучший способ продемонстрировать это — следовать американским тенденциям. Если в Америке модно критиковать Израиль, они присоединяются к критике, независимо от того, что думают их избиратели. Если в Америке модно проявлять безоговорочную поддержку Нельсона Манделы, они

[275]Там же, с. 330. Медофф, «Оглушительная тишина».
[276]Там же.
[277]«Синдром Зигмана», New Post, 9 июля 1990 г.

присоединяются к этой поддержке, преуменьшая значение его про-ООП и антиеврейских заявлений. Если в Америке модно с энтузиазмом реагировать на растущий национализм в Восточной Европе, они присоединяются к этой эйфории, игнорируя ее потенциально разрушительное воздействие на еврейские общины в этом регионе мира.

Такое оборонительное и извиняющееся отношение в духе «шанда фур де гоим» характерно не для всех еврейских лидеров, но оно типично для слишком многих, и оно помогает объяснить молчание еврейских лидеров перед лицом вопиюще несправедливого приговора, вынесенного Поллардам.

Помню, как мы с друзьями из Бруклина обсуждали дело Полларда примерно в то время, когда Мэрион Бэрри, чернокожий мэр Вашингтона, был заснят на видео в гостиничном номере курящим крэк. Мой друг Мюррей указал на разницу в том, как чернокожее и еврейское руководство реагировало на преступления «своих». Чернокожие лидеры, даже из основных организаций, немедленно сплотились вокруг Бэрри, обвиняя белую элиту в избирательном преследовании его из-за расы. Конечно, это была чрезмерная реакция, и она подорвала доверие к некоторым чернокожим лидерам в глазах некоторых белых. Важное различие заключается в том, что им, похоже, было все равно, что мы думаем. Перед белыми людьми не существовало понятия «шанда» (неразборчивость, что не стоит делать).

Мюррей предположил, что, возможно, нам, евреям, стоило бы поучиться у наших чернокожих сограждан чему-то о гордости за свою этническую принадлежность и солидарности в трудные времена. Некоторые из моих других бруклинских друзей не согласились, предположив, что более осторожный, универсалистский подход еврейского руководства повышает наш авторитет. «Мы не должны рисковать ради каждого ничтожного еврейского политика, которого застали в гостиничном номере со спущенными штанами», — утверждал Карл. Но он согласился, как и все мои другие бруклинские друзья, что приговор, вынесенный Полларду, был несправедливым по любым меркам и что еврейское руководство должно было высказаться по этому поводу.

Сравнение с руководством кубинской американской общины также может быть поучительным. 17 июля 1990 года администрация Буша освободила правого кубинца, который, по данным New York Times, по мнению нашего правительства, несёт ответственность за десятки взрывов, направленных против режима Кастро, включая уничтожение кубинского пассажирского самолёта, в результате которого погибли семьдесят три невинных человека. Освобождение Орландо Боша произошло после активного лоббирования со стороны американцев кубинского происхождения, которые, как писала Times, считают Боша «патриотом и сделали его освобождение заветной целью». Несмотря на то, что правительство характеризует Боша как террориста, готового «причинять неизбирательные увечья и смерти», администрация решила освободить его, потому что кубинско-американская община, влиятельная в республиканской политике Южной Флориды, потребовала его освобождения[278]. Их тоже, похоже, не беспокоило никакое пренебрежение к англоязычным. Наше правительство ни в коем случае не станет рассматривать вопрос об освобождении Джонатана Полларда или смягчении его приговора без давления со стороны организованной еврейской общины. Действительно, справедливо будет сказать, что еврейское руководство, похоже, одобрило приговор Полларду в момент его вынесения.

Заметное различие между осторожным, элитарным руководством еврейской общины и несколько более экспрессивным, популистским руководством других

[278]Джеймс ЛеМойн, «Правительство Майами освободило кубинца, причастного к террористическим актам», New York Times, 18 июля 1990 г., стр. 1.

меньшинств может помочь объяснить расистский феномен, который беспокоит многих. Совершенно очевидно, что расизма более чем достаточно в каждой общине. Но данные, похоже, указывают на то, что расизм внутри еврейской общины сосредоточен в нижней части социально-экономической шкалы и редко отражается в руководстве основной еврейской организации. В афроамериканской общине, с другой стороны, кажется, что более явный антисемитизм наблюдается в верхней части социально-экономической шкалы. Как выразился Чарльз Зильберман:

Черный антисемитизм — это не просто зеркальное отражение еврейского расизма. Отсутствие симметрии в отношениях между чернокожими и евреями придает черному антисемитизму особый и тревожный оттенок. В то время как еврейские лидеры значительно менее расистски настроены (и значительно более сочувствуют стремлениям чернокожих), чем рядовые члены общины, в отношении чернокожего сообщества все наоборот[279].

Зильберман приводит обширные данные в подтверждение этих тревожных выводов.

Это явление, если оно вообще может быть правдой, отражает множество факторов, включая внешнеполитические взгляды некоторых чернокожих политических лидеров, характерные для стран третьего мира. Но оно также отражает различные препятствия, которые приходится преодолевать еврейским и чернокожим лидерам, чтобы достичь своего статуса в собственных общинах.

Меир Кахане — или любой, кто выражал бы схожие с ним взгляды, — никогда не смог бы занять руководящую должность в основной части американского еврейского сообщества. Более того, иронично, что даже Менахем Бегин или Ицхак Шамир — каждый из которых был избран премьер-министром Израиля — никогда не смогли бы стать главой Американского еврейского конгресса, Американского еврейского комитета, Антидиффамационной лиги, организации «Бнай Брит» или Объединенного еврейского фонда.

Никто, чьи взгляды на чернокожих аналогичны взглядам Джесси Джексона на евреев, не имел бы шансов занять руководящую должность в еврейской общине. Некоторые могут указать на бывшего мэра Нью-Йорка Эда Коха как на еврейского лидера, сравнимого с Джексоном, но эта аналогия некорректна.

Во-первых, Кох не был еврейским лидером; он был выборным должностным лицом, исповедующим иудаизм. Кох никогда не был бы избран главой крупной еврейской организации. Во-вторых, Кох никоим образом не сравним с Джексоном в плане расизма. Прямолинейность Коха в расовых вопросах выделяется лишь на фоне заявлений других еврейских лидеров и выборных должностных лиц. Никто не может найти в долгой и противоречивой карьере Коха на публике ничего, хотя бы отдаленно сравнимого с высказываниями Джексона о «Хаймитауне», о том, что сионизм — это «ядовитый сорняк», или о том, что слишком много говорят о Холокосте. Кох также никогда не поддерживал никого столь откровенно расистски настроенного, как Луис Фаррахан. Более того, Кох неоднократно осуждал Меира Кахане и других еврейских экстремистов и расистов, которые были далеко не столь ярыми, как Фаррахан и другие чернокожие антисемиты, от которых Джексон отказался отречься[280].

[279]Зильберман, «Определенные люди», с. 340.

[280]В родном городе Джексона, Чикаго, Стив Кокели, помощник мэра, заявил, что «эпидемия СПИДа — результат действий врачей, особенно еврейских, которые вводят СПИД чернокожим». Он также утверждал, что существует еврейский заговор с целью захвата власти в мире и что чикагские еврейские торговцы, чьи витрины были разбиты в годовщину Хрустальной ночи, разбили свои собственные окна, чтобы вызвать сочувствие. Джесси Джексон отказался осудить Кокели по имени и просто сказал, что

Приведенное выше описание динамики (и статики) еврейского руководства в Америке обеспечивает контекст, на котором лучше всего можно понять молчание еврейского руководства по поводу чрезмерности приговора Полларду — даже перед лицом опасений рядовых граждан.

Мои статьи на эту тему — я впоследствии написал еще две, помимо упомянутой ранее — придали определенную легитимность чувствам многих евреев из низовых слоев общества по поводу несправедливости приговора[281]. Но еврейское руководство по-прежнему опасалось публично вмешиваться в дело самопровозглашенного еврейского шпиона, который признал, что его преданность Израилю перевесила преданность американскому законодательству.

Поллард, разумеется, отрицал, что ставил интересы Израиля выше интересов своей страны. Он утверждал, что предоставлял Израилю только материалы, необходимые для его выживания, но не причиняющие вреда Соединенным Штатам — информацию, на которую Израиль имел законное и моральное право в соответствии с двумя соглашениями об обмене разведывательной информацией, заключенными между Соединенными Штатами и Израилем. Он указал, что воздерживался от предоставления материалов, к которым имел доступ, когда, по его мнению, их разглашение могло нанести вред национальным интересам Соединенных Штатов.

Оглядываясь назад, эта предполагаемая способность различать секретные материалы, которые могли нанести или не нанести вред американским интересам, может показаться наивной. Но вряд ли можно сомневаться в том, что это различие играло ключевую роль в состоянии ума Полларда, когда он передал информацию Израилю.

Но пресса представляла его совсем иначе. Полларда изображали по -разному, и каждый образ был менее лестным, чем предыдущий. Сначала его изображали как наемного шпиона, похищавшего секреты за деньги. Когда выяснилось, что он сначала предоставлял секреты, даже не требуя денег, и что именно его израильские кураторы настаивали на оплате — суммах, которые оказались незначительными на шпионском рынке, — история несколько изменилась. Стало очевидно, что если бы Полларда хоть в малейшей степени мотивировали деньги, он мог бы продавать секреты врагам Соединенных Штатов за непомерные суммы. Теперь его изображали как растерянного фанатика, который фантазировал — и даже хвастался — шпионажем в пользу Израиля за годы до своей первой поставки. Появились обвинения в психической нестабильности, употреблении наркотиков и алкоголя. Когда эти сообщения оказались преувеличенными до степени ложности, возникла еще одна картина, на этот раз исключительно талантливого офицера разведки, ставшего исключительно талантливым и ценным шпионом.

Джонатан Джей Поллард, с которым я познакомился в тот день в федеральной тюрьме Марион, не вписывался ни в один из этих жестких шаблонов. К моменту нашей первой встречи он уже более двух с половиной лет фактически находился в одиночной камере после своего внезапного ареста 21 ноября 1985 года. Поэтому он, возможно, был несколько иным человеком, чем тот, кто еще в июне 1984 года обратился к израильтянам с секретной информацией, касающейся иракского ядерного потенциала, и согласился предоставить дополнительные документы. С тех пор он многое пережил: от волнения, связанного с предоставлением секретных документов о сирийских планах применения химического оружия на Голанских высотах, до эйфории от того, что предоставленная им

«пора задуматься об источнике и двигаться дальше».

[281]«Доктор Моррис Поллард объяснил недавний всплеск активности, связанной с делом Полларда в еврейских организациях, участием известного адвоката Алана Дершовица в деле его сына». Washington Jewish Week, 12 июля 1990 г., стр. 6.

информация превратилась в успешную операцию по точечным бомбардировкам штаб-квартиры ООП под Тунисом, до кошмара, связанного с тем, что его поймали, бросили на произвол судьбы, он признал себя виновным и был приговорен к пожизненному заключению без единого слова публичного протеста со стороны еврейской общины.

С тех мрачных дней марта 1987 года, когда Полларда и его жена были приговорены к пожизненному заключению, в Израиле и Соединенных Штатах постепенно начала набираться поддержка в защиту Полларда. По-прежнему не было публичных критических замечаний в адрес пожизненного приговора со стороны израильского правительства или крупных американских еврейских организаций. Но настроение заметно менялось в пользу Полларда.

После того, как моя первая статья появилась в New York Times, отец Полларда позвонил мне и спросил, не хотел бы я присоединиться к делу в качестве одного из адвокатов его сына. Я колебался, потому что в своей статье я выразил убеждение, что действия Полларда были неоправданными и что он заслуживает разумного тюремного срока.

Отец подсудимого и известный микробиолог из Университета Нотр-Дам, сказал, что его сын понимает мою точку зрения на его дело и очень хочет, чтобы я представлял его интересы в попытке добиться смягчения приговора. Я согласился поговорить с Джонатаном по телефону. В ходе контролируемого телефонного разговора мы с Джонатаном обсудили мои взгляды на его дело, и он настоятельно рекомендовал мне стать его адвокатом. Я согласился.

Более чем через год после того, как я стал адвокатом Полларда, мне наконец разрешили навестить его в тюрьме, но только в присутствии тюремного чиновника, который должен был следить за нашей беседой, чтобы убедиться, что Джонатан не разгласит мне никакой секретной информации. Этот вопрос явно был предлогом, призванным помешать мне защищать своего клиента, поскольку те же самые чиновники, которые требовали присутствия наблюдателя на нашей встрече адвоката и клиента, разрешили Джонатану встречи без контроля с раввином, известным своей резкой поддержкой Израиля, а также с израильским журналистом, не питавшим никакой лояльности к Соединенным Штатам. Я был в ярости от преднамеренного возведения Министерством юстиции искусственных и ненужных барьеров между мной и моим клиентом, но встреча с Джонатаном была для меня крайне важна. И поэтому, не отказываясь от права оспаривать наложенные условия, я отправился в Марион, чтобы встретиться со своим клиентом лицом к лицу (лицом к лицу — включая наблюдателя).

Роль наблюдателя, разумеется, была полным фарсом. Это был очень приятный человек, какой-то помощник начальника тюрьмы, не имевший никакой подготовки в работе с секретной информацией. Он никак не мог знать, была ли информация, которую мы обсуждали, когда-либо засекречена, или, если была, то рассекречена ли она. Он просто сидел и читал журнал Time, пока мы говорили об этом деле.

В основном мы говорили о чувствах Джонатана по поводу сложившейся ситуации и о его реалистичных целях на будущее.

Среди групп, поддерживавших Полларда, царило сильное волнение и требовали немедленных действий. Эти группы, для которых Поллард стал скорее героем, чем жертвой чрезмерно сурового приговора, хотели немедленного освобождения Джонатана и Анны. Многие из самых ярых сторонников Полларда, похоже, не имели реалистичного представления о возможном исходе дела. Они упорно работали над его освобождением и хотели увидеть результаты. Я испытывал некоторое давление, потому что с момента начала работы над делом мне не удалось добиться ничего существенного. Мой брат, представлявший интересы Анны Хендерсон Поллард, многого добился, заключив

соглашение с Министерством юстиции, согласно которому Анну перевели из тюрьмы Лексингтона в Кентукки в больницу в Рочестере, штат Миннесота, для независимой оценки ее состояния здоровья, а затем в тюрьму Данбери в Коннектикуте.

Джонатан заверил меня, что он более чем доволен нашим подходом и графиком. Больше всего его беспокоило здоровье его жены и перспективы ее освобождения. Он хотел, чтобы все силы были направлены на нее, и чтобы в его случае не было сделано ничего, что могло бы поставить под угрозу ее положение.

Мы говорили о его отношении к Израилю. Я не знал, чего ожидать от человека, который пожертвовал своей репутацией, семьей, свободой, возможно, жизнью ради любимой страны, которая затем бросила его — отказав ему во въезде в посольство, когда его собирались арестовать, отказавшись вести переговоры от его имени после его заключения и, что наиболее болезненно, отказавшись признать важность его усилий в интересах страны. (Трудно винить израильтян за то, что они не пустили Полларда в свое посольство, поскольку американскому давлению с целью выдачи его под суд в конечном итоге было бы невозможно противостоять).

Но Джонатан недвусмысленно выражал свои чувства к Израилю. Это была чистая любовь и преданность, подобная той, что переживает отвержение. Конечно, он был «разочарован» некоторыми заявлениями, приписываемыми его бывшим контактам, кураторам и друзьям. Но этого следовало ожидать в международной игре жизни и смерти, которой за последние сорок лет подвергался только Израиль как нация. Он, безусловно, критиковал отдельных израильтян, как и отдельных американцев. Но он любил обе страны: ту, которая его бросила, и ту, которая его заключила в тюрьму. Сейчас было не время для личных взаимных обвинений. Сейчас было время для планов на будущее.

Наши планы на будущее включали бы юридические попытки отменить его признание вины на том основании, что оно было получено под неправомерным принуждением и что сделка о признании вины была нарушена неявным требованием госсекретаря Вайнбергера о пожизненном заключении. Наши планы также включали бы — и фактически, сосредоточились бы на — усилиях моего брата по освобождению Анны из тюрьмы и переводу её в больницу, где она могла бы получить столь необходимую ей медицинскую помощь. Мы продолжали бы привлекать внимание общественности к несоответствию между приговорами, вынесенными Поллардам, и гораздо более мягкими приговорами, вынесенными тем, кто шпионил в пользу Советского Союза и других врагов Соединенных Штатов. Наконец, мы были бы внимательны к любым возможностям политического или дипломатического разрешения проблемы, начиная от смягчения приговора и заканчивая «обменом шпионами», подобным тому, который привёл к аресту Натана Щаранского.

В рамках кампании по поддержанию общественного интереса к моему заключенному и практически отсутствующему в контакте клиенту я выступал по всей стране, рассказывая о несправедливости приговора. В ходе этих выступлений меня неоднократно спрашивали — часто тихо и с явным чувством стыда — почему «так много евреев» «попадают в такие неприятности». Под «так много» подразумевалась, очевидно, недавняя череда дел на Уолл-стрит, связанных с Иваном Боски, Майклом Милкином и другими видными инвестиционными банкирами с еврейскими фамилиями и еврейской общинной принадлежностью, а также большое количество еврейских политиков, таких как Стэнли Фридман, Бесс Мейерсон и Дональд Манес, которые в последнее время попадали в заголовки газет[282].

[282]В одном из недавних писем с угрозами говорится: «Милкин, Боэски, Левин… и добавьте сюда еще и

Я помню, как выступал с речью в Нью-Йорке на мероприятии, организованном Еврейской теологической семинарией Америки, в ту неделю, когда разразился скандал с Боэски. В то время библиотека семинарии была названа в честь Ивана Боэски и его жены, и в зале ощущалось явное беспокойство по поводу скандала.

Я объяснил, что недавнее появление евреев в плохих новостях — это просто естественное явление, частично объясняемое расширением возможностей для евреев. Большинство криминалистов согласны с тем, что преступность, особенно экономические преступления, в значительной степени зависит от возможностей, доступа и обстоятельств. Пятьдесят лет назад было очень мало евреев-растратчиков в банках, потому что было очень мало еврейских банковских служащих. Аналогично, было очень мало чернокожих растратчиков и очень мало женщин-корпоративных преступников.

Раньше было мало еврейских «инсайдеров», способных торговать инсайдерской информацией; мало евреев, занимавших достаточно высокие должности в разведывательном сообществе, чтобы стать шпионами; и мало видных еврейских политиков, занимавших должности, позволяющие им попадать в заголовки газет из-за коррупции. С расширением перспектив трудоустройства появляется возможность делать как добро, так и зло. Справедливо сказать, что на каждого обвиненного еврейского бизнесмена или финансиста приходятся сотни образцовых еврейских бизнесменов. На каждого обвиненного в шпионаже еврея приходятся тысячи лояльных американских евреев, которые поддерживают свое правительство, работая в Государственном департаменте или Министерстве обороны. На каждого нечестного еврейского политика приходится множество честных еврейских государственных служащих. Конечно, нам следует больше делать для того, чтобы прививать живую еврейскую этику в наших образовательных программах, где она могла бы влиять на будущее деловое поведение.

Это может задеть за живое, поскольку еврейские организации иногда оказывают почести богатым, не выясняя источников их богатства. Мы порой не пытаемся увидеть то, что очевидно перед нашими глазами. Мы ослеплены фасадом денег, и наша обязанность — заглянуть за этот фасад. Уголовное осуждение не меняет моральные качества человека. Оно меняет лишь его правовой статус. Если мы знаем что-то о людях, которые еще не осуждены, мы не можем закрывать глаза на эти реалии.

Из последних новостей можно извлечь важные уроки о коррупции. Это новости из разряда «хорошие новости — плохие новости». Хорошая новость в том, что десятилетия усилий принесли свои плоды. Евреи теперь занимают властные и авторитетные позиции. Плохая новость в том, что евреи ничем не отличаются от всех остальных, и определенная небольшая их часть будет злоупотреблять своей властью и становиться коррумпированными.

Недавно я вспомнил разговор с великим раввином Йозефом Соловейчеком. Мы сидели рядом в самолете, летевшем между Нью-Йорком и Бостоном, и разговор зашел о Бернарде Бергмане, известном еврейском владельце дома престарелых, удостоенном наград многих еврейских организаций и находившемся тогда под следствием[283]. Раввин Соловейчек сетовал на отсутствие этического воспитания у многих еврейских религиозных лидеров. Он сосредоточил свою критику в первую очередь на некоторых хасидских раввинах, которые, по его словам, находились в уникальном положении, позволяющем прививать своим последователям высокие этические ценности, но пренебрегали этим.

Этот разговор пришёл мне на ум, когда федеральный судья, И. Лео Глассер,

«еврейскую королеву» Леону Хелмсли, и ее бы… казнили… в старые добрые времена 1938-1940 годов в Германии. Мы должны послать евреям сигнал, чтобы они взялись за ум, иначе…»

[283]См. Дершовиц, «Лучшая защита», глава 3.

выносил приговор моему клиенту, который оказался хасидом. Подсудимый был осуждён за поджог пустующих зданий ради страховки и приговорён к шести годам тюремного заключения. Мы с братом взяли дело на себя в апелляционном порядке и добились отмены приговора. Затем мы заключили сделку о признании вины, согласно которой ему могли назначить не более шести месяцев тюремного заключения. Мы настаивали на условном приговоре. Подсудимый получил множество писем от других хасидов, подтверждающих его безупречную репутацию. Судья решил приостановить приговор и разрешить ему отработать общественные работы. Вынося приговор, судья Глассер сначала обратился к многочисленным хасидам, пришедшим в суд в поддержку своих собратьев-хасидов, и сделал подсудимому следующее заявление:

...Есть много вещей, которые меня очень сильно тянет сказать вам сегодня утром, и через вас — многим людям, присутствующим в этом зале суда, некоторые, а может быть, и все из которых являются авторами многочисленных писем, которые я получил. Мне будет очень трудно... воздержаться или попытаться воздержаться от того, чтобы сказать вам то, что меня так и тянет сказать по поводу вашего присутствия здесь, что, я полагаю, некоторые могут охарактеризовать как чилул хашем (позор имени Божьего). Я не буду вдаваться в подробности.

Мне бы хотелось, чтобы иногда больше внимания уделялось содержанию, а не форме. Иногда задаешься вопросом, почему во всех этих исследованиях, во всех письмах, которые я читал от деканов учебных заведений, изучающих Талмуд, иногда больше внимания уделяется форме, а не содержанию.

И я говорю вам, что вы должны считать себя чрезвычайно удачливыми. И я также говорю вам... что слова, которые вы произносите три раза в день, и кодекс, и законы, которые вы изучаете, следует понимать с точки зрения того, что эти слова означают и к чему они призваны нас побудить в плане того образа жизни, который мы ведем [284].

Судье Глассеру следует преподавать на каждом уроке по еврейской этике. В его послании обобщается правильное соотношение между формами соблюдения еврейских традиций и обязанностями тех, кто их соблюдает, жить в соответствии со своими молитвами и учениями.

На момент написания этих строк Джонатан Поллард по-прежнему находится в тюрьме. Его жена, Энн, освобождена после отбытия более трех лет из пятилетнего срока — самого длительного тюремного заключения среди всех американцев за аналогичное преступление. Время, проведенное в тюрьме вдали друг от друга, сильно сказалось, особенно на их отношениях. В результате они развелись, и Джонатан, и Энн пытаются смотреть в более позитивное будущее.

В марте 1990 года мы подали ходатайство об отмене признания вины и приговора Джонатану Полларду[285]. В июне 1990 года, после моей двухчасовой презентации перед Комиссией по праву и социальным действиям Американского еврейского конгресса, эта организация наконец-то нарушила молчание организованной еврейской общины по делу Полларда. Американский еврейский конгресс опубликовал следующее заявление:

До нашего сведения дошли серьезные утверждения о том, что справедливость приговора, вынесенного Джонатану Полларду, и то, как правительство рассматривало его дело, были обусловлены тем фактом, что Поллард является евреем, а страна, которой он, как утверждается, оказывает помощь, — это Израиль.

Поскольку подобные обвинения вызывают обеспокоенность у Американского еврейского конгресса, мы поддерживаем призыв к проведению полных, открытых и

[284]И. Лео Глассер, неопубликованная стенограмма, находящаяся в моем распоряжении.
[285]На момент написания этой статьи решение судьи первой инстанции об отказе в удовлетворении данного ходатайства находится на стадии обжалования.

справедливых слушаний в соответствующих трибуналах по этим вопросам[286].

Объявляя об изменении своей позиции, президент Американского еврейского конгресса остался как всегда осторожен: «Мы не утверждаем, что Дершовиц доказал свою правоту. Но он представил достаточно материалов, чтобы сказать, что стоит изучить этот вопрос».

А 4 июля отделение Бнай Брит на Западном побережье приняло заявление, в котором говорилось, что обращение с Поллардом «было чрезмерно суровым и чрезмерным, поскольку его приговор был беспрецедентным и намного более жестоким, чем те, которые исторически выносились большинству лиц, осужденных за шпионаж»[287]. Другие организации вскоре последовали их примеру, и я предсказываю, что вскоре организованное еврейское сообщество начнет говорить в один голос против несправедливости приговора Полларду.

Я не сдамся, пока Джонатан не выйдет на свободу. Ни один американец, признавший себя виновным в шпионаже в пользу союзника, не отсидел в тюрьме столько, сколько уже отсидел Джонатан. Каждый день, проведенный им в тюрьме, – это продолжающаяся несправедливость. Это также оскорбление американских евреев и Израиля. Я убежден, что если бы Поллард был нееврeем, шпионившим в пользу нееврейской страны, он бы сегодня не сидел в тюрьме.

В недавней дискуссии с моими бруклинскими друзьями был поднят вопрос о том, является ли ситуация с Джонатаном Поллардом отражением антисемитизма. Это сложный и трудный вопрос, не допускающий однозначного ответа. Правительство указывает на тот факт, что несколько из тех, кто преследовал Поллардов, были евреями, как на доказательство того, что антисемитизм не сыграл никакой роли в этом деле. Это неубедительный и оскорбительный аргумент, который сам по себе попахивает не столь уж и тонким антисемитизмом. Правительства традиционно использовали «домашних евреев» для преследования других евреев в делах, вызывающих подозрения в возможном антисемитизме. Джулиус и Этель Розенберг были привлечены к ответственности еврейскими адвокатами и приговорены к смертной казни еврейским судьей. Обвинение Еврейской лиги защиты в убийстве Ирис Конес также велось еврейскими адвокатами перед еврейским судьей. В Советском Союзе Антисионистский комитет долгое время возглавлял Самуэль Зивс, еврей, ненавидевший самого себя и сделавший себе репутацию одного из самых ярых антисемитов в Советском Союзе. Требование к евреям преследовать своих соплеменников в качестве проверки их лояльности стране не доказывает отсутствия каких-либо антиеврейских элементов в деле.

Я считаю, что еврейское происхождение Джонатана Полларда и тот факт, что он шпионил в пользу еврейского государства, являются наиболее важными факторами, объясняющими иначе необъяснимое несоответствие между приговорами, традиционно выносимыми тем, кто шпионит в пользу союзников, и драконовскими приговорами, вынесенными Джонатану и Анне Поллард. Хотя ни один прокурор или сотрудник тюрьмы не может быть антисемитом или антисионистом, конечный результат дискриминационного обращения с Поллардами можно справедливо охарактеризовать как антиеврейский.

Незадолго до своей смерти у меня и судьи Артура Голдберга состоялась долгая серия бесед о приговоре Полларду и о том, был ли он результатом антиеврейских настроений. Голдберг написал письмо в Jerusalem Post с критикой действий Полларда. Я позвонил ему, чтобы сказать, что именно приговор был действительно несправедливым,

[286]Резолюция Американского еврейского конгресса от 11 июня 1990 года.
[287]Эллисон Каплан, «Поллард подает на развод, находясь в тюрьме», Washington Times, 19 июля 1990 г., стр. A4.

и предоставил статистику по другим приговорам за аналогичные преступления. Голдберг сказал мне, что знаком с Обри Робинсоном, судьей, вынесшим приговор, и что при следующей встрече он спросит его, почему тот вынес такой суровый приговор. Несколько недель спустя Голдберг позвонил мне и сказал, что обсудил приговор с судьей Робинсоном, и что Робинсон сказал ему, что одной из причин вынесения пожизненного приговора было то, что Полларда предоставил Израилю информацию об американском спутниковом наблюдении за совместными израильско-южноафриканскими ракетными испытаниями. Голдберг сказал мне, что судья Робинсон — который является чернокожим — был возмущен связью Полларда с израильско-южноафриканскими событиями и принял это во внимание при вынесении приговора. «Робинсону не очень нравится Израиль, хотя он и не антисемит, но эта история с Южной Африкой его действительно взбесила», — сказал мне Голдберг. Я ответил, что впервые слышу о том, чтобы Полларда предоставлял Израилю какую-либо информацию о Южной Африке. Он попросил меня проверить, и я это сделал.

Я рассказал вашингтонскому адвокату Полларда о своем разговоре с Голдбергом, и он специально приехал в Мэрион, чтобы обсудить этот вопрос с Поллардом. Полларда сказал ему, что никогда не предоставлял Израилю никакой информации о Южной Африке. Вашингтонский адвокат также опросил адвокатов, представлявших Полларда в рамках сделки о признании вины, и они подтвердили, что в материалах обвинения нет никаких обвинений в адрес Полларда в предоставлении подобной информации.

Я рассказал об этом Голдбергу, который был ошеломлен. Он согласился со мной, что, похоже, кто-то в правительстве мог шепнуть судье Робинсону ложную информацию. Еще более возмутительным было то, что характер этой ложной информации, касающейся израильско-южноафриканских связей, по-видимому, был рассчитан на то, чтобы потакать предполагаемой ненависти судьи Робинсона к странам, имевшим дело с правительством апартеида в Южной Африке. «Если правительство потакало антисионизму Робинсона, — сказал мне Голдберг, — это непростительно». Он пообещал мне, что попытается встретиться с генеральным прокурором Ричардом Торнбургом, а также пообедать с судьей Робинсоном. Через три дня после этого последнего разговора — и прежде чем он смог выполнить свое обещание — судья Артур Голдберг скончался во сне.

Если чрезмерный приговор судьи Робинсона в отношении Полларда отражал антисионистскую предвзятость, то реакция на преступление Полларда в некоторых правительственных учреждениях была еще хуже. После дела Полларда евреи стали подвергаться усиленному контролю со стороны некоторых разведывательных агентств. Им отказывали в допуске к секретной информации, агентов на Ближнем Востоке переводили в другие места, возникали вопросы о «двойной лояльности» некоторых американских евреев.

Суть антисемитизма — всей нетерпимости — заключается в чрезмерном обобщении. Обобщать, начиная с Джонатана Полларда и распространяя это на «всех», «большинство» или даже «некоторых» евреев или сионистов, значит прибегать к антисемитским стереотипам.

Ни один еврей или сионист не должен проходить или соглашаться на какие-либо особые проверки на лояльность из-за преступления Полларда. Многие лояльные американцы поддерживают право на существование других иностранных организаций или структур. К таким организациям относятся Африканский национальный конгресс, Ирландская республиканская армия, Ватикан, китайское студенческое движение и различные правительства в изгнании. Некоторые из этих организаций — в отличие от Израиля — не поддерживаются и не признаются правительством США. Тем не менее, от

американцев, поддерживающих право на существование и процветание таких организаций, не требуются проверки на лояльность.

Если бы существованию Италии, Франции или Англии угрожали враги, поклявшиеся их уничтожить, многие верные американцы итальянского, французского и английского происхождения сплотились бы в их поддержку. И никто бы не усомнился в их преданности Америке. Если бы один американец английского происхождения предоставил секретную информацию Великобритании, не было бы необходимости проверять на лояльность всех американских правительственных чиновников английского происхождения.

Евреи должны требовать не меньшего, чем равного обращения с другими лояльными американцами. Евреи не должны бояться защищать единоверца, такого как Джонатан Поллард, от дискриминационного обращения. Евреи должны настаивать на руководстве, которое больше не отражает испуганное отношение «шанда» (недоверчивости). На данном этапе нашей истории мы имеем право на смелое руководство, которое настаивает на том, чтобы даже самые виновные среди нас получали равное обращение, требуемое нашими законами. Настаивая на том, чтобы с Джонатаном Поллардом обращались не хуже, чем с другими, кто вел себя подобным образом, мы демонстрируем свою лояльность Америке и ее принципу равного правосудия перед законом.

10. Евреи в "христианской Америке"

Разделение церкви и государства

Разделение церкви и государства в Америке является основой, на которой зиждется первоклассный правовой статус американских евреев. Эта стена разделения, наряду с нашей историей как нации иммигрантов, делает Америку такой особенной для евреев. Отсутствие поддерживаемой государством церкви и запрет на религиозную деятельность при занятии государственных должностей гарантируют, что евреев никогда не будут просто терпеть, как это было — и до сих пор есть — в других «принимающих» странах. В Америке нет иерархии религий. Все религии и нерелигии считаются равными перед законом. Но то, что гарантируется законом, не всегда реализуется на практике.

Эту реальность мне наглядно продемонстрировал мой сын Илон много лет назад, когда он пошел в пятый класс. В то время мы жили в Пало-Альто, штат Калифорния, и он учился в местной государственной начальной школе. Однажды он пришел домой и спросил: «Папа, мы обязаны верить в Бога в Америке?» Я объяснил ему, что каждый волен решать сам. Но меня удивило, откуда взялся этот вопрос. Мы часто обсуждали Бога и то, может ли кто-то быть уверен в Его существовании, и Илон даже выразил некоторые сомнения по поводу своих собственных убеждений, задавая обычные подростковые вопросы: «Как Бог может допустить смерть ребенка?» — спросил он после того, как его соседский друг внезапно умер от кишечной непроходимости.

Но в нашей семье не нужно было ни во что верить, если соблюдались определенные правила. Илон рассказал мне, что на школьном собрании директор написал на доске слова клятвы верности флагу и попросил всех их произнести. Когда Илон прочитал слова «под Богом», он спросил свою учительницу, должен ли человек, не верящий в Бога, произносить эти слова. Я спросил Илона, почему этот вопрос не поднимался в его школе в Кембридже, где, как я знал, он произносил клятву. «Я всегда думал, что слова звучат как „под охраной“», — сказал Илон, потому что мы воевали во Вьетнаме, и потому что так произносится слово „Бог“ в Массачусетсе. Илон рассказал мне, что его учительница из Калифорнии сказала, что «все должны были произнести всю клятву. Это был закон. Затем она спросила меня, верю ли я в Бога. Я не знал, что ответить, поэтому сказал, что это не ее дело. Она сказала мне обсудить это с родителями».

Я спросил Илона, чувствует ли он себя неловко из-за произошедшего, и он ответил: «Немного». Я сказал ему, что в детстве мне нравилось произносить клятву верности флагу, хотя я и неправильно понимал её слова. Я думал, что второе слово — «pledga», а третье — «legence». Но тогда у нас не было слов «под Богом». Илон вернулся к своему вопросу: «Должен ли я верить в Бога и должен ли я произносить эти слова?» Я заверил его, что ему не нужно ни верить, ни говорить что-либо. Я достал учебник по конституционному праву и рассказал ему историю о Свидетелях Иеговы и деле о салюте флагу во время войны, которое я изучал в первый день учёбы на юридическом факультете. Разделённый Верховный суд постановил, что государственные школы не могут принуждать лиц, возражающих по религиозным убеждениям, салютовать флагу. Большинство использовало яркие формулировки, которые, казалось, охватывали и клятву верности флагу, особенно с добавленными словами «под Богом»:

Если в нашем конституционном созвездии и есть какая-либо неизменная звезда, то это то, что ни один чиновник, высокий или низкий, не может... заставить граждан исповедовать свою веру словом или делом... Верить в то, что патриотизм не будет процветать, если патриотические церемонии будут добровольными и спонтанными, а не

обязательной рутиной, значит недооценивать привлекательность наших институтов для свободных умов»[288].

Когда я давал ему книгу, я вспомнил еще одно известное решение Верховного суда, вынесенное одним из самых ярых сторонников разделения церкви и государства — покойным судьей Уильямом О. Дугласом. В своем заключении судья Дуглас заявил: «Мы — религиозный народ, чьи институты предполагают существование Высшего Существа»[289]. Я показал Илону и это решение.

Теперь Илон был совершенно сбит с толку. Что означает слово «предполагать»? Я объяснил ему, что это двусмысленное слово, задуманное как неоднозначное. Мы говорили о противоречии общества, которое одновременно является религиозным и в то же время возводит стену разделения между церковью и государством.

Илон спросил о надписи «In God We Trust» на наших монетах. Я рассказал ему, что у нас также есть штатные религиозные капелланы в Конгрессе; что Верховный суд открывает свои заседания молитвой «Боже, храни этот почтенный суд»; что Рождество — это национальный праздник; что Верховный суд поддержал законы штатов, требующие закрытия всех магазинов по воскресеньям, даже если владелец отмечает свою субботу.

Я рассказал Илону, что моего отца однажды арестовали за то, что он держал свой небольшой магазин открытым по воскресеньям. Его защита заключалась в том, что он был обязан закрывать магазин по субботам и не мог позволить себе закрывать его два дня в неделю. Судья спросил моего отца, посещал ли он синагогу по субботам. Когда мой отец ответил утвердительно, судья Баршай — сам ортодоксальный еврей — задал встречный вопрос: «Итак, если вы были в синагоге в прошлую субботу, какая была глава Торы на этой неделе?» К счастью для моего отца, он правильно ответил на «небольшой вопрос» судьи. Судья отпустил его, но наложил крупный штраф на другого владельца магазина, который попытался использовать ту же защиту, но не смог дать правильный ответ на этот совершенно неуместный религиозный тест. Это, объяснил я Илону, и есть компромиссная природа нашего общества, когда дело касается религии и Бога.

Илон хотел узнать, является ли Бог, упомянутый в клятве верности флагу «под Богом», тем же самым Богом, к которому мы обращались в молитве «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един». Я уклонился от ответа, сказав, что это богословский спор. Но Илон был непреклонен: «Я не хочу говорить, что Соединенные Штаты находятся под Богом, если они подразумевают Бога другого мира». Я спросил его, что в этом плохого, если мы можем свободно молиться своему Богу. Илон объяснил, что если бы его заставили сказать, что эта страна находится под христианским Богом, а не под еврейским, то это означало бы признание того, что «это их страна в большей степени, чем наша».

Илон, по-детски непосредственным образом, выразил обеспокоенность большинства американских евреев по поводу того, что к ним относятся как к гражданам второго сорта, которых просто терпят, а не принимают как граждан первого сорта. Я спросил Илона, стало бы ему лучше, если бы Бог был «нашим», но не Богом некоторых других детей в классе. Он сказал, что это было бы несправедливо в любом случае, и добавил, что в его классе есть дети китайского, японского и латиноамериканского происхождения, и он не знает, кто их Бог.

Мы обсудили, справедливо ли для государственной школы вмешиваться в эти вопросы и разделять детей по религиозному — или нерелигиозному — признаку. Мы пришли к соглашению, что государственная школа не является подходящим местом для

[288]Судья Джексон в деле «Совет по образованию штата Западная Вирджиния против Барнетта», 319 US 624, 642, 63 S. Ct. 1178, 87 L. Ed. 1628 (1943).
[289]Зорах против Клаусона, 343 US 306, 313 (1952).

проявления религиозных разногласий.

К счастью, в государственной школе Пало-Альто царила относительно терпимая атмосфера для выражения несогласия. Мой сын вернулся в школу и сказал учителю, что не хочет произносить «под Богом» во время присяги. Учитель посоветовал ему обсудить это с родителями и получить их одобрение. Когда он рассказал учителю о нашем разговоре, его заверили, что проблем не будет. За исключением нескольких «странных взглядов», как он выразился, от одноклассников и случайных поддразниваний, Илон ничуть не пострадал от своего небольшого акта гражданского неповиновения.

Сьюзен Шапиро не так повезло. Несколько лет назад, незадолго до Рождества, семнадцатилетняя старшеклассница отказалась вставать во время произнесения клятвы верности флагу США на уроке. Позже она рассказала мне, что учительница опозорила её перед учениками, сравнив её действия с «плеванием на звезду Давида».

Сьюзен была очень расстроена, особенно звонками, которые она получила утром после того, как статья появилась в местной прессе. «Грязные еврейские ублюдки, жаль, что вас не отправили в печи», — сказал анонимный звонивший. «Возвращайтесь в Израиль, откуда вы приехали», — кричал другой звонивший уроженке Массачусетса. Некоторые звонки содержали конкретные угрозы причинить Сьюзен вред или убить ее, если она не встанет во время учений с флагами. В конце концов ей пришлось обратиться за защитой в полицию и на некоторое время бросить школу.

Я согласился помочь Сьюзен отстоять свое право отказаться вставать. В то время на рассмотрении находилось несколько предложений, включая поправку к конституции, требующую «добровольной» молитвы в государственных школах. Подобные предложения продолжают регулярно выдвигаться. В основе этих предложений лежит предположение, что молитва действительно может быть добровольной — что никто не будет подвергаться давлению с целью принуждения к участию в публичной молитве. Реакция на действия Сьюзен Шапиро поднимает крайне тревожные вопросы об этом предположении.

По закону, стояние во время салюта флагу также должно быть добровольным. Но на практике существует давление, заставляющее подчиняться этому правилу. Вероятно, в контексте молитвы ситуация была бы еще хуже. Учителя с благими намерениями могли бы спросить учеников, почему они не присоединяются к своим одноклассникам: «Вы атеист или коммунист?»[290]

Большинство учеников начальной и средней школы ненавидят, когда их выделяют из толпы. Многие просто подчинятся, даже если это противоречит их собственным (или семейным) религиозным или моральным убеждениям. Будет ли это действительно добровольная молитва? Или это будет молитва, совершаемая под принуждением, если не по закону, то под официальным и неофициальным давлением?

Многие критики Сьюзен указывали на то, что её классный руководитель был сравнительно чутким человеком с отличной репутацией толерантного. В этом-то и суть! Если чуткий учитель в неоднородном штате Массачусетс может способствовать созданию той атмосферы запугивания, которую пережила Сьюзен, представьте, что менее чуткие учителя в более однородных регионах нашей страны могут сделать с ученицей, которая не захотела участвовать в добровольной школьной молитве.

Другие критики указывали на то, что Сьюзен не смогла убедительно сформулировать причины своего решения. Но конституционные права не являются

[290]В 1980 году в Соединенных Штатах проживало 5 690 000 евреев. Прогнозы предсказывают сокращение численности еврейского населения Америки до 5 321 000 к 2000 году, в то время как общая численность населения Америки увеличится. Эвьятар Фризель, Атлас современной еврейской истории (Нью-Йорк: Oxford University Press, 1990), с. 25.

прерогативой только искушенных и красноречивых людей, и не ограничиваются политическими или религиозными радикалами. (Сьюзен говорит, что проголосовала бы за республиканцев, как и ее родители). В конце концов мы выиграли дело: Сьюзен разрешили оставаться на своих местах во время присяги, а учитель был обязан сообщить ученикам, что Сьюзен действовала в рамках своих прав. Сьюзен вернулась в школу, но не без горьких воспоминаний.

Проблема, поднятая в деле Сьюзен, получила национальное освещение во время президентской кампании Джорджа Буша и Майкла Дукакиса в 1988 году. Кандидат Буш превратил в политический вопрос вето губернатора Дукакиса на закон об обязательном принесении клятвы верности флагу, несмотря на то, что верховный суд его штата вынес консультативное заключение о неконституционности такого закона.

В начале 1980-х годов ряд штатов столкнулись с проблемой введения обязательных религиозных обрядов в школах, когда законодательные собрания нескольких штатов приняли законы, обязывающие учителей государственных школ проводить «добровольные» молитвы в классах и предусматривающие, что молитвы будут читаться по очереди представителями разных религий. Вот как это работало в одной школе. В первый день очередь дошла до католиков, и один из учеников прочитал молитву «Отче наш». Несколько протестантов пожаловались, что он читает «неправильную» версию. На следующий день учитель попросил добровольца-протестанта; несколько человек подняли руки, и учителю пришлось выбрать одного. На третий день выбрали еврейского мальчика, но другой еврейский мальчик сказал, что он не подходит, потому что он из реформистской церкви. Через две недели после начала эксперимента добровольцем попытался стать мальчик из церкви Объединения, но учитель сказал, что «муниты» — это «неприемлемая» религия, потому что они будут тратить свое время на обращение других в свою веру. Разразился скандал, и были поданы судебные иски.

Когда Верховный суд Массачусетса признал такой закон неконституционным, многие учителя коллективно вздохнули с облегчением, вернувшись к преподаванию тем, связанных с религиозными войнами, вместо того чтобы пытаться их предотвратить.

Опыт школьных молитв демонстрирует реальность того, что мы превратились из относительно однородной нации белых протестантов — все отцы-основатели имели такое же происхождение — в самое неоднородное, религиозно разнообразное общество в истории мира. (Религии нашего коренного населения Америки, конечно же, игнорировались, как и их политические права). Широкий свод правил нашей конституции, специально разработанный для адаптации к непредвиденным изменениям, должен толковаться с учетом этой новой реальности.

Евреи часто гордятся клише о том, что мы — иудео-христианская страна. Это ложная гордость, создающая ложное чувство безопасности. Само понятие «иудео-христианская» — соблазнительно опасное, подразумевающее, что иудаизм — это неполная религия, и что иудео- становится полным только тогда, когда сливается с христианством. Также неверно с демографической точки зрения, что мы — иудео-христианская нация, если эта фраза подразумевает какую-либо численную иерархию. Евреи составляют крошечный — и сравнительно сокращающийся — процент нашего населения[3]. По численности мы не имеем права занимать место рядом с христианами. И мы не должны мириться со второсортным статусом, который подразумевает такой рейтинг, даже если второй класс считается предпочтительнее третьего или четвертого.

Действительно, американская правовая система во многом опирается на Ветхий Завет, и в этом отношении она является иудео-христианской (а также мусульманской). В детстве мы с друзьями очень гордились тем, что находили еврейские источники

американских законов, такие как право не свидетельствовать против себя[291], требование двух свидетелей для определенных видов преступлений и сама идея о том, что наказание должно быть соразмерно совершенному преступлению. Но есть и много других источников. В каждом обществе наказывают за убийство, грабеж и изнасилование. И в каждом обществе восхваляют честность, милосердие и добродетель. Конфликт возникает, когда мы доходим до спорных и вызывающих разногласия вопросов — аборты, гомосексуализм, эвтаназия — между иудео-христианскими источниками (по крайней мере, в том виде, в котором их интерпретируют некоторые) и действующими законами и конституциями (по крайней мере, в том виде, в котором их интерпретируют некоторые). Закон не является ни заведомо действительным, ни заведомо недействительным только потому, что он происходит из иудео-христианской традиции. Не стоит придавать слишком большое значение иудео-христианской природе нашего общества, и не следует черпать слишком много утешения из того факта, что мы, как евреи, являемся его частью.

Евреи должны настаивать на том, чтобы их считали гражданами первого сорта, равными во всех отношениях христианам и другим. Как народ, мы привыкли воспринимать терпимость как высшую форму гостеприимства. В предыдущие «золотые века» изгнания евреев терпели в Испании, Польше, некоторых арабских странах, а позже в Англии и Франции. Но в каждой из этих стран существовала «официальная» церковь, и только приверженцы этой установленной религии считались гражданами первого сорта. Все остальные, в лучшем случае, терпелись. А простая терпимость означает, в лучшем случае, второсортный статус.

Мы смирились со статусом второсортных граждан и терпимостью, потому что пережили гораздо худшее — даже в таких цивилизованных странах, как Англия (которая нас изгнала), Испания (которая обратила нас в христианство, изгнала и казнила во время инквизиции), Россия (которая переселила нас в черту оседлости), Швейцария (которая запретила нам владеть землей) и Франция (которая юридически освободила нас, но на практике дискриминировала). До Америки мы никогда по-настоящему не сталкивались с признанием статуса второсортных граждан, и даже это произошло сравнительно недавно. Несмотря на знаменитое письмо Джорджа Вашингтона евреям Ньюпорта, в котором он заверил их, что о простой «терпимости» больше не «говорят» и что они являются равными гражданами, ряд штатов продолжали относиться к евреям как к гражданам второго сорта — даже запрещая им занимать государственные должности и выступать в качестве свидетелей — на протяжении большей части XIX века.

Были предприняты неоднократные попытки закрепить в Конституции положение евреев как граждан второго сорта путем внесения поправок в преамбулу Конституции Соединенных Штатов, а также в конституции штатов, чтобы объявить нас «христианской нацией». С самых первых дней ратификации Конституции высказывались жалобы на то, что «из Конституции Соединенных Штатов невозможно определить, какому Богу мы поклоняемся или есть ли у нас вообще Бог»[292].

[291]В деле Миранды Верховный суд сослался на статью о еврейском праве раввина Нормана Ламма (президента Йешивского университета). Миранда против Аризоны, 86 S. Ct. 1602, 1619 n.27 (1966). Годом позже судья Дуглас, выступая от имени суда, процитировал статью раввина Ламма, в которой утверждалось, что еврейское право запрещает использование в суде даже добровольного признания. Гаррити против Нью-Джерси, 87 S. Ct. 616 n.5 (1967), цитируя еврейское право и его эквивалент в статье Ламма «Пятая поправка», Decalogue Journal, том 17, № 1 (январь/февраль 1967 г.).

[292]Д. МакАллистер, «Свидетельства о религиозном недостатке Конституции», Материалы Национального съезда по обеспечению религиозной поправки к Конституции США, состоявшегося в Питтсбурге, штат Пенсильвания, 4-5 февраля 1874 г. (Филадельфия, 1874 г.), стр. 41, цитируя преподобного Джона Мейсона из Нью-Йорка. Мортон Борден, «Евреи, турки и неверные» (Чапел-Хилл: Издательство Университета

В течение следующих полувека активизировались усилия по внесению поправок в Конституцию, чтобы в ней прямо указывалось, что она основана на христианской религии. В ужасные дни Гражданской войны среди основных протестантских лидеров возникло стремление изменить «атеистическую привычку отделять политику от религии». Проповедники утверждали, что братоубийственная борьба — это «наказание Бога» тем, кто исключил Его из своей конституции[293].

Национальная реформаторская ассоциация была основана в 1863 году для продвижения так называемой поправки о христианской нации. Последовали дебаты по поводу точной формулировки, которую следовало добавить. Предложения варьировались от общих («Всемогущий Бог») до частных («Иисус Мессия, Спаситель и Господь всего»). В конце концов, был достигнут компромисс, включающий как общие, так и частные положения: «Признание Всемогущего Бога источником всей власти и силы в гражданском правительстве и признание Господа Иисуса Христа Правителем среди народов, Его открытой воли как высшего закона страны, чтобы создать христианское правительство…»[294].

Президент Национальной ассоциации реформ и главный сторонник поправки о христианской нации, Уильям Стронг, впоследствии стал судьей Верховного суда. Другим «пламенным сторонником» поправки был будущий судья Дэвид Брюэр, а также несколько губернаторов, сенаторов и конгрессменов. В качестве прецедента для своего требования ассоциация указала на провозглашение президентом Авраамом Линкольном Национального дня молитвы во время Гражданской войны, в котором он призвал всех граждан признать «возвышенную истину, провозглашенную в Священном Писании»[295].

Американские евреи организовали протест против этой поправки. «Равны ли мы в этой стране?» — гласил заголовок в одном из ведущих еврейских изданий[296]. Это был хороший вопрос, и ответ на него тогда не был так очевиден, как может показаться сейчас — ни с точки зрения закона, ни с точки зрения фактов.

В нескольких штатах по закону евреи по-прежнему не могли занимать государственные должности. После того как Конгресс пригласил раввина открыть заседание молитвой, был принят закон, требующий, чтобы все армейские капелланы были служителями «какой-либо христианской религии», а президент Линкольн издал указ «в уважении к наилучшим чувствам христианского народа», согласно которому воскресенье должно было быть днем отдыха для всех военачальников. Это побудило отца еврейского солдата армии Союза написать президенту:

Я дал согласие своему сыну, который ещё был несовершеннолетним, на то, чтобы он поступил на военную службу... Я считал это его долгом и посоветовал ему исполнять свой долг как добропорядочный гражданин. В то же время я учил его соблюдать субботу, когда это не помешает ему исполнять свой долг в армии. Теперь я не хочу, чтобы его заставляли идти на костер или в церковь соблюдать воскресенье как субботу[297].

Гражданская война, как и большинство войн и других кризисов, спровоцировала (или выявила) широко распространенные антиеврейские настроения по обе стороны линии Мейсона-Диксона. Газета «Нью-Хёрг» (Нью-Йорк) жаловалась, что «потомки этой проклятой расы, распявшей Спасителя, всегда противостоят наилучшим интересам правительства в каждой стране, где они живут. Евреи никогда не входят в наши армии,

Северной Каролины, 1984 г.), стр. 59.
[293]Борден, Евреи, турки и неверные, с. 61.
[294]Там же, с. 63.
[295]Там же, с. 66.
[296]Там же, с. 63.
[297] Там же, с. 64.

кроме как с целью опустошить карманы солдат». Генерал Улисс С. Грант подхватил эту распространенную тему, когда выделил «еврейских торговцев» как худших военных спекулянтов и приказал своим офицерам не допускать «израильтян» к участию в боевых действиях. Газета «Вашингтон Хроника» поддержала антисемитский приказ Гранта, утверждая, что евреи «известны своими незаконными способами зарабатывания денег». Не верилось, что найдется хотя бы дюжина солдат, которые не одобрят приказ Гранта». Став президентом, Грант принес извинения еврейской общине, но пока война продолжалась, антисемитизм также набирал обороты[298].

В конце концов, дух американского эгалитаризма возобладал. Линкольн отказался поддержать поправку о христианской нации, несмотря на военную истерию в её поддержку. После Гражданской войны аналогичные попытки не увенчались успехом, несмотря на активное лоббирование. Поправка о христианской нации оставалась актуальной проблемой до 1945 года, когда Национальная реформаторская ассоциация окончательно распалась. Самый выдающийся историк этого движения так резюмирует вклад иудаизма в религиозный плюрализм в Соединенных Штатах:

Расширение религиозной свободы не было неизбежным результатом конституции... За религиозную свободу нужно было бороться... Необходимо было не только искоренить дискриминационные законы штатов, но и постоянно контролировать федеральную практику, чтобы Конституция не превратилась в христианский документ. Несмотря на свою немногочисленность, неорганизованность, соблазнённость секуляризмом и противодействие советам тех, кто предпочитал молчание или компромисс, некоторые еврейские лидеры настаивали на равенстве перед законом. Еврейское присутствие в Америке и его бдительность сыграли важную роль в расширении определения религиозной свободы[299].

Единственной небольшой победой сторонников поправки о христианской нации стала фраза, пропущенная в решении Верховного суда 1892 года судьей Дэвидом Брюэром, который большую часть своей жизни посвятил нападкам на нехристиан. Сын христианского миссионера в Турции, Брюэр стал неофициальным христианским миссионером в своей собственной стране. Он ездил по стране, выступая против зла «мормонизма, ислама и язычества». Биограф описывал его как «сына миссионера... до конца», «догматичного ультраконсерватора», элитиста и сторонника сегрегации. Он также был судебным активистом, который вносил свои личные и религиозные взгляды в свои судебные решения[300].

Брюэр злоупотребил возможностью, предоставленной обычным иммиграционным делом, в котором случайно фигурировал протестантский священник, чтобы выдвинуть тезис, который он проповедовал десятилетиями: «Это христианская нация». Этот тезис был совершенно неуместен для решения по делу, как и его цитата из источников, утверждавших, что «Магомет» и «Великий Лама» — «самозванцы»[301]. Предвзятое решение Брюэра стало низшей точкой в американской судебной практике и не цитируется другими судами в поддержку ложного утверждения о том, что «это христианская нация». Оно широко рассматривается как судебный позор — личное мнение религиозного фанатика в рясе.

Но в 1988 году «кучка чудаков» — как охарактеризовал их бывший сенатор Барри

[298]Там же, с. 65.
[299]Там же, стр. ix-x.
[300]Арнольд М. Пол, «Дэвид Дж. Брауэр», в книге Леона Фридмана и Фреда Л. Израэля «Судьи Верховного суда Соединенных Штатов, 1789—1969: их жизнь и основные мнения» (Нью-Йорк: Chelsea House в сотрудничестве с Bowker, 1969), том 2, стр. 1520.
[301]Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов, 143 US 457 (1892).

Голдвотер — предложила принять в Аризоне резолюцию, объявляющую Соединенные Штаты «христианской нацией... основанной на абсолютных законах Библии»[302].

19 мая 1988 года лидер группы написал следующее письмо судье Сандре Дэй О'Коннор:

Республиканцы добиваются интересных успехов в этом регионе, где доминируют демократы. Некоторые из нас предлагают резолюцию, признающую, что Верховный суд в 1892 году постановил, что это христианская страна. Было бы полезно и интересно получить от вас письмо.

Вот как ответила судья О'Коннор:

Вы недавно написали мне, чтобы узнать о каких-либо решениях этого суда, подтверждающих, что это христианская страна. Подобные заявления содержатся в следующих решениях: Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов; Зорах против Клаусона; Макгоуэн против Мэриленда [303].

Если бы судья О'Коннор была студенткой юридического факультета, она получила бы за свой ответ оценку «D-минус». В последних двух делах нет никаких утверждений о том, что это христианская нация. Их суть прямо противоположна. Если бы адвокат, практикующий в Верховном суде, был так же небрежен в своих ссылках, как судья О'Коннор в своих, его бы справедливо отчитали. Первое дело — это печально известное решение судьи Брюэра по иммиграционному вопросу, принятое в 1892 году, когда избирательным населением этой страны были почти исключительно белые мужчины-протестанты. С тех пор и до настоящего времени характер нашей нации кардинально изменился.

Современные решения Верховного суда признают это изменение в характере нашей страны. С 1892 года суд не называл эту нацию «христианской» или «протестантской». Более того, судьи всячески стремились к инклюзивности. Например, когда судья Уильям О. Дуглас поддержал программу штата Нью-Йорк, разрешающую учащимся государственных школ освобождаться на час в неделю для религиозного обучения, он в качестве примера религиозной уступки привел «еврейского ученика, который попросил своего учителя разрешения освободить его от занятий на Йом-Киппур»[304]. Однако это было одно из решений, на которое судья О'Коннор ошибочно ссылалась, утверждая, что оно содержит заявления о том, что это христианская нация[305].

Когда ее письмо стало известно общественности, судья О'Коннор выступила с заявлением, в котором выразила сожаление по поводу того, что оно было «использовано в политических дебатах», а пресс-служба Верховного суда заявила, что О'Коннор «не имела ни малейшего представления» о том, что письмо будет использовано в политических целях. Однако просьба к судье О'Коннор — о том, что было бы «полезно» получить от нее письмо в рамках предложения республиканцев о принятии резолюции о христианской нации — ясно дала понять, что ее просят написать письмо специально для использования в политической кампании.

Письмо судьи О'Коннор было распространено в рамках этой кампании, и на ее неправильные ссылки на судебные дела была использована резолюция, принятая Республиканской партией Аризоны, которая начинается словами: «Поскольку

[302]Алан М. Дершовиц, «Вторая неосторожность судьи О'Коннор», New York Times, 2 апреля 1989 г., стр. 31
[303]Там же.
[304]Зорах против Клаусона, 343 US 306, 312 (1952).
[305]По крайней мере в одном случае судья мимоходом заметил, что «мы — христианский народ». Но затем он быстро добавил в том же предложении, что мы — народ, который предоставляет «друг другу равное право на свободу вероисповедания». Соединенные Штаты против Макинтоша, 283 US 605, 625. Судьи Холмс, Брандейс, Стоун и Хьюз выразили особое мнение. Судья О'Коннор не упомянула это дело.

Верховный суд Соединенных Штатов имеет решения, согласно которым это христианская нация»[306].

Судье О'Коннор должно быть стыдно за то, что она потворствовала религиозной нетерпимости. К счастью, её судебные решения не отражают нетерпимость её политических друзей в Аризоне. По большей части, она писала решения в поддержку разделения церкви и государства.

* * *

Несмотря на важную роль евреев в сохранении принципа разделения церкви и государства в Америке, мы сейчас рискуем снова стать терпимой религией в обществе, где христианство является «официальной» религией. Признаки этого повсюду. Когда я встречаюсь со своими друзьями из Бруклина, мы часто сравниваем наше восприятие этой проблемы. Некоторые из циников среди нас утверждают, что мы действительно являемся гражданами второго сорта и всегда будем оставаться в этом статусе, в лучшем случае. Они указывают на тот факт, что почти всегда лучше быть белым англосаксонским протестантом при подаче заявления на любую работу. Как однажды сказал Мюррей Альтман: «Еще лучше иметь фамилию англосаксонской протестантки, когда вы претендуете на должность раввина в некоторых общинах».

Все мои друзья лично испытали на себе чувство второсортности. Их обходили стороной при распределении рабочих мест, которые доставались менее квалифицированным неевреям. Они ощутили горечь отвержения в некоторых социальных кругах. Они видят настоящую Америку, в которой живут. Они указывают на тот факт, что у нас никогда не было президента, вице-президента, спикера Палаты представителей или главного судьи еврейского происхождения. И снова Мюррей: «Я всегда знал, что первым евреем, баллотировавшимся в президенты, будет епископалец», — намекая на Барри Голдвотера. «Сколько евреев ведут национальные или даже местные новости?» — спрашивает Карл. «И посмотрите, что произошло, когда Хэнк Гринберг почти побил рекорд Бейба Рута по количеству хоум-ранов, а Рут даже не был членом еврейской общины».

«Это христианская страна», — говорит Берни. И он должен это знать, ведь его бизнес — продажа христианских религиозных товаров. «Достаточно зайти в любой деловой район в центре города во время Рождества, и что вы увидите? Еврейские бизнесмены суетливо развешивают рождественские украшения в своих магазинах».

Меня злят мои друзья и другие люди моего поколения, которые, кажется, смирились с положением, далеким от первоклассного. «Мы сами себе враги», — утверждаю я. Именно потому, что мы готовы мириться с дискриминацией при отборе кандидатов в президенты, ведущих новостей и других высокопоставленных лиц, она продолжается. Мы не можем покончить с этим в одиночку. Но мы, безусловно, можем способствовать этому, смирившись со своим второсортным положением.

Я утверждаю, что существует реальная разница между тем, какой эта страна может быть в социальном и демографическом плане, и тем, какой она является в правовом и конституционном плане. Социальные и демографические условия меняются, но закон, и особенно Конституция, как правило, остаются неизменными. Я утверждаю, что крайне важно бороться за первоклассный статус на всех фронтах. Мы должны настаивать на равном социальном обращении и отказываться принимать «реальность», согласно которой еврей — никогда не сможет стать президентом. В конце концов, посмотрите на Францию, Великобританию, Италию и даже Австрию, где были премьер-министры-евреи. Но еще важнее сохранить наш статус первоклассных граждан в соответствии с

[306]Дершовиц, «Вторая неосторожность судьи О'Коннор».

законом и Конституцией.

Без первоклассного правового статуса абсолютно невозможно достичь первоклассного социального или политического статуса. Но если мы сохраним свой первоклассный правовой статус, всё остальное станет возможным.

Наш правовой статус снова под угрозой. Нет сомнений в том, что христианские консерваторы ведут целенаправленную кампанию по установлению христианства в качестве официальной религии Америки. На этот раз средства гораздо более изощренные, чем явная поправка к конституции. Предусматривается двухэтапный процесс: первый этап — это «предпочтение» правительством религии перед нерелигиозностью, без явного предпочтения или установления какой-либо конкретной религии. Это заманчивый шаг, особенно для верующих людей. В конце концов, что плохого в небольшой религии? Никто никогда не пострадал, как уверял нас бывший президент Рейган, от внеконфессиональных молитв в школах или на общественных собраниях.

Для верующих американцев это также имеет практические преимущества. Государство может оказывать финансовую помощь приходским школам, если средства будут выделены всем таким школам. Внеклассные религиозные программы могут финансироваться из государственных средств. И другие финансовые льготы — школьные обеды, учебники, школьные автобусы — могут быть предоставлены нуждающимся религиозным школам, которые, безусловно, в них нуждаются.

Но если судить по истории, первый соблазнительный шаг неизбежно подтолкнет нас ко второму. Каждое общество, официально отдающее предпочтение религии перед нерелигией, в конечном итоге выбирает одну религию как истинную, предпочтительную или доминирующую. Правительство, которое платит религиозному деятелю, указывает ему, какой реквием играть.

В последние годы Верховный суд неоднократно, хотя и ненавязчиво, подтверждал доминирующее положение христианства и второстепенный статус иудаизма. В делах, касающихся закона о закрытии магазинов по воскресеньям, был отвергнут аргумент, выдвинутый моим отцом много лет назад, о том, что требование закрытия всех магазинов в христианскую субботу дискриминирует евреев и других, кто соблюдает свою субботу в другой день. Решение суда, принятое большинством голосов 5 против 4 в марте 1984 года по первому так называемому делу о рождественских вертепах, разрешило городу Паутакет, штат Род-Айленд, построить и поддерживать христианский рождественский вертеп на общественной территории, если это являлось частью «светского» празднования Рождества[307].

В других случаях одобрялись предварительные выборы в штатах, проводимые в еврейскую субботу или другие праздники, несмотря на то, что такое расписание фактически лишает избирательных прав ортодоксальных и некоторых консервативных евреев[308]. Аргумент, на который косвенно опирается суд, заключается в том, что когда большинство поддерживает религиозный обряд — например, Рождество — он становится светским праздником. Но когда его поддерживает лишь меньшинство, тогда он не может быть светским и обязательно должен быть религиозным. Этот обходной путь «установления» религии большинства путем ее секуляризации опасен как для

[307]Линч против Доннелли, 466 US 668, 680 (1984). Верховный суд вскоре изменил это решение еще одним голосованием 5 против 4 (см. примечание 28 ниже).

[308]Религиозным евреям было отказано в праве прийти на избирательные участки и проголосовать против самого известного антисемитского кандидата в сенаторы за последнее время. Предварительные выборы в Луизиане 1990 года, в которых участвовал «бывший» нацист и член Ку-клукс-клана Дэвид Дюк, состоялись в субботу.

религии, так и для Конституции.

Наиболее тревожным проявлением формирующегося в Америке положения иудаизма второго сорта стало дело о «ермолке», в котором тот же Верховный суд, который разрешил размещение рождественских вертепов в общественных местах, постановил, что ортодоксальный еврейский раввин по имени Голдман не имеет права носить «незаметную» ермолку, служа в военно-воздушных силах в качестве клинического психолога. Судья Уильям Ренквист, выступая от имени большинства (5 против 4), согласился с аргументом военно-воздушных сил о том, что «стандартная форма одежды способствует подчинению личных предпочтений и идентичности в пользу общей групповой миссии»[309].

Пожалуй, наиболее тревожным аспектом решения по делу о ермолке является то, что его автор (и несколько других судей) обычно встают на сторону религии, когда её поддерживает правительство, например, в случае с городскими рождественскими вертепами. Одобренные правительством религиозные практики (которые почти всегда являются практиками большинства религиозных групп) получают приоритет над индивидуальными правами на свободу вероисповедания (которые, как правило, являются практиками меньшинств религиозных групп). Это прямо противоположно тому, что, по-видимому, имели в виду отцы-основатели.

Результатом такого подхода Рейнквиста к Биллю о правах является низведение религиозных меньшинств, в данном случае ортодоксального иудаизма, до второстепенного положения. Вооруженные силы всячески стараются учитывать религиозные обязанности большинства, например, посещать рождественские службы и другие религиозные праздники. Но они отказываются учитывать религиозные потребности небольшого меньшинства и получают поддержку судов в различных ситуациях.

Самым непосредственным последствием решения о ношении ермолки стало то, что оно отбило у ортодоксальных евреев желание добровольно вступать в вооруженные силы, тем самым закрепив старый стереотип. Я понимаю, что чувствовал раввин Гольдман, поскольку мы с друзьями носили ермолки до студенческих лет. В моем случае...

В ортодоксальном еврейском квартале ермолка была таким же естественным предметом одежды, как обувь или рубашка. Мы носили её везде: в школу, на работу и даже иногда на баскетбольную площадку, закрепляя шпилькой. (Я помню, как один из моих товарищей по команде однажды сорвал ермолку с головы соперника, чтобы помешать быстрой атаке; это сработало, потому что религиозный закон запрещает мужчине ходить более четырёх шагов без головного убора, и таким образом игрок, совершавший рывок, был остановлен на месте. Мой товарищ по команде получил технический фол). Иногда нас дразнили из-за наших «шапок», но мы редко их снимали, за исключением случаев, когда спали или принимали душ, как разрешалось религиозным законом, или когда покидали безопасные пределы нашего района. Директор моей средней школы-ешивы иногда проводил внезапные проверки ермолок, выискивая характерные складки от тюбетейки, засунутой в карман. Я никогда не забуду спор между моими школьными друзьями о том, когда им разрешить снять ермолки, когда мы были на бурлеск-шоу в Юнион-Сити, штат Нью-Джерси. Большинство из нас сняли ермолки, но пара моих друзей оставили их на себе. Они очень смутились, когда некоторые фанаты на балконе начали кричать: «Снимайте, снимайте!»

Моя мама любит рассказывать историю о том, как мне позвонила медсестра из католической больницы посреди ночи. Меня сбил грузовик, и я попала туда. Мне тогда

[309]Голдман против Вайнбергера, 475 US 503, 508 (1986).

было три года. Мои родители провели со мной день, уложили меня спать и ушли домой. Медсестра сказала, что я отказываюсь принимать лекарства и что я кричу что-то про Майами, штат Флорида. Моя мама была ошеломлена, так как я никогда даже не слышал о Майами. Она поговорила со мной по телефону и узнала, что они пытались заставить меня принять лекарство, не дав мне ермолку. В те времена мы называли ермолку «ями», сокращенно. Я кричал, требуя «мою ями», а не Майами. Я просто ничего не глотал, даже лекарства, без нее. Вот насколько важна была для нас ермолка, когда мы росли.

Ни одна война не была проиграна из-за того, что горстка солдат носила ермолки. (Действительно, многие солдаты превосходной израильской армии носят ермолки даже в бою). Но войны проигрывались из-за нетерпимости нации к религиозному меньшинству. Представьте, насколько иным мог бы быть исход Второй мировой войны, если бы отец атомной бомбы Альберт Эйнштейн и евреи, работавшие над Манхэттенским проектом, не столкнулись с неприятием со стороны родной Германии.

В деле о приветствии флага Свидетелями Иеговы 1943 года[310] судья Роберт Х. Джексон осудил «деревенских тиранов», которые «начинают принудительное подавление инакомыслия и вскоре обнаруживают, что истребляют несогласных». Он напомнил нам, что «принудительное объединение мнений приводит лишь к единодушию на кладбище»[311].

Эти слова весьма резкие в контексте, казалось бы, тривиального дела, касающегося одного ортодоксального еврейского врача ВВС. Но то, чего судья Ренквист потребовал от доктора Голдмана — отказ от своих религиозных принципов во имя конформизма — завтра может быть потребовано от католиков, мусульман, индуистов и других представителей религиозных меньшинств. И то, что сегодня ограничивается армией, завтра может распространиться на школы, залы суда и другие общественные места.

Однажды федеральный судья грубо потребовал от моего отца снять ермолку, когда тот пришел в суд посмотреть, как я выступаю. Судья быстро извинился, узнав, что кричал именно на моего отца. Но сам факт того, что он кричал, показывает, насколько нетерпимым и невежественным может быть судья по отношению к религиозному меньшинству, даже в таком еврейском городе, как Нью-Йорк.

В конце концов, Конгресс принял закон, прямо разрешающий евреям в вооруженных силах носить ермолки, и, насколько мне известно, это не привело к заметному ослаблению нашей национальной безопасности. Но бестактное решение Верховного суда по вопросу ермолок по-прежнему остается авторитетным толкованием применения Первой поправки к таким вопросам.

Отсутствие чуткости к религиозным меньшинствам проявляется каждый год, когда учебные заведения, от детских садов до аспирантур, назначают важные мероприятия на еврейские (или другие) праздники меньшинств, вынуждая многих студентов выбирать между семьей и сверстниками, между религией и успехом. Моему младшему сыну Джамину, звезде футбола в старшей школе, пришлось выбирать между участием в чемпионате лиги и посещением службы Кои Нидре накануне Йом Киппура. Когда он поступил в колледж, он узнал, что регистрация на Рош ха-Шана запланирована на этот день. Я позвонил раввину Хиллеля в Пенсильванском университете, а также нескольким уважаемым выпускникам, и дату перенесли, но только после того, как я получил неприятный звонок от еврейского ректора университета — и домашнего еврея — который заверил меня, что не видит проблемы в этом конфликте, что я слишком

[310]Совет по образованию штата Западная Вирджиния против Барнетта, 319 US 624, 641, 650 (1943).
[311]Даже это не всегда верно, о чем свидетельствуют недавние случаи осквернения еврейских кладбищ.

«чувствителен» и «настойчив», но что его мнение игнорируется нееврейским президентом университета.

Наиболее вопиющий пример такой бестактности недавно произошел в Калифорнии, где чернокожий профессор социологии намеренно назначил промежуточный экзамен на Йом-Киппур, отказался назначить пересдачу и предупредил студентов, которые подумывали пропустить экзамен, что им придется написать исследовательскую работу, которую он оценит «по более строгим критериям».

Представьте себе белого профессора государственного университета, объявляющего своим студентам о намерении оценивать «по более строгим стандартам» всех чернокожих студентов, присутствовавших на поминальной службе по Мартину Лютеру Кингу. Это немедленно вызвало бы вполне оправданный протест со стороны защитников гражданских прав по всей стране. Возглавил бы хор критики доктор Гарри Эдвардс, социолог из Беркли, ставший символом требования чуткого отношения к чернокожим спортсменам и обеспечения им равенства.

Однако именно профессор Гарри Эдвардс назначил промежуточный экзамен по своему вводному курсу социологии на 9 октября — задолго до середины семестра — на день Йом-Киппура, самого святого еврейского праздника в году.

Профессор Эдвардс прекрасно знал, что делает, поскольку среди преподавателей был распространен меморандум, в котором указывалась дата Йом Киппура и излагалась официальная политика Беркли, направленная на предотвращение конфликтов между «академическим календарем и религиозными праздниками». Он также знал, что в классе из пятисот студентов будет значительное число еврейских студентов, которые, как и Наоми Снайдер, всегда соблюдали Йом Киппур, но чувствовали давление со стороны Эдвардса, заставляющее их «отказаться от своей религии»[312].

Когда многочисленные студенты пожаловались на бестактность Эдвардса, профессор привёл оправдание, которым мог бы гордиться белый регистратор избирателей в Миссисипи в 1950-х годах: «Это было лучшее время для экзамена». Затем он добавил следующую провокацию: «Вот так я и буду работать. Если студентам это не нравится, они могут бросить этот курс»[313].

Это неравное обращение по религиозному признаку.

Это также является нарушением как федерального, так и государственного законодательства. Закон Калифорнии гарантирует студентам государственных колледжей право сдавать все экзамены «без каких-либо санкций, в то время, когда это не противоречит религиозным убеждениям студента», за исключением случаев, когда это создаст «чрезмерные трудности»[314]. Профессор Эдвардс мог бы легко назначить экзамен на другой день или предусмотреть пересдачу, которая оценивалась бы по тем же стандартам, что и запланированный экзамен.

Я призвал Антидиффамационную лигу подать иск против профессора Эдвардса. Еврейские студенты не должны бороться с этими проблемами в одиночку, особенно когда борьбу начал сам профессор. Антидиффамационная лига написала ему письмо, но иск так и не был подан. Еврейские студенты по-прежнему остаются гражданами второго сорта на занятиях у профессора Эдвардса в Беркли.

Еще одним проявлением второсортного положения евреев является растущая тенденция к внедрению христианских религиозных принципов в общественную жизнь. Эта опасная тенденция становится наиболее очевидной, когда религия становится

[312]Алан М. Дершовиц, «Испытание на Йом Киппур пропитано предрассудками», Boston Herald, 23 октября 1989 г., стр. 31.
[313]Там же.
[314]Там же.

предметом обсуждения на выборах — как это происходило в нескольких недавних кампаниях — и кандидаты прикрываются крестом, а не только флагом. Бывший президент Рейган делал это так часто во время кампании 1984 года, что его оппонент, Уолтер Мондейл, напомнил ему, что президент Соединенных Штатов — в отличие от королевы Англии — не является «защитником веры»; он является «защитником Конституции», которая запрещает государственное установление религии.

Конечно, есть и такие государственные чиновники, которые не видят ничего плохого в установлении религии. Одна из современных точек зрения гласит, что для каждого штата было бы вполне допустимо устанавливать свою собственную религию, если бы федеральное правительство не устанавливало единую официальную религию для всей Америки. Буквальное прочтение Первой поправки может даже подтвердить эту точку зрения. Первая поправка гласит: «Конгресс не должен издавать законы, касающиеся установления религии…». В ней ничего не говорится о штатах. Большинство специалистов по конституционному праву согласны с тем, что принятие Четырнадцатой поправки, которая запрещает штатам отказывать любому лицу в «равной защите закона», теперь запрещает любому штату устанавливать религию, но не все принимают такое толкование.

Недавно федеральный судья У. Бревард Хэнд из Алабамы постановил, что каждый штат может устанавливать свою собственную религию, так же как он может выбирать свою собственную птицу, цветок, флаг и песню. Он добавил, что «члену религиозного меньшинства придется стать более толстокожим, если государственная система его оскорбит»[315]. Сама концепция толстокожих религиозных меньшинств является проявлением терпимости, в отличие от равенства.

После того, как судья Хэнд вынес это безрассудное решение, я написал статью, в которой присудил ему «награду аятоллы Хомейни за попытку разделить страну по религиозному признаку». Я исследовал последствия такого решения в разных частях нашей страны:

В Массачусетсе борьба за официальное признание развернулась бы между католиками и протестантами. Там, где я вырос в Бруклине, религиозная война развернулась бы среди евреев: должна ли ортодоксальная, консервативная или реформистская иудаика стать официальной религией, или же это должна быть какая-то конкретная хасидская секта? В Юте победил бы мормонизм. В Калифорнии различные культы и маргинальные религии могли бы объединиться и выступить единым фронтом. Даже если бы штат остановился на протестантизме, возник бы вопрос, какая протестантская конфессия стала бы официальной? Официально признанная религия получила бы право объявлять свои молитвы официальными. Ее церкви, и только ее церкви, финансировались бы из государственных средств. Членам других «второсортных» религий просто пришлось бы выработать толстую кожу в ответ на недальновидное мнение судьи Хэнда[316].

Верховный суд отменил решение судьи Хэнда, охарактеризовав его точку зрения как «нелепую». Однако некоторые высокопоставленные лица, в том числе бывший генеральный прокурор Эдвин Мииз, как сообщается, поддерживали точку зрения Хэнда на положение о разделении церкви и государства.

Если предвыборная кампания склоняет политиков к религиозному диалогу, то рождественский сезон, как правило, порождает религиозные конфликты — или, точнее, выявляет затаенные конфликты, дремлющие большую часть года. Недавний заголовок в

[315]Джаффри против Совета школьных комиссаров округа Мобил, 554 F. Supp. 1104, 1118 n.24 (SD Ala. 1987).
[316]Алан М. Дершовиц, «Хэнд позорит федеральный суд», Boston Herald, 16 марта 1987 г.

New York Times повторял подписи по всей стране: «Сезон мира приносит новые битвы на рождественском вертепе». Печальная история заключалась в том, как вопрос о государственных рождественских вертепах разделяет общины по религиозному признаку[317].

Величайшая трагедия заключается в том, что этой проблеме никогда не стоило поднимать свою разделительную голову. Многие города и поселки по всей стране решали «вопрос о рождественских вертепах» разумно, без разногласий и в духе компромисса, подобающего религиозно разнообразному, неоднородному обществу: государственные чиновники продавали вертепы частной организации — религиозной, коммерческой или братской группе, — которая затем становилась ответственной за их размещение. Именно так поступил город Паутакет, штат Род-Айленд, до решения Верховного суда США в марте 1984 года. Почти все — за исключением нескольких фанатиков — казались относительно удовлетворены компромиссом. Вертепы выставлялись на своем обычном месте во время рождественских праздников, но город не спонсировал их. Конечно, компромисс был лишь символическим, но и сам вопрос в значительной степени носит символический характер.

Затем Верховный суд, в горьком решении 5 против 4, посеял семена религиозного недовольства, постановив, что Паутакет может выкупить и спонсировать ясли. В Паутакете ничего не было «сломано», но Верховный суд настаивал на «исправлении» ситуации, и тем самым сам создал дисгармонию.

Внезапно все изменилось. Дух компромисса превратился в борьбу за религиозное господство. Суд постановил, что город может владеть детским садом и спонсировать его. Мало кто задумывался, стоит ли городу использовать свои ресурсы — как финансовые, так и символические — столь спорным образом.

Война началась, первый залп был произведён тем самым институтом, который должен разрешать подобные споры — Верховным судом.

Снижение напряженности в период Рождества значительно способствовало бы преодолению раскола, разделяющего евреев и христиан на протяжении почти двух тысячелетий. Рождество, самый радостный праздник для христиан, на протяжении всей истории было одним из самых страшных дней для евреев. Во многих частях Европы это было время погромов и избиений; евреев наказывали за отказ признать божественность Иисуса. Сама идея о том, что рождественский вертеп — христианское изображение божественного рождения Иисуса — не является религиозным символом, как заявил бывший председатель Верховного суда Уоррен Бергер, выступая перед расколотым Верховным судом, не только ошибочна с исторической и религиозной точки зрения; это оскорбление памяти многих евреев, убитых за неприятие божественного рождения, изображенного в «светском» рождественском вертепе.

В свете этой истории удивительно, что правые христиане, стремящиеся ввести религию в общественную жизнь в качестве первого шага к христианизации Америки, заручились поддержкой некоторых неожиданных союзников в еврейской общине. Некоторые элементы еврейских правых — среди них хасидская секта, известная как движение Любавич — приветствуют разрушение стены разделения церкви и государства. Эти правые евреи выступают за детские ясли и меноры на общественной территории, молитвы в государственных школах и плату за обучение в иешивах.

Эта точка зрения недавно получила некоторую поддержку со стороны Верховного суда в решении 5—4 по поводу празднования Рождества и Хануки в Питтсбурге, штат Пенсильвания. В случае с Питтсбургом католическая церковь установила чисто религиозный рождественский вертеп в центре местного здания суда, а городские власти

[317]Уолтер Гудман, «Нью-Йорк Таймс», 21 декабря 1984 г., стр. 10.

поставили сорокапятифутовую рождественскую елку перед зданием городского совета. Не желая отставать, движение Любавич установило восемнадцатифутовую ханукальную менору рядом с рождественской елкой. Как и ожидалось, Американский союз гражданских свобод оспорил как рождественский вертеп, так и менору, но не рождественскую елку, которую он считал частью светского празднования Рождества, национального праздника.

Судья Гарри Блэкмун в очередном решении, принятом большинством голосов 5 против 4, постановил, что рождественский вертеп в Питтсбурге был слишком религиозным и слишком изолированным от каких-либо светских символов, чтобы считаться частью светского праздника. Поэтому он пришел к выводу, что в том контексте, в котором он находился, он представлял собой недопустимое установление религии. Затем Блэкмун обратился к ханукальной меноре, которая стояла «в тени» рождественской елки. После подробного изучения истории Хануки[318] он пришел к выводу, что это одновременно и религиозный, и светский праздник:

Ханука, как и Рождество, — это не только религиозный праздник, но и культурное событие. Действительно, история Хануки всегда имела политическое, национальное и религиозное измерение: она повествует о национальном героизме в дополнение к божественному вмешательству. Подобно тому, как некоторые американцы празднуют Рождество, не обращая внимания на его религиозное значение, некоторые нерелигиозные американские евреи отмечают Хануку как выражение этнической идентичности и «как культурное или национальное событие, а не как сугубо религиозное».

...Традиция дарения ханукальных денег приобрела большее значение из-за временной близости Хануки к Рождеству. Действительно, некоторые предполагают, что именно близость Рождества объясняет социальную значимость Хануки в этой стране. Какова бы ни была причина, американские евреи отмечают Хануку в большей степени, чем можно было бы предположить, исходя из её религиозной значимости: в иерархии еврейских праздников Ханука занимает довольно низкое место по религиозному значению. Этот социально повышенный статус Хануки отражает её культурное или светское измерение[319].

Такая светская характеристика побудила судью Уильяма Бреннана — самого ярого сторонника сепаратизма в Верховном суде — пожаловаться на то, что взгляд судьи Блэкмуна на Хануку «способствует распространению христианизированной версии иудаизма»[320].

Возвращаясь к судье Блэкмуну, который высказался от имени большинства, он постановил, что в контексте рождественской елки менора конституционно допустима:

Если город отмечает и Рождество, и Хануку как светские праздники, то его поведение выходит за рамки действия положения о разделении церкви и государства. Поскольку правительство может отмечать Рождество как светский праздник, то из этого следует, что правительство может также признавать Хануку как светский праздник. Проще говоря, было бы формой дискриминации в отношении евреев позволить

[318]Этот обзор вызвал несколько бестактное возражение со стороны судьи Энтони Кеннеди, который предположил, что он предпочел бы оставаться в неведении относительно деталей веры других людей, чем заседать «в качестве национального теологического совета». Блэкмун ответил следующим образом: «Конечно, судья Кеннеди не может иметь в виду, что этот суд должен оставаться в неведении относительно общепринятого использования символа и решать конституционный вопрос, зная только то, что ему было известно до подачи иска. Такое предписание неведения, очевидно, предвзято отнеслось бы к этому суду в соответствии с религиозными и культурными убеждениями его членов...». County of Allegheny v. ACLU, 109 S. Ct. 3086, 3112 n.6o (1989).

[319]Округ Аллегейни против Американского союза гражданских свобод, 109 S. Ct. 3086, 3096—3097 (1989).

[320]Там же, стр. 3128 (Бреннан выражает как согласие, так и несогласие).

Питтсбургу отмечать Рождество как культурную традицию, одновременно запрещая городу признавать Хануку как современную культурную традицию[321].

Однако обратите внимание на осторожное использование слова «может» при обсуждении признания правительством Хануки как светского еврейского эквивалента секуляризованного Рождества. Что, если город решит признать Рождество светским праздником, но не Хануку? Должен ли он избегать «дискриминации»? А как насчет секуляризованных праздников других религиозных групп? Должны ли они тоже отмечаться, чтобы избежать дискриминации? Эти сложные и вызывающие разногласия вопросы остались открытыми и, несомненно, будут возникать снова по мере того, как сам сезон «доброй воли» будет повторяться каждый декабрь.

Несмотря на «победу» меноры, мнение о том, что небольшое присутствие религии в правительстве допустимо, если оно включает нашу религию «в тени» христианства, является одновременно недальновидным и эгоистичным. Оно недальновидно, потому что не предвидит второй шаг к христианизации. И оно эгоистично, потому что у тех хасидов, которые предлагают такие шаги, нет детей, которые посещают государственные школы, где читаются молитвы; и они не проводят время на городских площадях, где выставлены ясли. Они посещают ешивы, за обучение в которых они хотели бы, чтобы платили все остальные.

Даже некоторые из моих бруклинских друзей поддерживают государственную помощь ешивам, в которых учатся их дети. Они утверждают, что раз они оплачивают обучение детей своих соседей в государственных школах, почему бы соседям не помочь оплатить обучение своих детей в ешивах? Они также поддерживают государственное размещение меноры — если уже планируется установка рождественской елки или вертепа. Я не согласен с этими выводами, но понимаю, почему мои друзья пришли к ним, даже несмотря на то, что они не являются членами правого крыла ортодоксального иудаизма.

Некоторые представители еврейского религиозного правого крыла также присоединяются к христианскому религиозному правому крылу, выступая за ограничение права женщины на аборт, против прав геев, за смертную казнь и требуя цензуры материалов сексуального характера. Примечательно, как некоторые светские евреи, которые считают сенатора США Джесси Хелмса неандертальцем, считают раввина Любавичского движения — который разделяет правые взгляды Хелмса практически по всем социальным вопросам — воплощением мудрости. Во многих частях страны либералы, которые возмущены отказом женщине в праве на аборт, которые выступают против цензуры и борются против молитв в государственных школах, жертвуют крупные суммы денег Любавичскому движению, которое активно поддерживает эти взгляды. Я подозреваю, что поддержка Любавичского движения носит скорее психологический, чем политический характер, что она отражает ностальгию по «старым» обычаям и чувство вины за отказ от них. Это также, по-видимому, отражает представление о том, что путь Любавичей — это «подлинно» еврейский путь, а светские евреи — нет. Что ещё важнее, это отражает реальность того, что движение Любавичей прилагает огромные усилия, чтобы вернуть евреев к их корням. Пока основное влияние движения Любавичей остаётся психологическим, духовным и ностальгическим, оно будет продолжать оставаться позитивной силой. Но его праворадикальная программа, направленная на разрушение стены разделения между религией и государством, опасна для положения евреев в Америке. Это плохо для евреев и плохо для Америки.

Аналогичная тенденция наблюдается и среди еврейских правых — параллельная

[321]Там же, стр. 3112.

тому, что происходит среди христианских правых, — и она также опасна для демократии. Некоторые раввины теперь запрещают своим последователям голосовать за определенных политических кандидатов, чьи взгляды несовместимы с их праворадикальной религиозно-политической идеологией. В предвыборной рекламе в газете Jewish Press сообщалось, что несколько видных раввинов встретились и «недвусмысленно заявили, что, согласно Торе, запрещено голосовать за радикала/либерала, такого как конгрессмен Стивен Соларц». Стив Соларц — либеральный конгрессмен из моего старого района в Бруклине и мой друг. Он очень поддерживает еврейские вопросы, но вступил в конфликт с некоторыми представителями еврейского религиозного правого крыла, поскольку поддерживает поправку о равных правах, право женщины на аборт и права геев. В рекламе также указывалось, что «Гедолаи Тора» — великие раввины Торы — требовали его поражения, потому что он был против нынешней политики в Центральной Америке, выступал за повышение налогов и не поддерживал «превентивное заключение» обвиняемых до суда. Как эти вопросы связаны с «ценностями Торы», так и не было объяснено. Реклама заканчивалась предложением избирателю «спросить своего раввина — узнать правду». Оно требовало, чтобы избиратель отказался от своего личного голоса в пользу раввинов, задав, как оно считало, риторический вопрос: «Согласны ли вы с тем, что именно великие знатоки Торы должны выступать в защиту Кляль Исраэль (еврейского народа)?»[322]

В демократии ответ должен быть ясным и решительным «нет»! В демократии люди не должны отказываться от своих голосов в пользу кого бы то ни было. Они должны голосовать — в частном порядке — руководствуясь собственным мнением. Они должны прислушиваться ко всем и каждому. Но решение должно оставаться за каждым человеком. (Некоторые хасидские раввины, живущие в Америке, пытались распространить свое политическое влияние на Израиль, оплачивая перелеты евреев, живущих в Америке, но имеющих двойное гражданство Израиля, в Израиль, чтобы те голосовали блоком за определенную религиозную партию).

На мой взгляд, ортодоксальные евреи, вступающие в политические сговоры с христианскими правыми, совершают большую ошибку. Цель христианских правых — обратить евреев в свою веру или, по крайней мере, низвести их до положения граждан второго сорта в их христианской Америке. Христианские правые, как и большинство авторитарных групп, отвергают выбор как ненужный в мире, где существует только один истинный путь. В настоящий момент может показаться, что между христианскими и еврейскими правыми существует комфортное взаимодействие, но эта видимость опровергается многовековой историей и конечными целями современных христианских правых.

В телевизионном интервью, которое я взял у преподобного Пэта Робертсона в 1988 году, когда он был кандидатом в президенты, наглядно показана как соблазнительная привлекательность христианских консерваторов для некоторых евреев, так и опасность, присущая слишком некритичному союзу[323]. Я начал с того, что зачитал ему одно из его собственных высказываний: «Только христиане и евреи достойны править». Я спросил его, мог ли бы он голосовать за кандидата, исповедующего буддизм, синтоизм, ислам или любую из многочисленных других неиудео-христианских религий в нашей великой, неоднородной стране.

Его ответ был однозначным: «Я бы никогда этого не сделал, я бы никогда этого не сделал из-за того, как они относятся к человечеству... Хотели бы вы президента, который

[322]Рекламное объявление, Jewish Press (Бруклин, Нью-Йорк), октябрь 1984 года.
[323]«On the Record» (телевизионное ток-шоу), продюсер Мэг Лавинь, ведущий Алан М. Дершовиц, WSBK, Бостон, 19 сентября 1988 года.

считал бы, что женщины должны совершать сати и прыгать на погребальный костер своих мужей?»

Я бросил ему вызов: «Это звучит как та самая нетерпимость, в которой вы обвиняли других по отношению к евангельским христианам». Он ответил: «Вы должны понимать, во что верят люди. Аятолла Хомейни развязал войну, в которой погибло миллион человек». Я вмешался: «Но он не говорит от имени всех мусульман. Что, если бы был мусульманин, который согласен с миром и выступает против советской идеологии, но не верит в Иисуса Христа, а верит в Мухаммеда, разве это дисквалифицировало бы его?» Робертсон не отступил: «Если вы убежденный мусульманин, вы верите в Судьбу; вы верите, что Аллах определил судьбу всех людей. Поэтому нет необходимости облегчать участь бедных».

Робертсон исходит из предположения, что все члены той или иной веры обязательно должны верить в самые экстремальные догматы этой веры и, предположительно, действовать в соответствии с ними. Я уверен, что среди мусульманских экстремистов есть те, кто придерживается аналогичных предубеждений по отношению ко всем христианам и евреям. И в каждой религии достаточно экстремальных догматов и практик, чтобы критики могли указать на некоторые из них, которые могут показаться несовместимыми с современными ценностями.

Действительно, классический приём как антисемитизма, так и антихристианства заключается в том, чтобы вычленять из Ветхого и Нового Заветов библейские предписания, которые, вырванные из контекста, кажутся странно неуместными в современной жизни. Суть антикатолической кампании, развязанной против Джона Кеннеди, заключалась в утверждении, что все католики должны быть более преданы Риму, чем Вашингтону. Эта фанатичная кампания провалилась, потому что большинство американцев настаивают на том, чтобы судить людей по их личным убеждениям, а не по ортодоксальным догматам церкви, в которой они исповедуют свою веру или в которой родились.

Робертсон признает, что для большинства христиан и евреев религиозные убеждения и практики, как правило, носят индивидуалистический характер. И он готов голосовать за представителей этих конфессий, основываясь на их собственных взглядах. Но, по-видимому, он не понимает, что подобные различия существуют и среди американцев неиудео-христианского происхождения. Именно в этом и заключается его предвзятость — буквально предубеждение.

Мы станем гораздо более богатой нацией, когда станем достаточно зрелыми и уверенными в себе, чтобы избирать президентом любого квалифицированного американца, независимо от его религии или расы. Наша Конституция требует, чтобы «никакие религиозные испытания никогда не требовались в качестве квалификационного условия для занятия какой-либо должности», и предусматривает, что вместо «присяги» может быть принесено «подтверждение»[324].

Пэт Робертсон, заявляющий о своей верности первоначальному замыслу отцов-основателей, должен следовать духу Конституции. Обусловливать готовность голосовать за американца его или её религиозной принадлежностью — это просто не по-американски.

Меня также не убеждает утверждение Робертсона о возведении евреев в особый статус толерантности. Во-первых, я не уверен, что верю ему, когда он говорит, что проголосовал бы за кандидата в президенты еврейского происхождения. Всего

[324]Действительно, последние президенты, включая Джорджа Буша, нарушали прямо предусмотренные Конституцией положения, добавляя четыре несанкционированных слова — «да поможет мне Бог» — к президентской присяге, предписанной Конституцией.

несколько лет назад Робертсон заявлял, что хочет президента, который спас бы Верховный суд от влияния нехристиан. Во-вторых, я твердо убежден, что любой, кто придерживается столь предвзятых и стереотипных взглядов на любую религию — ислам, буддизм, синтоизм — должен придерживаться столь же стереотипных взглядов и на иудаизм. Те, кто сегодня выступает против одной религии, вполне могут завтра выступить против евреев.

Это недавно продемонстрировал показательный эпизод, в котором Робертсон сыграл свою роль, выявивший, насколько хрупка коалиция между христианскими и еврейскими правыми. Эпизод возник из экранизации 1988 года романа Никоса Казандзакиса «Последнее искушение Христа». Хотя автор книги был греческим православным, а режиссер фильма, Мартин Скорсезе, — католиком, влиятельные элементы христианских правых обвинили евреев в создании якобы кощунственного фильма. Преподобный Джерри Фолвелл, Дональд Уайлдмон и Р.Л. Хаймерс-младший участвовали в этой оргии неправильно направленного антисемитизма. Сосредоточившись на том факте, что некоторые руководители материнской компании Universal Films оказались евреями, Фолвелл предупредил, что распространение фильма может породить антисемитизм. Уайлдмон призвал оказать давление на «нехристианских» чиновников, управляющих Universal. Хаймерс резко осудил «членов еврейской общины, которые поддерживают или финансируют фильм»[325].

Когда Антидиффамационная лига (ADL) попросила преподобного Пэта Робертсона осудить эти проявления антисемитизма, Робертсон ответил, что лучший способ положить конец этим обвинениям — это чтобы ADL «оказала свое влияние на Лью Вассермана и других в MCA (материнской компании Universal), чтобы устранить это оскорбление христианства до того, как начнутся проблемы»[326]. Еврейской общине не следует выпрашивать осуждения антисемитизма у своих «друзей».

В 1990 году Робертсон выпустил информационный бюллетень, в котором подчеркнул, что «все руководители» материнских корпораций, выпустивших фильм, «являются евреями». Робертсон предупредил — или пригрозил? — что «если еврейская община будет настаивать на удалении христианских символов и обычаев из нашего общества, рано или поздно последует масштабная христианская реакция»[327].

Робертсон постоянно предостерегает евреев от провоцирования антисемитизма требованиями равенства, поскольку они представляют собой лишь «небольшое, находящееся в трудном положении меньшинство», нуждающееся в поддержке христиан для выживания[328].

Причина, по которой послание Робертсона нельзя игнорировать, заключается в том, что он по-прежнему является влиятельной силой в христианском правом движении — несмотря на его сокрушительное поражение на президентских выборах в США — и его послание евреям состоит в том, что мы действительно являемся гражданами второго сорта, имеющими право на терпимость со стороны христианского большинства, но не имеющими права требовать равенства в «христианской Америке».

Робертсон утверждает, что «эта страна была основана на иудео-христианских принципах» и что христиане и евреи — единственные люди, «подходящие» для

[325]Эл Джин Харметц, «Фильм о Христе вызвал пикеты, и архиепископ предсказывает цензуру», New York Times, 21 июля 1988 г., стр. C19.
[326]Питер Штайнфельс, «Робертсон подвергается критике за свой фильм», New York Times, 24 августа 1988 г., стр. 15.
[327]Пэт Робертсон, «Взгляд Пэт Робертсон: специальный доклад для членов «Клуба 700»» (Вирджиния-Бич, Вирджиния: «Клуб 700», 1990).
[328]Там же.

управления Америкой, — являются «партнерами» в американском предприятии[329]. Но он настаивает на том, что христианское большинство является старшим партнером, а еврейское меньшинство сохраняет свою долю в партнерстве только в том случае, если оно не отталкивает христианское большинство. Это, конечно, просто еще один способ предположить, что мы — терпимые гости в чужом доме. Гость не имеет права требовать от хозяина убрать христианские религиозные символы из своего дома. Но если все люди, живущие в доме, имеют равный статус, никто не имеет права навязывать свои религиозные символы другим. Если Робертсон прав относительно относительного статуса христиан и евреев в Америке, то вытекающие из его предпосылки последствия естественным образом следуют из его высказывания. Нам следует вернуться к отношению наших бабушек и дедушек «шанда фур де гоим», страху оттолкнуть наших христианских хозяев.

Только если Робертсон ошибается — только если мы являемся равноправными партнерами в Америке наряду с христианами, буддистами, синтоистами, атеистами и другими; только если в американском предприятии нет старших и младших партнеров — мы имеем право требовать равенства во всех аспектах американской жизни. А равенство означает, что религиозные символы ни одной группы не должны получать одобрение правительства.

Некоторые лидеры религиозных консерваторов, защищая обязательные школьные молитвы, утверждают, что любой ребенок, чья религия оскорблена содержанием официальной молитвы, может просто выйти из класса. Почему же эти лидеры не могут просто сказать своим последователям «выйти» из кинотеатра, если их религиозные чувства оскорблены? Ответ ясен и пугающ: в глубине души эти религиозные лидеры считают, что как христиане они принадлежат к этому сообществу и не обязаны его покидать, а как евреи мы не принадлежим ему и нас могут попросить уйти, если нам не нравится то, что происходит в их школах, театрах или стране. Как откровенно выразился судья Бревард Хэнд: «Члену религиозного меньшинства придется выработать более толстую кожу». Это было сказано в контексте молитв в государственных школах. Но христианские консерваторы не желают вырабатывать «более толстую кожу», даже когда речь идет о фильмах частного производства, которые никто не заставляет их смотреть. Эта точка зрения составляет суть терпимости в отличие от равенства.

А терпимость означает гражданство второго сорта, в отличие от гражданства первого сорта. Именно поэтому американские евреи и другие, обеспокоенные сохранением разделения церкви и государства, должны бороться против любых связей между религией и государством. Именно поэтому Норман Подхорец не выражает мнение американских евреев, когда говорит, что он «не особенно увлечен молитвой в школах», потому что немного христианской молитвы не повредило ему в школьные годы. Подхорец не понимает, что в своей школе, в те времена, он был гражданином второго сорта, и он это знал. Именно поэтому ни он, ни его родители никогда не думали жаловаться на столь очевидное нарушение его конституционных прав. Моя мать, которую также заставляли читать католические молитвы в государственной школе в Бруклине, теперь очень возмущена этим принуждением, хотя ни она, ни ее родители тогда не считали, что имеют право жаловаться, потому что они воспринимали себя как гостей в чужом доме[330].

[329]Интервью в рамках программы «On Record».

[330]Обязательная христианская молитва в государственных школах вынудила многих евреев покинуть эти «христианские» школы и перейти в еврейские, лишив их таким образом более плюралистического опыта. Это явление, вероятно, помогает объяснить, почему некоторые правые ортодоксальные христиане

Всякий раз, когда христианские консерваторы пытаются навязать свою религиозную волю — будь то путем цензуры того, что им не нравится, или путем навязывания того, что им нравится, — они посылают сигнал о своем второсортном положении всем американцам, не являющимся христианами.

Например, недавнее решение местных школьных чиновников в округе Хокинс, штат Теннесси, отказать в разрешении на постановку «Дневника Анны Франк» — это опасный признак нашего времени[331]. Рассказ Анны Франк о её последних годах жизни в подростковом возрасте во время Холокоста — одно из самых трогательных и вдохновляющих литературных произведений, с которыми может столкнуться школьник. Это не сугубо еврейская пьеса. И она не только о нацистской оккупации Голландии. Она универсальна по своей привлекательности — это история о семье в кризисе, о любви, о взрослении и о надежде.

Причина, указанная представителями школьной администрации округа Хокинс, заключалась в опасении, что христиане-фундаменталисты захотят равного времени. Равное время для чего? Для пьесы, пропагандирующей Холокост? В «Дневнике Анны Франк» нет ничего, что могло бы оскорбить истинного христианина или любого порядочного человека. Противодействие постановке пьесы отражает лишь самую низменную форму примитивной нетерпимости. Наша Конституция, конечно же, не требует «равного времени» для каждого сумасшедшего, который пытается ответить на порядочность своей собственной непристойностью.

Сама концепция «равного времени» вызывает тревогу. Если пьеса является религиозным произведением, её вообще не следует ставить в государственных школах. Предоставление «равного времени» другим религиям не будет решением проблемы.

Дневник Анны Франк не является религиозным произведением, как и «Моби Дик», «Хижина дяди Тома» или «Алая буква». Огромное разнообразие населения нашей страны требует, чтобы все учащиеся были знакомы с опытом различных групп населения. Белые христианские дети должны узнавать об опыте еврейских детей во время Холокоста, о чернокожих детях в рабстве, о детях японского происхождения во время интернирования во время Второй мировой войны, о детях коренных американцев в период их истребления и о других группах во времена кризисов. Такое обучение должно происходить не во имя «равного времени» для всех религий, а во имя качественного образования. Ни одна группа родителей не должна иметь права препятствовать образованию детей других людей или требовать — в качестве ответной меры — равного ознакомления их с религиозными доктринами христианского фундаментализма. Уже само по себе плохо, что эти родители могут лишать своих собственных детей необходимых образовательных инструментов для адаптации к многообразному обществу, в котором они будут учиться. Это уже перебор — давать им право вето на образование остальных наших детей.

Будущее еврейства в Америке лучше всего обеспечит атмосфера правительственного нейтралитета. Если мы не хотим, чтобы правительство указывало нам, что мы можем, а что не можем делать, то мы не должны просить правительство оплачивать наши расходы. Правительство не поддерживало еврейские религиозные институты, когда мы, как община, были относительно бедны. Тем не менее, наши институты выстояли и даже процветали. Теперь, когда мы можем позволить себе оплачивать свои расходы самостоятельно, мы, конечно же, не должны просить подачек,

выступают за молитву в государственных школах: они хотят вытеснить евреев из государственных школ в еврейские иешивы.

[331]«По всей стране: в школе в Теннесси поставили пьесу об Анне Франк», New York Times, 22 ноября 1986 г., стр. 8.

тем более что правительственные подачки всегда сопровождаются условиями. Некоторые еврейские религиозные институты исчезнут в результате правительственного нейтралитета. Но такова природа свободного общества. Если мы хотим, чтобы институт выжил, мы должны — и мы будем — оплачивать его.

Каждая община делает выбор в отношении приоритетов. Вчера еврейские больницы казались жизненно необходимыми. Сегодня же, похоже, необходимость в том, чтобы эти больницы оставались под официальным еврейским покровительством, уменьшилась, поскольку они обслуживают все сообщество. Еврейские благотворительные организации постоянно переосмысливают свои приоритеты. Этот процесс будет продолжаться. Но крайне важно, чтобы частный еврейский сбор средств продолжал поддерживать еврейские учреждения, а также другие важные дела.

Благотворительность — это одновременно и форма самопожертвования, и форма самозащиты. Первое очевидно, но второе также важно. Поддерживая наши религиозные институты, мы защищаем их от государственного вмешательства и контроля.

Соединенные Штаты — одна из немногих стран в истории мира, где нет официально установленной религии, ни в теории, ни на практике. Даже в коммунистических странах атеизм был «установлен» как официальная доктрина. В Польше до недавнего времени существовали две официально признанные «церкви», каждая из которых боролась за первенство: коммунизм и католицизм. Поэтому неудивительно, что диссидентские движения в Польше в основном возникли внутри католической церкви или получили её одобрение.

Неслучайно истинный золотой век галут-еврея — еврейства за пределами Израиля — пришелся на страну, где нет поддерживаемой государством церкви. Нам приходилось бороться здесь с неофициальной антиеврейской риторикой, и нам придется продолжать эту борьбу. Наш правовой статус кажется стабильным, по крайней мере, пока, несмотря на некоторые недавние судебные неудачи. Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить его таким, особенно по мере того, как наша численность сокращается по сравнению с другими. Мы должны настаивать на том, чтобы к нам относились — и чтобы мы сами относились к себе — как к гражданам первого класса. В тот момент, когда мы принимаем более низкий статус — как это сделал Норман Подхорец, когда он принял христианские молитвы в своей государственной школе — мы приглашаем других считать нас гражданами менее высокого класса.

Может показаться крайне абстрактным утверждение, что лучшей гарантией сохранения власти и успеха является правительственный нейтралитет. Более конкретным будет рассматривать государственную щедрость как признак власти и успеха. Но в данном случае абстрактное более реалистично, чем конкретное — долгосрочная перспектива важнее краткосрочной. Давайте сохраним высокую стену разделения в Соединенных Штатах, настаивая при этом на нашем праве исповедовать свои религиозные убеждения без какой-либо помощи или препятствий со стороны нашего правительства. Будущее евреев и иудаизма в Америке может зависеть от стены разделения церкви и государства, воздвигнутой протестантами более двухсот лет назад для защиты протестантов.

Эпилог

Прошлое и будущее

Большая крытая веранда выходила на пруд Менемеша. Вдали виднелись рыбацкие лодки, разгружающие свой улов. Визуально это была сцена со страниц Хогарта. Но звуки были несколько диссонансными. С веранды доносились знакомые слова и мелодия субботнего киддуша. Восемь мужчин, всем им было около пятидесяти лет, пели в унисон. Их жены стояли рядом, ожидая, чтобы сказать «аминь» и выпить вина. Мне стало интересно, слышат ли нас новоанглийские рыбаки, когда мы громко скандировали: «Потому что Ты избрал нас и освятил нас из среды всех народов».

Мы пели только на иврите. В этом одно из преимуществ ортодоксального воспитания: поскольку вы никогда не молитесь на английском языке, меньше приходится сталкиваться с истинным смыслом того, что вы поете. Слова на иврите, как и знакомые тексты рок-песен, редко проникают в ваше сознание. Сама их знакомость, а также сопровождающая их мелодия, вызывают теплое чувство — иногда даже слезу — эмоций и ностальгии.

Некоторым из нас было бы неловко произносить эти слова по-английски — слова, которые наводят на мысль о концепции «избранного народа» в иудаизме. Другим же, возможно, было бы комфортнее принять эту концепцию, понимая, что она отражает обоюдоострый меч ответственности и бремени.

Восемь мужчин средних лет, хором скандирующих киддуш на острове Мартас-Винъярд, выросли вместе в районе Боро-Парк в Бруклине. В 1950-х годах мы стали проводить Новый год вместе по необходимости. Когда мы были подростками, родители не разрешали нам ходить на свидания, особенно в новогоднюю ночь. Поэтому мы устраивали вечеринки, обычно у кого-нибудь из нас дома, где могли танцевать под мелодии «Your Hit Parade», пока бдительный родитель следил за нами на безопасном расстоянии.

Традиция проводить Новый год вместе продолжается уже почти сорок лет. Практически каждый Новый год своей взрослой жизни я провожу в компании своих друзей из Боро-Парка. Я прилетаю издалека — из Европы, Карибского бассейна, Западного побережья — чтобы попасть на нашу ежегодную вечеринку. В течение года мы иногда собираемся вместе — на семейных свадьбах, бар-мицвах и бат-мицвах, и все чаще — на похоронах родителей. Но до недавнего времени центром нашей долгой дружбы была ежегодная встреча в канун Нового года.

Однако в последние несколько лет наши встречи стали более частыми и продолжительными. Мы проводили вместе «ностальгические выходные» в отеле «Конкорд» в горах Катскилл или в Атлантик-Сити.

Действительно, одни из таких выходных стали темой колонки «О мужчинах» в журнале New York Times Magazine. Я описал, как *парни играли в баскетбол один на один и в «лошадку» (даже те, кто в детстве ненавидел баскетбол). Мы рассказывали истории и мы гадали, почему наши потерянные подростковые чувства оказывают такое магнетическое притяжение.*

«Это были худшие дни моей жизни», — признался один из парней, который раньше говорил высоким голосом. Внезапно мы все погрузились в размышления. Мы признали, что наша юность была ужасной. Под звуки музыкального произведения «Любовь — это многогранное явление» другой рассказал, как он боялся медленных танцев, потому что во время фокстрота у него всегда заметно набухал член (уж точно не из нашей юности). Другой шокировал нас всех, трезво признавшись, что у него набухал член только один раз

за всю юность, но затем заверил нас, похвастaвшись: «Это началось, когда мне было 12, и продолжалось до 21 года».

Я вспомнил один из самых унизительных моментов в своей жизни. Наступило время выпускного бала, и девушки (они действительно были девушками, а не молодыми женщинами, как покажет дальнейшая история) создали комитет из трех человек, в который парни должны были подавать заявки на свидания. Я же присматривался к симпатичной блондинке из соседнего района (я надеялся, что ее удаленность убережет ее от того, чтобы она узнала о моей сомнительной репутации среди местных родителей).

Когда я подошел к комиссии и застенчиво произнес «Карен», все три арбитра рассмеялись. «Разве ты не знаешь, — упрекнул меня самый грубый, — что Карен в списке A, а ты в списке C? Ты можешь выбирать только из списков C или D». Я с облегчением узнал, что есть список ниже моего, но был шокирован, увидев свой официальный рейтинг. Я пошел на выпускной бал один и танцевал со своей кузиной, которая тоже была в списке C. Возможно, это был генетический дефект; у нас обоих было слишком много прыщей.

Это были ужасные годы, все семеро из нас, присутствовавшие на трибуне, с этим согласились. Это были годы сомнений в себе, сексуальной вины без сексуального удовольствия, страхов и перемен. Прежде чем ты комфортно вступал в один этап, ты уже вступал в другой, более опасный. Они появлялись словно по расписанию, как начало сезона йо-йо, шариков или невнятных игр.

Почему же мы так упорно пытаемся вспомнить самый несчастный период нашей жизни? Почему наша коллективная память нас подводит? Иногда мне кажется, что я ностальгирую по чьей-то счастливой юности...

Когда мы с приятелями закончили общение в «Конкорде», мы встретили своих жен и рассказали им о нашей игре, переросшей в обсуждение. (Мужчины — по крайней мере, мои друзья и двое сыновей — склонны разговаривать друг с другом наиболее открыто, когда делают что-то вместе, а не сидят напротив за столом, где наши взгляды могут встретиться.) Наши жены — большинство из которых знали нас еще подростками — согласились, что мы тогда были довольно занудными, но гордились тем, что смогли разглядеть за внешними недостатками те, которые низвели нас до уровня «третьей пятерки». «Вам не нужно покупать вещи из 1950-х в магазине, — пошутила одна из жен, — вы же ходячие сувениры». Другая повторила старую фразу: «Мне удалось вытащить мужа из 50-х, но я не могу вытащить 50-е из него»[332].

На этот раз мы собирались вместе целую июльскую неделю. Мы с женой пригласили всю группу — мужчин, их жён и всех детей, которые смогли приехать, — в наше место летнего отдыха на острове Мартас-Винъярд. Это был особый случай. Мы отмечали свой пятидесятый день рождения вместе. Мы будем помогать друг другу преодолевать этот переходный период середины века.

Мы сформировали свою группу еще в подростковом возрасте. Тогда мы были очень близки, словно бежали стаей. Мы оставались близки и во время учебы в колледже, и до двадцати с небольшим лет. Затем мы несколько отдалились друг от друга, хотя и не забывали ежегодно собираться на Новый год. Но примерно двадцать лет между двадцатью пятью и сорока пятью годами мы посвятили воспитанию собственных семей. Сейчас почти все наши дети уже в студенческом возрасте или старше. Большинство из них уже выросли и уехали из дома. Наши гнезда опустели, и поэтому мы стали больше общаться друг с другом. У всех нас есть другие друзья в наших сообществах — возможно, в каком-то смысле даже более близкие друзья. Родители друзей наших детей, наши

[332]Алан М. Дершовиц, «О мужчинах: коллективное подростковое детство», New York Times Sunday Magazine, 31 мая 1987 г., стр. 46.

коллеги по работе, парни, с которыми мы играем в мяч или выпиваем — все они важны для нас.

Но, помимо этого, у нас есть наши старые друзья, которые играют особую роль в нашей жизни. Мы вслух размышляли о том, почему эта группа стала для нас намного важнее, когда нам исполнилось пятьдесят, и спрашивали себя, почему она казалась более важной для некоторых из нас в определенные периоды нашей жизни. В конце концов, мы решили, что в мире непрерывных перемен, новых впечатлений и постоянных испытаний важно иметь отправную точку. И эта группа — с ее общими воспоминаниями — послужила этой отправной точкой.

Наши жёны — шесть из них были первыми возлюбленными в юности, а две, включая мою, были несколько моложе — были разного возраста (хотя все с разницей не более десяти лет). Мы, парни из Боро-Парка, были одного возраста, потому что познакомились в одном классе начальной школы.

Из-за схожести нашего религиозного образования и происхождения, мы начали жизнь с практически одинаковым уровнем религиозной практики. Мы все были ортодоксальными, но придерживались либеральных взглядов. Мы следовали букве закона, но в минимально необходимой степени. Например, мы не включали свет в Шаббат, но использовали автоматические таймеры, которые выполняли за нас «работу».

Уровень нашей религиозной практики определялся не священными книгами или святыми людьми, а скорее обычаями общины. Религиозные решения принимались на основе соответствия, а не теологии. Наша община всегда стремилась сделать соблюдение религиозных обрядов максимально простым и совместимым с требованиями. Некоторые из 613 мицвот — религиозных обязанностей — просто игнорировались без объяснений. Несмотря на тщетные попытки раввинов добиться соблюдения всех этих заповедей и несмотря на равную теоретическую важность каждой из них, со временем сформировалась определенная практическая иерархия. Например, ношение ермолки не входит в число 613 обязанностей. Но она стала настолько важной частью религиозной традиции, что фактически определяет носящего её человека как ортодокса.

С другой стороны, предписание не носить одежду, в которой смешаны лён и шерсть — технический термин для запрещенной смеси — шатнес — гораздо важнее. Теоретически, оно стоит в одном ряду с запретом на смешивание молока и мяса и с требованием употреблять в пищу только кошерную пищу. Но в моей ортодоксальной общине законы о шатнесе практически игнорировались. Даже в ортодоксальном районе Боро-Парк мы — или те, кто негласно формировал наше мнение — выбирали, какие религиозные обязанности соблюдать, а какие нет.

Я упоминаю о сходстве в уровне нашей религиозной практики в детстве из-за относительных различий сейчас. Каждый из нас женат на еврейке. Мы все твердо привержены иудаизму и считаем себя убежденными сторонниками Израиля. Мы все посещаем синагогу, но частота посещений варьируется от ежедневного до еженедельного и до шести раз в год. Некоторые из нас соблюдают кашрут, другие содержат дома в соответствии с кашрутом, но едят некошерную пищу «вне дома». Некоторые вообще не соблюдают кашрут. Некоторые ездят верхом в субботу, другие — нет. Некоторые из наших детей посещали — и до сих пор посещают — еврейскую религиозную школу; другие никогда ее не посещали. (На пляже на Мартас-Винъярд есть нудистская зона, куда ходили некоторые пары. Это побудило одну из женщин, которая собирала нам обеды, разделить нас на группы: «Здесь — нудисты, соблюдающие кашрут! Там — нудисты, соблюдающие некошерную пищу!»).

Эта неделя, проведенная вместе — первая в нашей долгой дружбе — должна была стать своего рода проверкой нашей терпимости к разным уровням религиозной

сознательности друг друга. Большинство из нас были несколько скептически настроены и в первые несколько дней довольно неуверенно себя вели. Мы никогда прямо не обсуждали уровни нашей сознательности, но вскоре они стали ясны, особенно по мере приближения Шаббата. Негласные правила сформировались без единого слова. Когда мы ходили куда-нибудь поесть, никто не заказывал некошерные блюда. Это имело смысл с практической точки зрения, потому что мы все любим обмениваться едой — пробовать блюда друг друга. Одно некошерное блюдо создало бы проблемы. В Шаббат те, кто ехал на машине, отправлялись на пляж, а остальные оставались дома или шли в город пешком.

Степень взаимной терпимости достигла своего юмористического апогея в воскресенье днем, когда сын самой кошерной из пар вернулся с подводного плавания с двумя живыми лобстерами, которых он поймал. Его мать выразила сочетание родительской гордости за достижение сына и религиозной озабоченности тем, чтобы он не стал язычником. Мы все смеялись, когда молодой ныряльщик обучал некошерные пары тонкому искусству приготовления этих «мерзостей» в качестве полдника. Кошерные дети собрались вокруг, испытывая смесь благоговения и отвращения, наблюдая, как другие варили, разламывали и пожирали этих чудовищ. Один из кошерных детей заявил: «Это все заговор наших родителей, чтобы мы никогда больше не захотели есть лобстеров».

Мы много говорили о наших детях и о том, какими евреями — и людьми — они, вероятно, станут. Даже самые ортодоксальные из нас беспокоились — это еще мягко сказано — что их дети вступят в брак с неевреями или откажутся от веры. Мы задавались вопросом, есть ли какой-либо способ гарантировать, что дети сохранят определенный уровень соблюдения еврейских традиций или преданности им, если не прибегать к тоталитарному подходу некоторых ультраортодоксальных сект. Мы спрашивали себя, можем ли мы привить нашим детям чувство личной ответственности и индивидуального религиозного выбора, гарантируя при этом, что они будут осуществлять эту ответственность и выбор в истинно еврейском духе. Мы все согласились, что никаких гарантий нет — только надежды, взращиваемые образованием и ценностями.

Все в группе согласились, что с возрастом наша дружба стала для каждого из нас важнее. Любое конкурентное преимущество, существовавшее в начале наших совершенно разных карьер, теперь, кажется, исчезло. Мы никогда не говорим о деньгах и не сравниваем свои успехи.

У нас мало общего в профессиональной деятельности, как и у наших жен. Большинство из нас — либеральные демократы, но есть пара республиканцев и как минимум один неоконсерватор.

Наши разговоры, как правило, сосредоточены на нашем общем опыте: нашем прошлом, наших детях, изменениях в нашем теле (бифокальные очки были одной из главных тем нашего пятидесятилетия; мы предсказали, что простата будет в числе главных тем на шестидесятилетие).

Мы так хорошо знаем друг друга — особенно наши слабости и уязвимости — что никому не сходит с рук чепуха. Мы вместе прошли через столько испытаний, этапов и кризисов, что, по сути, представляем собой долгосрочные исследования друг друга. Для меня удивительно, что наша группа существует так давно и остается такой сплоченной, несмотря на то, что никто из ее членов сейчас не живет в Бруклине или вообще в одном городе с кем-либо из нашей группы.

Сидя на веранде дома на Мартас-Винъярд и записывая эту главу, я видел рыбацкие лодки на пруду Менемша, но звуки субботнего киддуша затихли. Мои друзья ушли, и я остался наедине с воспоминаниями о невероятно важной неделе, проведенной вместе. Возможно, вы не можете вернуться домой, но вы можете привнести частичку дома —

даже своего самого старого дома — в свою жизнь. Мои старые друзья делают это для меня.

Этот визит оставил у меня не только трогательные воспоминания о моей ортодоксальной юности, но и сложные размышления о будущем иудаизма и о моей еврейской идентичности. За неделю, проведенную вместе, я чувствовал себя таким же евреем, как и любой из моих друзей. Действительно, среди всей группы я был из самой религиозной среды. По иронии судьбы, тот, кто был из наименее религиозной среды, теперь оказался самым ортодоксальным. Как и в нашей юности, уровень соблюдения традиций в равной степени зависит как от местных обычаев, так и от богословских убеждений. Но теперь все было иначе, потому что каждый из нас переехал в свою нынешнюю общину с ее другими обычаями. Жизнь в Вест-Хемпстеде, штат Нью-Йорк, означала соблюдение определенного уровня религиозным традиций. Жизнь в Кембридже, штат Массачусетс, означала нечто совершенно иное.

Обсуждая различные аспекты нашей еврейской идентичности, я вспомнил историю, которую рассказывал на семейном юбилейном собрании, о том, как члены общины никак не могли определиться, стоять им или сидеть во время чтения Шма Исраэль, и о дополнении моей матери к этой истории: по крайней мере, все они читают Шма Исраэль. В условиях часто хаотичного разнообразия внутри иудаизма в отношении практик и уровней соблюдения, в конце концов, существует широкий консенсус относительно некоторых основополагающих принципов. Эти принципы могут не включать ежедневное чтение Шма или какие-либо другие конкретные обряды, но они так же реальны, как любые практики или молитвы. Определить эти принципы может быть сложно, но мы узнаем их, когда видим и слышим. Большинство из них — это негласные предположения, подобные тем, которые разделяем я и мои друзья из Боро-Парка. Они выросли из общего исторического опыта еврейского народа, как древнего, так и современного. Они выросли из общих ценностей, хотя средства достижения этих ценностей могут быть предметом серьезных споров. Они возникли из общей заботы о выживании Израиля, о спасении еврейских общин, находящихся в опасности, о выживании иудаизма. Это наши Шмас.

Мои друзья понимают мою еврейскую идентичность — мою приверженность еврейским политическим идеям в сочетании с избирательным отношением к соблюдению религиозных обрядов. Они не осуждают меня, поддерживая мои действия, хотя они и сильно отличаются от того, что делают некоторые из них. Как сказал один из моих приятелей: «Ты всегда был бунтарем и задирой в детстве. Зачем тебе меняться в среднем возрасте?» Что ж, я действительно меняюсь — по крайней мере, немного — приближаясь к пятидесяти годам. Мои вопросы остаются теми же, но некоторые ответы меняются, по крайней мере, в нюансах.

Неделя, проведенная с друзьями детства на острове Мартас-Винъярд, напомнила мне, как быстро летит жизнь. Еще вчера мы дразнили учителей в начальной школе. А теперь, спустя полжизни, мы все еще полны дерзости, но немного менее уверены в своих ответах. Я надеюсь сохранить некоторые из этих дерзких качеств юности — часть бруклинской дерзости — продолжая сталкиваться с вечными вопросами, присущими американскому еврейству и американскому еврею.

Размышляя над этими вопросами и над тем, как мы с друзьями продолжаем с ними бороться, я обнаруживаю перед собой перспективу еврейского будущего, которое всегда бросало вызов любым прогнозам. Я начал эту книгу с указания на глубокие, но совершенно непредсказуемые изменения в природе еврейской жизни, смерти и существования за последнее столетие. В духе дерзости я заканчиваю её, предлагая несколько предварительных прогнозов относительно ближайшего будущего

американского еврейства. Даже дерзкий человек не осмелился бы предсказать наше долгосрочное будущее.

Мы продолжим жить в этом самом неудобном временном измерении — «между тем». Еврейская жизнь в Америке не будет ни такой стабильной, как нам бы хотелось, ни такой нестабильной, какой она была исторически. Хотя мы будем продолжать наблюдать внешние проявления примитивного антисемитизма — граффити со свастикой, письма с угрозами и словесные оскорбления — это не будет отражать общественное мнение. Некоторые влиятельные деятели, такие как Патрик Бьюкенен, будут по-прежнему нечувствительны к еврейским проблемам, но такая нечувствительность скорее уменьшит, чем усилит их общее влияние. Бьюкенен останется влиятельным, несмотря на свой антисемитизм, а не благодаря ему. Социальный и экономический антисемитизм будет продолжать ослабевать, поскольку евреи становятся все больше похожими на другие группы. Антисемитизм станет менее приемлемым среди чернокожих лидеров, поскольку они поймут — и мы поможем им это понять — что нечувствительность к еврейским проблемам губительна для успеха на выборах во многих частях страны. Политики афроамериканского происхождения, чутко относящиеся к проблемам еврейского населения, будут и дальше избираться при поддержке евреев, а политики афроамериканского происхождения, придерживающиеся антисемитских взглядов или стремящиеся заручиться поддержкой антисемитов, будут и дальше терпеть поражение при противодействии со стороны евреев.

Наибольшие угрозы выживанию еврейского народа возникнут в Израиле, поскольку поддержка еврейского государства со стороны Америки будет колебаться. В политическом плане для американских кандидатов на государственные должности станет более приемлемым «беспристрастное» отношение к Израилю. А американская «беспристрастность» перед лицом поддержки ООП со стороны Европы и стран третьего мира может оказаться катастрофической для безопасности Израиля. Физическая угроза — в отличие от моральных и медийных угроз — для Израиля будет исходить не от ООП, а от арабских государств и исламского фундаментализма.

Антисионизм заменит антисемитизм как основное проявление антиеврейских настроений и чувств. Мы также продолжим сталкиваться с новым видом иудеопатии — негодованием по поводу успехов евреев, злорадством по поводу нашей неспособности достичь совершенства, которого мы часто требуем от себя и которого другие требуют от евреев и еврейского народа. С антисионизмом будет гораздо сложнее бороться, особенно учитывая, что американские евреи имеют очень мало влияния на растущий консерватизм израильской внутренней и внешней политики. Америка, конечно, также становится более консервативной во внутренней и внешней политике. Тем не менее, консервативные американцы чувствуют себя совершенно комфортно, ругая осажденный Израиль за его нежелание идти на тот риск для своей безопасности, на который, похоже, не готова пойти Америка-крепость — окруженная двумя океанами и не имеющая могущественных врагов — в интересах мира во всем мире. Вот это хуцпа!

Примечательно, что Израиль впервые за последнее время получил поддержку общественности в результате ракетного обстрела со стороны Ирака, не сопровождавшегося немедленным ответным ударом. Образ еврейского государства как жертвы гораздо более приемлем для многих в мире, чем образ еврейского государства как воина, агрессивно защищающего свое население[333]. Поддержка Израиля уменьшится

[333]«По сути, со времен войны Судного дня, которая произошла почти 18 лет назад, мир не смотрел на Израиль с таким радушием, вновь видя в нем жертву». Джоэл Бринкли, «Израиль, несмотря на ракетные обстрелы, ожидает политической победы», New York Times, 27 января 1991 г., раздел 4, стр. 1—2. Традиционные антисемиты, такие как «Лобби свободы», отказывались верить в то, что Израиль не был

по мере возвращения к политике агрессивного ответного удара и активной обороны. Невозможно предсказать долгосрочные последствия решающей военной победы коалиции под руководством США над Ираком для Ближнего Востока, за исключением того, что это, вероятно, еще больше дестабилизирует и без того нестабильную ситуацию.

Даже краткосрочные последствия победы Америки остаются неясными. Безусловно, война в Персидском заливе должна показать миру ненадёжность ООП, поддержавшей нападения Саддама Хусейна на невинных мирных жителей. Она также должна подтвердить заявления Израиля о том, что отказ от Западного берега в отсутствие всеобщего арабо-израильского мира поставит под угрозу его безопасность, поскольку большая дальность полёта иракских ракет «Скад» является одной из причин, по которой они не могут быть оснащены химическими или биологическими боеголовками. С другой стороны, уничтожение Америкой сильнейшей арабской армии придаст ей авторитет в призывах к Израилю пойти на определённые риски в интересах регионального мира. Реальная неизвестность заключается в том, поможет ли доверие к Америке со стороны наших арабских партнёров по коалиции убедить Саудовскую Аравию, Кувейт и, возможно, даже Сирию присоединиться к Египту в признании Израиля в рамках общего урегулирования арабо-израильского конфликта. Ещё одна неопределённость — будущее короля Хусейна и его хашимитского правления в Иордании. Если палестинское большинство в Иордании превратит эту непредставительную монархию в палестинское государство, то вся суть израильско-палестинского спора изменится: из конфликта за палестинскую государственность он превратится в спор об оккупации земель, включая густонаселенные районы. В конечном итоге, интересы всех будут соблюдены, если безопасность Израиля будет обеспечена без необходимости контролировать враждебно настроенное население, не являющееся его гражданами.

Одно из главных условий, оставшихся неизменными после окончания войны в Персидском заливе, заключается в том, что ненависть к Израилю сохранится среди многих арабов, а физическая безопасность Израиля по-прежнему будет зависеть от его военных возможностей по разгрому объединенных армий врагов — возможностей, которые по-прежнему будут требовать материальной поддержки со стороны Соединенных Штатов.

Помимо повышения престижа Америки на Ближнем Востоке, война в Персидском заливе также укрепила влияние Организации Объединенных Наций, и особенно Совета Безопасности. Но она лишь доказала, что ООН способна быть справедливой и эффективной в урегулировании внутриарабских и внутриисламских споров. Нет никаких доказательств того, что ООН способна быть честным посредником в арабо-израильском конфликте. Напротив, многолетний опыт говорит об обратном. Тем не менее, давление на Израиль с целью заставить его согласиться на разрешение споров под эгидой Организации Объединенных Наций усилится. Это также усилит давление на Соединенные Штаты с целью заставить их воздержаться от вето в Совете Безопасности на антиизраильские резолюции.

На мой взгляд, американские евреи останутся едиными в ближайшем будущем прежде всего в результате продолжающихся угроз безопасности Израиля. Если «это» когда-нибудь повторится, наиболее вероятным местом будущего Холокоста станет Израиль. Действительно, если военная мощь Израиля когда-либо будет ослаблена до такой степени, что объединенные армии арабского мира смогут его победить, я считаю,

напрямую вовлечен в войну в Персидском заливе. Заголовок в номере журнала Spotlight от 4 февраля 1991 года гласил: «Израильские самолеты атакуют Ирак». Он был перепечатан в номере Post Eagle от 13 февраля.

что произойдет еще один Холокост. Ни один арабский диктатор, который смог бы победить Израиль и воздержался бы от этого, не пережил бы продолжающегося безумия джихада. И арабская военная победа над Израилем — в отличие от израильских побед над арабами — не приведет к простой оккупации или даже задержанию израильских евреев. Она приведет к массовой резне, призванной очистить арабскую «священную» землю от еврейских захватчиков.

Большинство евреев знают об этом, хотя редко говорят об этом открыто. Но, с другой стороны, большинство евреев не говорили открыто о Холокосте ни до его начала, ни во время него, ни в течение нескольких лет после его окончания.

Пока антисионизм свирепствует по всему миру и набирает силу в Америке, евреи в этой стране будут оставаться едиными в противостоянии этой новой форме антиеврейства. В ближайшей перспективе наша еврейская идентичность будет по-прежнему определяться скорее нашей общей негативной миссией — борьбой с антисионизмом и защитой безопасности Израиля — чем каким-либо позитивным консенсусом относительно сути иудаизма. И мы будем продолжать наблюдать осторожное, элитарное, богатое — зачастую оторванное от реальности — руководство, которое в настоящее время преобладает в большинстве еврейских организаций. Мы также будем наблюдать развитие низовых еврейских организаций, более отражающих популярные еврейские настроения и более готовых действовать решительно в поддержку еврейских институтов.

Мы продолжим наблюдать резкое снижение поддержки Израиля среди студентов колледжей и университетов. Даже после войны в Персидском заливе это снижение очевидно. Например, в Гарвардской юридической школе некоторые студенты из Еврейской студенческой ассоциации юристов выразили обеспокоенность тем, что поддержка Израиля слишком спорна в кампусе, чтобы стать частью повестки дня организации. Эти студенты — лидеры завтрашнего дня, и если эту тенденцию не удастся изменить, это не сулит ничего хорошего для долгосрочных интересов Израиля. Немногие из нынешнего поколения студентов ощутили на себе последствия антисемитизма, и многие считают антисионизм вполне приемлемой политической позицией.

Если бы антисемитизм и антисионизм действительно начали исчезать — что, на мой взгляд, маловероятно, — смогло бы американское еврейство достичь более позитивного консенсуса? В конце концов, одной из основных ценностей современной еврейской общины является противодействие антисемитизму и антисионизму. Антидиффамационная лига была создана на основе борьбы с этими пороками. Само её название имеет негативный оттенок, хотя её работа была чрезвычайно позитивной. Другим крупным еврейским организациям также было бы гораздо сложнее прийти к позитивной программе или консенсусу среди своих различных групп, если бы не наши общие враги.

Леонард Файн любит напоминать нам, что закон защищает от изнасилования, но не от обольщения. Мы пережили — иногда чудом — тысячелетия попыток изнасилования еврейского тела и души со стороны злодеев и чудовищ всех мастей. Попытки обратить нас в свою веру, ассимилировать и истребить мечом нанесли огромный урон, но в конце концов потерпели неудачу. Теперь опасности более коварны: добровольное обольщение, добровольная ассимиляция, преднамеренное отречение. Мы научились — с болью и трудом — бороться с другими. Можем ли мы разработать еврейские методы защиты от собственного успеха?

Пого однажды сказал: «Мы видели врага, и он — это мы!» Как евреи, мы пока не можем позволить себе роскошь видеть себя врагами. Слишком много внешних врагов всё ещё угрожают самому физическому выживанию еврейского народа в Израиле и во всём

мире. Но по мере того, как мы становимся сильнее перед лицом наших внешних врагов, мы должны подготовиться к противостоянию самим себе. Готовы ли мы, американские евреи, требовать того первоклассного статуса, который мы заслужили в Америке и к которому помогли другим приблизиться? Готовы ли мы, американские евреи, настаивать на том, чтобы к нам относились как к первоклассным евреям, а не как к изгнанникам из нашего единственного истинного и нормального дома — Израиля? Ответ на эти вопросы во многом, если не полностью, находится в наших собственных руках. Один вывод несомненен: если мы не будем считать себя первоклассными американцами и первоклассными евреями, никто другой не будет так к нам относиться.

Рингли, 1919 год. Бабушка и дедушка Алана Дершовица по материнской линии со своими детьми (мать Дершовица в центре).

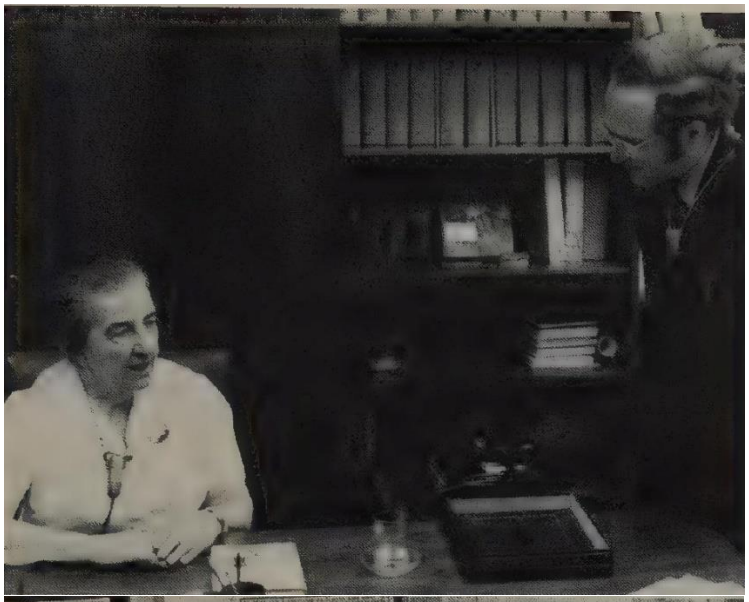
Дершовиц в возрасте одного года, с отцом и матерью, 1939 год.

Семейный портрет Дершовиц, 1939 год. (Алан на руках у матери в правом верхнем углу, его отец в шляпе в левом верхнем углу. Прабабушка Леа сидит впереди, дедушка (во втором ряду с сигарой в руке)).

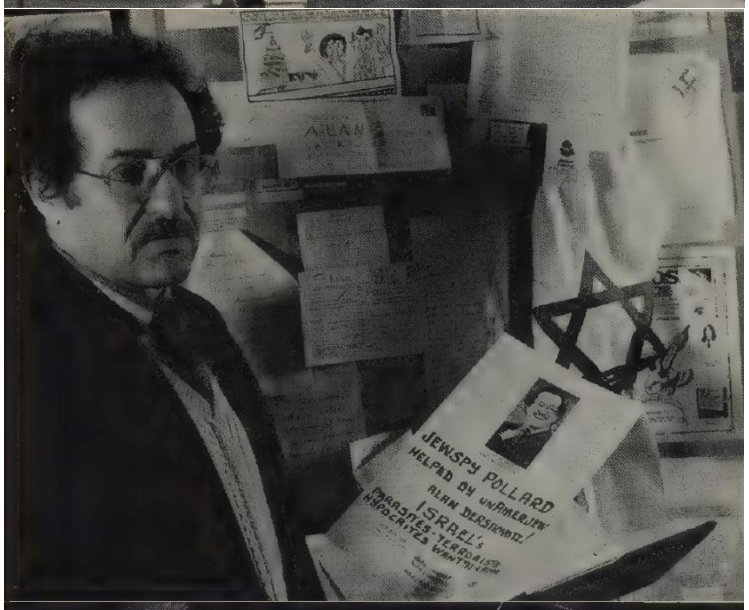
Шесть юношей из Боро-Парка среди выпускников ешивы Эц-Хаим, 1951 год. (Сидят на земле: Хэл Джейкобс, пятый слева; Зол Айзенштадт, четвёртый справа. Сидят на скамейке: Берни Бек, третий слева. В ряду за Беком: Дершовиц, шестой слева; Мюррей Альтман, седьмой слева; Джош Вайсбергер, крайний справа).

Дершовиц с родителями и бабушками на церемонии вручения дипломов в колледже, 1959 год.

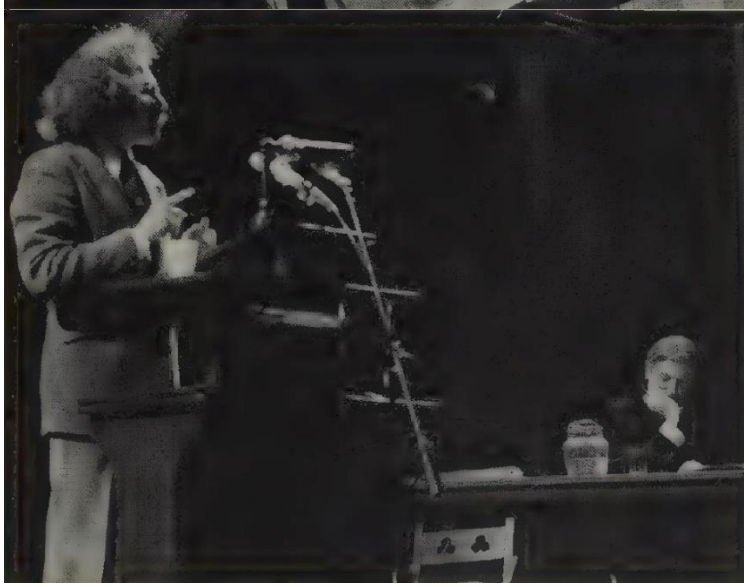
Фотография семьи Дершовиц перед Йом-Киппуром с судьей Артуром Голдбергом (во главе стола) и Дороти Голдберг (слева от него), 1967 год.



Интервью с Голдой Меир для телепередачи PBS «Адвокаты», май 1970 года.

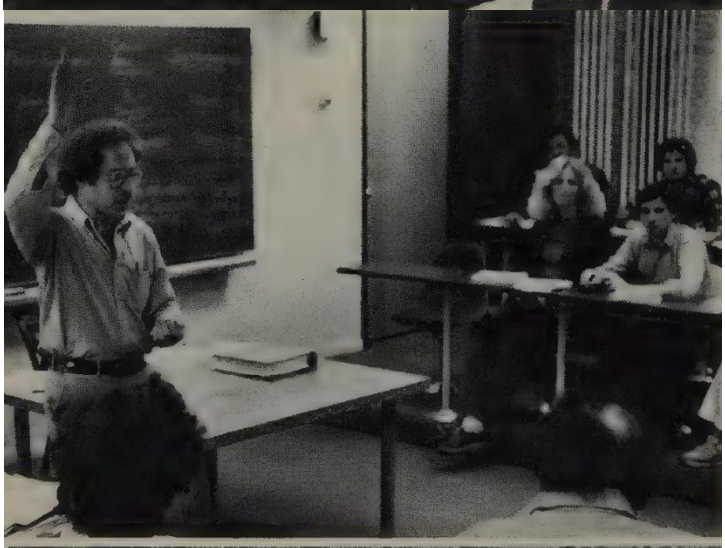


Дершовиц перед дверью своего кабинета, заваленного антисемитскими письмами, 1990 год.



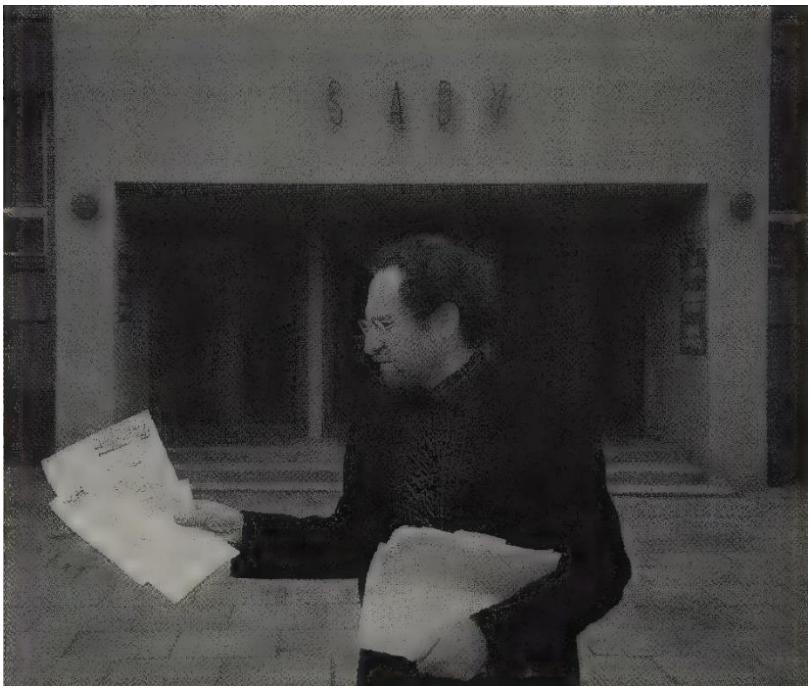
Алан Дершовиц участвует в дебатах с Уильямом Ф. Бакли-младшим в Гарвардском университете весной 1980 года.

Дершовиц и преподобный Джесси Джексон, 1984 год.



Преподавание в Гарвардской школе права, 1982 год.

Непринужденная встреча с Натаном Щаранским в кошерном ресторане Maven's Kosher Court, Кембридж, Массачусетс, 1988 год.

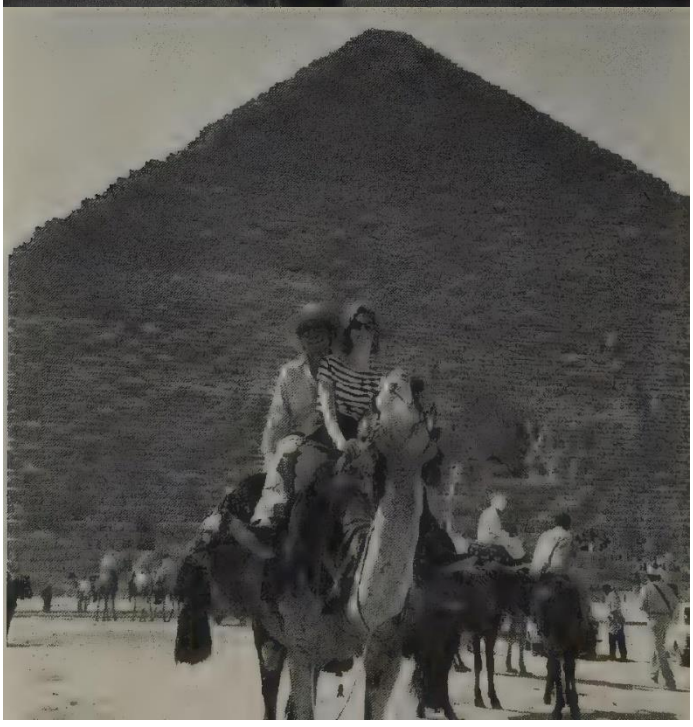


Дершовиц готовится вручить документы по иску кардинала Глемпа, Ченстохова, Польша, 1990 год.

Рассмотрение апелляции владелицы отеля Леоны Хелмсли в государственном суде, Нью-Йорк, 1990 год.

Обсуждение антисемитизма с Михаилом Горбачёвым, Москва, 1990 год.

Алан Дершовиц перед воротами концлагеря Терезин, Чехословакия, 1990 год.



В Египте с женой, Кэролин Коэн.

Илон Дершовиц (слева) и Джамин Дершовиц со своим отцом и его маленькой дочерью Эллой Кайли Коэн Дершовиц, 1990 год.

Алан Дершовиц играет в баскетбол со своим сыном Илоном на заднем дворе, 1983 год.

Празднование пятидесятилетия с друзьями из Боро-Парка на острове Мартас-Винъярд, 1988 год. (Слева направо: Барри Циммерман, Джош Вайсбергер, Алан Дершовиц, Зол Айзенштадт, Герл Мешенберг, Берни Бек, Мюррей Альтман).

На съемочной площадке с Роном Сильвером, актером, сыгравшим его в фильме «Переворот судьбы», 1990 год.